

А. А. ЕРМОЛАЕВ

ОБ УДМУРТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

**ИЖЕВСК
2013**

Министерство образование и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Удмуртский государственный университет»
Факультет удмуртской филологии
Кафедра удмуртской литературы и литературы народов России

А. А. Ермолаев

ОБ УДМУРТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Хрестоматия

Ижевск 2013

УДК 821.1 (470.51)
ББК 83.3 (2 = 664.1) 6
Е 741

*Рекомендовано к изданию
учебно-методическим советом УдГУ*

Рецензент: кандидат филологических наук, заведующий кафедрой истории и теории журналистики *А. Г. Шкляев*

Е-741 Ермолаев А. А.

Об удмуртской литературе: хрестоматия литературно-критических текстов / Составители Н. Г. Ермолаева, Т. И. Зайцева, И. Н. Семенова; отв. за выпуск Т. И. Зайцева. – Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2013. – 292 с.

Хрестоматия представляет собой сборник литературно-критических статей, рецензий, обзоров, публицистических размышлений известного удмуртского критика Алексея Афанасьевича Ермолаева (1934–2006). Кроме того, в хрестоматию впервые включены внутренние издательские рецензии на рукописи книг, а также отзывы на дипломные работы студентов и планы учебных курсов, читавшихся критиком в УдГУ. Издание продолжает задуманную кафедрой удмуртской литературы и литератур народов России серию публикаций под названием «Библиотека удмуртской критики».

Хрестоматия адресована преподавателям, аспирантам, студентам высших и средних учебных заведений, учащимся школ и всем, интересующимся удмуртской литературой и культурой.

УДК 821.1 (470.51)
ББК 83.3 (2 = 664.1) 6

© А. А. Ермолаев, 2013
© ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», 2013

К читателю

Хрестоматия «Об удмуртской литературе» – вторая книга литературно-критических статей известного удмуртского литературоведа и критика Алексея Афанасьевича Ермолаева. Первая книга его трудов вышла на удмуртском языке в 2012 году под названием «Удмурт литературраысь дас дано ним» («Десять выдающихся имен удмуртской литературы»). Обе книги – результат претворения в жизнь идеи заведующего кафедрой удмуртской литературы и литератур народов России Татьяны Ивановны Зайцевой: создать избранную библиотеку статей удмуртских критиков, собранную по страницам газет и журналов, из фондов республиканского радио, телевидения и предназначенную донести до читателя живые голоса творцов минувшей эпохи.

Настоящее издание состоит из статей, написанных А. Ермолаевым на русском языке, которым, кстати, он так же хорошо владел, как и родным удмуртским. Для меня как составителя это пока лишь попытка вместить в один том многочисленные статьи А. Ермолаева о писателях и литературной, а значит – духовной жизни республики. В первой книге были представлены статьи о творчестве лишь десяти писателей в силу ограниченного объема издания. При составлении этой книги также пришлось идти по пути сокращений имен и статей. Однако я надеюсь, что оставшийся не опубликованным богатый материал дождет своего издательского часа, ведь история маленькой литературы отражает историю всей большой литературы и большой страны – России, нашей общей Родины.

Мне отрадно выполнять свой долг перед удмуртским народом – возвращать наследие его достойного сына, беззаветно любившего свой народ, служившего ему своим честным, правдивым словом. Ибо со слова начинается история народа, его духовная жизнь. Присущая Алексею Афанасьевичу литературная прозорливость, безошибочный художественный вкус, точность оценок позволили ему во второй половине двадцатого века влиять на развитие новых тенденций в удмуртской литературе.

Публикуемые в данном издании тексты некоторых статей имеют разночтения с текстами их первой публикации. Это является свидетельством творческих поисков автора, развития его критической мысли. В этой хрестоматии составители стремились показать новые грани деятельности А. Ермолаева: как преподавателя, читавшего студентам УдГУ ряд филологических курсов, как наставника, рекомендовавшего к печати многие студенческие исследовательские работы и искавшего способы их публикации. Для Алексея Афанасьевича было особенно важно сформировать у студентов читательскую культуру, воспитать литературный вкус. При внешней, казалось бы, простоте изложения в его статьях читателю открывается напряженная, эмоциональная и сложная интеллектуальная мысль.

Заинтересованно и ярко писали об удмуртской литературе, ее проблемах писатели Флор Васильев, Владимир Романов, Людмила Кутянова, Петр Чернов, Милитина Гаврилова-Решитько... Я обращаюсь к их наследникам – поддержать прекрасную идею кафедры удмуртской литературы и литератур народов России и собрать литературно-критические высказывания своих знаменитых родственников, подарить читателям их литературно-критическую мысль, что будет способствовать духовному развитию удмуртского народа, соблюдению выработанных им принципов нравственного кодекса.

Как расположить материал в этом сборнике, подсказал сам автор в одной из статей: критику и литературоведу можно придерживаться хронологической канвы, а можно концептуальной. Составитель выбрал второй путь. Цель этого – показать многогранность критического таланта автора, который стремился быть верным истине и страстно желал способствовать развитию удмуртской литературы.

Включенные в хрестоматию статьи не утратили своего значения и актуальности. Это издание адресовано студентам, преподавателям вузов и школ, старшеклассникам и всем, кто интересуется удмуртской литературой.

Нина Ермолаева, вдова, друг, соратник,
последователь **Алексея Ермолаева**

РАЗДУМЬЯ ПЕРЕД КНИГОЙ

<...> На стезю литературной критики я, видимо, попал волею судеб.

После сельской семилетней школы решил поступить в техникум, имея в виду лесной техникум – он был ближе к дому. К тому же там платили стипендию. Попал в Можгинское педучилище – тоже со стипендией. А помогать мне материально было некому. Отец погиб на фронте. Дома – мать да бабушка. В колхозе начисляли трудовни, осенью на них давали немного зерна (по 100–200 г за трудовень), но денег колхозники не видели. В каникулы работал ремонтным рабочим на железной дороге. Также деньгами не больно наживешься. После каникул привозил в педучилище рюкзак картошки. Но рюкзака хватало ненадолго. Хлеба купить в Можге тоже была проблема – его не хватало. Жил от стипендии до стипендии. Нередко и голодал.

В Можге я попал в очень хорошие руки. Никогда не забуду опытного педагога, нашего классного руководителя Дмитрия Ивановича Князева. Он был для нас как отец родной. А преподавателем удмуртского языка и литературы была Екатерина Алексеевна Коновалова – старшая сестра репрессированного в тридцатые годы удмуртского писателя Михаила Коновалова. Вот она многим и многим нам заменила мать добротой своей. Она же вела удмуртские литературный и драматический кружки. Для меня до сих пор загадка: как она умела учить любить удмуртскую литературу, упоминая лишь негативно такого корифея, как Кузубай Герд (только так и дозволено было), не упоминая ни Кедр Митрея, ни Григория Медведева, ни Михаила Коновалова. Удивительно!

В Можге же меня учили музыке. Очень запомнился преподаватель музыки Петр Яковлевич Оленев. Он создал оркестр струнных инструментов. И мы выступали со сцены не только педучилища, но и ближайших деревень. Не так давно в газете бывший учащийся педучилища писал, что я неплохо исполнял музыку на домре. Хотя сам я знал, что музыкальные данные мои были весьма ограничены – бог не дал хорошего музыкального слуха и голоса. Но что было, то было.

Не знаю, как получилось: мальчик, больше всего успевавший в физике и математике, постепенно увлекся литературой и искусством. Даже был приглашен на один из съездов писателей Удмуртии. И вскоре был рекомендован для поступления на факультет журналистики Московского университета. Оказалось, тогдашний главный редактор Удмуртского издательства Августа Васильевна Конюхова поставила вопрос перед обко-

мом партии о подготовке редакторов со специальным высшим образованием.

Так вот, получив диплом с отличием в педучилище, я оказался студентом МГУ. И тут встретились очень добрые люди. Как не вспомнить профессора Александра Васильевича Кокорева, читавшего лекции по древней русской литературе, Василия Васильевича Попова, учившего нас премудростям технологии полиграфии, профессора Константина Иакинфовича Былинского – автора трудов по практической стилистике русского языка, Ирину Владимировну Мыльцыну, знакомившую нас с ремеслом редактора. Ирина Владимировна стала и руководителем моей дипломной работы «Тема исторического прошлого в Удмуртской литературе». А ведь с удмуртской литературой она не встречалась ни до, ни после этого! Доверилась мне. Такую самостоятельную работу защитил на «отлично», и ее рекомендовали опубликовать. Книга вышла уже в 1960 году под названием «Удмуртская историческая проза». Статья «История и удмуртская литература», написанная на основе диплома и напечатанная в журнале «Молот» (1958, № 12) на удмуртском языке, была встречена учеными Удмуртии враждебно. После обсуждения ее в научном учреждении В. И. Алатырев, известный не только в Удмуртии филолог, долго еще при встречах со мной смеялся над этим избиением и называл меня «ревизионистом». Да, в то время слово «ревизионист», брошенное мне при обсуждении, было почти ругательством.

В издательстве меня поддержали редактор Е. А. Матвеев, главный редактор В. К. Тронин, директор М. Д. Сабреков. И книга вышла вопреки ученым!

Правда, споры на этом не прекратились. Поехал однажды в Москву и встретился с известным ученым-литературоведом. Он сказал: «Хорошую книгу Вы написали, но почему «Старый Мултан» Михаила Петрова называете историческим романом?» Вопрос для меня не был нов. Дело в том, что в советской литературе с легкой руки Максима Горького было принято историческим называть только тот роман о прошлом, в центре которого – главным героем стоял образ известного реального лица типа Петра Великого или Емельяна Пугачева. Обо всем этом я уже знал, когда начинал работать над темой исторического прошлого в удмуртской литературе. Знал абсолютно две противоположные точки зрения на главных героев исторического романа. Об этом я писал в заключительной главе дипломной работы, а при издании книги написал новое предисловие «Предварительно о жанре».

Позднее, когда работал в Удмуртском научно-исследовательском институте, на конференции в Казани делал доклад в защиту исторического романа без «исторического лица» в качестве его главного героя. До сих пор считаю, что я в этом вопросе прав. Ни в одном удмуртском историческом романе нет главного героя – «исторического» лица. Нет его ни в

«Тяжком иге» Кедр Митрея, ни в «Гаяне» Михаила Коновалова, ни в «Старом Мултане» Михаила Петрова, хотя в двух последних есть образы или Емельяна Пугачева, или Владимира Короленко. Но отнюдь не в роли главных героев. Тем не менее, они выражают исторический взгляд на прошлое удмуртского народа, или романтически, или реалистически. Что же делать, если у удмуртов, как и у многих других в России, сохранилось очень мало письменных памятников о «героях». Из-за этого отказаться от исторических романов вообще? До сих пор думаю, что такая точка зрения несправедлива.

Вот так я вступил на тропу исследователя удмуртской литературы. Позднее совместно с П. К. Поздеевым создали учебник по удмуртской литературе для старших классов. Тремя изданиями выпустил популярную книжку о понимании поэзии.

Когда я учился на четвертом курсе факультета журналистики Московского университета (МГУ), в 1956 к нам на факультет пришла редактор отдела критики журнала «Дружба народов» Л. А. Дурново. Собрала студентов из разных национальных республик, предложила сотрудничать с редакцией – писать рецензии на те значительные книги, которые выйдут в наших разных краях на нерусском языке, которые читать московские критики не могут – не знают языков.

Мне тогда попала в руки повесть Геннадия Красильникова «Вуж юрт» («Старый дом»), напечатанная в журнале «Молот». Повесть понравилась, и я написал небольшую рецензию «Прощай, старый дом». Рецензия вышла в последнем номере журнала «Дружба народов» за 1956 год. (Тогда в журнале существовал разделчик «Маленькие рецензии», где публиковались отзывы на новинки без подписи рецензента).

И вот вдруг, уже к концу 2000 года я получаю в дар книгу Александра Шкляева «Вапумысь вапуме» («Из века в век») и читаю приводимые в книге письма Красильникова к Андрею Бутолину, тогдашнему председателю Союза писателей Удмуртии. Там среди жалоб и обид на непонимание удмуртскими писателями его творчества (действительно, новизна проблем и образной системы молодого писателя тогда пришлась не по вкусу многим) в одном из этих писем – вопрос: «Кто писал в «Дружбу народов» № 12 рецензию? Подписи нет. Я подумал, кто-то из Удмуртии прислал» (А. Шкляев. «Вапумысь вапуме». Ижевск, 2000, С.66)..

Хоть мы раза два и встречались в Москве с Красильниковым и фотографировались с группой земляков на Красной площади, но близко знакомы не были. Ни тогда, ни потом свои рецензии я не показывал до публикации тем, кого рецензирую. Принципиально. Они знакомились с моим мнением только по выходе из печати журнала или газеты.

Было так и с Флором Васильевым, с которым были очень близкими друзьями. Как-то он приехал из Москвы и привез номер «Дружбы на-

родов» с моей статьей о нем. Продавали, говорит, журнал на съезде писателей. Взял в руки, перелистал и неожиданно увидел статью о себе.

Не показываю я своих работ писателям до публикации потому, что не хочется видеть досрочно в их лицах ни недовольства, ни удовольствия. Чтобы самому не попасть под их влияние. Чтобы остаться независимым. А после опубликования уже ничего не изменишь – принимайте мнение критика как есть.

С рецензии «Прощай, старый дом» и начались мои шаги по стезе литературной критики. Кроме рецензий, появились и статьи по довольно острым проблемам. Одна из них – «А у нас – тишь...».

Случилось так, что мне в жизни пришлось немало заниматься и текстологией. Это началось с первых же лет моей работы в книжном издательстве. Мне выпало выпускать маленькую книжку стихов умершего удмуртского поэта Прокопия Чайникова, составленную Игнатием Гавриловым, вскоре – избранные произведения погибшего на войне Филиппа Кедрова. Пришлось подключить все знания, которые дал мне родной факультет журналистики и в этой области. Проверил все тексты по доступным мне источникам. Эти знания пригодились и впоследствии, когда работал над литературным наследием Ашальчи Оки, Игнатия Гаврилова, Флора Васильева, рано трагически ушедшего из жизни моего ровесника и друга. В результате вышли в свет книги Ашальчи Оки (и с ее прозой, и с переводами на русский), Игнатия Гаврилова (трилогия «В родных краях» в одной книге, собрание сочинений в 3-х томах, фронтовые дневники и письма вместе с неизданной при жизни повестью), сборники стихов Флора Васильева на удмуртском и русском языках (в т. ч. однотомники с научным аппаратом).

В последнее время с критическими статьями и рецензиями выступаю довольно редко. К сожалению, порой не хватает поворотливости (оперативности, что ли), порой новые произведения просто меня не интересуют.

К сожалению, в нынешних условиях издавать что-то стоящее очень трудно: заставляют искать богатого спонсора. Ведь книг на языках немногочисленных народов много не продашь, денег не накопишь. Тем более денег не хватает и на питание.

Да нет у нас, у удмуртов, богатых, а о меценатстве говорить не приходится. Особенно в Удмуртии, для благоприятного развития талантов нынче условий нет. Я не знаю, как смогут подняться нынче молодые Достоевские, Белинские, Писаревы. Да и Флоры Васильевы с Владимирами Романовыми, Михайлы Федотовы тоже! Если и создадут что-то стоящее, как они доведут его до читателя?

А нестоящее и в наше время создается и издается, потому что его авторы умеют кланяться богатым и властным – в отличие от таланта. И тем же путем получают и звания, и премии, и награды. Впрочем, так де-

лали и прежде. Вспомнить хотя бы полузабытых ныне некоторых «народных» писателей. А Кузубай Герд, Ашальчи Оки, Игнатий Гаврилов, Геннадий Красильников, Флор Васильев «народными» не были. Но читают их, любят больше, чем «народных». И почитают. У Ашальчи Оки известны нам всего 37 стихотворений. После реабилитации ее книги уже выходили много раз и довольно большими тиражами. И очень быстро разошлись! Попробуй найди теперь их в продаже!

А модных издают нынче тиражами в 200 экземпляров! А что о них писать критику? Ведь не хочется все время только ругаться. Да и пользы нет: если у писателя нет таланта, сколько его ни ругай или хвали, он едва ли создаст что-нибудь стоящее.

В наше время все пересматривают, переоценивают. Не могу и не хочу оспаривать правомерность этого процесса. Еще гегелевская диалектика базировалась на законе «отрицания отрицания». Но с этим отрицанием не выплеснуть бы ребенка!..

Например, в печати очень усиленно муссируется идея, что Красильников в первой повести переиначил жизненные факты, что он не прав, выступив против частного собственности и т. д., и т. д. И эти «критики» ссылаются на то, что писатель вывел образы тех или других героев не такими, какими они были в реальной жизни. Все эти попреки идут от литературного невежества, от полного непонимания художественного творчества со стороны нынешних ценителей литературы.

Очень редко (в основном в документально-художественных произведениях) писатель следует за фактами. Писатель создает художественные образы согласно своему замыслу. Если и берется за какие-то прототипы, то он их переделывает: нос может приставить от другого человека, формы рта – от третьего, а характер – от четвертого и пятого. И какое дело читателю, с кого списал Гоголь Ноздрева или Плюшкина!

Вроде в школах и объясняют все это, но у нас очень часто путают художественный тип с прототипом. Прямо беда. <...>

И меня уже упрекали печатно, что ссылаюсь в литературоведении на такие «нестоящие» авторитеты, как Корней Чуковский или Валерий Брюсов. Нынче в моде те, кто строит вокруг творчества писателя сложные не то математические, не то физические сооружения, в которых разобраться даже образованному читателю весьма трудно.

Что подделаешь, я действительно люблю тех критиков и литературоведов, которые могут и умеют выражать свои мысли четко и понятно, без выкрутасов и сложных построений на них и вокруг них. Люблю, например, перечитывать, как написали о Николае Некрасове тот же Корней Чуковский или Владимир Архипов. Да и крупный ученый Борис Бурсов издал целую книгу «Критика как литература», а не как алгебра или тригонометрия.

И, не уподобляясь Сальери (герою пушкинской маленькой трагедии, а не реальному, из жизни композитору, которого я практически и не знаю), который хотел «алгеброю гармонию поверить», обращусь опять-таки к Корнею Чуковскому.

Предваряя сборник своих критических статей, Чуковский писал:

«Разумеется, я, как всякий автор, несу ответственность за все, что я написал, когда бы оно ни было написано. Но дико было бы думать, что я, восьмидесятилетний старик, полностью присоединяюсь к литературным оценкам, которые казались мне правильными шестьдесят лет назад. Нынче я многое сказал бы по-другому. Но вправе ли я переделывать мои давнишние писания на новый лад, приспособляя их к моим теперешним вкусам? Это было бы так же нелепо, как если бы я попытался переокрасить свою седину».

Сегодня, правда, и седину переокрашивают, и тело перекраивают.

Бывает всякое. Литератор моложе меня, росший в глухой деревне, как и я, заверяет, что он еще мальчонкой понимал, что Сталин был злодей, что сам он всегда был против культа личности.

Я, конечно, вундеркиндом не был, ни о каком культе личности понятия в том возрасте не имел. Правда, в моей деревне я не знал репрессированных в середине тридцатых. Не застал и коллективизацию. Хотя в отобранных у кого-то домах находились то контора, то магазин. Хозяев этих домов не знал.

После войны помню такой случай. На глазах у мужика видел слезы. Его вызывали в райцентр на допросы, потому что в войну он попал в плен к немцам. Но он умер впоследствии своей смертью в родной деревне. Так что понять более молодого в сравнении со мной литератора я не могу.

Я всю жизнь занимался только удмуртской литературой, определением ее места среди русской и многонациональной литератур. Но однажды неожиданно получил из Москвы из редакции «Литературного обозрения» пакет с книжкой башкирского писателя Рамиля Хакимова «Мост» и письмом-просьбой написать рецензию на прилагаемую книжку. Рецензия вышла в № 6 за 1974 год.

Нынче молодые хвалятся, что их публикуют в США, в Германии. Мне и в голову не приходило публиковаться далеко. Старался развить вкус и интерес к родной литературе своего народа. И я не жалею, что моя литературная судьба сложилась так, а не иначе. Каждому свое: Богу – богово, кесарю – кесарево. Я же – не тот и не другой, а самый обыкновенный человек, в первом поколении отпочковавшийся от крестьянской юдоли. Человек, заинтересованный в просвещении тех, из корней которых вырос, стремящийся поднять художественно-образный уровень земляков – литераторов, не стремясь завоевать их любовь и благосклонность повышенной оценкой: талантливые, гениальные, – как это делают некоторые литера-

туроведки, добиваясь благодарности в виде премий, наград, званий. К сожалению, переоценка, восхваления не способствуют творческому росту писателей, что мы и наблюдаем и современной литературе. Очень снизился ее уровень в сравнении с тем, что был в 60–80-е годы.

Раздумья перед книгой // Заметки нестороннего. Статьи, рецензии об удмуртской литературе. – Ижевск: Инвожо. – 2005. – С. 5–13.

О ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СТИХОТВОРЕНИЯ КУЗЕБАЯ ГЕРДА «МЫ СЕЕМ»

Текстологические заметки

История этого стихотворения запутана нашими исследователями. В первом издании, которое появилось после реабилитации Герда, в книге «Кылбуръёс но поэмаос» («Стихотворения и поэмы», 1963), оно представлено в варианте «Ми гыриськом» («Мы пашем»). Автор примечаний Ф. К. Ермаков пишет, что в книге К. Герда «Лёгетъёс» («Ступени», 1931) все стихотворения датированы. Однако в сборнике «Кылбуръёс но поэмаос» никакие даты не указаны. Сказано лишь, что в сборнике «Лёгетъёс» автором были собраны стихотворения, созданные в 1922–1930 годы.

Впервые датировка стихотворения исследователями появилась в сборнике К. Герда «Лирика» (1965), составленном, как и «Кылбуръёс но поэмаос», Ф. Ермаковым. Здесь опубликован авторский перевод на русский язык под названием «Мы сеем», отмечен 1924 годом.

Затем был выпущен сборник К. Герда «Гажан эше» («Дорогой друг», 1978), составленный и комментированный А. Г. Шкляевым. В нем напечатано стихотворение «Ми гыриськом», а в примечаниях отмечено: «Напечатано в газете «Гудыри» в 1920 году», однако ни номера, ни даты выхода газеты не указано.

В сборнике К. Герда «Та кыр□анъёсы – турагайёсы» («Эти песни мои – жаворонки», 1994), составленном Ф. Ермаковым, напечатан тот же вариант «Ми гыриськом» и датирован 1923 годом.

В 1997 году появляются два сборника поэта: на удмуртском языке «Зарни кыл чуръёсы» («Золотые мои строки») и на русском – «О ней я песнь пою». Оба составлены Ф. Ермаковым. В сборнике на удмуртском языке впервые появляется еще один вариант стихотворения – «Мон – кизисько гинэ!» («Я – только сею!»), а в примечаниях дана ссылка на первую публикацию его в газете «Гудыри» 19 мая 1923 года. Под стихотворе-

нием есть еще одно примечание: «Это стихотворение в несколько ином обличье (вместо «я» – «мы») было опубликовано в книге «Лёгетъёс». Здесь мы даем первый авторский вариант».

Примем это к сведению, но о сути изменений текста поговорим ниже.

В книге на русском языке «О ней я песнь пою» напечатан авторский перевод К. Герда – «Мы сеем». Датировано стихотворение составителем 1916 годом. В комментариях значится: «Первоначальный вариант «Кизисьлы» («Сеятелю») написан в 1916 году в честь сорокалетия со дня издания стихотворения Н. А. Некрасова «Сеятелям». В 1923 году создан новый вариант «Ми гыриськом» («Мы пашем»), а в 1924 году переведен на русский язык под названием «Мы сеем». Перевод сохранился в рукописи».

От этих комментариев и датировок – голова кругом.

Сразу же возникает сомнение, что «Сеятелю» – то же стихотворение, что и «Мон – кизисько гинэ!» («Я – только сею!») или «Мы сеем». Хотя бы потому, что к «сеятелю» автор обратился бы на «ты»: ты сеешь. Заголовки «Я сею» или «Мы сеем» никоим образом не подходит к стихотворению «Сеятелю». Вполне возможно, что «Сеятелю» было другое стихотворение Герда. Какой был там текст, Ф. Ермаков не приводит.

Но стоит заглянуть в первый сборник Герда «Крезьчи» (1922), а также в составленные Ф. Ермаковым (!) сборники «Кылбуръёс но поэмаос» (1963), «Та кыр□анъёсы – турагайёсы» (1994), «Зарни кыл чуръёсы» (1997) – многое становится ясным. Во всех этих книгах найдем стихотворение «Кизисьлы» («Сеятелю»). Сравним его со стихотворением Н. А. Некрасова «Сеятелям», которое действительно было опубликовано в первой книге журнала «Отечественные записки» за 1876 год. У Некрасова конец стихотворения:

*Сейте разумное, доброе, вечное,
Сейте. Спасибо вам скажет сердечное
русский народ.*

У Герда:

*Визьмо кылъёсыд
Ванъэ визьмалоз,
Визьмамед понна
Калык тау кароз!*

*Умные слова твои
Всем прибавят ума.
За то, что сеешь разум,
Спасибо скажет народ!*

(Подстрочный перевод)

Вот это стихотворение и было написано в 1916 году «в честь сорокалетия со дня издания стихотворения Н. А. Некрасова «Сеятелям!»! Но это совершенно другое стихотворение, независимое от «Я – только сею!» или «Мы пашем и сеем!»

Стихотворение «Я – только сею!» навеяно совсем другими, а именно следующими строчками стихотворения Анны Ахматовой «Песня о песне», созданного в 1916 году:

*Я только сею. Сбирать
Придут другие. Что же!*

Именно эти строки буквально переведены и вставлены в самое начало гердовского произведения. А дальше Герд уже развивает свою идею по-своему, не по-ахматовски.

Публикация стихотворения 19 мая 1923 года мне известна с 1957 года. Еще студентом МГУ я переписал его из газеты «Гудыри» и до сих пор его сохранил. Считаю, что это произведение именно в варианте 1923 года – одно из наиболее сильных стихотворений Герда, полное трагических чувств поэта.

В книге «Зарни кыл чурьёсы», изданной в 1997 году, Ф. Ермаков пишет: «Здесь публикуем первый авторский вариант» – и ссылается на «Гудыри» 1923 года. Значит, и по Ермакову выходит, что вариант 1923 года – первый! Выходит, что примечание в другой книге – в сборнике «О ней я песнь пою», опубликованном в том же 1997 году, утверждающее, что в 1923 году создан новый вариант «Ми гыриськом» («Мы пашем»), не соответствует действительности.

Как бы ни утверждали разные публикаторы, для меня и раньше, и теперь ясно, что существовали и существуют два варианта стихотворения на удмуртском языке: «Мон – кизисько гинэ!» («Я – только сею!»), публикация 1923 года) и «Ми гыриськом, кизиськом» («Мы пашем, сеем»), публикация 1931 года). Все остальные варианты даты написания и первой публикации – недостоверны.

Другой вопрос – о переводе. Существует один авторский перевод стихотворения на русский язык. Он опубликован впервые Ф. Ермаковым в 1965 году в сборнике «Лирика». Публикатор датирует его 1924 годом.

Все варианты, и удмуртские, и русский – отличаются образной структурой. Значит, можно утверждать, что существуют три варианта стихотворения: 1923, 1924 и 1931 года. Рассмотрим их с точки зрения понятия об основном, каноническом тексте. Который вариант считать подлинной последней авторской волей? Следовательно, который из них и как нужно публиковать?

Итак, вариант 1923 года. Приведем его в оригинале и в нашем подстрочном переводе.

*Мон – кизисько гинэ!
Мон – кизисько гинэ!..*

*Араны мукет муртъёс лыктозы,
Шумпотыса бусьёсы потозы...
Мон – кизисько гинэ!..
Кизем кылбурьёсы,
Борддор кадь, сюрес дуре □утскозы.
Някыръяськозы, весь □ашетозы
Кизем кылбурьёсы...
Мон – кизисько гинэ!
Араны мукет муртъёс лыктозы...
□ок, оло уз, оло аралозы,
Оло пьд улазы лёгаса кельтозы...
Мон – кизисько гинэ!..*

Я – только сею!

*Я – только сею!..
Жать придут другие люди,
С радостью выйдут в поле...
Я – только сею.
Посеянные мной стихи,
Как стена, поднимутся по краям дороги.
Будут гнутья, всегда будут шуметь
Посеянные мной стихи...
Я – только сею!..
Жать придут другие люди...
Пусть... Может, пожнут, может, и нет,
Может, втопчут в грязь...
Я – только сею!*

(Подстрочный перевод)

Думаю, что и сквозь неуклюжесть подстрочного перевода видна трагичность поэта. Хотя в начале «с радостью выйдут в поле», «как стена, встанут», но в конце – «может, втопчут в грязь». Об этом же говорят слова заголовка, повторяющиеся в тексте: «Я – только сею!». Именно так, с интонационным тире было напечатано стихотворение в газете.

И второй, русский вариант стихотворения, в авторском переводе К. Герда:

Мы сеем

*Мы сеем и сеем...
А жать подспеют за нами другие,
С радостью выйдут в поля большие.
Мы сеем и сеем!
Наши посевы – слова –
Взойдут у дорог золотую стеною.*

*Будут шуметь, наклоняться волною
Наши посевы – слова.
Мы сеем и сеем...
А жать подоспеют за нами другие –
Может быть, свяжут в снопы тугие,
Может быть, стопчут посевы благие...
Пусть!
Мы сеем и сеем.*

Хоть и появилось в этом варианте вместо «я» – «мы», структура стихотворения весьма близка к структуре варианта 1923 года. Но все-таки «Я – только сею!» и «Мы сеем и сеем» – это уже разные утверждения, во многом ослабла трагичность.

А вот вариант 1931 года – в оригинале и в моем подстрочном переводе.

Ми гыриськом

*Ми гыриськом, кизиськом
Араны егит муртъёс лыктозы,
Шумпатыса бусьюсы потозы...
Ми гыриськом, кизиськом!
Кизем кылбуръёсмы,
Борддор кадь, сюрес дуре □утскозы...
Някыръяськозы, весь □ашетозы
Кизем кылбуръёсмы.
Ми гыриськом, кизиськом!
Араны егит муртъёс лыктозы.
Уз лёгалэ, аралозы.
Луд тыр чумоле пуктозы...
Соин ик
Ми гыриськом, кизиськом!*

Мы нашем

*Мы нашем, сеем!
Жать придут молодые [люди],
С радостью выйдут в поле...
Мы нашем, сеем!
Посеянные нами стихи,
Как стена, поднимутся по краям дороги...
Будут наклоняться, всегда будут шуметь
Посеянные нами стихи.
Мы нашем, сеем!
Жать придут молодые [люди],
Не стопчут, выжнут,
По всему полю поставят копны...*

*Поэтому
Мы нашем, сеем!
(Подстрочный перевод)*

Не так уж много слов изменилось по сравнению с первым удмуртским и русским вариантами, но содержательные перемены – весьма значительны. Исчезла вся трагичность. Появилась бравурность и какой-то демонстративный оптимизм: молодые обязательно поймут нас, продолжат наше дело. Никаких сомнений. Все о'кей. Хэппи-энд и только!

Стоило ли только ради выражения такой восторженности писать стихи поэту такого ранга, как Герд? Вся эта бравурность звучит уже с первой строки («Ми гыриськом, кизиськом») и поддерживается всем строем стихотворения. Вместо «может быть, стопчут посевы благие... Пусть!» тут – «Не стопчут, выжнут, поэтому сеем». Все стихотворение потеряло энергию, сникло.

Почему же в таком направлении пошла переработка стихотворения?

Думаю (хотя никаких документальных данных по поводу этого стихотворения у меня нет), все дело в общественной конъюнктуре 20–30-х годов. Уже после публикации сборника «Крезьчи» («Гусляр», 1922) началась вульгарно-социологическая критика поэта. Она все обострялась. Обвиняли Герда в том, что он будто бы представляет себя одиночным борцом за развитие национальной культуры, литературы. Дескать, нужно воспевать не индивидуальную, а коллективную силу. Не нужно сбрасывать со счетов и общероссийскую, общесоюзную рапповскую критику и дальнейшее выпячивание роли коллектива. Поэтому «я» заменяется на «мы». Да и разговор о трагедии творческой личности был неуместен в эпоху коллективизации и строительства социализма. Думаю, что Герд невольно, вынужденно поддался конъюнктуре. Вполне возможно, и без прямого давления по поводу этого стихотворения.

Подобные же изменения произошли со стихотворением «Инмын □уало кизилиос» («Горят в небе звезды»). В 1923 году оно вышло с трагическими интонациями, а в 1926 году – в более оптимистическом варианте. Но об этом я уже писал в 1964 году в популяризаторской книжке «Твой друг – поэзия» и в ее переизданиях «Поэзин тодматскон» («Знакомство с поэзией», 1970, 1989).

В текстологии существует понятие последней авторской воли. По нему обычно определяется, который вариант произведения считать основным, «каноническим» и который следует в наше время переиздавать.

В обычных, нормальных условиях, разумеется, авторская последующая доработка делается с целью достичь совершенства. Но так ли получилось с названным стихотворением Герда? Затрудняюсь ответить на

этот вопрос категорично. Ответ осложняется конъюнктурой 20 – 30-х годов в нашей стране. Сначала от писателей уж очень настойчиво требовали пролетарской, революционной идеологической верности, а позднее верности соцреализму. Трудно найти другое место и другое время в мировой истории, где и когда на писателя так сильно давила бы идеология.

Думается, в случае с Гердом и в ряде других случаев в удмуртской текстологии последний вариант произведения не всегда нужно считать проявлением последней воли автора. Зачастую правка произведения производилась в угоду подавляющей идеологии. Хотя она и делалась авторской рукой. Каноническим текстом стихотворения «Я – только сею!» все-таки считаю вариант 1923 года. Его и следует, по моему убеждению, публиковать в сборниках Герда. А если случится издать научное (академическое!?) собрание его сочинений, то в комментариях следует сказать и о последнем варианте.

Авторский перевод на русский язык также невозможно не учитывать. В то же время любой переводчик – волен переводить стихотворение заново, по-своему. Тем более, когда переводит сам автор!

При издании произведений классиков тексты и датировку их следует приводить точно.

Р. С. В вышедшем недавно первом томе собрания сочинений Кузубая Герда (подготовил Ф. К. Ермаков), в разделе «Из книги «Лёгетьёс» напечатан вариант «Ми – гырыськом» («Мы – пашем»). В конце стихотворения поставлено: 1923. Москва». Дело запутывания читателей продолжается. Ошибку в датировке стихотворения слепо повторила и Зоя Богомолова в своём огромном фолианте «Голоса эпохи» («Удмуртия», 2003, С.56). Она пишет: «В 1916 году Герд написал стихотворение «Мы сеём», самое некрасовское не только в творчестве поэта, но во всей удмуртской поэзии». Как я уже показал, Герд написал два «самых некрасовских» стихотворения (1916, 1923). Увы!

*О творческой истории стихотворения Кузубая Герда «Мы сеём»
// К изучению жизни и творчества Кузубая Герда : сб. ст. Вып. 3. Кузубай Герд и финно-угорский мир / РАН, УрО, Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. - Ижевск, 2002. -С. 114–120.*

*О творческой истории стихотворения Кузубая Герда «Мы сеём»
// Заметки нестороннего. Статьи, рецензии об удмуртской литературе. – Ижевск: Инвожс. – 2005. – С. 13–21.*

СУДЬБА ПОЭТА

В развитии каждого народа бывают периоды, когда как-то особенно концентрируются все творческие силы и создаются такие художественные (и фольклорные, и авторские) ценности, которые потом становятся мерилем чуть ли не всего дальнейшего национального художественного развития. Таким пассионарным толчком, по выражению историка Л. Н. Гумилева, для удмуртской литературы стали годы русских революций: 1905 – 1917. Как бы ни оценивали ныне этот сложный период, но никоим образом невозможно переоценить значение этого времени для культурного подъема таких народов Поволжья и Приуралья, какими являются удмурты, мари, коми, чуваш. Не стоит перечислять всех деятелей культуры того времени. Их набирается довольно много – и весьма значительных по вкладу в национальное развитие. Вспомним лишь Григория Верещагина, Михаила Можгина, Максима и Гавриила Прокопьевых, Кузубая Герда, Трофима Борисова, Кедр Митрея.

И среди них особое место занимает творчество первой удмуртской поэтессы Ашальчи Оки – Акилины Григорьевны Векшиной. И отнюдь не только потому, что она женщина, а потому, что придала удмуртскому стиху особенно лирическое, задушевное звучание, одна из первых доказала, что на удмуртском языке можно создавать лирические шедевры.

В нынешнем Граховском районе в деревне Ускы (Кузубаево) в трудолюбивой удмуртской крестьянской семье Векшиных росли три брата и две сестры. Старший из братьев, Василий, погиб во время первой мировой войны. Дочь Акилина (Акулина, Лина) родилась 4 апреля 1898 года. И в это тяжелое время Векшины решились учить детей грамоте. Иван и Оки (это удмуртское ласковое звучание имени Акилина) учились сначала в Граховской школе, а затем – далеко от родных краев – в Карлыганской центральной вотской (удмуртской) школе у Кузьмы Андреева. В одном из неотосланных писем 50-х годов Ашальчи Оки вспоминала: «В Граховской школе, конечно, я была гадким утенком. Но это первые два года. А в 3-м классе я уже дружила с русскими девочками на равных. Помогало этому и то, что в 3-м классе я уже была в числе лучших учениц. В Граховской школе была хорошая школьная библиотека. Она меня мирила со многими неприятностями.

В Карлыганской школе было очень хорошо. Жили в интернате. Подруги были очень хорошие».

Две ее подруги – Ольга Андреева, дочь основателя Карлыганской школы, и Анна Федорова – остались подругами на всю жизнь. Их имена встречаются вплоть до последних дней Ашальчи Оки. Они сохранили до конца очень теплые дружеские отношения.

После окончания Центральной вотской школы Лина сдала экзамены в Елабужской епархиальной учительской семинарии, получила диплом учителя и в 16 лет стала учительницей. С 1 сентября 1914 года два учебных года работала в деревне Субаш (по другим сведениям, Кушкет) в теперешнем Татарстане, два учебных года в деревне Будчимшур-Пельга (не в двух деревнях Буд и Уча, как сказано у З. Богомоловой) Большеучинского (ныне Можгинского) района Удмуртии, в 1918/19 учебном году – в деревне Мамаево Граховского района.

Видимо, к этому периоду относится первая любовь молодой начинающей поэтессы. В письме сына Валерия Ивановича Карачева хранительнице дома-музея Ашальчи Оки в Алнашах Н. М. Фадеевой есть такие строки: «У нас в семейном альбоме имелась фотография молодого стройного унтер-офицера в полной военной форме. Это мамин жених Никита (фамилию я, к сожалению, забыл). Он учительствовал в соседней удмуртской деревне. В первую мировую войну служил в армии. После революции работал в Елабужском уезде в военкомате. В 1918 году после взятия Елабуги дутовцами был расстрелян на берегу Камы. Очевидно, этим вызваны строчки из ее стихов:

*Мое сердце круглым камнем
Пусть утонет в синей Каме.*

Сомнительно столь прямое соотнесение стихотворения «Если милый...», созданного в 1924 году, с этим фактом (да оно и обращено к живому человеку), но знаменательно хранение фотографии в семейном альбоме столь длительное время. И этот унтер-офицер был известен и мужу, и сыну, и всем окружающим. Фотография цела по нынешний день. Сотрудники музея в Алнашах установили и имя этого человека: Никита Пудович Замятин.

Во время работы в Большеучинской волости, в 1918 году, Ашальчи Оки впервые встретилась с поэтом и ученым Кузубаем Гердом. Герд вспоминал об этой встрече на одном из допросов в ГПУ, когда его арестовали (1932). Тогда он говорил, что «Векшина показала ему несколько номеров газеты «Виль синь» («Новое око», но можно перевести и «Новый взгляд». – А. Е.)... Тепло отозвалась о редакторе Константине Сергеевиче Яковлеве, просила активно сотрудничать в этом издании, помочь привлечь подписчиков» (Кузнецов Н. С. Из мрака... Ижевск: Изд-во Удмуртского университета, 1994. С. 62). В этой же редакции работал (одновременно и сельским учителем) брат Ашальчи – поэт и прозаик Айво Иви – И. Г. Векшин. В этой газете были напечатаны ее первые стихи.

С этой встречи началось глубокое взаимопонимание, взаимное уважение двух удмуртских поэтов – Кузубая Герда и Ашальчи Оки.

В 1921 году, пишет В. И. Карачев, Ашальчи Оки как начинающую поэтессу направили учиться на рабфак (рабочий, то есть подготовительный факультет) Казанского госуниверситета. После рабфака ее зачисли-

ли на филологический факультет университета. «Проучившись несколько дней, – пишет далее В. И. Карачев, – она пошла к заведующему... и попросила перевести на медицинское отделение: «В удмуртской деревне в первую очередь нужны врачи, а не литераторы».

Жила она в знаменитой «Марусовке». Это была огромная пятиэтажная ночлежка, ярко описанная Максимом Горьким в повести «Мои университеты» (в той же «Марусовке» жил и ее сын В. И. Карачев, когда учился в Казанском же университете).

«В 1925 году в декабре от казанского студенчества Лина едет в Москву на похороны Сергея Есенина», – утверждает В. И. Карачев. Кстати, стоит заметить, что самыми любимыми поэтами Ашальчи Оки были Александр Пушкин и Сергей Есенин. Об этом она говорила при встрече А. Клабукову и мне в 1965 году. И тут же, смеясь, добавила, что часто читала их стихи наизусть, и этим, видимо, заморозила будущего мужа И. И. Карачева.

В годы учебы в Казани Ашальчи Оки составила первый сборник стихов, который, по своему признанию, хотела назвать «Чыртывесь» («Ожерелье»), но, по настоянию Герда, этот сборник вышел под названием «Сюрес дурын» («На обочине») в 1925 году в московском Центриздате.

В Казани в то время было целое землячество удмуртских студентов. С ними занимались удмуртские педагоги-просветители Иван Михеев, Иван Яковлев, в то время весьма авторитетные люди. Правда, 20 декабря 1956 года в письме А. Н. Клабукову Ашальчи вспомнит и об обиде на второго.

«У меня было написано так (речь о стихотворении «Ворд□ськем музьеме») («Земля родная»). – А. Е.):

*Ворд□ськем музьеме,
Ворд□ськем шаере,
Туж мусо пот□ськод и т. д.
(Родная моя земля, родной мой край, очень ты мил мне.)*

Написано в Казанский период моей жизни. Ходила я советоваться по написанию стихов к Яковлеву Ивану Васильевичу. Он сказал, что надо писать так:

*Ворд□ськем музьеммы,
Ворд□ськем шаермы и т. д.
(Родная наша земля, родной наш край...)
«Твоя родина не только твоя, а общая – всех нас».
Думаю, что зря я его послушалась».*

Вот это письмо и послужило основанием исправить стихотворение согласно авторской воле в издании «Тон юад мынэсьтым» (Ижевск, Удмуртия, 1978. С. 40, 110). Но в учебниках и хрестоматиях – увы! – все печатают в старом, яковлевском варианте!

Нелегко оказалось Ашальчи Оки выпустить книгу стихов. Их рассматривала некая методическая комиссия при Наркомпросе Удмуртии и сочла, что они не соответствуют политическим требованиям. Помогли руководители Удмуртской автономной области. По просьбе Герда свои заключения написали Трофим Борисов, Иосиф Наговицын и Александр Медведев. Только с этими заключениями и с послесловием Герда увидела книга свет в 1925 году.

«До сих пор стихи Ашальчи Оки еще не были напечатаны отдельной книгой, – писал в послесловии Кузубай Герд. – Ее стихи, словно цветы, рассыпанные в разных местах, встречались в удмуртских журналах, газетах. Хоть они и были рассыпаны, на себя обращали наше внимание. Раз их прочитаешь – хочется читать еще и еще раз. Прочитаешь их – словно пройдешься по цветущим полям...

Ашальчи Оки пишет не только о себе, она пишет обо всех удмуртских женщинах. Сквозь ее стихи, как сквозь открытое окно, взгляды ваешься в сердца девушек-удмурток... Ашальчи Оки... открыв свое сердце нараспашку, чтобы все в нем видели всё, раскрывает перед нами сердца многих тысяч удмуртских женщин...

Ашальчи Оки темных удмурток-женщин порой жалеет, порой успокаивает, порой ругает... Но не как другие – не проклинает... Если бы могла, она наделила бы свой народ своим сокровенным счастьем!.. Если бы смогла, цвела бы во ржи синими-синими васильковыми цветами! Стала бы звонко бьющим из-под горы чистым родником и текла бы в ведра удмуртских женщин!..»

Так писал удмуртский поэт Кузубай Герд об удмуртском поэте Ашальчи Оки. И это было его большой поэтической правдой.

Вскоре Кузубай Герд перевел часть стихов на русский язык и выпустил со своим послесловием в 1928 году отдельной книгой «О чем поет вотячка». Герд восторженно писал о стихах Ашальчи и в изданиях Ленинградского общества изучения культур финно-угорских народов (ЛЮ-ИКФУН), и в центральных газетах и журналах, и в финских изданиях. Знакомил с ними и читателей Коми, Мари республик.

Вот и получилось, что стихи удмуртской поэтессы уже в 20-е годы знали и ценили не только в нашей, но и в других странах. Порой за границей ценили их куда выше, чем в родных краях.

После окончания медицинского факультета Казанского университета и специализации на окулиста на курсах в клинике глазных болезней и трахоматозном институте в городе Казани с мая 1928 года по октябрь 1932 года Л. Г. Векшина работает врачом-окулистом в Юкаменской больнице Удмуртии. Здесь она знакомится с молодым агрономом, приехавшим из Кировской области, И. И. Карачевым. В июле 1929 года они стали мужем и женой, а 20 апреля 1930 года у них родился сын Валерий.

В 1932 году семья переехала в село Алнаши. По предположению сына В. И. Карачева, этот поступок объясняется желанием окулиста Векшиной активно бороться с трахомой в одном из наиболее неблагоприятных мест республики.

Действительно, врач Л. Г. Векшина в Алнашском районе сделала все возможное и невозможное для ликвидации трахомы. И. И. Карачев, уже после смерти жены, рассказал мне о таком случае. Как-то вечером, когда уже легли спать, Лина Григорьевна вдруг начала громко смеяться. Потом тут же объяснила: «Меня ведь в Алнашском районе узнает каждая собака. Когда захожу в чей-либо двор, ни одна собака не лает».

Да, она прошла по всем деревням района по многу раз. Трахома в районе была ликвидирована именно ее трудом и трудом ее сподвижников, сотрудников райбольницы и трахоматозного диспансера, в котором она была главным врачом. Этот подвиг врача отмечен и правительственными наградами. Об этом написано и в книге «Ликвидация трахомы в Удмуртии», созданной под руководством профессора Ф. Ф. Сысоева.

Л. Г. Векшина с конца 20-х годов целиком ушла в медицину. Она постоянно пополняла свои медицинские знания. В 1935 году была на учебе в Казани, в 1939 году – на курсах пересадки роговицы в институте академика В. П. Филатова. Все это верно. Как говорится, тут не убавишь и не прибавишь. Именно имея в виду такую преданность медицине, в 1968 году в детской газете «Дась лу!» («Будь готов!») в маленькой статье «Гажано поэтмы Ашальчи Оки» («Любимый наш поэт Ашальчи Оки») я писал, что, став врачом, Ашальчи перестала писать стихи. И в апреле же 1968 года в неотосланном письме она ответила: «В Вашем «Гажано поэтмы...» в «Дась лу!» Вы правильно пишете, что, став врачом, я перестала писать. И это правда. Я никогда не умела два дела делать. Медицинская работа оказалась слишком интересной и захватила она меня целиком».

Правда, да не вся. Полуправда. Я это сознавал, когда писал статью, но не мог всего написать. В то время строго следили, как бы в печати не проскальзывали ненужные сведения о репрессиях. Уверен, что это прекрасно сознавала и Ашальчи Оки. Поэтому она так горячо поддержала молодого литературоведа.

Книга стихов с 36 стихотворениями* вышла, как уже сказано, в 1925 году, в переводе на русский – в 1928. Из созданных после этого известно только одно стихотворение – «Кылы быре» («Язык немеет»), напечатанное в 1928 году. После этого следы поэта Ашальчи Оки теряются, хотя врач Акилина Григорьевна Векшина прожила до 1973 года.

* В указанной книге З. Богомоловой /с. 98/ сказано, что в сборник «Сюрес дурын» и «О чём поёт вотячка» опубликованы все 37 стихотворений поэта. Но на самом деле в первом 36 стихотворений, а во втором всего 15 стихотворений в переводах К. Герда.

Объяснение этого явления кроется, конечно, в обстановке конца 20 – 30-х годов: свертывание нэпа, коллективизация сельского хозяйства с насильственным раскулачиванием большого слоя крестьянства, исчезновение в ГУЛАГе огромного числа наиболее умных и талантливых людей. Это не могло не отразиться в чуткой душе тонкого лирика. И всё тут объясняют слова Ашальчи Оки, приведенные Кузбаем Гердом в 1932 году на допросах: «Писать то, что в действительности чувствуешь и переживаешь, – нельзя, а фальшивить я не хочу; как я рада, что у меня есть другая безобидная специальность – медицина. Удмуртская литература – на краю гибели, все талантливые и лучшие силы преследуются, остаются в ней не писатели. Я считаю нужным совсем отойти от литературы, хотя это мне тяжело и больно» (Кузнецов Н. С. Из мрака... С. 64).

В 1932 году Герд обвинен в создании несуществовавшей подпольной организации «Софин» («Союз освобождения финских народов»). По этому делу в марте – мае были арестованы М. Тимашев, Я. Ильин, П. Горохов, К. Яковлев и родной брат Ашальчи Оки И. Г. Векшин – Айво Иви. В феврале 1933 года в связи с обвиненными по этому «делу» арестована и Ашальчи Оки. Без матери остался сын Валерий двух с половиной лет. В итоге обвинили в том, что я поддерживала связь с буржуазными националистами. Обо мне ничего не спрашивали, следователей интересовал Герд. Об организации «Софин» впервые услышала на следствии» (Кузнецов Н. С. Из мрака... С. 65).

Через три месяца Ашальчи освободили.

Вчитаемся в воспоминания сына Валерия. В письме Н. М. Фадеевой 11 ноября 1991 года он пишет: «Тогда сразу же, выйдя из заключения, она повела меня в фотографию. Мы снялись, и уже через много лет она мне сказала, когда мы рассматривали эту фотографию: «Какая я тут страшная, и как быстро старит тюрьма. Я же совсем другая была. Я знала, что они меня так просто не оставят, очень уж хорошо я их изучила, поэтому и потащила тебя скорей в фотографию, чтобы оставить вам хоть такую память о себе».

Хотя ее и отпустили, но она всегда готовилась к худшему, т. е. что ее не будет. Эта мысль давила ее постоянно до самого 23 июня 1941 года».

Из его же письма от 1 мая 1996 года: «Я так ругала себя, что не взяла с собой твою фотографию. Я же считала, что больше тебя не увижу». Это фото она еще много лет носила с собой, прятала под одеждой, так как ждала следующего ареста».

Ждать пришлось не так уж долго. В 1937 году вновь арестовали. «Пытались обвинить в том, что с братом И. Векшиным создала в с. Грахово контрреволюционную группу» (Кузнецов Н. С. Из мрака... С. 65).

Вот еще из воспоминаний В. И. Карачева. Речь идет об удмуртском литературно-художественном журнале «Кенеш» («Совет»), издававшемся в 1926-1931 годах в Ижевске: «Вам может показаться это

странным, но в конце тридцатых годов это слово «Кенеш» как бы было изъято из обращения, из языка. Я помню, когда к матери приходили люди, то это слово произносили шепотом. И в моем детском сознании отложилось, что это что-то такое нехорошее. Я спросил маму, что такое «Кенеш»? Она мне ответила: «Считается, что это буржуазно-националистический журнал». – «Значит, там сидят буржуи и националисты?» – «Да какие еще националисты, обыкновенные крестьяне. Да и какие мы националисты с дядей Иваном, если у него жена русская, а у меня муж русский?»

Что касается национализма, то Ашальчи Оки весьма дерзко отвечала следователям: «В 1933 году, когда мне пытались приписать национализм, я заявила следователю, что я – истинная националистка: я специальность врача-окулиста получила с тем, чтобы вылечить мой удмуртский народ от глазных болезней. Я вообще не понимаю, что такое национализм» (Кузнецов Н. С. Из мрака... С. 65).

Вот таким образом происходило то, что «став врачом, я перестала писать»!

Тут стоит опять вернуться к воспоминаниям В. И. Карачева: «Когда я поступил учиться в Казанский университет и на каникулах сказал ей, что хочу изучать этнографию, то она сказала: «Не вздумай это делать, этнографов расстреливали в первую очередь, будь уже лучше метеорологом или гидрогеологом». И стал он метеорологом. Плавал на научных судах по морям и океанам. А базировался далеко от Удмуртии – во Владивостоке.

Ареста ждала Ашальчи Оки до самого начала Отечественной войны. Вот записка, написанная ее рукой и датированная 25 апреля 1968 года: «Вспоминается раннее утро 22 июня 1941 года. Солнце еще не взошло. Я стою на кухне и смотрю в окно. Там лес в сиреновой дымке. И вдруг выстрел. Наверное, охотник, подумала. И снова выстрел, второй. И почему-то сердце сжалось. С полчаса постояла еще, выстрелов больше не было. Солнце взошло.

Жили мы тогда на Советской улице в коммунальном доме-особняке на краю села. За нашим домом был луг, а за ним метрах в 300 небольшой лес.

А в обед мы слушали по радио Молотова о войне.

23/VI меня вызвали в райисполком и объявили, что назначают меня на должность главного врача, так как нашего главврача мобилизовали на фронт.

Через 2 часа мне позвонили по телефону и срочно предложили явиться в военкомат.

Недолго я была главврачом в Алнашской больнице: всего 2 часа.

Пришла домой. Муж пообедал. Объявила, что еду на фронт. Он и Зинаида Михайловна Киршина, которая вела наше хозяйство, никак не хотели верить. «А почему, – говорят, – улыбаешься?» Почему улыба-

лась? Кажется, меня распирала гордость, что мне доверяют лечение наших воинов. С другой стороны...» (на этом записка обрывается. – А. Е.).

И снова – не раз упомянутое нами письмо В. И. Карачева Н. М. Фадеевой от 10 октября 1991 года: «Вот почему и пришла она домой из военкомата в этот день такая радостная, чуть ли не приплясывая: «Раз призывают на фронт, значит, доверяют». Но эта мысль все же не оставляла ее еще очень долго. В 1944 году она приехала домой в отпуск и как-то сказала: «А вот Вайсберга Доната Альфредовича, хоть он и просился, на фронт не допустили. Фамилия немецкая, по отцу. Всю войну служил в санитарном поезде».

Ашальчи Оки служила в сформированном в городе Можге эвакуационном госпитале № 571. Госпиталь был придан 98-й дивизии 22-й армии. Войну закончила в Польше, в городе Лодзи в составе эвакуационного госпиталя № 1038. Всю войну – в прифронтовой полосе, под пулями, снарядами.

И, как мне сказал уже после ее смерти И. И. Карачев, была в госпитале замполитом женщина из Ижевска, которая все время ей напоминала, дескать, мы знаем, кто ты, в случае чего... Дамоклов меч висел и в такой грозный период жизни над Ашальчи.

Видимо, ничего «в случае» не случилось. В служебно-политической характеристике, подписанной 19 мая 1945 года подполковником медслужбы Ивановским, написано: «Тов. Векшина отличается большим трудолюбием и редкой добросовестностью в работе, достигающей иногда до недооценки своих сил. Тов. Векшина – прекрасной души человек и хороший товарищ... скромный врач-патриот». Характеристика весьма нестандартна.

И еще. В Доме-музее хранятся воспоминания В. Н. Иванова, врача-офтальмолога, проработавшего долго вместе с Л. Г. Векшиной: «Однажды случилось такое, что летчик при спуске с парашютом повредил глаз. Окулиста поблизости не оказалось. Тогда вспомнили о ней. Пригласили осмотреть больного. Было проникающее ранение глазного яблока с выпадением радужки.

Естественно, Лина Григорьевна провела операцию, и глаз летчика был спасен. Об этом каким-то образом узнал армейский офтальмолог. Как рассказывала Лина Григорьевна, генерал очень тепло ее принял, выразил свое большое удовлетворение и подарил ей набор оптических стекол для подбора очков. Этим набором потом мы долгое время пользовались на работе, так как приобрести такой набор в те годы не представлялось возможным из-за отсутствия в продаже таковых вообще». Этот трофейный набор, чудом спасенный Н. М. Фадеевой, в настоящее время экспонируется в доме-музее.

На фронтах Отечественной Лина Григорьевна прослужила от звонка до звонка. Вернулась домой только после окончания войны. Вернулась целой и невредимой и без всяких «в случае». С орденами и медалями.

И снова работала врачом в Алнашах. До выхода на пенсию. Да и будучи пенсионером, не раз подменяла врачей, когда нужно было.

Мне не удалось установить, когда и как Ашальчи Оки познакомилась с другим человеком-легендой, каким была русская учительница, много лет проработавшая в Больших Сибях Можгинского района, которая заложила любовь к родному фольклору удмуртскому писателю Игнатию Гаврилову. Это была Вера Васильевна Толстая, дворянка по происхождению, всю жизнь посвятившая просвещению удмуртских сельских детей.

С такими словами вышла в свет эта статья-предисловие к книге Ашальчи Оки «Ожерелье» в 1998 году. В том же году в журнале «Инвожо» была напечатана беседа его сотрудников с Петром Кубашевым. И вот в этой беседе я нахожу ответ на свое «мне не удалось установить...». Петр Кубашев пересказал то, что знал от В. В. Толстой. Оказывается, во время коллективизации удмуртского учителя-просветителя К. А. Андреева раскулачили, школу его разорили. И он оказался нищим и затем жил у дочери Ольги в Можге.

Ольга Кузьмовна же приютила выгнанную из Больше-Сибинской школы как «буржуйку-дворянку» прославленную учительницу.

Ашальчи Оки, возвращаясь из тюрьмы, зашла в Можге к своей давней подруге О. К. Андреевой. Вот тут-то и началась великая дружба утраченных в горе великих женщин. – См. «Инвожо», 1998, № 3, С. 5–6. Спасибо Петру Кубашеву – довел эти сведения до нас.

Сохранилась часть переписки этих очень интересных людей. Так же сохранилось несколько удивительных писем в свое время репрессированного удмуртского филолога, потом проработавшего много лет в вузах Ленинграда, доцента Константина Михайловича Баушева.

Вот строчки из одного лишь письма В. В. Толстой (18 января 1965 года): «Людей у меня бывает много, и я благодарна им, что меня не забывают. Переписываюсь со всеми Андреевыми (детьми основателя Центральной вотской школы в Карлыгане. – А. Е.), с женой Даниила Кузьмича (сына К. А. Андреева. – А. Е.) и с его сыновьями. Переписываюсь со своими бывшими учениками. А ближе всех мне Вы да Ольга Кузьмовна (дочь К. А. Андреева. – А. Е.)». В письмах часто встречается имя их сокурсницы по Казани Анны Федоровой.

Не удержусь от приведения нескольких строк из полного юмора письма Ашальчи В. В. Толстой от 26 декабря 1965 года. Речь идет о сыне В. И. Карачева: «Он работает научным сотрудником в научно-исследовательском институте во Владивостоке... судно, на котором Валерий плавает, называется имени Шокальского. Валерий работает по физике атмосферы. А есть ли толк от его работы, мы не знаем. Сам же про себя он говорит, что толкает науку вбок.

Не понимаю я нынешнюю молодежь. Мне кажется, науку проще толкать вперед. Впрочем, это зависит, наверно, от строения мозгов. Вообще не знаю я, чем мой сын занят. Если задают Ивану Ивановичу вопрос, чем занимается сын, он отвечает вполне серьезно: погоду пинает».

Неизвестно, читала ли В. В. Толстая стихи Ашальчи Оки, и уж едва ли знакома с ее прозой. Но в письме от 28 апреля 1957 года она предлагает: «Вот из Вас получился бы замечательный писатель-путешественник. Вы бы написали вещь не хуже гончаровской «Фрегат «Паллады». У вас писательская манера гончаровская: неторопливая повествовательная с крупинками меткого юмора». Думаю, что этот интересный вывод сделан опытным педагогом по стилю писем Ашальчи Оки. Писем, к сожалению, в основном не сохранившихся».

С наступлением «хрущевской оттепели» после XX съезда КПСС и постановления о культе личности Сталина удмуртский писатель Аркадий Клабуков обращается к Ашальчи Оки с предложением возобновить писательское творчество. Вот, очевидно, первое его обращение (письмо от 1 октября 1956 года): «Года три-четыре тому назад у меня была, как Вам известно, попытка снова включить Вас в наш литературный актив, сказать теплые слова в истории литературы (очевидно, А Клабуков имеет в виду рукопись «Очерки истории удмуртской литературы», над которой он работал в те годы, вышедшей в 1957 году. – А. Е.) о Вашей литературной деятельности, но немножко осекся – биографию Вашу храню в своем ведении. Сейчас во весь голос говорят уже о Вашей поэзии, рассказах. Так вот с большой просьбой обращаюсь к Вам разрешить мне включить в сборник удмуртских писателей первого призыва Ваши рассказы «Орок» и еще один-два, по Вашему усмотрению. Помните еще свои произведения или все литературное выбросили уже из головы и не хотите возвращаться к ним? А как хорошо, поэтично получилось бы у Вас с воспоминаниями! Ведь Вы же были у колыбели молодой удмуртской литературы».

Ответ Ашальчи Оки тоже очень интересен: «Дорогой Аркадий Николаевич!

Спасибо за письма. Времена настали чудесные! Вот бы запеть сейчас полным голосом, но... голоса нет.

Разные бывают времена. В 1933 году один доброжелатель с 8-й улицы (т. е. из ОГПУ – НКВД. – А. Е.) посоветовал мне бросить писать плохие стихи и постараться сделаться хорошим врачом. Совет его мне пришелся по душе, и я все сделала, чтобы забыть удмуртскую литературу и удмуртских писателей.

Правда, во сне иногда донимали меня стихи, но по утрам всегда было досадно, что не могу избавиться от этой «заразы».

В 1956 году один доброжелатель с Советской улицы (по Советской, напротив здания КГБ, МВД, располагалась редакция журнала «Молот», где работал А. Н. Клабуков. – А. Е.) снова советует

мне писать стихи. Но не поздно ли немножко? Если скрипач 25 лет не брал в руки смычка, сыграет ли он хорошо? Конечно, нет! Ему снова надо учиться. Закон диалектики жестокий: жизнь не стоит на месте и движется вперед. А если не вперед, то назад. А мы в литературном отношении пятились назад – и отстали на четверть века! Страшно подумать: на четверть века!

Этого не понимаю только такой младенец, как Иви (т. е. брат – Айво Иви, И. Г. Векшин, – А. Е.). В нем очень много донкихотства. Как только приехал (из мест ссылки. – А. Е.), запросил удмуртскую литературу. А у меня ее нет. Я двадцать лет ничего не читала на родном языке.

И обложился этот Иви удмуртской литературой... И сидит целыми ночами над ней: подчеркивает, зачеркивает, тут, говорит, оборот неправильный, тут хорошо. Одних писателей, таких как Красильников, хвалит, других ругает. Петушится! Смешно на него смотреть... и трогательно. Как это в нем не умерло – поражает меня.

Но этого мало. Берет этот Дон Кихот кузубайский (они родом из деревни Кузубаево. – А. Е.) меч, то бишь перо, и начинает строчить... стихи в свои 65 лет! Ой, умора! И все стихи дает мне читать. Но стихи ужасно нелепые. Стала я смеяться над его стихами. Немного обиделся. Однако авторитета моего не признает и грозит послать в редакцию.

Но это не все: своим донкихотством заразил Иви и меня. Все просит писать. И в свои 58 лет я тоже решила написать ...стихотворение. И вот переживаю тягчайшие родовые муки.

Мучусь день, два, неделю, две недели и... выродила. И, конечно, Иви этот самый стал акушером. Как полагается, перевязал нитью пуповину, подчистил кой-где, поправил и говорит: хорош! Пошлем Багаю (А. Н. Клабукову – А. Е.) в подарок.

А я говорю: «Глазами смотри: недоносок ведь, не живуч, на ладан дышит». Ему что в лоб, что по лбу: уверяет, что дитё вполне жизнеспособно. Известно, что Дон Кихот имеет всегда пристрастие ко всему слабому и всегда его защищает.

Однако мысль о творчестве Ашальчи Оки, видно, не дает покоя. Вот письмо А. Клабукову от 30 октября 1956 года:

«Состояние анабиоза, в котором я как Ашальчи Оки находилась в течение многих лет, прошло. Твердо решено, буду писать! Это мой ответ на Ваше второе письмо... Я уж поняла, что не так страшна отсталость в удмуртской литературе. Разве я отстала от русской литературы, на которой мы воспитывались с детства? Разве я не шагала в ногу со всем советским народом? Разве все эти годы меня опустошили? Нет, наоборот, они меня неизмеримо обогатили, и не ощущаю я себя ни в коей мере нищей духом. А раз так, значит, могу писать...»

Написала рассказик «Мынам абие», 6 – 7 раз переписывала...

Вчера окончательно надумала написать нечто вроде повести «Детство». Теперь никаких колебаний у меня нет. Перед моим мыслен-

ным взором четко рисуются контуры здания, которое я намереваюсь возвести. Какое название дать тому, что напишу, я еще не знаю. Но это будет вся моя жизнь, начиная с детства. Моя жизнь в медицине и в литературе.

Свято храню Ваши письма и письма Н. П. (Н. П. Кралиной. – А. Е.), которые я считаю первой ласточкой моей возрождающейся литературной весны. Все это будет в моих литературных воспоминаниях. Ура! Жизнь приобретает новый смысл и что-то есть в этом от молодости...

Таким образом, дрожжи Ваши оказались весьма активными. В моей голове, как в «нянь шумесе» (квашенке) поднимается тесто. Я его уже замесила, и оно поднялось через край и убежало. Убежавшее тесто я собрала, и испекся пробный перепеч, который Вам посылаю. Попробуйте и напишите, аппетитно и вкусно ли оно, пробное, и не расстроится ли у Вас желудок.

Р. S. Мой перепеч сегодня попробовала. Показался недоокисшим. Еще немного над ним посижу. Ой! Напишу и самой не нравится. *Оки*.

К сожалению, у А. Н. Клабукова «желудок расстроился». Ответ на посылку получился неблагоприятным. Клабуков пишет: Прочитал Ваш «Мынам абие». Впечатление осталось такое, что будто меня связали и бросили в старинную удмуртскую избушку, где вековое невежество, трахома и т. д. и т. п. Мне стало жутко... Нет, так фотографически, так физиолого-натуралистически писать нельзя. Ищите в этой старине, в Ваших воспоминаниях больше человечности, милых сердцу черт... Очень прошу, с такой же впечатляющей силой напишите про свою бабушку в приятном свете, а сейчас она и трахомная, и пьет, и по соседям ходит, судачит... Вот мое откровенное мнение.

Дорогая Лина Григорьевна! В декабре числа 5 – 6 мы сдадим в набор наш новый № журнала «Молот» на удмуртском (целиком!) языке. Поймите, что мы очень нуждаемся в Вашем участии – порауйте нас чем-нибудь интересным. Начните, а? Скажите, пусть Иви тоже возродится. Очень прошу» (письмо от 13 сентября 1956 года).

29 ноября 1956 года Ашальчи Оки пишет: «На критику «Аби» я не обиделась, очень благодарна Вам. А не писала потому, что очень волновали меня события в Египте, бомбежка в Порт-Саиде, беспорядки в Венгрии. У меня поднялось кровяное давление, головные боли начались, и совсем мне не до писем и не до литературы было.

Вам хочется, чтобы описала беленькую бабушку, моя черненькая не нравится. Но ведь я не виновата, что у меня бабушка такая... В угоду Вам я лишила бабушку трахомы и кумышки, а то, что она судачит, извините, не лишу...

С литературой у меня не ладится. Надежд Ваших не оправдаю. Написала после «Аби» еще два рассказика, но ни к черту не годятся. «Аби» все же лучше. Хотите, напечатайте, хотите – бросьте в корзину, а лучше писать я не могу...»

К сожалению, ни «Мынам абие», ни другие рассказы Ашальчи Оки в 1956–1957 годах в журнале «Молот» не увидели света, хотя А. Клабуков 24 декабря 1957 года прислал Ашальчи Оки восхищенное письмо: «Вы представить не можете, насколько хороши Ваши миниатюры! Я читал их всей семье, посмеялись, вспоминали свое далекое детство.

А нельзя ли будет всерьез приняться за изучение психологии удмуртских детей? Вы имеете «От 2 до 5» К. Чуковского? Если не имеете (да едва ли имеете), пошлю сегодня же, познакомьтесь... Так вот, примите на себя такую миссию удмуртской Чукоши.

А еще есть Ваши записки подобного рода? Пожалуйста, пополняйте их, пишите, храните, на опыте К. Чуковского обобщайте и т. д.»

В 1957 году вышел сборник рассказов удмуртских писателей 20-х годов «Гудыръян дыръя» («В грозу»), где был опубликован рассказ Ашальчи Оки «Орок», написанный еще в 1928 году. Видимо, А. Клабуков прислал автору экземпляр книги. В письме от 5 апреля 1957 года Ашальчи Оки благодарит публикатора за книгу. Рассказ показался ей неплохим, и после краха «Мынам абие» она решила написать новый рассказ. Дальше в письме говорится о примерном содержании рассказа «Кузьым» (в первом варианте «Крем «Молодость»). И пишет автор, что вся дальнейшая судьба писателя Ашальчи Оки будет зависеть от того, понравятся ли ее юные герои работникам редакции.

Высылку рассказа она задержала еще на три дня. Надумала читать его своим пациентам – призывникам и школьникам. Лишь получив их одобрение, окончательно решила послать в редакцию.

Дальнейшая судьба рассказа неизвестна. Не исключено, что он и не был выслан. Но он сохранился в бумагах автора. Был опубликован вместе с другими рассказами и стихами в книге «Тон юад мынэсьтым» (Ижевск, 1978).

«Творческая весна» давалась Ашальчи Оки очень трудно. Никакой настойчивости насчет публикаций она не проявляла. Да и уверенности ни в своих силах, ни в наступлении свободы у нее все-таки не было.

Довольно долго тянулось и издание сборника стихов. 16 апреля 1960 года, видимо, я, старший редактор отдела художественной литературы издательства, обратился с письмом к Лине Григорьевне. Письма уже не помню, оно не сохранилось, но, судя по ссылке в ответном письме можно понять, что речь шла о переиздании стихов. В коротком письме от 5 июня 1960 года Ашальчи Оки извиняется за долгое молчание. «Дело в том, – объясняет она, – что я собиралась в Ижевск и надеялась повидаться с Вами и, кстати, взять у Клабукова «Сюрес дурын» и пересмотреть стихи (у меня нет текста и я перезабыла их)... А переиздавать необходимости, мне кажется, нет ввиду отсутствия в содержании социальной значимости. – И, может быть, самое главное для нее было в следующих словах: – В случае переиздания издательство могут упрекнуть, что оно выпускает бесполезную

продукцию. Да и я напонила бы курицу, которая снесла весной единственное яичко (и то неполноценное, без скорлупы) и носится всю жизнь с этим яйцом».

Здесь еще сказано мягко: могут упрекнуть. Так она предупреждает молодого редактора.

Между тем издательство задумало выпустить книгу воспоминаний старейших деятелей Удмуртии. Предложение написать свои воспоминания было отправлено и Лине Григорьевне. Но, поскольку она не отвечала, и надежды, что сама напишет, не было, к делу подключили старейшего журналиста «Удмуртской правды» Н. А. Гребенщикова.

На предложение издательства Л. Г. Векшина ответила 12 апреля 1966 года: «Давным-давно получила от издательства «Удмуртия» предложение принять участие в книге воспоминаний... Книга для молодежи. А ежели я напишу воспоминания, молодежь только вычитает, как не надо работать. Чем дольше живу на свете, тем больше убеждаюсь, как мало сделала. Стыдно лезть со своими воспоминаниями в книгу, где напишут о себе лучшие люди республики. Заслуг у меня особых нет. Врач я самый рядовой. В удмуртской литературе я участвовала только в дни молодости и то немного.

Вероятно, я бы этого письма не написала, отмолчалась бы по удмуртской привычке. Но грозитя приехать Гребенщикова... Пусть не ездит. Никаких очерков обо мне писать не будем».

Гребенщикова все же съездила. И беседа у них получилась очень даже теплая. Да она и сама в молодости писала стихи. Знала Ашальчи с 20-х годов. И с тех времен хранила изъятую из обращения книгу стихов на русском языке «О чем поет вотячка». Очерк Гребенщиковой был напечатан в сборнике «Твои земляки».

Хоть и очень медленно, но дело и с изданием стихов двигалось. Составителем стал П. К. Поздеев. Он собрал все стихи и рассказы, опубликованные в 20-е годы. Экземпляр рукописи с предисловием составителя был послан Ашальчи Оки для ознакомления и одобрения.

Автор хранила молчание. На телефонные звонки отвечала неохотно и отрицательно: не надо печатать. Но после согласований в партийных органах часть стихов была отправлена все-таки в набор. Получив из типографии корректуру, вновь послали автору.

Лишь после смерти Ашальчи Оки И. И. Карачев передал мне как председателю комиссии по литературному наследию все сохранившиеся рукописи, переписку.

И в обыкновенной школьной тетради я нашел несколько неотправленных писем. Письмо на имя П. К. Поздеева датировано 22 февраля 1968 года: «Много времени прошло уже с тех пор, как уехал от нас Петр Н. Кубашев и оставил у меня по моей просьбе стихи Ашальчи Оки и Ваше предисловие к ним. А я все еще не могу прийти в себя от встречи с

этими произведениями. Я и сон, и аппетит потеряла, и курить стала много, потому что душа горит и корчится, как береста на огне.

Ох, как тошно мне при мысли, что молодежь будет читать мои литературные упражнения! Из 36 стихов, которые Вы или кому Вы поручили, раскопали, 16–17 никуда не годятся... А рассказиков штуки 4.

Думала про себя: напишу еще несколько таких рассказиков мелких о маленьких детях. Я очень хорошо помню свое раннее детство и писала бы больше по своим воспоминаниям. Таким образом выйдет небольшая книжка.

И вдруг дня два назад по телефону познакомилась с завлитотделом издательства Дзюиной Кл. Н. Она говорит, что издать решили только стихи. Ну, ладно! Больше 20 стихов я не дам... ».

Так вот, во всех письмах выпирает двойственность отношений к изданию своих произведений. И хочется, чтобы все-таки издали, но автора очень сковывает стеснительность удмуртки, о которой она так пронзительно написала в стихотворении «Возьгтылек» («Стеснительность»). Да не только. Она все еще не может преодолеть боязни 30-х годов. Как бы не стать ей виной мучений доброжелателей, тех, кто из лучших побуждений хочет переиздать стихи. Эту же мысль вижу в авторском взгляде на стихотворение «Лулы мынам» («Душа моя», или в переводе А. Смольникова «Хоть мотылек...»). В том же письме мы читаем: «Вот стихотворение (здесь автор полностью переписывает стихотворение на удмуртском языке, а мы приведем еще и на русском, в переводе А. Смольникова):

*Лулы мынам
Возь выл бубли ке но –
Марлы меда
Бурдыз с □ сьрмылэм?
Сюлмы мынам
Чебер кырезь ке но –
Марлы меда
Сиез т □ яськылэм?
Мылкыд мынам
Зарни манет ке но –
Марлы меда
Жильы борды со думылэм?*

*Хоть мотылек
Моя душа, –
Зачем ее
Поранены крыла?
Хоть сердце
Мелодично, точно крезь,
Зачем его*

*Оборвана струна?
Хотя мечта,
Как золота струя, –
Зачем цепями
Скована она?*

Давным-давно я забыла это стихотворение. А вновь ознакомилась с ним из выбранных Вами или кем-то другим доброжелателем, и оно мне понравилось. Ей-ей, по-моему, оно поэтично! Но боже мой, как же оно написалось? Ведь в то время мы, три учительницы-удмуртки: Андреева Ольга, Федорова Анна и я, учились на рабфаке и чувствовали себя, как восторженные телята на майском лугу». Так пишет автор в 1968 году. Но ведь стихотворение и не напоминает чувств «восторженных телят». Конечно же, не этим чувством привлек пожилую Ашальчи «Лулы мынам...» Стихотворение лишней раз, может быть, и очень больно напомнило автору весь жизненный путь ее: «Хотя мечта, как золота струя, – зачем цепями скована она?» Вот от этой скованности до конца жизни не смогла освободиться Ашальчи Оки.

Куцый сборник «Мон тодам ваиско» в 1968 году все-таки вышел. Но с опозданием. Семидесятилетие Л. Г. Векшина отметила без книги.

Уже после юбилея, в апреле 1968 года, Лина Григорьевна написала Г. Д. Красильникову: «После юбилея еле-еле похмелье прошло уже. Теперь посылаю тебе нечто вроде отчета. Друг мой русский Иван (т. е. муж И. И. Карачев. – А. Е.) всю голову мою изрешетил уже: почему, мол, Геннадия не пригласила на юбилей... Он, мол, Геннадий – и был главным заводилой. А я говорю ему: «Неужели я этого не знаю? Я бы с радостью пригласила Зину и Машу (З. С. Красильникову и М. Г. Кубашеву. – А. Е.). Нам обоим они много хорошего сделали: хорошо лечили. Кроме этого, Зинаида Степановна помогла и трахому ликвидировать. С радостью бы пригласила, доброе бы слово сказала перед медицинской общественностью. Но... не пригласила: мужья занимают высокие посты (Г. Д. Красильников был тогда председателем правления Союза писателей Удмуртии, П. Н. Кубашев – заведующим отделом пропаганды обкома КПСС – А. Е.), имя Геннадия слишком известно уже в народе, глубоко в сердца уже запало. Если бы такие люди приехали на мой праздник, завели бы речь о писательском деле. Что бы подумали тогда люди?.. Кроме того, в меня вселился, кажется, уже и Беликов, который говорил «кабы чего не вышло»... Кто знает, меня поднимете, и вас будут ругать». Вот здесь, в этих последних словах и заключена правда, которая оставалась невысказанной в других письмах.

Сборник стихов 1968 года, хоть и куцый, хоть и после юбилея автора, вышел в довольно приличном оформлении: в тканевом твердом переплете, с суперобложкой. На клапане суперобложки – фотопортрет мо-

лодой поэтессы, а перед титульным листом, вклейкой – ее портрет в пожилом возрасте.

И у этого портрета – своя история.

В 1965 году летом мы с А. Н. Клабуковым ездили на встречу с читателями в Алнашский район. Клабукову очень хотелось встретиться с Ашальчи Оки. И вот мы зашли в дом деревенского типа. Нас встретила пожилая статная женщина. Она в доме оказалась одна. Муж, И. И. Карачев, – в отъезде по своим агрономическим делам.

Поскольку мы зашли без предупреждения, Ашальчи Оки несколько растерялась. Но чувствовалось, что она и обрадована. Клабукова узнала сразу. А я... У меня эта встреча была первая и последняя. К сожалению.

В молодости я увлекался фотографией. И в эту поездку взял маленький аппарат – «Смену» первого выпуска. И когда Ашальчи Оки и Клабуков сидели за столом и увлеченно беседовали, я начал кружиться вокруг них и щелкать затвором. Увидев это, хозяйка проявила недовольство, она не хотела, чтобы снимали. Но я проявил некоторую долю нахальства. Заявил, что портрет нужен для истории. Клабуков меня поддержал. А когда мы стали уходить, Лина Григорьевна осталась дома и стала смотреть нам вслед в окно. На дворе дома я снова сфотографировал ее в окне.

Конечно, не все снимки получились, но неожиданно один получил большое распространение. Это снимок, где она сидит, опершись головой на левую руку, а правая – под левой. Сидит и внимательно слушает.

Сначала два снимка я опубликовал в газете «Советской Удмуртия». Затем – вклейкой к ее сборнику «Мон тодам ваиско». В 1975 году этот же снимок был напечатан в венгерской книге «Медвеинек» – сборнике произведений писателей финно-угорских народов. Этот же снимок помещен и на обложке книги стихов «Тон юад мынэсьтым» («Ты спросил у меня»), вышедшем в 1978 году. И этот же снимок послужил основой композиции живописного портрета Ашальчи, выполненного С. Н. Виноградовым. И он же, но в сильно увеличенном виде висел на первом этаже Дома печати на Воткинском шоссе на персональной выставке профессионального редакционного фотографа. Затем три отпечатка с этого же снимка я встретил в редакции журнала. Но на оборотах снимков стояли имена трех разных редакционных фотографов. Снимок, видно, понравился, и, сделав репродукции, эти профессионалы решили присвоить и авторство снимка.

Судьба талантливого поэта и врача была, как видим, очень сложной во всех проявлениях.

Конечно, вынужденно отказавшись от литературного творчества, считая себя отверженной, Ашальчи Оки не переставала интересоваться удмуртской литературой. Она радовалась успехам Геннадия Красильникова,

Германа Ходырева. Хотя и писала она, что перестала читать удмуртскую литературу, но это не совсем подтверждается фактами. Особенно в 50 – 70-е годы.

Очередным радостным событием для себя она сочла начало выхода после длительного перерыва с 1941 по 1967 год удмуртской детской газеты «Дась лу!» («Будь готов!»). 25 февраля 1968 года Ашальчи пишет поэту Герману Ходыреву, сотруднику редакции: «Рождение газеты «Дась лу!» было очень радостным событием для меня. Хотела тут же написать несколько добрых слов, но не написала – постеснялась. Подумала, что вы, ребята, еще осудите: что, мол, еще такая старушка пишет. Завидую нынешним школьникам: на нашем языке для них и газета выходит. Через эту газету сколько вырастет поэтов, писателей».

А на следующий день – уже письмо на имя редакции: «Вчера вечером подумала и решила, что нехорошо первое письмо посылать без подарка. Что-нибудь надо вложить «на память».

Теперь уже у ребенка, «Дась лу!», настала такая пора, когда начинает течь слюна. Грудь не должна мокнуть. Вот этот подарочек мой и приспособьте, чтобы не растекалась слюна. Девушки, наверно, есть в редакции. Пусть обрежут под статью шею ребенка, а сзади пусть пришьют пуговицу или шнурки».

Так поэт говорит о своем маленьком рассказике «Боко» («Страшилище»). И тут же: «Конечно, «Боко» вашим читателям не понравится. Неинтересным покажется. Написано ведь для взрослых о маленьких». («Дрожжи», которые кинул А. Клабуков, когда предлагал статью удмуртским Чукошей?)

О подарке «Дась лу!» говорится и в письме Г. Красильникову: «Как я обрадовалась выходу «Дась лу!» В этом году это было самой главной вестью, согревшей мое сердце. Очень хотела поздравить, высказать свои пожелания – ничего не написала. Сказала себе: «Молчи, бабушка».

На юбилей Советской Армии сотрудники «Дась лу!» нам с Иваном Ивановичем прислали поздравление, очень согревающее наши сердца. И ответное письмо написала им. Милой «Дась лу!» тогда же и маленький подарочек приготовила... Написала и... спрятала в комод: «Молчи, бабушка!...»

Она всю жизнь заставляла себя молчать. И всю жизнь страшилась, как бы кто не пострадал, публикуя ее, – даже когда уже можно было не бояться.

Мы знаем в истории много людей, которые сочетали счастливо разные профессии. А. П. Чехов был и врач, и писатель. В том же письме, где критиковал рассказ «Мынам абие», А. Н. Клабуков писал Ашальчи Оки: «Когда я старался Вас разбудить для участия на творческой ниве, совсем не предполагал, что вопрос станет альтернативно: или – или. Надо: и – и, совмещать в себе и врача, и писателя. В наших национальных условиях про-

фессиональных писателей почти нет... все в штате. И пишем мы все только из любви к искусству».

Лина Григорьевна не приняла это «и – и», осталась при своем «или – или». Как мы уже подчеркивали, выбор был вынужденным.

Такова была судьба первой удмуртской поэтессы. Что было бы, если?.. Не знаю. Ашальчи Оки на свете прожила только одну жизнь. Такую, какую прожила. Не берусь я искать виноватых в этой трудной судьбе. Но мы должны ценить по достоинству то, что Ашальчи Оки сделала в нелегкой жизни.

Да, она написала совсем немного. Нам известно всего тридцать семь стихотворений. Но каких! Да, она свернула на другой путь, растворила себя в повседневном подвиге врача. Сколько людей, благодаря ее стараниям, сохранили или восстановили зрение! Скольким солдатам она спасла жизнь на той жестокой войне!

Такова жизнь. Подвиг врача, наверное, забудут. А лирика ее бессмертна. Вырастут новые и новые поколения. Ее стихи они будут открывать для себя вновь и вновь. Эти звонкие и столь душевно глубокие стихи. Не забудется, благодаря им, и имя Ашальчи Оки.

Судьба поэта // Ашальчи Оки. Чыртывесь = Ожерелье : кылбуръёс = стихи / О. Ашальчи ; сост. А. Ермолаев ; вступ. ст. А. Ермолаева. – Ижевск : Удмуртия, 1998. – С. 7–13;

Судьба поэта // Заметки нестороннего. Статьи, рецензии об удмуртской литературе. – Ижевск: Инвожо. – 2005. – С. 21–43.

ОБ АЛЬБОМЕ «АШАЛЬЧИ ОКИ», МНОЮ СОСТАВЛЕННОМ

Альбом сверстан в издательстве без какого-либо понятия, что такое альбом и чем он отличается от книги, с нарушением всех традиций и принципов.

Альбом должен быть, в первую очередь, наглядным пособием. В «Ашальчи Оки» все сделано наоборот. Вспомогательный текст (то, что раньше публиковали под названием «Для рассказа перед выставкой») стал главным, набран крупным шрифтом и занимает половину объема издания. И почему-то в этот вспомогательный текст вверстаны миниатюрные снимки (стр. 4 – 27 и 33 – 35) без какой-либо связи с этим текстом. Рисунки на стр. 28, 34 сканированы отвратительно, в них ничего невозможно разобрать: очевидно, они сканированы без предварительной ретуши. На стр. 42 почему-то всю площадь занимают неизвестные мне ноты.

Произвольно, без всякой логики нарушен порядок следования снимков. А они должны следовать в строгом порядке. Почему анкета на стр. 34,

относящаяся к 30-м годам, попала после военного снимка? Некоторые представленные автором снимки выброшены (например, отличный снимок Ашальчи 1965 года). Вообще много места занимают плохие снимки с мемориальными плитами. Мемориальную доску на доме-музее нужно было сильно уменьшить и смонтировать со снимком дома. А камень на месте родного дома и надгробие надо вообще убрать.

Совершенно произвольно перегружена первая половина альбома, а в конце – полупустые страницы: 29, 30.

Из-за полного непонимания смысла издания из альбома выброшены цитаты из писем, книг, разных изданий, а другие набраны наравне с подри-сучными подписями. А они должны были стать изобразительным мате-риалом, – это было указано и на моей рукописи, и на представленном мной макете! Из-за этого совершенно не понятен смысл снимка на стр. 34 (оф-тальмологический набор).

Аляповатым, подст ать базарным художникам, шрифтом исписаны и обложка, и титул альбома. А основной заголовок «Ашальчи Оки» просто не читается из-за дешевых виньеток. Весь текст на обложке и титуле лучше заменить наборным шрифтом.

В представленном виде издавать альбом считаю невозможным.

А. А. Ермолаев. 13.04. 1998 г. (из семейного архива).

РЕЦЕНЗИЯ НА АЛЬБОМ «АШАЛЬЧИ ОКИ», СОСТАВЛЕННЫЙ МИХАИЛОМ КОЗЛОВЫМ

Об Ашальчи Оки, 100-летие которой мы отмечаем в республикан-ском масштабе, литература по сей день крайне скудна.

Альбом, составленный Михаилом Козловым и иллюстрированный цветными фотографиями Михаила Егорова, – вполне закономерное и ква-лифицированное издание. Он восполняет пробел в освещении биографии и личности поэтессы и врача. Восполняет с точки зрения краеведения.

Ашальчи Оки родилась и почти до совершеннолетия жила в Грахов-ском районе. Но до сих пор бытует мнение, как будто она родилась в де-ревне Кузубаево Алнашского района. Правду можно восстановить путем издания соответствующей литературы. Рассматриваемый альбом особенно важен в этом отношении.

И еще. До сих пор «районный» патриотизм граховцев почти дремал. Только начинает пробуждаться. Очевидно, сказывается работа отделения Комитета по делам национальностей. И такое пробуждение нужно всячески поддерживать. Я имею в виду, как отметили юбилеи Романа Валишина и Ашальчи Оки. Я считаю проведение этих мероприятий в Граховском рай-оне крайне важным.

Альбом об Ашальчи Оки получился хороший. Он ни в чем не пере-секается по материалу с альбомом, выпускаемым в серии «Удмуртские пи-сатели». Они взаимно дополняют друг друга.

Кроме того, что в данном альбоме печатаются красивые цветные снимки Михаила Егорова, и текст – на удмуртском и на русском языках – вполне соответствует современным требованиям.

Я от всей души приветствую издание альбома «Ашальчи Оки», со-ставленного Михаилом Козловым.

*А. А. Ермолаев, председатель комиссии
по литературному наследию Ашальчи Оки
(из семейного архива).*

ДВА «ПЕРВЫХ» РОМАНА

Два маленьких романа удмуртской литературы. Авторы их отно-сятся к разным поколениям представителей молодой удмуртской лите-ратуры. Кедр Митрей родился в 1892 г. и стал одним из зачинателей на-циональной художественной литературы еще в дооктябрьский период. Зна-ток истории, этнографии, фольклора родного народа, изучавший прой-денный путь народа по живым свидетельствам, по народной памяти и немногочисленным письменным источникам, писатель уделил немало внимания отображению исторического прошлого своего народа.

Петр Блинов родился двумя десятилетиями позднее – в 1913 г. и начал писать в середине тридцатых.

Тем не менее замыслы романов родились не в таком отдалении по времени. «Зимой 1927/28 года работник областного архива Поздеев принес рукопись... При первом же чтении рукописи перед моими глазами предстали черные дела миссионеров», – писал Кедр Митрей о возник-новении замысла «Тяжкого ига». Роман появился в свет в 1932 г. Это был первый удмуртский роман. Роман об историческом прошлом народа.

«Эта тема в голову мою пришла в 1932 году, тогда я еще учился в педтехникуме», – признавался Петр Блинов. Роман же его «Жить хочет-ся» был впервые напечатан в 1940 г.

Между этими романами в удмуртской литературе уже родилась три-логия «Лозинское поле» Григория Медведева (правда, третья ее книга тогда не увидела света), «Лицо со шрамом» и «Гаян» Михаила Конова-лова. Но мы, школьники сороковых, считали «Жить хочется» первым удмуртским романом (потому что и Кедр Митрей, и Г. Медведев, и М. Коновалов искусственно были преданы забвению).

Есть немало и общего между романами. Оба они рассказывают о становлении молодого человека. Один – о росте борца за свободу (хотя

Дангыру до революционного сознания – ой! – как еще далеко). Другой – о формировании защитника нового общества, о том, как в новых условиях человек поднимается с самого дна – из преступного мира – и становится сознательным и честным тружеником, орденоносцем.

В обоих романах по сути решается проблема положительного молодого героя. Решается сообразно своему времени – и времени бытия героя, и времени создания произведения. Решается, исходя из индивидуальных установок авторов произведений. Потому и общность между романами не столь велика. Они совершенно разные по переосмысленному в них жизненному материалу и по авторскому отношению к событиям и героям, да и по основным методологическим установкам. Если «Тяжкое иго» все-таки больше тяготеет к романтическому методу с его исключительным, одиноко противостоящим обстоятельствам героем, то «Жить хочется» отмечен признаками реализма. Думается, дистанция между ними не только в тех одиннадцати годах (1929 и 1940), но и в разных стадиях развития молодой удмуртской прозы. Тем самым вовсе не хочу утверждать, что молодые национальные литературы прошли через все методы и стили развития мировой литературы. Нет, этого не было. Да и не могло быть сколь-нибудь развитого сентиментализма, классицизма, романтизма, критического реализма в них, но какими-то их особенностями удмуртская литература все же «переболела», как, скажем, «детскими болезнями». Переболела подчас не одновременно, стадийно, а синхронно – разные писатели разными «болезнями» одновременно. И следы этих «детских болезней» заметны и в романах Кедре Митрей, и Петра Блинова. Ну, хотя бы то, что в «Тяжком иге» литературоведы уже отмечали признаки фольклорного типа создания образов, фольклорно-романтического способа типизации.

В «Тяжком иге», кажется, как ни в каком другом удмуртском романе, нашли отражение самые что ни на есть древние признаки быта и духа народа. Хотя действие романа можно датировать не столь глубокой древностью – периодом христианизации (а она началась в середине XVI в. и особенно интенсивно велась с конца XIX п.). Автор не уточняет, в какие именно годы происходят отображенные в романе события. Но можно предположить, что они не относятся к начальному периоду христианизации удмуртов: уже в селе успела состариться деревянная церковь, выстроили новую, каменную. Да и святой Трифон уже так изрядно подзабыт, что поп и дьякон могут произвольно указывать места его «деяний».

В романе люди осознают себя в неразделимом родстве с окружающей природой, частью этой природы. Да и имена у них соответствующие, древние, «природные»: Дыдык (голубь), Пужей (олень). И имя Дангыр весьма созвучно слову «гондыр» (медведь) – звучит как нарочито переименованное слово, очевидно, по тем же мотивам, по которым маленькому Бетко не разрешают называть медведя в лесу, чтобы не разозлить

этого могучего властелина. Богатырь Дангыр состязается с настоящим медведем и выходит победителем. На материале «Тяжкого ига» в удмуртском литературоведении уже прослежены и сюжетные переключки с волшебной сказкой.

Роман «Тяжкое иго» всеми корнями связан с первоначальным периодом развития письменной прозы на основе устной, народной. Но в нем уже налицо почти все признаки романа (хотя его грани с повестью весьма размыты).

Главный пафос романа определил сам автор, как антирелигиозный, антимиcсионерский. «Тяжкое иго» здесь – прежде всего иго религиозное и затем уже – классовое.

Приемами сказочной сатиры пользуется Кедре Митрей, создавая образы попа Илария, дьякона, архиерея. Подобным же образом обрисованы и богатырь-удмурт Кион Эркемей (прозвище его тоже соответствующее: кион – по-удмуртски волк), подрядчик Братухин. И все повествование автор ведет в сопоставлении природной, естественной жизни бедных крестьян жизни окружающих их лесов, полей, рек, обитающих в них зверей и птиц. И в эту естественную гармонию врываются, совсем уж нарушая гармонию, все действия и поступки духовенства и послушных ему власть имущих, бескомпромиссно сталкиваются чуть ли не идиллическая жизнь и тяжкий гнет. Это противостояние проявляется на первых же страницах романа, с появления на кулиге, где жали крестьяне, сотского Кион Эркемея с десятскими, сгоняющими селян с уборочной страды под страхом нелепого греха (что для крестьянина может быть нелепее, чем не давать убирать вовремя хлеб?) за работу в воскресенье, а затем – на поднятие большого колокола на колокольню новой церкви. Противостояние церкви (кстати, являющейся здесь средоточием всего социального зла, включая классовое угнетение бедноты) и крестьян длится на всем протяжении романа, то разрушая естественный ход событий (мешая, например, браку Дангыра и Дыдык по любви), то порождая противодействие гнету (сначала отец Дангыра, потом он сам, а вслед ему и Дыдык с её обещанием вырастить сына мстителем за погубленного отца).

Кедре Митрей в романе явно исходил из установок новой, советской литературы на показ действительности в ее революционном развитии, хотя в нем еще недостает исторической конкретности.

Недостаток исторической конкретности едва ли можно ставить в вину первым удмуртским писателям. Ведь историческая наука об удмуртах еще имела лишь некоторые разрозненные сведения – в основном этнографического, фольклорного характера. Письменных источников, относящихся к прошлому удмуртов, было известно чрезвычайно мало. Кедре Митрей в двадцатые годы стал одним из лучших знатоков их.

Зачинатели национальной литературы вынуждены были восполнять пробелы в источниках иными средствами – в основном широко используя свидетельства народной памяти, народного устного творчества. Поэтому и в «Тяжком иге» значительное место занимает фольклорная поэтика. И типизация характеров здесь близка к сказочной, во многом нормативна, характеристики полярны, хотя автор уже стремится глубже выявлять социальные типы, их связи и развитие. В романе каждый герой – яркий представитель своего класса, сословия. Меньше выявлены у них индивидуальные черты – разве только можно отметить недюжинную силу Дангыра, его медвежью неуклюжесть, кривые ноги да шишку на лбу.

Между тем роман «Тяжкое иго» воссоздает в общем довольно верную и яркую картину жизни удмуртского крестьянства северной или средней полосы предположительно конца XVIII – начала XIX столетия. Основные конфликты его связаны именно с социальными явлениями того времени, с резким неприятием народом (вслед за ним и автором) порядков, насаждаемых в связи с насильственной христианизацией ранее языческого народа.

Ставя на первое место религиозно-классовые коллизии, автор меньше всего обращает внимание на национальные отношения. И эта традиция, заложенная Кедром Митреем, стала во многом ведущей для всей последующей удмуртской исторической прозы. В отличие от типологически близких литератур соседних народов – чувашей, мари, мордвы – удмуртская литература никогда особо не занималась и отображением этнографических деталей. Пожалуй, именно «Тяжкое иго» – самый насыщенный реалиями быта роман.

На ином материале, на материале современной ему действительности, строит повествование Петр Блинов в романе «Жить хочется». Ему не приходится оглядываться далеко назад, хотя во время гражданской войны ему было примерно столько же лет, сколько было Деми, герою романа.

То обстоятельство, что Блинов описал злоключения и трудное гражданское становление своего ровесника-современника, и, очевидно, то, что сумел создать реалистические картины из жизни героя, послужило причиной бытования легенды о якобы автобиографичности произведения. Не последнюю роль в утверждении легенды сыграло, возможно, стремление и автора, и героя стать в ряды воинов-защитников Родины (перед Великой Отечественной войной Блинов стал кадровым офицером и героически погиб в 1942 г. на Смоленщине). Легенда рассеялась лишь в последние годы, после того как лингвист И. В. Тараканов записал рассказ матери писателя. Она высказала обиду, что ее сына считают выходцем из беспризорников, что он никогда таковым не был. Хоть он и рос без родного отца в годы разрухи, отчим его любовно воспитывал. Уми-

рая, он завещал приемному сыну учиться. И в самом деле, если приглядеться к биографии писателя, бродить в беспризорниках, тем более лет восемь-девять, как Деми, будущему писателю было некогда. Прочувшись в своей деревне, затем он окончил педтехникум, стал работать. Судьба автора была куда более счастливой, чем у героя романа. Он рано ощутил на себе заботу. И, может быть, именно поэтому уже в 1932 году ему захотелось поведать читателям об исключительной силе новой жизни в биографии даже беспризорника-уголовника. Автор и сам оставил косвенные свидетельства о неавтобиографичности героя. В статье «Несколько слов о работе писателя» (1940) он рассказал о работе над романом и признался, что ему особенно трудно давалось проникновение в психологию и быт беспризорников.

Рождение и становление нового человека удмуртские писатели показывали в произведениях и до Блинова. Особенно ярко это было в лирике и поэмах Кузубая Герца, в очерках и рассказах Кедр Митрея, в стихах Ашальчи Оки, в поэзии и прозе Михаила Петрова, в романах Михаила Коновалова, Григория Медведева, в лирике и драмах Игнатия Гаврилова. Но чуть ли не все писатели прежде всего обращали внимание на общее движение, на трудовой энтузиазм и изменение сознания масс; если же в центр повествования ставили личность, то она проходила рост от рядового до лидера, передовика или руководителя, организатора производства.

Петр Блинов же взял не такого обыкновенного человека, а поначалу скорее антигероя, того человека, который волею судеб оказался не в русле общего прогресса, а помехой в движении к социализму. В основе сюжета романа «Жить хочется» – становление нового человека из выходца с самого дна общества. Именно его психологию исследует автор романа. Исследует последовательно, в разных обстоятельствах.

Начинается же изучение с мало что осознающего ребенка. Деми, когда в лесу на его глазах бандиты убивают мать, знает только, из какой он деревни и что его отец где-то воюет. Ему еще не скоро будет известно, кто такие белые и кто такие красные. Даже когда он своими глазами видит бесчинства белых в деревне, он еще не понимает, против кого повернуть случайно попавший в его руки револьвер. Из-за своего неведения он попадает и в городскую банду беспризорников.

Да, Деми с самого начала все у беспризорников до омерзения противно – и их жилье, и их пьяное веселье, и окружение. Но ему некуда приткнуться. К тому же атаман Алешка смелый, дерзкий, с ним, думает Деми, ничего не страшно.

Писатель этап за этапом показывает медленное прозрение малолетнего беспризорника. Вот он попадает в трудкоммуну – колонию для малолетних преступников. Тяжело дается здесь работа, сильно устает Деми, но он здесь всегда сыт, одет, есть ему и где ночевать. После трудового дня можно и веселиться. Здесь уже перелом наступил в сознании Деми, да

Алешка теперь не отстает от него, пугает убийством, если с ним не убежит из колонии. И теперь юноша думает об избавлении от Алешки. Глаза ему раскрывает и старый рыбак (у него дети учатся в школах, институтах, а о таких Деми еще и слыхом не слыхивал). А вскоре в веселой толпе на станции ему приглянулась девушка (впервые!). Да еще совсем неожиданная встреча произошла с Пашкой, с которым когда-то чуть не убили старушку, а за отказ от убийства едва живыми ушли от Алешки. Паша теперь живет своей семьей («Неужели это его жена?»). Когда Деми идет рядом с Пашей по улице, все их приветствуют. Это уж совсем невиданное для юноши: когда-то от них с Пашкой шарахались ИЛИ смотрели на них с презрением. Вот ведь и какая жизнь еще бывает! Вскоре совершается вовсе чудо. В колхозе Деми помог починить косилку, быстро скошил луг – и его приняли за инженера, ему почет, слава. А сам-то он еще не знает, кто такой инженер. Но он уже понял, что умение трудиться – это и уважение людей.

Пусть «инженеру» придется еще по букварю учиться грамоте, но у Деми уже появился вкус к жизни, к труду.

Автор, тем не менее, не спешит выпрямлять биографию героя. Ему еще трудно: тяготеет груз прошлого. Поэтому-то тяжело достаются Деми и беспочвенные наветы Омеля, и зашательство молодого Федорова. Поэтому-то он при помощи комсомольского вожака колхоза решается обо всем честно заявить властям и открыто принять кару за прошлую внезапную жизнь.

Писатель не показывает, как трудился Деми на строительстве Беломорско-Балтийского канала, куда он был направлен по приговору суда. Но во второй части романа наш герой уже возвращается с орденом Трудового Красного Знамени на груди. Если учесть, что таким орденом в те времена награждали довольно редко и что Деми – не просто передовой рабочий, а отбывающий наказание, то его награда – вовсе из ряда вон выходящее явление. Как же ему надо было трудиться, чтобы не только пройти очищение от старых грехов, но и заслужить высокую правительственную награду!

Исправление Деми было предрешено и до Беломорканала. Здесь он честным трудом сделал большой шаг к героизму, к своей мечте стать красным командиром. Автор тут не показывает процесса роста героя, во второй части видим лишь результат.

Если Деми к этому времени уже прошел, может быть, самые трудные испытания своей жизни и твердо встал на ноги, стал убежденным защитником новой жизни, то в конце романа автор еще оставляет открытыми его отношения с женой. Люба не выходит и провожать мужа, когда тот уезжает на службу в армию.

Петр Блинов в центре романа «Жить хочется» поставил судьбу одного главного героя. И его, прежде всего, интересует путь социального гражданского становления человека. Личные же качества главного героя

для автора имеют второстепенное значение, хотя уже и они проявлены больше, чем, скажем, в «Тяжком иге». Любовные отношения описаны с изрядной долей наивного сентиментализма. Думается, и здесь проявились признаки той «детской болезни» литературы, о которых я уже говорил. Но не ими определяется место произведения в удмуртской литературе.

Роман «Жить хочется» поднял новые пласты в удмуртской литературе, утверждая могучую силу трудового коллектива, способного в корне изменить судьбу юноши, оказавшегося практически в лагере его противников. Тем не менее, он и традиционен, развивает те же социальные поиски, что были заложены Кедром Митреем, продолжены всеми писателями последующих поколений.

Романы Кедр Митрея и Петра Блинова неодинаковы и по содержанию, и по форме. Но они оба пронизаны уважительным отношением к человеку. Этот гуманистический пафос и делает их любимыми произведениями удмуртских читателей. Да и не только удмуртских.

Судьба двух романов. // Кедр Митрей. Тяжкое иго: Роман. Пер. с удмурт. автора. / Блинов П. А. Жить хочется: Роман. Пер. с удмурт. Н. Ермолаевой. – Устинов: Удмуртия, 1978. – С. 5–10.;

Два «первых» романа // Заметки нестороннего. Статьи, рецензии об удмуртской литературе. – Ижевск: Инвожо. – 2005. – С. 43–51.

РОВЕСНИК ОКТЯБРЯ

К 50-летию со дня рождения П. А. Блинова

30 декабря исполняется 50 лет со дня рождения удмуртского писателя П. А. Блинова. В его биографии, как в капле воды, отражается судьба ровесников Октября. Сын бедняка из деревни Пекшур Увинского района, оставшись во время гражданской войны без родителей. Испытал на себе тяжесть беспризорничества. Впоследствии он получил образование, стал редактором республиканской молодежной газеты «Егит большевик» и известным писателем.

Первой пробой пера П. Блинова была маленькая пьеса «Я с большевиками», напечатанная в 1932 году в удмуртской пионерской газете «Дась лу!» («Будь готов!»). И с этого же времени у молодого литератора и журналиста (тогда он работал в редакции политотдельской газеты при МТС) возникает замысел большого художественного полотна. Однако до выхода произведения проходят еще четыре года

накопления и художественного отбора жизненного материала и четыре года непосредственной работы над романом. Первые две его части вышли в 1940 году – под весьма характерным названием – «Жить хочется».

В романе отображены большие перемены в жизни удмуртского народа в результате строительства социализма. Сюжет и художественные образы его глубоко жизненны и связаны с биографией автора. Главный герой Деми с малых лет остается сиротой, попадает в воровскую шайку и с трудом, при помощи хороших людей выбирается на правильный путь.

«Жить хочется» – шаг вперед в развитии романа после Кедр Митрея. Михаила Коновалова, Григория Медведева.

Бывают разные писатели. При упоминании одних сразу представляется много книг, а имена других связываются с одной запомнившейся книгой. П. Блинов известен только романом «Жить хочется». К сожалению, он не успел завершить и его. Задуманные третья и четвертая части так и остались не написанными.

Писатель в 1941 году ушел на фронт и погиб в боях под Смоленском в январе сорок второго. Но он живет в сердцах благодарных читателей и служит делу формирования человека нового общества.

Ровесник Октября // Комсомолец Удмуртии. – 1963. – 27 декабря

О КЕДРА МИТРЕЕ И ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

В самом начале нашего, двадцатого века, когда революционные бури хлынули по всей России, стала пробуждаться и мысль угнетённых народов Поволжья и Урала. Всё чаще стали появляться печатные произведения на тех языках, на которых до сих пор не было напечатано ничего или напечатаны две-три книги религиозного содержания. В эти годы начали своё творчество первые художники слова удмуртского народа. В числе их был Дмитрий Иванович Корепанов, ставший позднее известным писателем Кедр Митреем.

Родился Д.И. Корепанов 29 сентября 1892 года в селе Игра, стоящем на Сибирском тракте, с которым была связана жизнь семьи Корепановых. После церковно-приходской школы в своём селе Дмитрий окончил Зуринское двухклассное училище и в числе немногих своих сородичей сумел поступить в Казанскую инородческую учительскую семинарию.

Семинария имела немаловажное значение для формирования мировоззрения будущего писателя. В её стенах сконцентрированно и выпукло отражались противоречия эпохи, чреватой революцией. Порядки в семинарии душили всё свободомыслие учеников, были направлены на отрыв их от жизни. Но передовые идеи проникали и в это закрытое заведение. Как свидетельствует молодой Д. Корепанов в своей автобиографической повести, в семинарии были кружки революционного характера. Дмитрий не участвовал в тайных собраниях товарищей, тогда он не сумел воспринять революционные идеи и сделать их своими, хотя его они и волновали. Вот что говорит об этом сам автор: «Немаловажное значение в наведении меня на новые мысли имеют и бурные движения в семинарии среди учащихся. Эти волнения остались для меня непонятными доселе; не знаю – какая была тому причина и какая цель. Действовавшие тут в свои тайны меня не посвящали, так как я на первый раз отказался принимать участие, ссылаясь на то, что я не могу сочувствовать их делу, связанному с насилием, а я всегда являюсь врагом насилия». Это писалось в 1911 году, сразу после изгнания его из семинарии. Будущему писателю предстояло ещё пройти сквозь бурю революции и гражданской войны, участвовать в культурной революции в удмуртском крае. Все эти жизненные испытания нужны были Кедр Митрею для приобретения твёрдых коммунистических убеждений.

Из семинарии Корепанов вынес страстную ненависть к церковникам, нравственному подавлению личности. Эта ненависть в значительной степени определила в дальнейшем основной пафос творчества писателя – разоблачение дурмана религии, борьбу за новые, социалистические условия развития человека.

В семинарии уже Кедр Митрей начал литературные опыты. Писал он на русском и удмуртском языках. На русском языке первые статьи и рассказы печатал в казанских и петербургских газетах, а на удмуртском, как свидетельствует автор в публикуемых отрывках из автобиографической повести, семинаристы издавали рукописные журналы. О его повести: первоначальное ее название было «Исповедь семинариста» – зачеркнуто автором, еще одно – тоже зачеркнуто; и сверху новое, окончательное «Дитя больного века», под которым я и публикую отрывки из этой замечательной повести. Думаю, придет время и полной ее публикации.

Семинарию окончить Д.Корепанову не удалось. Его исключили с последнего курса, якобы из-за болезни. Но главной причиной была крупная стычка семинариста с начальством, отказ от изучения закона божия.

В годы скитаний по разным городам и сёлам в поисках работы Кедр Митрей занялся сбором и изучением легенд, преданий и сказок родного народа, его быта и этнографических особенностей. Познако-

мился с известными учёными-этнографами. В эти годы у молодого литератора возник замысел драматической трилогии об удмуртских батырах (богатырях). Замысел трилогии, в которую должны были войти трагедии «Идна батыр», «Эш-Тэрек» и «Эш-Туган», был благороден. Кедр Митрей впервые в истории сделал попытку объединения и художественной обработки удмуртского народного эпоса. Но осуществление замысла оказалось тогда ему не под силу. Сказались недостаточная идейная вооруженность и малый художественный опыт. Трагедия «Эш-Тэрек», написанная в 1911 году на русском языке, была напечатана в 1915 году отдельной книжкой под псевдонимом Пан Ремит в Благовещенске, где молодой литератор проходил военную службу.

В первом по времени написания драматическом произведении весьма отчётливо отразились противоречия во взглядах автора. Довольно правдиво отображая быт и нравы древних удмуртов, он не сумел реалистически вскрыть социальных условий жизни народа, его взаимоотношений с другими, соседними племенами. Подобные ошибки националистического характера были заметны ещё и в более поздних исторических произведениях писателя, связанных с замыслом народного эпоса – в трагедии «Идна батыр» (1924) и в поэме «Юбер батыр» (1928).

Октябрьскую революцию Кедр Митрей встретил в армии, в младшем офицерском чине. Вскоре он перешёл на сторону красных, начал сотрудничать в красноармейских газетах.

В начале 20-х годов, вернувшись на родину, писатель включился в борьбу за свершение культурной революции, за внедрение и укрепление политики Советской власти в удмуртской деревне, за ликвидацию неграмотности. Он руководил отделами народного образования в Зуре и Дебёсах, писал очерки и рассказы о строительстве новой жизни.

С первых лет Советской власти Кедр Митрей находился в самом русле бурной жизни. В это время расцвёл талант гражданина и писателя Кедр Митрея. Его творчество неотделимо от жизненного пути, от биографии поколения. В 1923–1928 годы, будучи редактором республиканской газеты, писатель создаёт свои лучшие произведения: повесть «Вужгурт» (в 1958 году после авторской переработки она издана под названием «Зурка Вужгурт» – «Трясётся Старая деревня»), роман «Тяжкое иго». Тогда же написано им немало рассказов и очерков о современности. В эти годы Кедр Митрей окончательно преодолевает прежние заблуждения, становится активным коммунистом-борцом.

Писатель вместе с тем неустанно учится. В 1932 году он заканчивает аспирантуру и возглавляет работу языковедов и литературоведов республики, преподаёт в институте и руководит писательской организацией.

К какой бы теме ни обращался писатель, все его работы были продиктованы требованиями тех дней. В творчестве Кедр Митрея отразились многие этапы жизни народа: и далёкое прошлое («Тяжкое иго»), и гражданская война («Вужгурт», «Шортчи Ондрей»), и строительство колхозов («Тридцатый год», «Наперекор»), и борьба колониальных народов за освобождение («Мон-А-чим»).

Повесть «Вужгурт», написанная в форме хроники, воссоздаёт картину революционного созревания и преобразования деревни. В ней писатель ярко показывает борьбу революционных и реакционных сил, разоблачает происки разгромленных эксплуататорских элементов. Повесть в своё время звучала публицистично и злободневно.

Роман «Тяжкое иго» открывает одну из далёких страниц истории удмуртского народа. В нём Кедр Митрей разоблачает «каторжную мерзость прошлого» во имя великих целей будущего. Он призвал народ окончательно искоренить остатки «тяжкого ига» и стать настоящим хозяином своей страны. В разгар культурной революции и борьбы с неграмотностью и невежеством весьма своевременным был и антирелигиозный пафос романа, его злая сатира на духовенство. Роман «Тяжкое иго» стал любимым произведением не одного поколения читателей и прочно вошёл в золотой фонд удмуртской литературы.

Кедр Митрей был одним из тех писателей, которые умели хорошо писать и на удмуртском и на русском языках. Первые рассказы увидели свет на русском языке. На русском же языке написана первая повесть «Дитя большого века», отрывки из которой публикуются в этой книге. О владении русским языком свидетельствуют и авторские переводы произведений. Роман «Тяжкое иго» был издан в 1932 году в Москве, в Издательстве художественной литературы.

В тридцатые годы у Кедр Митрея были большие творческие планы. Он начал перерабатывать свои первые произведения, составлял учебники для школ, вынашивал новые творческие замыслы. Но по клеветническим наветам в период культа личности писатель был репрессирован.

Теперь имя Кедр Митрея вновь возвращено удмуртской литературе. Его любят и помнят. В памяти народа всегда останется тот, кто одним из первых проложил путь национальной литературе, выработал основы современного удмуртского литературного языка.

Возвращаюсь к тому главному, что осуществлено, хотя и частично, в предлагаемой читателям книге, – к «Исповеди семинариста». Под этим заглавием повесть, написанная в 1910–1911 годах, посылалась автором в редакцию журнала «Сотрудник печати» в Петербург. Но вернулась с краткой резолюцией: «Возвращается в виду невозможности использовать для газеты из-за объёма. Слог хороший. Местами требуются исправления стилистические». Но если читать это произведение, стано-

вится ясно, что отнюдь не один объём помешал опубликовать его в дореволюционном издании. Протест против условий жизни в России начала двадцатого столетия, в России времён реакции после спада революции 1905 года едва ли мог появиться в тогдашней печати. Именно такой протест составляет основное содержание автобиографической повести Кедр Митрея. В книге этот протест выражен отчетливо и убедительно. Это и недовольство порядками в дореволюционной удмуртской деревне, где властвовали беспросветная тьма, произвол и бескультурье, и сомнения молодого человека, разочаровавшегося в вере, в мечтах и в жизни, это протест против всего того, что мешало в царской России нормальному гармоническому развитию личности. Так и не была повесть издана до сих пор.

Главный герой книги – автор ее, молодой Дмитрий Корепанов, проходит через сложные душевные муки от религиозного фанатизма до полного отречения от веры, из-за чего в 1911 году его исключают с последнего курса семинарии.

Но из семинарии Корепанов вынес страстную ненависть к церковникам, к нравственному подавлению личности. Эта ненависть и определила в дальнейшем основной пафос творчества писателя – разоблачение дурмана религии, борьбу за новые, социалистические условия развития человека.

В книге «Исповедь семинариста» собран большой и богатый жизненный материал. В ней речь идёт о действительно существовавших людях. И это почти документальное произведение нам дорого как свидетельство очевидца о прошлом народа, оно учит нас ценить то, чего мы достигли под руководством Коммунистической партии.

«Исповедь семинариста» довольно ярко рисует обстановку в среде официальной интеллигенции и в крестьянском быту, обстановку, которую больше терпеть человеку невыносимо.

«Исповедь семинариста» содержит в себе много жизненных наблюдений, которые впоследствии нашли художественное воплощение в историко-литературных художественных произведениях писателя. Поэтому эта книга поможет нам лучше, глубже понять всё творчество Кедр Митрея.

Можно быть уверенным, что автобиографическое произведение Кедр Митрея, публикуемое мной под окончательным авторским названием «Дитя большого века», заинтересует многих читателей – любителей удмуртской литературы, тем более что печатается впервые.

Черновой вариант предисловия Алексея Ермолаева к составленному им сборнику Кедр Митрей. Избранное / М. Кедр. – Ижевск : Удмуртия, 1965. (из семейного архива).

ПОДБИТ НА ВЗЛЕТЕ

Небольшой рост, черные волосы, пронизывающие открытые глаза. Так смотрит с портрета на нас удмуртский писатель Михаил Коновалов. Кажется, что перед нами ему нечего скрывать, но и перед его взглядом ничего не утаишь. Он смотрит на нас прямо, в упор. Он весь с нами, с его благодарными читателями. Ему исполнилось бы 90. Но он остался навечно молодым, не достигшим 33 лет. Полный невоплощенных творческих замыслов.

Родился Михаил Коновалов в бедной крестьянской семье. Отец, долго прослужив в царской армии, вернулся в деревню грамотным. Может, эта грамотность его и была главным богатством семьи. Мать, русская девушка – сирота, любила сама и приучила детей читать русскую и мировую классику. Многодетная семья никогда не сводила концы с концами. Дети с малых лет приучались к нелегкому труду. Семья жила дружно. После трудового дня вместе веселились, пели, плясали. В этой дружной семье выросли замечательные люди: учителя, врачи. Два старших брата погибли на гражданской войне.

После начальной школы Михаил вместе со старшей сестрой Катей поступает учиться в Елабужскую учительскую семинарию. Но гражданская война прерывает учёбу. Поиски куска хлеба, Наемная работа, скитания. Лишь с 1922 года, когда семинария была переведена в село Можгу и превращена в педтехникум, Коноваловы успешно заканчивают учёбу. Правда, в последний год курс Михаила перевели в Ижевск.

С самого начала в Можгинском педтехникуме хорошо работал литературный кружок. Его основал писатель и краевед Яков Ильин. Он стремился прививать ученикам любовь к родному слову, к духовным богатствам, созданным народом в течение веков. На занятиях кружка учащиеся пробовали свое перо и до хрипоты спорили об удачах и просчетах своих товарищей. А душой кружка стали Григорий Медведев и Михаил Коновалов. Из участников кружка выросли известные писатели, деятели культуры удмуртского народа, журналисты. Сестра Коновалова Екатерина Алексеевна впоследствии до самого выхода на пенсию продолжала традиции литературного кружка, с новыми и новыми поколениями учащихся.

Михаил Коновалов, общительный, начитанный юноша с широким кругозором, с острым языком, был всеобщим любимцем. Он часто выступал с лекциями, с чтением своих стихов, эпиграмм не только в техникуме, но и в окрестных деревнях.

После педтехникума Коновалов работал учителем в удмуртской школе города Можги, в Большой Кибье, в Большой Уче. В 1930 году его

приглашают в Ижевск. После непродолжительной работы в профсоюзных органах его направляют в редакцию газеты «Удмурт коммуна». Именно в это время он активно пишет очерки, рассказы. Заметным явлением тогдашней литературы стал рассказ «Лиза» – о женщине, возглавившей колхозное движение. Но мне вот въелась в память вещь, напечатанная только на страницах «Удмурт коммуны», до сих пор нигде не перепечатанная – это очерк «Семафор открыт». Очерк во многом напоминает рассказ Андрея Платонова «В прекрасном и яростном мире». Да, молодой журналист многое перенял от русского писателя. Но, тем не менее, очерк впечатляет и самостоятельным содержанием. В нем уже в значительной мере видны те художественные особенности, которые вскоре проявились в романе «Лицо со шрамом».

Вскоре Михаил Коновалов становится во главе создававшегося Союза писателей, председателем его оргкомитета. Вместе с Кедром Митреем и Григорием Медведевым участвуют в работе Первого съезда писателей СССР, встречаются с Максимом Горьким.

За все писатель брался со всей энергией. Увлечшись темой рабочего класса, он работал в многотиражной газете Ижевского металлургического завода, вникал в детали организации труда, много интересовался изменением сознания недавнего крестьянина, пришедшего на завод.

Роман «Лицо со шрамом» писался в 1932 году. Действие его происходит именно в начале тридцатых годов – в суровое и напряженное время, во многом несущее дух и напряжение гражданской войны. Хотя и нет в романе сыщика, детектива, сюжет его принял многие черты детективного романа. То один, то другой герой вспоминают гражданскую, противостоят вздыбленным силам. Радин и Дубов, каждый по-своему, вспоминают эпизоды, связанные с Нушиным-Ношевитским, стараются раскрыть врага тридцатых годов.

Герои романа подстать своему времени – суровы и бескомпромиссны. Дубов заявляет Нушину: «Я тебе не брат, ты – враг, мне брат – рабочий класс». В этом несколько наивном утверждении – весь характер молодого, горячего рабочего. Или перед нами Михайлова. Когда нечаянно ее палец попадает под молот, думает: «Один палец вышел из строя. Работать еще смогу». А старый Радин, бригадир рабочих прокатного цеха, на минуту проявляет слабость, и ему угрожают исключением из партии. А у него в голове: «исключат – значит, расстрел!»

В этой обстановке прозревает и приобретает новые черты характера недавний крестьянин-батрак Гондыр.

В романе «Лицо со шрамом» – самое главное, самое захватывающее – это пафос утверждения трудового человека как хозяина жизни. И главный герой в нем – не один и не два, а целый коллектив, бригада Радина. Писатель создает коллективный портрет людей, объединенных общим трудом, общей идеей. По строю роман относится к таким, как «Время

– вперед» В. Катаева, «Гидроцентраль» М. Шагинян, «Цемент» Ф.Гладкова, «Танкер Дербент» Ю. Крымова.

«Лицо со шрамом» было для удмуртской литературы не только тематическим (впервые на крупном полотне отображено становление нового рабочего класса), но еще больше – художественным открытием: в литературу пришли герои нового типа, новые коллизии, новый эстетический идеал.

Хочется отметить еще очень существенную особенность письма Михаила Коновалова – это неизбывный юмор, которым он окружает своих героев даже в самых неожиданных ситуациях. Самые разные – и положительные, и отрицательные – отражены через призму смеха, то добродушного, то саркастического.

Михаил Коновалов одновременно изучал и город, и деревню, и сегоднешний день, и глубокую историю. Он по командировкам газеты колесил по удмуртским деревням, а затем – с экспедицией ученых собирал фольклор. Перечитал гору книг. Написал злободневную пьесу «Побеждающая сила» и драму «Пугачев» (она, правда, долго оставалась в рукописи и опубликована лишь в 1975 году П. Поздеевым).

Да, Коновалов всерьез занялся историей своего народа. И настоящим «вхождением в историю через современность» (по выражению Алексея Толстого) стал для писателя роман «Гаян», изданный в 1936 году.

Избрав канву авантюрного романа, прозаик убедительно и зримо нарисовал картины социального расслоения удмуртского народа в XVIII веке и показал весьма ярко типичных, но с индивидуальными характерами представителей каждой прослойки.

Второй, исторический, роман Коновалова резко отличается от первого и художественными приемами. Автор теперь отказывается от эпической широты, от коллективного портрета и сюжет строит вокруг судьбы главного героя. Что бы ни говорили и писали некоторые литературоведы, здесь четко определен один главный герой – Гаян (а не Пугачев и не Чипчирган). И с этим связан весь сюжет. Исследование психологии противоречивого, изменяющегося, идеологически растущего главного героя становится основным для прозаика.

Роман «Гаян» мало чем напоминает «Лицо со шрамом». Даже трудно вообразить, что они написаны одним и тем же автором. «Гаян» – это опять же новая эстетика для удмуртской литературы. Здесь причудливо сочетаются исторические герои типа Пугачева, Чики-Зарубина, генерала Михельсона, Альимова и совершенно как бы перекочевавшие из народного эпоса Гаян, его отец, Чипчирган, Италмас, Чачабей. И в создании этих образов автор причудливо сочетает приемы реалистического исторического романа и сказовость, романтичность. В общем, роман получился весьма сложным, но тем не менее единым по своей структуре. Не стоит

удивляться тому, что писатель употребил и стилистику фольклора, и стилистику реализма. Ведь он вместе с Кедром Митреем, Григорием Медведевым создавал новую эстетику удмуртского романа. Удивления достоин тот факт, что, пробуя разные, порой и противоположные приемы архитектуры и стилистики, писатель добивался успеха. Поражает диапазон тематики и изобразительного мастерства молодого писателя. Он все время искал новое, был весь в движении. Он был на творческом взлете.

Тем не менее всяческие наветы привели к тому, что в 1937 году Михаила Коновалова, который нимало не сомневался в политике Советской власти, арестовали как врага народа. В 1938 году он скончался в заключении в Сибири. Звезда его погасла на самом творческом подъеме, взлете. И с его гибелью, и гибелью ряда его талантливых соратников значительно затормозилось и развитие удмуртской литературы: именно – с тридцатых годов.

Подбит на взлете // Удмуртская правда. – 1995. – 9 июня;

Подбит на взлете // Заметки нестороннего. Статьи, рецензии об удмуртской литературе. – Ижевск: Инвожсо. – 2005. – С. 51–55.

ГОРЯЧЕЕ СЕРДЦЕ ПИСАТЕЛЯ

В 1943 году, будучи сотрудником дивизионной газеты действующей на фронте 21-й гвардейской стрелковой дивизии, Игнатий Гаврилов записал в дневнике сокровенные для его души слова. И хотя запись предназначалась только для себя, а не для читателей, она звучит как стихотворение в прозе: «Ради чего я живу на свете? Ведь это правда, что все радости, и тихая, и бурная жизнь моя – вся в удмуртской литературе и искусстве! Ими я счастлив, ими я живу».

Эти искренние, от сердца идущие слова писатель оправдал всей своей жизнью. Простой крестьянский парень в двадцатые годы получил среднее образование, стал поэтом, драматургом, прозаиком – одним словом, многосторонней творческой личностью, отдавшей всю свою жизнь служению культуре родного народа.

Творчество Игнатия Гаврилова началось в конце двадцатых годов. Острая классовая борьба в деревне обусловила многие черты и драматургии его, и поэзии, и прозы.

Произведения писателя всегда остросоциальны, большей частью с почти полярным разделением добра и зла. Вместе с тем, разоблачая «каторжную мерзость прошлого», он воспекает новую действительность. Гимн новой жизни звучал как в первых стихах, так и в первых пьесах Гаврилова. И старик седой из стихотворения поэта, повстречав на поле

свой родовой пус-тамгу, которым отмечал раньше свой убогий земельный надел, теперь:

Старик забросил колышек в овраг

И долго после что-то вспоминает...

Шумят поля колхозного добра.

Идет старик,

И песнь в душе играет.

И первая, еще во многом ученическая пьеса «Вало пр куашетэ» – «Река Вала шумит» – была очень злободневной. И знаменательно то, что именно эта пьеса дала начало и драматургии Гаврилова, и первому профессиональному Удмуртскому театру.

В дальнейшем драматург создал много пьес и о современности, и об историческом прошлом своего народа. Но и в пьесах исторического характера, таких, как «Холодный ключ», «Камит Усманов», «Азин», «Груня Тарасова» и особенно в героико-патетической драме «Солнце взошло», на первый план встает борьба трудового народа за свободу, хотя его герои находятся на совершенно разных стадиях этой борьбы. И главные персонажи в них – от беглого солдата царской армии, обычного стихийного бунтаря и народного мстителя Камита до сознательных революционеров Азина и Кремнева. Драматургия Гаврилова всегда остро конфликтна, социально конфликтна.

Драматург Гаврилов был мастером не только сюжета, но и диалогов. Этот опыт он удачно перенес и в прозу. И в прозе писателя нет пустых, проходных диалогов, они всегда содержательны, всегда способствуют раскрытию сложности характеров героев. Нашим современным драматургам и прозаикам есть тут чему поучиться. Но и развивать его традиции.

Игнатий Гаврилов создал много пьес. Пьес разных. Есть у него глубокие трагедии, основанные на столкновении характеров и обстоятельств, есть драмы, есть и веселые, задорные комедии. Диапазон драматурга был широк. И не даром долгое время Удмуртский драматический театр практически был театром Гаврилова, ну, скажем, примерно так, как Малый театр называют домом Островского, как МХАТ был театром Чехова и Горького. Для Удмуртского театра гавриловский период был самым плодотворным, периодом самого яркого расцвета. Не обойти молчанием и тот факт, что театр стал Лауреатом Государственной премии Удмуртской АССР в связи с постановкой комедии Игнатия Гаврилова «Жингрес с зыль» – «Звонкая осень».

Гаврилов отдал театру лучшие свои годы, главные свои творческие силы. Поэтому неплохо было бы присвоить имя Гаврилова нашему театру официально, чтобы он развивал традиции своего первого драматурга в духе современности и всегда имел в своем репертуаре хотя бы один

спектакль по его пьесе. Лучшие пьесы Гаврилова могут и должны быть заново и заново сценически прочитаны в духе современности.

Особенно в тридцатые годы Игнатий Гаврилов планомерно и настойчиво изучал удмуртский фольклор – ездил в экспедиции, собирал и публиковал сказки, песни, легенды народные. Вкус к произведениям родного фольклора привила ему со школьной скамьи русская учительница-подвижница Вера Васильевна Толстая, которая добровольно в начале века приехала в удмуртскую деревенскую глушь, на родину Игнатия Гаврилова, в деревню Большие Сибьы и все силы и умение отдавала просвещению удмуртских детей. Вера Васильевна же знакомила удмуртских детей с шедеврами русской литературы. Впоследствии эту любовь к родному фольклору, к образному слову, а также к русской и мировой классике развили преподаватели Можгинского педагогического техникума. И эти два источника – жемчужины мудрости родного народа и традиции великой русской и мировой литературы стали для удмуртского писателя той живительной влагой, которая питала его творчество все дальнейшие годы.

Нужно прямо сказать, Гаврилов, как и другие удмуртские писатели старшего поколения, прошел через подражание и заимствование мотивов русской и советской классики. Но он не остановился на этом этапе. Усвоив мастерство в словесном искусстве, он создал самобытные произведения в различных жанрах лирики, эпоса, драмы.

Лирические стихотворения и поэмы в творчестве Игнатия Гаврилова занимают особое место. Эти стихи, часто становясь песнями, пробились из тридцатых-сороковых, очень благоприятных для развития этих жанров годов до наших дней. «Тулыс уй» – «Вешняя ночь», «□ыдонтэм тулыс уй» – «Ненаглядная вешняя ночь», «Уй пеймыт вал соку» – «Ночка темная была», «Гожтэт» – «Письмо», «Пеллян гуммы» – «Свирель», да не только эти – бытуют наравне с народной песней.

Жемчужинами удмуртской поэзии стали лучшие поэмы Игнатия Гаврилова, такие, как «Сани» (в последнем русском переводе «Айни»), «Котьку егит» – «Вечно молоды».

Если мы возьмем любое стихотворение, поэму или песню поэта и допустим, что не знаем его автора, то все равно мы безошибочно определим, что это произведение написал поэт удмуртский, глубоко любящий и знающий художественный мир своего народа. Поэзия Игнатия Гаврилова нам дорога не только проникновенной лиричностью, но и гражданственностью. И сам поэт сознавал свой долг перед народом, советским обществом. В грозном 1942-м 7 ноября он написал программное стихотворение «Вордскем шаерлы гожтэт» – «Письмо родному краю».

*Вордскем музъем-аныкае,
Монэ ворд□д, быдэст□д,
Бад□ым шудо семьяын*

*Калык радэ тон потт□д.
Куужым сёт□д, куара сёт□д,
Дас кык сиен крезь сёт□д.
«Шуд кырезьдэ, кыр□а», – шуид,
Улон сторес возьмат□д.*

Попробую как-то передать на русском языке содержание этого поистине патриотического шедевра, пока не имеющего художественного перевода:

*Родная земля, матушка моя,
Меня ты родила, вырастила,
В большой счастливой семье,
Вывела меня в люди.
Силу дала, голос дала,
Гусли с двенадцатью струнами дала.
«Играй на гуслях, пой», – сказала,
Дорогу в жизнь указала.*

Глубоко осознанное служение своему народу характерно для всего творчества, для всей жизни Гаврилова.

Незаурядными явлениями стали и прозаические произведения этого литературного таланта. Образ Дарьи Лебедевой, прошедшей через тернии несправедливости и беды жизни, но не согнувшейся от тягот, – в центре повести «В дальней бригаде». Образ главного и других героев повести достойны большего внимания нашей критики и литературоведения, чем они имеют в настоящее время.

Становление и укрепление удмуртской советской литературы и театрального искусства глазами художника изучил и показал Гаврилов в своей самой заветной книге – трилогии «Ворд□ськем пальёсын» – «В родных краях».

В этом эпическом произведении писатель рассматривает исторический процесс в его развитии. Главные герои его – молодые выходцы из деревни, которым судьба определила нелегкую, но почетную миссию – быть участниками создания и развития профессиональной литературы и профессионального национального театра. Острая борьба в романе разворачивается вокруг каждого значительного явления литературы и искусства.

Верный своему драматургическому опыту, Гаврилов и в романе «В родных краях» делит героев по социальным признакам почти полярно. Здесь чуть ли не каждый герой имеет своего антипода. Антиподом Сергея Климова является не менее талантливый поначалу, но утративший способности Вася Камашев. Упорно преодолевает трудности роста актриса Катя Сергеева, а сильная, работающая вначале Варя постепенно,

связавшись с враждебными элементами, растрчивает и актерские, и человеческие качества.

Тем не менее, не отказываясь от поляризации характеров, Игнатий Гаврилов разработал их в трилогии по законам сурового реализма, в сложном, противоречивом развитии. Выражаясь словами великого Горького, Гаврилов создал одно из звеньев «художественной истории» родной литературы и театра на широком и правдивом фоне исторических событий, происходящих с рабочим классом и крестьянством. Мы воочию видим, как мужали в то время на общественной деятельности такие люди из крестьян, как Иван Багров, Пупыд Конор, как Андрей и Феодосия, родители Кати, и, наконец, как отважная Настя. Их образы выписаны в трилогии художественно убедительно, выпукло.

Эпическая проза дала возможность писателю раскрывать «диалектику души» героев, историю становления характеров в попытках строительства новой жизни.

Героям трилогии «В родных краях» приходится пройти самые трудные испытания в Великой Отечественной войне. В этих исключительных условиях окончательно проявляются героические характеры Сергея, Кати, Ивана Багрова и трусость Васи Камашева. Трудности военного тыла поднимают до уровня руководителей колхозного производства Феодосию, Настю, ранее почти неграмотных людей. Но эти же трудности приводят в лагерь дезертиров отца и сына Камашевых, Варю.

Роман «В родных краях» стал одним из любимейших не только удмуртских, но и русских читателей, хотя перевод под названием «Корни твои» слишком далек от совершенства.

Игнатий Гаврилов оставил нам богатое литературное наследие. Значительная его часть опубликована и стала уже библиографической редкостью. Она требует бережного переиздания лучших произведений для современного и будущего читателя. Творения этого писателя достойны того, чтобы жить среди нас, служить «учебником жизни» для новых и новых поколений. Лучшие давно уже стали классикой удмуртской литературы. Но по разным причинам некоторые произведения остались при жизни автора неопубликованными. Комиссия по литературному наследству обнародовала в периодической печати часть из них: повести «Пичи дырья» (в редакции Алексея Ермолаева – *примечание Нины Ермолаевой*), «В детстве», «Асьме адыми» – «Свой человек», «Гвардеецъёс» – «Гвардейцы» (подготовка и издание книгой Алексея Ермолаева – *Н. Е.*) и ряд воспоминаний о деятелях литературы и искусства. Читателей ждут еще новые встречи с неизвестными ранее произведениями Гаврилова.

Хотя в краткой характеристике творчества уже видно гражданское лицо Игнатия Гаврилова, хочется добавить ещё несколько штрихов из биографии.

Гаврилов был активным общественным деятелем. Его избрали депутатом Верховного Совета Удмуртской АССР первого созыва. Немалое место он занимал в работе удмуртской писательской организации.

Когда началась Великая Отечественная война, писатель пошел на фронт – стал сотрудником газеты 21-й гвардейской стрелковой дивизии. В жарких боях на передовой собирал материалы о подвигах воинов, писал о них очерки, выполнял много черновой работы в редакции.

Крезьме сюлмам поньса,

Винтовкаен эшъяськи.

Так точно и образно сказал об этом сам поэт.

Вложил дусли в сердце

И подружился с винтовкой.

Когда говорили пушки, муза Гаврилова не молчала. Он каждую минуту свободного времени старался использовать для творчества – создавал стихи, пьесы, повести. Кстати, первые наброски будущей трилогии «В родных краях» делались на фронте, начиная с конца 1943 года. Многие стихи того периода, присланные в письмах к жене – артистке Клавдии Кузьминичне Гавриловой, были переложены на музыку и стали любимыми в народе песнями.

Сохранились фронтовые дневники писателя, исписанные мелким почерком, то чернилами, то карандашом, блокноты, записные книжки. Текстологическая работа над ними показала, что публикация их необходима – это живое свидетельство о несгибаемой воле человека, человеческий документ, во многом рисующий и образ самого автора.

О том, каким был достойным военным корреспондентом Игнатий Гаврилов, говорится в ряде воспоминаний его соратников, в частности бывшего редактора газеты «Победа за нами» Л. М. Осина. Стараниями педагогов и учащихся средней школы-интерната № 1 города Туймазы Башкирской АССР боевые и литературные дела удмуртского писателя достойно представлены в Музее боевой славы 21-й гвардейской Невельской стрелковой дивизии. Боевые дела Игнатия Гаврилова высоко оценены правительством. Он вернулся с фронта с двумя орденами Красной Звезды и медалями. А литературная и театральная деятельность его увенчана высокими званиями Заслуженного деятеля искусств РСФСР и Лауреата Государственной премии Удмуртской АССР.

Ныне Игнатия Гаврилова с нами нет. Он скончался рано. Но творчество талантливого сына своего народа всегда с нами. И оно будет жить, пока живет удмуртская литература, удмуртское театральное искусство.

Горячее сердце писателя // Заметки нестороннего. Статьи, рецензии об удмуртской литературе. – Ижевск: Инвожо. – 2005. – С. 55–61.

И ПЕСНИ, И ВЕНОК СОНЕТОВ

Выступление на юбилее

Нам нынче говорят, что Гаю Сабитову исполнилось семьдесят. Поверить в это трудно. Стоит посмотреть на него – можно позавидовать. Однако завидовать можно, говорят, по-всякому: черной и белой завистью. Но мне трудно представить, что кто-то может Гаю Сабитовичу позавидовать черной завистью: уж очень он добродушный человек, не могу представить, что он мог сделать кому-либо хоть толику зла. Мне не приходилось слышать, чтобы он на кого-нибудь чуть повышал голос. Хотя знаю, что он – принципиальный человек. Мне очень приятно отметить, что в Гае Сабитовиче Сабитове удивительно сочетаются аксакальская мудрость с юношески светлым взглядом на жизнь. Ох, как бы хотелось стать самому таким.

О молодости поэта говорит и его поэзия. Он молод уже и потому, что ни в жизни, ни в поэзии не ворчит по-старчески на нынешнюю молодежь. И в последней публикации стихов в пионерской газете «Дась лу!» – та же любовь к молодости. Это и в обращении к внуку (стихотворение «Сыну дочери»), и в обращении к выпускнику школы. Всюду – мудрое напутствие юному другу. Я бы сказал: у Гая Сабитова отношения с молодостью не антагонистичные, а гармоничные. Вот бы нам всем сохранить то же в этом возрасте!

Поэзия Гая Сабитова тесно связана со своим временем. И в этом – как достоинства, так и недостатки ее. Начал поэт в такое время, когда задушевность, внимание к личности в нашей литературе не были в большом почете. В большом почете было лишь прославление кого-то, будь то руководитель или показательный труженик. Отдал Гай Сабитов немалую дань такой поэзии. Но не за это мы ценим поэта – ценим за истинные достижения. А достижения – они действительно замечательны. Нет, не хочу сказать, что Гай Сабитов очень много написал. Если честно – при строгом отборе наберется не такой уж большой том. Но это разве главное?! Вот у Ашальчи Оки все литературное творчество — это малюсенькая книжка. Всего 37 стихотворений и несколько рассказиков. Мы разве из-за этого можем забыть такую замечательную поэтессу? Если эти стихи – жемчужины удмуртской поэзии.

Жемчужины есть и в творчестве Гая Сабитова. Я скажу – совсем другие, чем у Ашальчи. Быть может, не жемчужины, а рубины? Разве от этого они нам менее дороги должны быть? Вот и хочется сегодня о них говорить. Отделить их от «породы пустой» и насладиться их блеском.

Говоря о связи поэзии Гая Сабитова со временем, я хочу подчеркнуть его чувствительность к приходу всего нового в нашу жизнь.

Я не могу забыть, как радовался Флор Васильев, читая такие стихи Гая Сабитова, как «Зями», «Байгельды», радовался, что поэт молодеет, шагает в ряд с теми, кто пришел в поэзию значительно позднее, в конце 50-х годов. Да, радоваться было и есть чему. Ведь в последние годы созданы самые настоящие шедевры. Это и венки сонетов «Шунды но □ужа но» – «Солнце заходит – солнце встает», и многие песни и стихи из последних сборников.

Но если уж быть до конца последовательным – нет двух поэтов Сабитовых: Сабитова 30–50-х годов и Сабитова после 60-х годов. Поэт один, один со своими постоянными поисками, заблуждениями и открытиями. Уже в те времена он писал, наряду с откровенно декларативными стихами, и глубоко лиричные песни. Песни – вот, пожалуй, самое первое, где Гай Сабитов нашел себя.

Тут диапазон поэта-песенника широк. Мне не перестает нравиться звучащая набатом антивоенная, полная гражданского пифоса песня «Тупаса улон понна». Чеканные слова ее прямо вбиваются в сознание:

*Улонэз ярат □сь
Шуд понна нюръяськись
Калькъёс,
Асьмеос вормонтэм –
Султоме юн радэн!
Жизнелюбивые,
Борющиеся за счастье
Народы,
Мы – непобедимы –
Встанем твердыми рядами.*

Созданная в тревожных пятидесятых годах, песня звучит и сегодня, как будто она только что написана. Не хочу умалять творчество композитора – оно поистине замечательно – но и стихи на высоком уровне музыки!

О Сабитове, как истинно гражданском, политическом поэте говорят немало его стихов. Напомню лишь о некоторых. Баллада «Ижевский проспект» – об участии тружеников Удмуртии в освоении целины, о том, как они организовали в далеких степях уголок своей малой родины, «Заводын», «Даур гырлы» – «Звон веков» – увлекательный рассказ для детей о замечательных деяниях рабочих удмуртского края, «Эшъяськон сярывьс баллада» – о вековой дружбе русского и удмуртского народов.

Еще я не упомянул песни о наших городах и селениях. «В послевоенные годы мы, работники радио, остро чувствовали репертуарный голод, отсутствие массовых песен, отвечающих духу времени, и я вместе с другими поэтами стал активно работать в жанре песни», – писал

поэт в предисловии к своей книге. В песнях он сумел своеобразно отразить большие изменения в нашей жизни, Возьмем, к примеру, «Снова в Ижевске». Лирический герой этой песни, возвращаясь из дальних краев, не узнает своего города: настолько он изменился, обновился:

Еду по Ижевску, не пойму куда,

Словно тут я не был никогда.

Не найду калитку:

Улица нова,

Кружится от улиц голова.

Он создал и песню о Балезино. Она тоже ведь на уровне хорошей гражданской поэзии и служит воспитанию любви к малой и большой, великой Родине.

Я бы без всяких скидок поставил в ряд гражданской, политической поэзии и триптих «Кыльёс-эшьёс» – «Языки-друзья», где поэт искренне утверждает равноправие языков и наций.

Заговорив о диапазоне поэта, нужно отметить и другие границы его амплитуды. Ведь в песнях и стихах Гая Сабитова найдем немало самых интимных чувств, самых камерных строк и строф. Вот хотя бы из последней книги: «Словно из Европы в старую Азию, на Колтому глядят мои окна». Стихи глубоко личные, но они личные не только для самого поэта, но и для каждого из нас, читающих. Это значит, что они нам нужны. А сколько таких песен о любви у Гая Сабитова! Их ведь тоже не вычеркнешь из нашей удмуртской поэзии! Они живут своей жизнью.

Вот мы наметили границы довольно большой амплитуды. А между ними что? А между ними – стихи, которые трудно отнести к тому или иному краю. Ну вот, возьмем хотя бы упомянутое стихотворение «Байгельды». Очевидно, о реальном лице, счетоводе колхоза, погибшем на фронте. Да, тут сугубо личные воспоминания. Но:

Уважая силу полей,

Он знал колхозный кошелек,

– Добро

Оно не придет с песней, –

Говорил

Байгельды, Байгельды.

И герой стихотворения погиб, защищая то, что ценил. Вот так лучшие стихи поэта прорастают из интимных чувств, памяти, дорастают до больших обобщений. Так же можно сказать и о стихотворении «Мынам песятае» – «Мой дед». Пусть тут обыгрываются имена, взятые удмуртами из татарского обихода: Сабан – плуг, соха, но сколько тут гордости хлеборобским трудом.

Имена у нас от земли:

Отец был Сабанчи, а я — Сабанай.

Плугари, значит, те, кто пашет, сеет.

Не отверг нас батюшка-плуг.

Да, и имя и фамилия поэта связаны с татарским языком: «Сабит», Гай же – это сокращенное Гайнулла, хотя сам Сабитов возводил своё имя к Гаю Юлию Цезарю. Думаю, в шутку.

Следует сказать, что Сабитов – из тех удмуртов, которые избежали крещения, постепенно брали имена от татар. Гай Сабитов родом из Татарстана. Он рос в такой среде, где и удмурты и татары были с давних пор вместе. Родился он 15 сентября 1915 года в деревне Новый Канисар, что нынче входит в Кукморский район. Закончил в Казани финансово-экономический техникум. По распределению попал в Ижевск. Отработав положенное по специальности, учился здесь же в педагогическом институте. И – стал журналистом радио. А в 1958 году окончил Литературный институт в Москве.

Мне весьма импонирует поэт со своими глубокими поклонами труженикам земли, чувством ответственности интеллигенции перед создателями материальных ценностей.

Говоря о разнообразии тематики поэта, нельзя не замечать и разнообразие его жанров. Памятуя об органической связи содержания и формы, нельзя не видеть поисков поэта и в содержании, и в форме. От веселых песен, бодрых маршевых интонаций до элегических раздумий, от песни в обычной куплетно-припевной форме до сонетов и венков сонетов – сложнейшего из сложнейших жанров.

Поэт первым в новом времени удмуртской поэзии взялся за не единожды обруганный и проклятый в тридцатые – сороковые годы жанр – жанр сонета, да не просто сонета – венка сонетов. И, как признается сам поэт, – со страхом выполнял завещание своего друга-поэта Михаила Покчи-Петрова, посвятив венок ему же. Оттолкнувшись от судьбы сложной и талантливой творческой личности, Гай Сабитов, можно сказать, превзошел самого себя и создал настоящий шедевр поэзии, вложив в венок сонетов небывалое содержание – повествование о друге в сочетании с глубокими раздумьями о смысле жизни, о преемственности поколений. И тут же – трагические, близкие к фаталистичности мотивы. Мероприятие было смелым, рискованным во многих отношениях. Но результат получился превосходным. Произведение приняли и читатели, и критики. Оно теперь признано и русскими читателями в переводе Олега Поскребышева.

Я весьма настороженно отношусь к термину «философская поэзия», особенно в том смысле, в котором употребляют его наши удмуртские критики и поэты. Но венок сонетов «Солнце всходит и заходит» я бы отнес к настоящей философской поэзии, истинную глубину которой мы еще, по моему, не постигли. Ну что ж, будем постигать.

Я говорил на полном серьезе о Сабитове – серьезном поэте. Но ведь он может быть и очень не серьезным. Он умеет нас смешить! И это дар, не

так уж часто встречающийся. Кто не знает песню о незадачливом рыбаке, просидевшем с утра до вечера и выгавившем вместо рыбы старую корягу! Песня, созданная довольно давно, – все еще у нас на устах. Но и в смехе поэт бывает серьезным. Вот такая давняя песня «Ижевске берытскыса» – «Возвращаясь в Ижевск». Смешно, что лирический герой не узнает родных мест, не находит дома любимой. Но здесь и гордость тем, что, руша ветхие дома, город строится!

Да, Сабитов один и Сабитов разнообразен. Он может пародировать друзей-поэтов и радоваться их успехам.

Как-то говорил мне один друг: «Не мудрено сохранить чувство юмора по отношению к другим, но ты попробуй охранить его по отношению к себе!» Это действительно трудно. Сабитов преуспел и тут. Одну из последних книг он заключил стихотворением «Аслым» – «Самому себе», где написал (в подстрочном переводе): «Того Гай-агая, который пишет стихи, песни, чтобы напомнить о работе, которую он должен выполнить, я бы время от времени поучал, как ленивого пегого, который останавливается в борозде»:

*Кылбур, кыр □ ан гожьясь
Гай агайдэс, марым,
Кулэзья мон визьмасал
Дырын-дырын,
Геры гуре дугдэм
Дыг ториез музн...*

Я бы сказал, неслыханная дерзость. Уж очень редко кто может о себе так писать. Но это и радует. Это же залог того, что поэт не думает останавливаться. Значит, он сам себя подстегивает.

*И песни и венок сонетов (Выступление на юбилее)
// Заметки нестороннего. Статьи, рецензии об удмуртской
литературе. – Ижевск: Инвожсо. – 2005. – С. 62–67*

РЕЦЕНЗИЯ НА РУКОПИСЬ СТИХОВ ГАЯ САБИТОВА В ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Рукопись представляет собой первую попытку собрать все хорошее, созданное в удмуртской поэзии Гаем Сабитовым, и дать на суд русскому читателю. Сборник в общем дает довольно полное представление о творческом пути поэта, отражает его и сильные, и слабые стороны. Зная оригиналы стихов, можно проследить за эволюцией лирики автора от довольно-таки декларативных стихов к стихам, имеющим бо-

лее конкретную образную структуру. В основной своей массе переводы также соответствуют характеру оригиналов.

Пожалуй, вершиной поэтического творчества Гая Сабитова является венок сонетов, посвященный памяти безвременно погибшего Михаила Покчи-Петрова. Не говоря уже о сложности жанра для самого поэта, эти сложности удваиваются для переводчика: ведь переводчик имеет дело, кроме границ жанра, с границами образной системы оригинала. Нужно прямо сказать, Олег Поскребышев неплохо преодолел эти трудности. Перевод звучит на русском языке хорошо и достаточно близко к удмуртскому оригиналу. Разве что стоило бы подумать о названии. На удмуртском языке поэма названа «Шунды но □ ужа но...» – по строчке народной песни. В этом названии присутствует ассоциация, создаваемая всем четверостишием песни – мысль о непрерывности жизни, несмотря на то, что бывает ночь за днем. Эта ассоциативность в переводе, на мой взгляд, исчезает: «Солнце заходит – солнце встает» не вполне выражает идею оригинала. Но предложить другой вариант заголовка затрудняюсь, тем более что, казалось бы, буквальный перевод «Солнце всходит и заходит» на русском языке относится к совершенно другому ассоциативному ряду. В тексте поэмы вызывает сомнение лишь одно выражение: «В саду своей души», хотя это и буквальный перевод с оригинала, но на русском языке звучит повосточному вычурно. Лучше бы, наверно, эту мысль передать другими словами.

Из других произведений сборника наиболее сильно звучат на русском языке последние стихи поэта, содержащие конкретную образность, такие, как «Байгельды», «Джеми», «Твоя любовь», «Баллада о проспекте», «Осенние мотивы». Но сборник неровен. Автор, видимо, не сдержался и поместил в нем немало стихов, верных по своей политической сути, но совершенно невыразительных в поэтическом отношении. К таким бы я отнес «Родимый край», сильно перекликающийся со стихотворениями «Нет прекрасней земли», «Перед рассветом», «Я иду по Москве», «Песня о Каме».

Особо следует поговорить о текстах песен. Трудновато предположить, что русские читатели возьмут сборник, отыщут ноты и станут петь песни на слова Гая Сабитова. Скорее всего, тексты всех песен будут читать, как обычные стихи. Поэтому логичнее было бы дать в сборнике их литературные, поэтические переводы, а не музыкальные, эквивалентные. Справедливости ради, нужно отметить, таковые в рукописи есть. Это, в первую очередь, превосходный перевод Г. Пагирева «Красивая девушка». Очевидно, это русский поэтический вариант известной песни на слова Гая Сабитова «Кинэ ярат □ ськод?» Ритм и строфика перевода, правда, заметно отличаются от оригинала. Изменилось многое: ритмика, длина строк, но сам шуливый поэтический настрой

передан отлично. Видимо, этот текст петь под ту же музыку, что создана для удмуртского текста, невозможно, но такой перевод правомерен в поэтическом сборнике.

Есть и в разделе «Пой, баян, веселей» (то есть в разделе песен) неплохие в литературном отношении переводы. Такие, как, например, «Пой, баян, веселей», «В майский дождь». С некоторыми допущениями к ним можно причислить «Отцы», «Чудак-рыбак» и несколько других. Но большинство текстов песен читать трудно и скучно. Они, кстати, не блещут литературным мастерством и в оригинале. Совсем, на мой взгляд, портят сборник такие тексты (профессионалы их называют «рыбой»): «Высокий холм», «Не забудем», «Праздник первой борозды», «Ижевские девочки», «Не грустите, девушки», «Веселая свадьба», «На пруду», «Вновь пришла весна», «Звездочка моя», «Лунной ночью». Их издание при нотах, может, и оправдано. Но как самостоятельные стихи, они нежизнеспособны.

Оставляют желать лучшего и переводы таких патриотических песен, как «Наше счастье», «Мы вечно благодарны Ильичу», «Не забудем». В них нет осязаемого поэтического образа.

Досадно, что в переводах Олега Поскребышева появляются переключки с общеизвестными произведениями – самовариации русского поэта. В рукописи, например, читаем:

Здесь, в Прикамье, где я родился,
Где и вы родились и росли...
(«Нет прекрасней земли»)
На ум приходит:
Онегин, добрый мой приятель,
Родился на берегах Невы,
Где, может, родились и вы...

Читаем в рукописи: «Где взгляду от друзей тепло».

(«Баллада о проспекте»)

И вспоминается из Н. Байтерякова:

«Мне здесь от сердца каждого тепло».

Или ещё из рукописи: «Весной поэту не до сна».

(«Пришла весна».)

На ум приходит А. Фатьянов:

«Весной поэту не до сна».

В рукописи:

Мы едины всегда,

Наша поступь тверда,

Мы идем в нерушимом строю,

Веря в силу свою.

(«Светлый мир»)

И опять-таки вспоминаем:

Наша поступь тверда,

И врагу никогда

Не гулять по республикам нашим.

Хотелось бы, чтобы переводчики освободились от словотрафаретов, стертых и невыразительных, как «Город на Иже», «лучезарные сны». В «Балладе о проспекте» есть не к месту сентиментальные слова, типа «горлинка», «два дубка кудрявых»; неточно и вычурно звучит строка «дворец моей любимой». Еще кое-какие погрешности отмечены в рукописи.

Композиция сборника традиционна: сначала патриотические стихи, потом более интимные, следом песни, в конце поэма. Думается, это не лучший вариант: сборник открывают наиболее слабые стихи, и не складывается логических связей. Лучше бы, наверно, пересоставить сборник так, чтобы одно стихотворение читалось как логическое продолжение предыдущего. Держаться автору и переводчикам традиций удмуртских сборников сороковых годов, - не вижу смысла.

Качество сборника повысится, если убрать слабые стихи (о них говорилось выше). Хорошо бы эти утраты компенсировать новыми переводами. Если поработать над сборником в этом направлении, он будет весьма интересным. А доделывать его стоит.

(9 августа 1973 г., из семейного архива).

ПРЕДЧУВСТВИЕ ВЕСНЫ – ПРЕДЧУВСТВИЕ ПЕРЕМЕН

I

Такова закономерность: в обществе происходят крупные перемены – вскоре перемены начинаются в литературе, в первую очередь – в лирике.

В середине пятидесятых годов, после смерти диктатора Сталина, в нашей стране почувствовалось потепление в политической жизни, с легкой руки Ильи Эренбурга названное «оттепелью». С таким названием в 1958 году вышла его повесть. Она вызвала бурю в среде критиков и читателей, а также студентов столицы. Особенно в центре страны общественная жизнь бурлила. Одни безудержно поддерживали новые веяния в литературе, другие столь же безудержно их охаивали, видели в них подрыв жизненных устоев.

Вот на этой волне и в удмуртской литературе, хоть и очень медленно, с задержкой, стали подниматься новые, молодые кадры. Появилась довольно заметная волна молодых литераторов: Александр Белоногов,

Флор Васильев. Еще через какое-то время возродилась «женская» лирика. Первой ласточкой женской поэзии стала лирика Степаниды Ивановой, встреченная, между прочим, почти враждебно. Ее любовные стихи, пронизанные исконным народным юмором, один из ортодоксальных поэтов и литературоведов на съезде писателей, а потом и в статье в журнале назвал сексуальной поэзией, хотя в ее стихах нет и не было ни одной строчки не только сексуального, но и эротического характера. Это после Степаниды Ивановой в удмуртской литературе женская поэзия стала обычным явлением.

В удмуртской литературе «шестидесятникам», то есть писателям, проявившимся в шестидесятых годах XX века, предшествовал Михаил Покчи-Петров. Михаил Петрович Покчи-Петров, тогда еще просто Миша Петров, родился 4 октября 1930 года в той самой удмуртской деревне Большие Сибьы Можгинского района, где еще до революции начала учительствовать русская дворянка Вера Васильевна Толстая, откуда родом драматург и один из основателей Удмуртского профессионального театра Игнатий Гаврилов, его брат, знаменитый артист и литератор Василий Гаврилов; а после Михаила Покчи-Петрова стали уже знаменитыми драматург Анатолий Григорьев и поэт Анатолий Петров.

Миша пошел путем своих предшественников в Можгинское педагогическое училище, ставшее ласковой колыбелью будущих работников культуры и просвещения Удмуртии.

Осенью 1949 года и я поступил в Можгинское педучилище. Тогда Миша Петров был на последнем, четвертом, курсе. Он был уже у всех на виду, знаком со многими творческими людьми. А я – только что из дальней глухой деревни Татарстана. Но отношения у нас сложились хорошие, ровные. Хоть во многом мне приходилось смотреть на него снизу вверх. Однако с его стороны я ни разу не заметил ни высокомерия, ни высокоглядства. Как-то незаметно мы стали знакомы. Кажется, познакомились на занятиях литературного кружка.

Время было трудное. Получишь стипендию – рыщешь по городу, ищешь, где продают хлеб. Если сумеешь купить, тут же буханку и съешь, наголодавшись до этого. А кончится стипендия – в лучшем случае сидишь на вареной картошке, конечно, без масла, а в худшем... Не только хлеба не хватало.

Как-то у себя в доме, в деревне, нашел я старенькие очки. Видимо, остались от дяди, погибшего на войне. Привез в Можгу. Об этом узнал Миша Петров. Они с матерью пришли ко мне в комнату общежития. Очки, видно, подошли матери. Мне так попали небольшие деньги, а матери Миши – старенькие очки. Достать их тогда было непросто.

В том же учебном году в Можге гастролировал Удмуртский театр. Очень хотелось смотреть спектакли. Денег нет. А Миша Петров был уже знаком с артистами и бывал чуть ли не на каждом спектакле. Завидовали ему, ко-

нечно... Думаю, отсюда начался его путь в Государственный институт театральных искусств в Москве, хотя поступил он туда через два с лишним года.

В традициях Можгинского педучилища было не ограничиваться преподаванием на уроках по учебному плану. Там всегда работали всякие кружки, где учащиеся получали дополнительные знания соответственно своим желанием. Традиционно сильными были удмуртский литературный и удмуртский драматический кружки, которыми в это время руководила Екатерина Алексеевна Коновалова.

Е. А. Коновалова была отличной учительницей. Но на протяжении всего учебного времени она ни разу не упомянула ни о родном брате, известном в свое время писателе Михаиле Коновалове, ни о его друге, большом удмуртском прозаике Григории Медведеве, ни о многих других репрессированных в тридцатые годы видных деятелях удмуртской литературы. Она была вынуждена преподавать любимый предмет в сильно урезанном и изуродованном виде. Об этом я откровенно поговорил с Екатериной Алексеевной, когда уже учился в Московском университете и прочитал многие удмуртские книги и газеты двадцатых – тридцатых годов в Центральной государственной библиотеке. Это было тоже своеобразное педагогическое мастерство: не называя основоположников и корифеев национальной литературы, обходя ее высшие достижения, прививать молодым любовь к этой литературе, зажигать огонь творчества в молодых сердцах. Считаю обязанным говорить об этом педагоге так, потому что она открыла дорогу в литературу многим своим питомцам. Говорю об этом потому, что именно эту школу прошел и Михаил Петров, прозвавший себя затем Покчи-Петровым, то есть Младшим-Петровым, в отличие от уже известного тогда поэта, драматурга, прозаика Михаила Петрова. Говорю об этом потому, что стезя редактора книг и литературного критика открылась для меня тоже под руководством Е. А. Коноваловой. А путь мой шел в какой-то мере параллельно пути Миши Покчи-Петрова.

Судьба сводила меня с Михаилом Покчи-Петровым и после педучилища. В Москве он сам нашел меня и других студентов, выпускников педучилища, продолжающих образование в вузах Москвы. Он собирал нас в походы в музеи Москвы и Подмосковья, организовывал различные встречи.

Помню, как-то пришел он ко мне в общежитие на улице Стромынке и стал спрашивать, нет ли у меня романа Петра Блинова, удмуртского писателя, «Улэм потэ» («Жить хочется»). Говорил, что хочет составить композицию по роману и выступать в удмуртских деревнях с чтением отрывков из романа. Книга у меня была, и я дал ее Петрову. Мне самому не пришлось слушать этих выступлений, но говорили, что он осуществил свой замысел. А потом мое отношение к этому роману менялось, но я помогал

своей жене работать над переводом романа «Жить хочется» на русский язык.

Осенью 1958 года я стал редактором Удмуртского книжного издательства. В то время Михаил Покчи-Петров был режиссером Удмуртского театра, состоялось издание его первого поэтического сборника «Тодматскон» («Знакомство» – 1956), готовилась вторая книга, «Малпаськон» («Раздумье» – сдана в типографию в набор в октябре 1958 года, вышла в 1959-м).

Редактором книги был известный поэт. Пришла после набора корректура из типографии. Поскольку редактора книги в Ижевске не было, корректуру пришлось читать мне. Помню, у меня никаких замечаний к автору не было. Но он сам к себе был более строг. Прочитал корректуру и пришел с раздумьями ко мне. Вот, говорит, редактор включил в книгу все, что я принес. А тогда редактор обязан был быть и строгим контролером, и первым цензором. Вот, говорит Михаил, у меня возникло сомнение: правильно ли поймут стихотворение «Усьтон» («Ключ»). Хотя у меня никаких сомнений не возникло, и об этом я говорил автору, но Михаил настоял на том, чтобы из сборника мы его исключили.

Я, молодой редактор, послушался автора, но листок из корректуры сохранил. Потом со своими комментариями опубликовал стихотворение «Ключ» в журнале «Молот». Но тогда автора в живых уже не было.

Михаил Покчи-Петров скончался вскоре после выхода книги «Раздумье». Летом 1959 года во время купания в Ижевском пруду он неудачно прыгнул в воду и сломал себе шею. К сожалению, светила медицинской науки и практики не смогли сохранить ему жизнь. 29 июня 1959 года поэта и режиссера Михаила Покчи-Петрова не стало.

Михаил Покчи-Петров открыл горький, погибельный путь, на котором ломали свои судьбы и жизнь многие удмуртские поэты и прозаики в расцвете лет и творчества. Не жизнь, – так сердца и души.

II

Поэтическое творчество Михаила Покчи-Петрова началось в Можгинском педагогическом училище, в конце сороковых годов, когда еще в стране господствовала вполне официальная, воспевающая деяния компартии и советской власти поэзия. Но первую книжку стихов «Знакомство» он выпустил уже на повороте отечественной истории – в 1956 году, то есть после смерти Сталина, в начале «оттепели». Думаю, что это обстоятельство сыграло значительную роль во всем его творчестве. Давно не могу отделаться от мысли, что невинные, на первый взгляд, пейзажные строки из стихотворения «Толалтэ каникул бере» («После зимних каникул») говорят не только о мерзлой земле:

Кынмемын тон али, музьеме,

*Мугордэ мур лымы шобьртэм.
Тон кезьыт. Нош кызьы-о сюлме
Та дыръя но лыктэ шунытэд ?..*

*Сейчас ты замерзла, родная земля,
Глухими снегами тебя замело.
Но ты и в мороз согреваешь меня,
Я сердцем твоё ощущаю тепло.
Перевел Г. Пагирев*

Это ощущение более сильно в удмуртском оригинале, чем в переводе. Там земля не только сейчас замерзла, а давно мерзлая – холодная. «Но как же ты и в такое время согреваешь мне сердце?» (подстрочный перевод). Поэт чувствует затаенное, внутреннее тепло земли, у него предчувствие тепла, весны. И это предчувствие вполне созвучно предчувствию тепла, оттепели в общественной жизни шестидесятых годов.

Так голос Михаила Покчи-Петрова с самого начала стал выделяться в среде немногочисленных тогда пишущих на удмуртском языке.

Вот случай, вроде бы противоположный только что сказанному. В Можгинском педучилище как-то сразу распространилась песня «Мар каром на?» («Что ж мне делать?»). Песня о неразделенной любви молодой девушки. Слишком для того времени интимная лирическая песня. Я эту песню воспринял почему-то как обработку давно существовавшей народной песни. Глубоко ошибся. Ни тогда, ни потом никаких следов существования такой народной песни я не нашел.

По-моему, эти два стихотворения уже обозначают определенные грани лирики Михаила Покчи-Петрова. С одной стороны – глубокое, но скрытное, иносказательное раздумье, с другой – озорной, неожиданный юмор, прикрывающий страдания лирического героя. А это уже признак настоящей поэзии, что мы обнаружим в почти каждом его стихотворении.

Говоря о Михаиле Покчи-Петрове, нельзя обойти еще и тему малой и большой Родины. Может быть, в наше время она уже успела набить оскомину, но в середине пятидесятых годов ее для удмуртской литературы открыл Михаил Покчи-Петров. Его стихотворение «Дор» («Родина») было первым в такой многозначной трактовке понятия «родина». Здесь он показал, как с возрастом, жизненным опытом расширяется понятие родины и как это понятие дорого лирическому герою и в детстве, и во взрослой жизни.

И это открытие оказалось удивительно плодотворным. Многие удмуртские писатели впоследствии восприняли эту идею, раскрывая абсолютно по-своему, по-новому, каждый дополняя понятие родины с разных позиций.

Геннадий Красильников написал повесть «Тонэн кылысько» («Остаюсь с тобой»), где показал значение малой родины для юношей, ищущих свое место во взрослой жизни. Петр Чернов в повести «Дор» (в переводе А. Демьянова «Отчее гнездовье») описал, как больно отзывается неблагополучие малой родины в сердце немолодого, достигшего больших успехов человека. И Флор Васильев не смог обойти эту тему, не раз возвращаясь в стихах к судьбе родной маленькой деревеньки. Взять хотя бы «От Бердышей недалеко до Ижевска» и так часто цитируемые строки «И для меня бы не было России без маленькой Удмуртии моей».

Немаловажное значение в творчестве Михаила Покчи-Петрова имеет и проблема отцов и детей, хотя в его стихах она выглядит как отношения между матерью и сыном («Анайлы гожтэт» – «Письмо матери»), между матерью и дочерью («С□зьыл» – «Осень»). Несомненно, тут сказались и послевоенные обстоятельства (отцы погибли на фронте), в результате на первый план выступали взаимоотношения детей и матерей. И эти проблемы поэт решает по-своему: то патетически, то трагически. Нужно сказать, что в то время, в пятидесятые годы, трагическое решение современных проблем в литературе далеко не поощрялось.

Михаил Покчи-Петров жил и творил на грани перехода от тоталитаризма к демократии. Он способствовал развитию в удмуртской литературе современных, более свободных тенденций отражения действительности. И его традиции развили его последователи.

Тем не менее, нельзя сказать, что Михаил Покчи-Петров полностью поэт нового времени. Были в его творчестве и рецидивы прошлого. Встретим в его поэзии и воспевание политических руководителей, и мотивы одического отношения к событиям. Ото всего, что было характерно для пройденного пути литературы, он полностью не смог освободиться. Он принял участие в составлении коллективной одической поэмы в честь 400-летия присоединения Удмуртии к России (1557–1957) и воспевал по старой традиции вождей. Хотя и несомненно у него предчувствия весны, но ему не удалось полностью освободиться от старых пут.

Михаил Покчи-Петров был очень общительным человеком. И это качество, думаю, ему помогало и в работе в Удмуртском театре. Проработав всего-то три сезона, он успел поставить как режиссер около полутора десятка спектаклей по пьесам удмуртских, русских и зарубежных драматургов. Среди них – спектакли по пьесам Степана Ширококова «Чукдор», Игнатия Гаврилова «Солнце взойшло», по романам Михаила Петрова «Старый Мултан», Трофима Архипова «У реки Лудзинки», по пьесам Александра Островского «Пучина», Алексея Арбузова «Шестеро любимых», «Таня», Александра Володина «Фабричная девчонка». Все эти спектакли были значительными на творческом пути национального театра. Они стали заметным явлением в культурном развитии всего удмуртского народа.

Работа режиссера оставила светлую память и у артистов театра, и оценена была неплохо. Ему успели присвоить звание «Заслуженный деятель искусств УАССР». В 1958 году он был принят в Союз писателей.

К сожалению, творческий путь Михаила Покчи-Петрова прервался слишком рано. Ему было всего 28 с половиной лет. Но то, что он написал, что поставил на сцене театра, что успел, – достойно памяти, достойно дальнейшего развития. Это не должно быть забыто. Это надо хранить. С этим нужно знакомить новых и новых читателей и зрителей.

*Предчувствие весны – предчувствие перемен //
Луч. – 2000. – № 7-8. – С. 61–62;*

Предчувствие весны – предчувствие перемен// Заметки непостороннего. Статьи, рецензии об удмуртской литературе. – Ижевск: Ин-вожо. – 2005. – С. 67–74.

ПРОЩАЙ, «СТАРЫЙ ДОМ»

Один из героев повести Тендрякова «Не ко двору», характеризую собственническую психологию Ряшкиных, говорит: «Вот такие-то Силаны при организации колхозов, ой, как тяжелы были!.. Середняк – их не ущипнешь, а нутро-то кулацкое, вражье! Теперь-то вроде не враги, а мешают. Боли от них особой нет, а досады...» Но как в повести Тендрякова, так и в жизни, Ряшкины не только досадны. Они приносят людям и настоящую боль, и настоящий вред. Поэтому понятна острота, с которой встала в нашей литературе проблема человека в труде и в коллективе.

Борьбе со стяжательством, мещанским отношением к жизни посвятил свою первую повесть и молодой удмуртский прозаик Геннадий Красильников (Г. Красильников «Старый дом»). Повесть. На удмуртском языке. Ижевск, журнал «Молот», 1955, № 8–10).

Красив и прочен дом Кабышевых. Полная чаша жизнь в нем. Но нет счастья за высоким забором, которым отгородились Макар и его жена от соседей. Потому что не только от соседей – от колхоза, от жизни скрывает этот забор семью Макара.

Работа в колхозе для Кабышевых – лишь форма приспособленчества. Без стеснения таскает Зоя в дом колхозную картошку и зерно с птицефермы. С язвительной иронией показывает автор силу стяжательских привычек, втягивающих в стыдную, тусклую жизнь и неплохих, но безвольных людей. Так попал в эту жизнь трудолюбивый плотник Макар, попал и покорился оголтелой стяжательнице жене. В конце концов, он превращается просто-напросто в скрягу, бессмысленно собирающего

на дороге даже старый хлам. Но и ему порой становятся невыносимы стены родного дома. Тяжелее всего, что вырваться из них он уже не может.

Порвать со старым домом удастся младшему Кабышеву – Александру. Но этот разрыв происходит не легко и не гладко. Автор не пытается упростить жизненный путь своего героя. Слишком долго Кабышевы калечили душу своего сына. Ведь каждый кусок хлеба Александр получал с наставлением: «Ешь, сынок, ешь, только на улицу не выноси – товарищи будут просить. Никому не давай, ешь сам!..» И вот маленький эгоист в трудные годы войны носит по утрам в школу хлеб с медом и ест его на глазах у голодных ребят. Так идут годы. Когда же, много позже, у юноши появляется желание работать в колхозе, мать категорически заявляет: «Пусть не работает в колхозе: не много там получишь, живем не бедно, слава богу». Но затем из чисто практических соображений – трактористы много получают! – Кабышевы отправляют сына учиться на курсы трактористов. С этого дня для Александра начинается новая жизнь. Все острее, болезненнее чувствует он свое одиночество среди товарищей, все чаще начинает задумываться, почему нет счастья в их красивом доме, который глядит на улицу только двумя окнами, а остальными во двор, чтобы люди не видели, не знали, что в нем происходит. Не в силах больше выносить эту гнетущую жизнь, Саша уходит из дома. Но умирает отец, и ему снова приходится вернуться к опустевшему очагу. Стремление поддерживать в нем огонь, как это делал отец, борется с желанием учиться, вырваться к настоящему делу, к новым друзьям. И это второе побеждает. Саша снова, на этот раз уже навсегда, уходит из родного гнезда.

Правдиво, не сглаживая противоречий в чувствах и их проявлениях, показывает автор своих героев. Наверное, именно поэтому в сознании читателя они остаются живыми людьми, с их тоской, метаниями и ненавистью к душному, рабьему миру скопидомов.

*Прощай, «Старый дом» // Дружба народов. – 1956. – № 12. – С. 171–172.;
Прощай, «Старый дом» // Заметки не постороннего.
Статьи, рецензии об удмуртской литературе. –
Ижевск: Инвожо. – 2005. – С. 74–76.*

О «ЗЕЛЕНых ЮНЦАХ» И МОЛОДЫХ ГЕРОЯХ

Вот уже на протяжении нескольких лет критики спорят о новом для нашего времени молодом герое. И, действительно, есть над чем думать. После откровенно прямолинейных (положительных или отрицательных)

молодых людей из многих произведений периода культа личности в литературу пришел герой еще не сформировавшийся, ищущий свое место в жизни, герой сомневающийся, самостоятельно думающий и часто ошибающийся. Этот момент был отмечен с появлением повести Анатолия Кузнецова «Продолжение легенды».

А. Кузнецов остро поставил вопрос о неподготовленности выпускников городских средних школ к труду, о становлении характера рабочего в условиях дальней сибирской стройки. Его произведение послужило началом серьезного разговора о молодой смене. Но в жизни проблема трудоустройства выпускников средних школ оказалась намного сложнее. Ведь, в самом деле, не пошлешь всех юношей и девушек, окончивших общеобразовательную школу, в Сибирь. Да и, как в свое время отмечалось в печати, для основной массы молодых людей вопрос о месте в жизни ставился совершенно иначе.

Иначе стоял этот вопрос и перед Алешей Курбатовым, героем повести удмуртского писателя Геннадия Красильникова «Остаюсь с тобой». Он рос в трудовой семье. Нелегко приходилось этой семье, Алексею часто доводилось слышать: «Да на тебя этак не напасешься!» Он не раз собирался бросить учебу и начать работать (это было в тяжелые послевоенные годы). Но ему вбили в голову, что он обязательно должен стать инженером. Немало были в этом повинны школа, родители, и не меньше – состояние послевоенного сельского хозяйства. Было в деревне такое положение: люди перестали верить, что земля может обеспечить их достатком. Окружающие Курбатова привыкли думать: после средней школы юноши и девушки должны идти в институты, выйти «в люди», чтобы иметь потом постоянный заработок. Вот почему юный герой Красильникова оказался неприспособленным к работе в своей деревне, а не где-то в Сибири, ему вовсе не приходится «с трудом постигать ту истину, что и в Сибири люди живут».

Повесть «Остаюсь с тобой» всей системой образов и обстоятельность полемизирует с «Продолжением легенды». Эта полемичность отразилась и в названии: «Остаюсь с тобой», а не уезжаю в Сибирь. Красильников утверждает, что счастье молодому, неоперившемуся человеку нелегко найти не только в отдаленных местах, но и на своей малой родине, в своем родном гнезде.

В Красильниковской постановке вопрос об «учениках у жизни» имеет более широкую социальную базу, чем в «Продолжении легенды». Это вопрос о жизненных путях сельской молодежи, окончательно отошедший на последний план и по сей день. Кто не оторван от сельской жизни, тот знает, что до сих пор весьма многие юноши и девушки мечутся, не зная, куда приложить свои силы, и готовы уехать на любую работу, лишь бы не остаться в своей деревне.

Следовательно, появившись в 1959 году, повесть «Остаюсь с тобой» внесла новое в решение проблемы «зеленой» молодежи.

Но значение повести Красильникова в литературном процессе этим не ограничивается.

Вскоре в советскую литературу прочно вошел новый герой – умный, думающий и именно поэтому нашедший свое место в рабочем строю, твердый в убеждениях, исполненный чувства гражданского достоинства, готовый к сознательному труду. Одним из первых таких был Николай Бабушкин из повести А. Рекемчука «Молодо-зелено», появившейся в 1962 году. В повести «Остаюсь с тобой» такой герой уже есть. Это ровесник Курбатова Генка Киселев, про которого Алеша думает: «Тебе, Генка, хорошо, ты дорогу свою ясно представляешь...». Пусть Генка еще не совершает подвигов – это, в конце концов, не так важно. Важно то, что он уже вполне прочувствовал свою ответственность за все в жизни. Этот Киселев в полушутливом тоне говорит Курбатову: «Алексей Кириллович (председатель колхоза—А. Е.) говорит, что в этом году миллиончика два – два с половиной огребем. А может, и больше... Выходит, я тоже миллионер! Да-а... Миллионер Генка Киселев! Звучит!..». И дальше вполне серьезно: «Не-ет, Лешка, меня отсюда бульдозером не сдвинешь, я тут коренной, свойский, мне тут – ого! – сколько хозяйствовать! Я, брат, здесь как раз на месте. Знаешь, что это такое? Например, поставишь шестеренку не на свое место, она через минуту полетит к ядерной бабушке! Значит, есть у нее свое законное место, там-то она послужит тебе, износу ей не будет. И с человеком точно так получается: без места он – ноль, фюить! Грош ему цена, и то в базарный день!».

Образ Генки Киселева играет весьма существенную роль не только в идейно-художественном содержании повести «Остаюсь с тобой». Он дополняет характеристику современной молодежи и делает повесть произведением не только о «зеленой» молодежи. Вместе с тем он послужил как бы мостом к новым героям – героям романа «Олексан Кабышев» (этот роман известен удмуртским читателям под названием «Пустоцвет», а в журнале «Урал» он печатался под заглавием «Хозяин»).

В романе Г. Красильников, хотя и вернулся к героям первой своей повести «Старый дом» («С людьми»), но показал их уже сильно изменившимися. Олексан – вполне сложившийся человек нашего времени. Он теперь сам активно противостоит той среде, из которой вышел. Олексан, чувствуя локоть друзей по работе, решительно борется с кабышевщиной, проявляющейся в романе то в облике Глаши, жены Олексана, то в образе Григория Самсонова и некоторых других жителей Бигры.

Значительным шагом в отображении героя нашего времени можно считать и образ Харитона Кудрина, во многом развивающего образ Алексея Захарова из повести «Остаюсь с тобой», и образ брызжущего веселым юмором и задорным смехом Васьки Лешака.

Читая произведения Геннадия Красильникова, мы можем сказать, что в удмуртской литературе уже появился такой герой, с кого можно делать жизнь нашему юношеству. Об этом факте есть необходимость писать потому, что критика еще как-то односторонне оценивала творчество этого писателя. Акцент делался на герое не оформившемся, только еще нащупывающем свой путь, больше всего писали о молодом Олексане Кабышеве, о кабышевщине, об Алеше Курбатове, подчеркивали родство этих героев с героями В. Тендрякова и А. Кузнецова и не всегда замечали их самобытность, другую жизненную почву, на которой они появились.

Достижения нашей литературы надо иметь в виду и при оценке новых произведений. А между тем черты героев пройденного этапа литературы, героев мятущихся, шатающихся, нет-нет да и появляются до сих пор. Взять хотя бы Яшу Кукушкина из повести С. Широбокова «Песня дорогу находит», напечатанной в журнале «Молот». Такая бесхарактерность, безволие, неспособность даже по-человечески любить девушку характеризуют этого героя, что не решаешься называть его героем литературы, не то что героем нашего времени. То же можно бы сказать и о герое повести В. Соболева «Скромный парень» (тоже увидевшей свет на страницах «Молота»).

И вот совсем недавно мне пришлось встретиться еще с одним «своеобразным» центральным персонажем из произведения молодого автора. Все повествование ведется от имени некоего демонического юнца. Это озлобленный на все и вся молодой человек, явно претендующий на роль сверхчеловека-супермена. Шутка ли сказать: еще при жизни Сталина он не верил ему (это мальчик лет 14 – 15-ти!), он один видел неполадки в колхозе, в институте, в городе. Вместе с тем, он никем не понят и болтается с праздношатающимися тунеядцами. Расточает тирады против деляг, но в то же время получает государственную зарплату за помощь дармоедам. Конечно, не этому юнцу судить о нашей жизни, не ему быть главным героем советской литературы.

Настоящий герой теперь все больше и больше дает о себе знать со страниц произведений удмуртских писателей.

*О «Зеленых юнцах» и молодых героях
// Комсомолец Удмуртии. – 1964. – 1 октября;*

*О «Зеленых юнцах» и молодых героях
// Заметки нестороннего. Статьи, рецензии об удмуртской
литературе. – Ижевск: Инвожо. – 2005. – С. 76–79.*

ТРУДНОЕ СЧАСТЬЕ

<...> Недавно в удмуртском журнале «Молот» появились новые рассказы Геннадия Красильникова. И хотя объединяющая их лирическая тема духовного богатства человека совсем отлична от темы его прежней повести «Остаюсь с тобой», читатель вновь ощутил в этих рассказах пристальное внимание молодого прозаика к духовному миру героев, к движению человеческого сердца.

...Горькие мысли преодолевают Глашу в этот праздничный, новогодний вечер (рассказ «Начало года»). Безнадёжно одинокой кажется ей жизнь. И в молодости-то за ней никто не ухаживал, ничего внимания не привлекла ее добрая, покорная некрасивость. На что же надеяться ей сейчас? В тридцать лет – ни семьи, ни близкого человека. И хотя заполнено время напряженной работой, хотя медсестра Глаша – любимица больных, да и сама она отдает им все свои силы, сердце ее, жаждущее любви и тепла, не может успокоиться.

Сердечно и бережно прослеживает автор движение души героини. Вот она во время дежурства в больнице в новогоднюю ночь. К печальным мыслям Глаши примешивается зависть к старшей сестре, встречающей Новый год с любимым. Зачем она согласилась заменить подругу на дежурстве и обрекла себя на тягостное, обидное одиночество в эту ночь, которая для других так полна веселья и надежд.

Неожиданно в памяти Глаши всплывает лицо только что выпиавшегося больного. Обычно выздоровевшие стараются больше не встречаться с больными, а этот собирается заходить. Зачем?.. В сердце Глаши неслышно, робко закрадывается надежда. И Глаша не обманулась, начало года стало для нее началом новой жизни. К ней пришла большая, верная любовь.

Тема душевной щедрости, подлинной красоты человека – не нова в нашей литературе. Снова и снова обращаются к ней писатели. Не так давно появился рассказ Ю. Нагибина «Молодожены» – о том, как неприметная, немолодая женщина сумела вызвать у красавца Васьки непреходящее, радостное и тревожное чувство. Маленькая женщина сильным характера и яркой индивидуальности переполнила Ваську ощущением силы, восторга, сделала его счастливым мужем и отцом.

Но для молодой удмуртской литературы, тяготеющей к произведениям социально-исторического характера, рассказы Красильникова, представляющие собой лирическое раскрытие внутреннего мира героев, – новое и интересное явление.

Внимание Красильникова привлекает трудная любовь. С трудом завоевывает свое счастье Глаша. Поздно оно к ней приходит, но тем дороже оно, такое. Медленно просыпалась любовь к Аннок в Васе Бе-

лове (рассказ «Нареченная»), сдерживала чувство ее некрасивость, боязнь людских насмешек. Нелегко было и Аннок подавить трепет сердца, затаить от людей мучительную обиду. Трудная любовь и в рассказе «Зеленые бусы». О трагической судьбе двух любящих повествует этот рассказ. Но и в нем звучит утверждение нравственной красоты человека, торжествующей над эгоистическим, морально корыстным отношением к жизни.

При чтении рассказов Красильникова возникает ощущение подлинной жизненности. Создается это ощущение незаметно, – одна, другая, как бы незначай оброненная автором деталь, – и перед читателем вочию встает мир, в котором живут герои рассказов Красильникова.

В рассказе «Начало года» мы, например, узнаем, что по вечерам к Глаше ходит попить чайку полуслепая старуха-акушерка, с ней обычно увязывается и «тетя Люба» – любительница всяких «жизненных историй». Так они втроем и чаевничают до позднего вечера. Один штрих, а как красноречиво говорит он о душевном состоянии Глаши, о том, на какую унылую жизнь она себя обрекла, как бесповоротно зачеркнула свою молодость, записала себя в старухи.

То же и в больнице. «Тихо как», – с тоской думает Глаша. А мы, слыша ее тоскливый вздох, знаем, что вокруг нее кипит жизнь: в приемной суетятся люди, где-то поблизости делает обход главврач, переговариваются и стонут больные. И нам понятно, что кажущаяся Глаше тишина – отражение ее внутреннего одиночества, она словно слушает тишину своего сердца.

«Кувшин с водой на голове несут горянки, не расплещут, так же и ты», – говорит Глаше главный врач, хваля ее точную, спокойную, неторопливую работу.

Это умение Красильникова о непростых вещах говорить просто, правдиво и по-своему очень радуется в его рассказах.

Талант Красильникова, несомненно, растет. Новые произведения молодого писателя отличаются глубиной психологической характеристики, а ведь это именно то качество, за которое должны сейчас бороться удмуртские прозаики.

Трудное счастье // Дружба народов. – 1958. – № 8. – С. 249–250;
Трудное счастье // Заметки непостороннего. Статьи, рецензии об удмуртской литературе. – Ижевск: Инвожо. – 2005. – С. 79–81.

ГЕРОЙ, СЮЖЕТ, ХАРАКТЕР

Книги таких писателей, как Кузубай Герд, Кедр Митрей, Михаил Лямин, Трофим Архипов, Геннадий Красильников, знакомы десяткам

тысяч читателей. Об успехах, конечно, говорить приятно, но, думается, полезнее будет разобраться в особенностях современного литературного процесса, в его противоречиях, в том новом, что появляется в творчестве писателей республики.

За последние годы в оценке состояния удмуртской литературы произошли весьма примечательные изменения. Это можно заметить, если сравнить хотя бы два печатных выступления одного нашего известного прозаика (не называю имени его потому, что дело не в имени, а в общей тенденции).

В 1960 году он писал: «У каждого человека есть что-то хорошее. Вот этому хорошему и надо помочь развиться, вырасти. Также и в произведении писателя всегда найдется то, что нужно поддержать. Ему надо помочь понять достоинства и недостатки своего произведения. В этом заключается особенно почетная задача критика». Получилось, что в любой вещи, вышедшей из-под пера любого автора, обязательно нужно искать хорошее. Даже у явных графоманов. Писатель шел дальше и ставил все точки над «и»: «Что и говорить, в журналах и газетах появляются разные произведения. Но разве даже на одной яблоне все яблоки растут одинаковыми? Так не бывает. И нельзя же сказать, что мелкие несъедобны. Нечто подобное наблюдается и в литературе. Все писатели не могут быть гениальными, этого требовать невозможно. Рядом с талантливыми есть средние, есть и слабые. Но и не могут же отразить все явления советской жизни только высокоталантливые писатели. Они (эти явления. – А. Е.) необъятны. Поэтому бок о бок с лучшими живут и средние (писатели – А. Е.), живут и помогают нашему большому общему делу...».

Так несколько лет назад фактически оправдывалась посредственность.

Но время шло, и упомянутый автор в 1968 году написал уже по-иному: «Деятели литературы и искусства не умеют еще глубоко вторгаться в жизнь, не умеют достоверно и ярко рисовать современных передовых людей. Значит, особенно остро встает вопрос о поднятии литературного мастерства писателей...». Оказалось, что «мелкие яблоки», то есть бледные, схематичные произведения, не смогут вывести литературу к крупным достижениям.

Вот какова разница между годами 1960 и 1968. Что же произошло за это время? Удмуртская литература пошла на спад? Наоборот, в ней активизируются творческие силы. Просто иным, не столь снисходительным стало отношение к художественному качеству произведений.

Пожалуй, никогда еще за столь короткое время не появлялось в удмуртской литературе такого количества повестей и романов. Трофим Архипов выпустил роман о камских гидростроителях. Игнатий Гаврилов закончил большую трилогию из жизни удмуртской интеллигенции и написал повесть о трудной судьбе женщины. Геннадий Кра-

сильников изучает проблемы современной молодежи в дилогии об Александре Кабышеве, в повести «Остаюсь с тобой» и в романе «Начало года». К этой же теме несколько с другой стороны подходит и Семен Самсонов, выпустивший уже три повести.

Роман «Стремнина» Трофима Архипова посвящен строителям большой гидроэлектростанции на Каме и по времени охватывает почти весь период строительства. Появление этого романа свидетельствует об известных изменениях в развитии удмуртской прозы.

Герой удмуртской прозы уже снимает привычные котурны. Долгое время в повестях и романах на современную тему (Мих. Петров «Перед рассветом», Тр. Архипов «У реки Лудзинки») в центре внимания были руководители колхозов и районов, которые являлись носителями непререкаемых истин и вытаскивали хозяйство из прорыва. Теперь главными персонажами становятся рядовой колхозник и рабочий. Геннадий Красильников даже включил в свою повесть «Остаюсь с тобой» лирическое отступление о рядовом.

Герой романа Т. Архипова «Стремнина» Владимир Романов приходит на большую стройку без определенной профессии и волею судеб становится простым опалубщиком-плотником, хотя за его спиной уже и война, и послевоенные скитания. Владимир Романов – отнюдь не тот человек, которому заранее все известно. Несмотря на опыт, он по жизни идет как-то на ощупь, порой кажется, что его несут на себе волны событий.

Тут, как мне думается, споря со схемой «волевого» героя, Тр. Архипов несколько перегнул палку и впал в другую крайность Герой «Стремнины» получился слишком уж пассивным. Даже отношения с Еленой, женой благополучного карьериста Лагуненко, развиваются не по инициативе Владимира. Активным началом тут выступает женщина, решительно порывающая с нелюбимым мужем, оставляющая привычный комфорт и семейное благоденствие. И разоблачение дельца Шадрина и того же Лагуненко получается у Романова словно помимо его воли, как-то само собой.

Герои «Стремнины», по сравнению с прежними произведениями Тр. Архипова, стали более будничными, более приземленными. Писатель подчеркивает, что стихийную силу Камы обуздали не исключительные личности, а самые обыкновенные люди, порой и слабые, порой с сомнительным прошлым (как, например, незадолго до этого вышедший из заключения Виктор Елисеев).

В романе «Стремнина» подробно рассказывается, как Владимир Романов после долгих скитаний возвращается в родные края, как вступает в большой рабочий коллектив, как находит и трудовое, и личное счастье. Автор просто идет за событиями, и получается, что произведение по сути дела не имеет цельного, единого сюжета, который скреплял бы все про-

исходящее воедино. Да и отдельные события далеко не всегда крепко связаны друг с другом (я имею в виду художественно мотивированные связи). Упор на событийность ослабил произведение и в другом отношении: характеры романа не всегда глубоко проработаны. Мы видим, что делают люди, как они поступают, но не ощущаем их внутреннего мира во всей полноте. Личность главного героя автор с самого начала подает как уже вполне сложившуюся и раскрывает его характер сразу и до конца. Поэтому герой дальше тоже только действует, но не растет внутренне, не претерпевает никакой психологической эволюции.

Тр. Архипов стремился показать своих рядовых героев интеллектуальными, но, думается, это ему не во всех случаях удалось. В романе немало рассуждений о красоте (кстати, книга в удмуртском издании называется «Красота человека») со ссылками на исторических деятелей и писателей, вплоть до античных.

Но рассуждения эти не вошли органически в художественную ткань произведения, остались инородными вкраплениями.

В романе «Стремнина» впервые после войны удмуртский писатель обратился к рабочей тематике и сделал главным героем рядового рабочего. Эта тенденция знаменательна, но, к сожалению, ее воплощение оставляет желать лучшего. Новая тематика все же не привела к новому художественному качеству.

Наша литература не имеет дореволюционных традиций. Она опирается лишь на фольклорные истоки. Но они влияют на письменную литературу двояко. Пока мы все время подчеркиваем только их положительный опыт. Однако не надо закрывать глаза и на отрицательные воздействия. Удмуртская сказка не обладает третьим измерением. Ее образы плоскостные, необъемные. Герои резко делятся на два лагеря – на воплощение добродетели и зла – без всяких нюансов.

Подобная схематичность чувствуется во многих произведениях удмуртской прозы. Далеко не всегда удается писателям добиться жизненной достоверности, многогранности характеров литературных героев.

На основе фольклорного контрастного решения образов, начиная со второй половины 30-х годов, строилась и социальная проблематика. Тот факт, что удмуртская проза с самого начала носила ярко выраженный социальный характер, резко обнажала классовое расслоение в деревне, был, несомненно, положительным. Именно этим ценны «Тяжкое иго» и «Вужгурт» Кедр Митрея, «Гаян» Михаила Коновалова, трилогия Григория Медведева «Лозинское поле», «Жить хочется» Петра Блинова и ряд других произведений довоенного периода. Но в дальнейшем социальные коллизии в литературе не стали развиваться вглубь. Постепенно сложилась определенная схема. Классового врага изображали очень глупым и откровенным злодеем. Таким образом, облегчались и задачи положительных героев в борьбе с отрицательными. Подобные приемы

распространялись и на изображение не только классовых врагов, но и просто лодырей, проходимцев.

Преодоление ограниченности фольклорных традиций возможно лишь при развитии исследовательского начала в литературе, когда писатель увлекается не событийностью сюжета, а всецело идет от жизни, от пристального изучения характера людей. Пожалуй, это начало ярче всего проявилось в творчестве Григория Медведева (в 30-е годы), а нынче оно ощущается в произведениях Игнатия Гаврилова и Геннадий Красильникова. Первый создал самобытные и многогранные образы женщин (Варя в трилогии «В родных краях» и Акулина в повести «В дальней бригаде»). У Г. Красильникова в первых книгах наиболее интересными и своеобразными получались второстепенные персонажи. Это дед Паримон и дядя Олексан в повести «Остаюсь с тобой». Но подобные писательские находки были малоизвестны – из-за того, что сюжеты произведений Г. Красильникова в известной мере перекликались с сюжетами произведений русских писателей. Хотя его повести и романы целиком строились на удмуртском национальном материале, хотя многие герои получались интересными, национально самобытными, схематический сюжет и некоторый налет конъюнктурности снижали значение оригинальных художественных открытий писателя.

Творчество Г. Красильникова вызывало немало восторженных и резко отрицательных отзывов в центральной печати. Спорят о нем и в Удмуртии. Но вместе с тем нельзя не признать, что этот писатель уже получил всесоюзное признание.

Последнее произведение Геннадия Красильникова, роман «Начало года», на мой взгляд, заметное, быть может, этапное произведение не только для его автора, но и для всей удмуртской литературы. Сюжет его очень прост и внешне совсем не динамичен. Мы вместе с молодым врачом Фаиной Петровой знакомимся с жизнью и людьми сельской больницы. Но центральным героем становится главный врач больницы Соснов.

С Сосновым читатель встречался и раньше, в рассказе Г. Красильникова «Человек редкой души». Герой его предан своему делу, любит людей. Соснову, как в рассказе, так и в романе противопоставлен другой врач – молодой хирург Световидов, скептик и карьерист. В рассказе противопоставление двух героев решено прямолинейно и однозначно. Но в романе оно находит новое толкование. У Соснова уже не традиционный глупый противник. Световидов умен и весьма эрудирован. Образованность молодого врача не мишура, он, действительно, много знает и довольно точен в оценке людей. Вот что он говорит о Соснове: «Удивительный характер у нашего главврача! Он непостоянен и сварлив, как все старики... А вы, кстати, замечаете, что за последнее время наш главный стал сдавать? Вспышки гнева, часто без видимой причины, недовольство окружающими... Впрочем, должен сказать по праву старо-

жила, что Алексей Петрович и раньше не отличался большим тактом». Да, Световидов точно передает некоторые черты характера Соснова. Но отбирает из них только те, которые сознательно хочет выделить. Другие он игнорирует. Сварливость, нетерпимость, по мнению Световидова, обостряются в человеке, когда он чувствует близкий конец. Этого конца и ждет молодой хирург, чтобы не остаться вторым. Он всеми силами тянется к месту главного врача.

Световидов, отмечая те черты характера Соснова, которые могли бы его скомпрометировать, пользуется полуправдой, которая хуже самой утонченной лжи. Соснова он называет «Ионыч-секунда, то бишь Ионыч второй». И здесь есть частица правды. Да, Соснов замкнут, малообщителен, у него и друзей-то постоянных нет...

В характере Соснова много черт, которые выводят его за рамки традиционного образа положительного героя. В тридцатые года он перенес много унижений и оскорблений от своего бывшего друга Иллариона Матвеева, которому в гражданскую войну спас жизнь. Став следователем, Матвеев усердно пытался обвинить Соснова в национализме и прочих тяжких грехах. Он сделал много зла не одному Соснову, но его врач просто сознательно забывает. «Алексей Петрович обладал крепкой памятью, – говорится в романе, – и память его цепко держала в себе все те ямки, ухабы и раскаты, на которых порой больно ушибался доктор Соснов, продвигаясь по многотрудной дороге жизни. Память его упорно противилась и не желала сглаживать неровности пройденного пути, словно говоря: «Что было, то было, ничто не забыто». Тем не менее, он все же вычеркнул Матвеева из памяти и не сразу узнал его, когда тот, безнадежно больной, пришел в сельскую больницу. И получается, что Соснов как бы уходит от зла, отмежевывается, не пытается бороться с ним. Эта инертность героя несколькостораживает.

Соснов получился не героем в привычном понимании. И тем более не идеальным. Я совсем не хочу ставить его автору в упрек. Напротив, не нужны усилия Г. Красильникова, когда он пытается все время подчеркивать, что Соснов – стопроцентно положительный герой. И хорошо, что он делает это только на словах. Если бы писатель постарался пригладить образ, он лишился бы реалистического полнокровия. Как раз хорошо, что здесь Г. Красильников писал без жестких акцентов, без заранее составленных плюсов и минусов в обрисовке внутреннего мира и взаимоотношений героев. Это позволяет читателю самому разобраться, кто из них в чем прав или не прав. Сложность созданных писателем человеческих характеров заставляет нас думать о жизни, о её реальной многогранности.

Пока что роман «Начало года» является лучшим произведением исследовательского направления в удмуртской литературе.

Г. Красильникову глубже, чем другим писателям, удалось проникнуть в индивидуальность человека.

Таковы, на мой взгляд, процессы, происходящие в сегодняшней удмуртской прозе. Быть может, в статье другого критика они выглядели бы иначе, поскольку каждый не свободен от субъективности. Но тем не менее критика должна пытаться найти «достоинства и недостатки» (если использовать примелькавшееся словосочетание) в произведениях последних лет. Без пытливого осознания реальных преград нельзя помочь развитию литературы. А преграды эти – инерция схематизма, литературщины. Потому я и заострил внимание на этой опасности. Почти все у нас осознают необходимость решительной борьбы за художественное мастерство. Писатели сами требуют от себя многого без скидок на молодость литературы.

Герой, сюжет, характер // Дружба народов. – 1968. – № 10. – С. 64–68;
Герой, сюжет, характер // Заметки нестороннего. Статьи, рецензии об удмуртской литературе. – Ижевск: Инвожо. – 2005. – С. 82–88.

РЫЖАЯ И ГОРБАТАЯ

В 1960–1964 годах удмуртский писатель Семен Самсонов написал первую повесть «Люблю тебя». В ней он изобразил трудности тогдашней сельской жизни. Повесть была замечена как произведение подающего надежды автора. Самсонову во многом удалось передать обстановку удмуртской деревни начала шестидесятых годов, правда, не вдаваясь в глубокие причины довольно сложного положения в сельском хозяйстве.

Книгу перевели на русский язык, ее выпустило издательство «Удмуртия» в Ижевске тиражом 80 тысяч экземпляров под названием «Только бы не забыть» в одном переплете со второй повестью Самсонова – «Ночной звонок». Издание быстро разошлось, и успеху его во многом способствовала вторая повесть, о которой в аннотации было сказано, что она «посвящена трудовым будням работников милиции». А, попросту говоря, повесть основывалась на следственных и судебных материалах шумевшего в Ижевске дела об убийстве девочки-школьницы. В Москве в издательстве «Советская Россия» повесть «Люблю тебя» вышла довольно большим тиражом – в 50 тысяч экземпляров в 1972 году уже под своим первоначальным названием.

Ижевское издание повести Самсонова на русском языке не вызвало особых споров, хотя перевод несколько отличался от оригинала. Если в конце удмуртского издания автор многозначительно вводил известную песню «Я люблю тебя, жизнь», то переводчик отказался от этого и использовал несколько мелодраматичный мотив, подытоживавший любовные отношения Миши Прозорова и Тони Платоновой. А в начале перевода, видимо, ради создания «национального колорита» обильно цитировалась поэма-легенда удмуртского поэта Михаила Петрова «Италмас» и появились страничные диалоги главных героев на эту тему.

В издании же «Советской России» изменения текста оказались значительными. Новый перевод весьма отдаленно напоминает и оригинал, и первое русское издание. Между тем на титульных листах обоих переводов значится: «Перевел с удмуртского Сергей Никитин».

Сразу бросается в глаза, что повесть существенно уменьшилась в объеме. Оригинал содержал 224 страницы, перевод 1972 года уместился на 87 страницах книги того же формата, набранной тем же шрифтом. Всего одна треть первоначального объема! Разумеется, столь сильное сокращение не могло не отразиться на всей структуре произведения. Повесть Самсонова стала напоминать приблизительный, беглый пересказ первоначального текста.

Изменилась композиция. Первая глава стала четвертой, то есть события выстроились в обычный хронологический ряд. А у автора в начало был вынесен один из самых драматичных эпизодов, где все конфликты между главными героями обострены до предела. Едут из колхоза в райцентр только что снятый с поста председателя колхоза молодой инженер Миша Прозоров и те, кто способствовал его низложению, – Тоня Платонова и секретарь парторганизации колхоза Егор Матвеев. Такое начало было оправдано логикой повествования. Оно определяло смысловые акценты и расстановку персонажей. Теперь появилась новая первая глава, которой раньше не было. Это умилительная сцена распределения молодых специалистов в сельскохозяйственном институте. Тоня Платонова, получая диплом с отличием, отказывается от предложения остаться в аспирантуре и, к величайшему восторгу членов комиссии, просится на работу в колхоз. Вот так подается этот эпизод:

«Ректор победоносно глянул на членов комиссии, сказал с плохо скрытым торжеством:

«– Вот ведь как! Выпускника с отличием (?) отдаем в район. Слабые стремятся в кабинетную тишь, любыми способами пытаются остаться в городе. А вот сильных тянет к земле, к живому делу. Спасибо, Антонина Ильинична, спасибо.

Ректор встал из-за стола, подошел к Тоне и крепко пожал ее маленькую, узкую, мокрую от волнения ладонь».

Такую пространную цитату я привел не случайно. В этом отрывке уже видны многие особенности стиля перевода: ложнопатриотические интонации, четко отмеченные границы между «хорошими» (теми, кто стремится в деревню) и «плохими» (кто во что бы то ни стало остается в городе). На всем протяжении чередуются подобные «волнительные» сцены с канцелярски-сухими описаниями происходящих событий.

Язык перевода отличается пестротой. В одной фразе могут соседствовать «инициатива» и «хвост трубой», «дух шибанет» с «респиратором», «кузькина мать» с «субординацией». Но, несмотря на обилие подобной мешанины, Сергей Никитин все же четко придерживается «бюрократической стилистики». Разве не украсили бы страницы самого педантичного канцелярского протокола такие вот, к примеру, фразы: «Только вчера он санкционировал незаконный вывоз из леса бревен для продажи на стороне». Или о любящих сердцах: «Работая рука об руку, они открывали друг в друге совершенно новые, дотоле неизвестные им душевные качества! Дружба их возвращалась медленно, но верно». Или еще: «Егор Матвеевич, сам того не ведая, обнаружил большое место в организации труда механизированных ферм»; «...требует нового подхода к проблеме». «Егор Матвеевич рассчитывал на то, что Платоновой чуждо чувство карьеризма, тщеславия».

А вот, например, Тоня, человек с высшим образованием, выступая на суде, называет Павла, совсем как неграмотные деревенские старушки, – Павол. Между тем в оригинале она говорит подобающе моменту и месту: Яковлев Павел. Это пресловутое, дурно понимаемое стремление к «национальному колориту» часто соседствует с небрежным отношением к русскому языку. Как можно объяснить создание прилагательного «кизиловская» от удмуртского слова «Кизили» – «Звезда» (название колхоза) в таком, например, предложении: «Ну раз ты теперь наша, кизиловская, то я хочу тебя предупредить...» Ведь совершенно ясно, что такое прилагательное может образоваться только от слова «кизил», обозначающего кустарник с красными терпко-кислыми ягодами.

В рецензиях на переводы принято сравнивать перевод с оригиналом. Но в изданной «Советской Россией» повести «Люблю тебя» язык перевода вообще не сопоставим с оригиналом, поскольку тут почти все пересочинено Сергеем Никитиным. Возьмем для примера лишь один отрывок.

У автора есть небольшое лирическое отступление о весне. Вот как оно выглядит в подстрочном переводе: «Половодье пробуждает землю от подснежного сна. И оно тут же приносит радость в сердца людей. Тылошур (название речки – *А. Е.*) скидывает покрывало, разбивает лед и начинает шуметь – как будто показывает всей округе свою

богатырскую силу и говорит: «Новая весна тебе несет новую силу, новое счастье, будь же расторопным, трудовой человек!»

Переводчик переделывает картину половодья таким образом: «Не приходилось ли вам видеть весеннее половодье? Какая красота и сила заключена в нем! Половодье раздевает землю. Горбатая и рыжая, она похожа на новорожденного. Приняв купель, земля начинает свою сложную жизнь... Небо обнимает землю: плывут, покачиваясь, облака вместе с полой вешней водой по голой груди земли». Не правда ли, здорово украсил переводчик текст не только эротическими мотивами, но и новыми представлениями о красоте новорожденного – горбатая и рыжая?..

Пренебрежительное отношение к оригиналу проявилось даже в том, что переводчик запутался в микрогеографии маленькой повести. Одна из его героинь, Фрося, все время жила в деревне Тылошур (где происходит почти все действие произведения). Переводчик неожиданно информирует: «Павол же был очень влюблен в Фросю, поэтому и взял ее в жены с чужим ребенком, перевез ее в Тылошур» (откуда?).

Если в языке и географии многое запуталось, с характерами героев в переводе произошло нечто противоположное. Здесь все образы «выпрямились», получили вполне однозначное и плоское решение. Егор Матвеевич – это откровенный карьерист и кочующий из одной серой книги в другую номенклатурный руководящий работник, все время потирающий лысину (заметим, эта деталь тоже стала уже типологически тривиальной). У Самсонова он хитрее, скрытнее, у Никитина же Матвеев ведет себя до абсурдного туполобо. На собрании «неожиданно для Тони взял сторону любителей крайностей и Егор Матвеевич, подлил масла в огонь замечанием: «Наш председатель, того-этого, не в своих санях...» Чуть ниже Матвеев говорит: «Наш председатель, этого-того, на слово горазд: отчет получился красивым... Шито-крыто, того-этого. А на деле?.. Тяжелое положение создалось у нас. Не только на фермах, этого-того, худо. Плохо и на других участках». Приходится просто удивляться, как такой «любитель крайностей» и сам крайне примитивный человек, Егор Матвеев, сумел в конце концов стать председателем колхоза. А индивидуализация речи, создаваемая надоедливым повторением словечек «того-этого», «этого-того»? (Кстати, эти словечки чисто русские, они не имеют никакого эквивалента в удмуртском языке). Можно было показать и сдвиг других героев в сторону примитива, но едва ли стоит этим заниматься, ведь и так все понятно.

Да, «рыжей и горбатой» получилась эта книга в переводе.

Рыжая и горбатая // Дружба народов. – 1973. – № 6. – С. 275–277;
Рыжая и горбатая // Заметки нестороннего. Статьи, рецензии об удмуртской литературе. – Ижевск: Инвожо. – 2005. – С. 88–92.

ПЕРВАЯ УДМУРТСКАЯ ПОВЕСТЬ

Зачинатель удмуртской художественной прозы Иван Тихонович Дядюков начал творческий путь в 1920 году. Свою литературную деятельность он посвятил жизни простых людей Удмуртии, их труду и борьбе за светлое будущее. Среди лучших произведений И. Дядюкова, вошедших в сборник, выпущенный вскоре после смерти автора (И. Дядюков. «Избранное». На удмуртском языке. Ижевск, 1956), особого внимания заслуживает повесть «Пашка Педор». Это одно из первых прозаических произведений удмуртской литературы, начавшей развиваться только после Октября.

И. Т. Дядюков обращается к острой социальной теме – классовой борьбе в удмуртской деревне. В ярких сценках своей повести автор показал звериную эксплуататорскую сущность кулака. Написанная в двадцатые годы, когда в удмуртской деревне разгоралась схватка с кулачеством, эта повесть как бы начала жизнь вместе с удмуртским народом, вместе с ним вступила в непримиримую борьбу с врагами советской власти. Значение и популярность «Пашка Педора» объясняются и самой формой этого произведения. Написанная простым разговорным языком, с привлечением сочных фольклорных образов, эта повесть была доступна широким слоям удмуртского населения, жадно приобщавшегося в те годы к грамоте, культуре.

...От избы к избе идёт десятник села, увесистой палкой колотит в ставни. «Фёдор, иди на сходку! Говорят, твоя изгородь в поле развалилась...» Фёдору эти слова кажутся насмешкой: отроду не было у него земли, сколько ни просил он у старосты, сколько ни унижался ради голодных детей, вскормленных лебедой вместо молока! А старосте какое дело было до детей бедняка! Общинные земли он раздавал кулакам, – эти в долгу не оставались, водки не жалели.

Семь лет прошло, как построил Федор изгородь лавочнику Алексею, а тот с ним до сих пор не рассчитался. А тут к привычным горестям – плачу голодных ребятишек, холоду в полуразвалившейся, вросшей в землю избёнке, несбыточным мечтам о клочке собственной земли – прибавилась новая обида: знает ведь десятник, что нет у Фёдора земли, а насмехается... и всё же на сходку Фёдор пошёл. Всё думалось: а вдруг смилуются, сжалятся, дадут землицы хоть с полнадела!

Но напрасно он надеялся, получил он не землю, а побои. Избил его в кровь Алексей, тот самый, кому он изгородь ставил. Её подрыли и опрокинули свиньи, а по местному обычаю полагалось наказывать хо-

зяина упавшей изгороди. Но кулаки тракуют обычаи по-своему. «Фёдор ставил, он пусть и отвечает!» – кричит лавочник, награждая бедняка пинками. Избитого Фёдора Алексей тащит в свой дом, спаивает самогонном и нанимает его, отупевшего от побоев и алкоголя, почти задаром на работу.

Таково содержание этой повести, в простых непритязательных сценах которой раскрывается перед нами жуткая жизнь Фёдора и его бедняков-односельчан, забитых, униженных и бесправных, мечтающих о лучшей доле, но не знающих пути к ней. Эти мечты о другой, счастливой жизни будил среди бедноты учитель Иголкин. Но повести людей, научить их, как добыть счастье, он не успел – его сослали в Сибирь. И не на что стало Фёдору надеяться. Напуганные, одураченные кулаком, плачут жена и дети. Так заканчивается эта повесть.

«Пашка Педор» Дядюкова привлекает неподдельной искренностью. Простыми скупыми словами говорит автор о своих героях, и их правдивые образы вызывают волнение и сочувствие.

Эта небольшая по объёму книга даёт читателю представление об основных мотивах творчества одного из талантливых писателей Удмуртии, зачинателя её художественной прозы.

*Первая удмуртская повесть //
Дружба народов. – 1957. – № 2. – С. 206-207.*

В РОДНЫХ КРАЯХ

Художник черпает из народной жизни темы, идеи, образы и вдохновение. Если же он потеряет связь с народом, его талант блекнет и засыхает, как вырванная из земли трава. Эта тема не нова, к ней обращались многие писатели. Но и по сей день она остается значительной, волнует и привлекает. В Удмуртии недавно вышел роман Игнатия Гаврилова «В родных краях», замысел которого возник в связи с проблемой взаимоотношений писателя и народа.

Игнатий Гаврилов – один из старейших литераторов Удмуртии, зачинатель удмуртской драматургии. На его пьесах учились и выросли многие актеры и режиссеры удмуртского театра. Кроме того, И. Гаврилов известен как поэт-лирик. Многие из его стихов стали хрестоматийными, в деревнях и селах Удмуртии поют песни на его слова.

В последние годы И. Гаврилов обратился к прозе. Как и в драматургии, Гаврилов и в этом жанре проявляет особый интерес к темам остросовременным. Первый роман писателя (в соавторстве с В. Петровым) был посвящен жизни рабочего класса. Его новая работа «В

родных краях» – первая часть задуманной автором трилогии. На этот раз писатель сосредоточил внимание на жизни творческой интеллигенции Удмуртии. Действие романа относится к двадцатым годам, когда в общественной жизни молодой республики шла сложная идеологическая борьба, участником и свидетелем которой был сам писатель. И. Гаврилов ставит перед собой цель не только воспроизвести картину жизни и борьбы тех лет, но и показать в судьбе своих героев, сколь сложным был путь исканий, выпавший на долю молодой советской удмуртской интеллигенции.

Одного из главных действующих лиц романа – Сергея Климова – мы впервые застаем в дороге. Он едет в Ижевск, уверенный, что город знает его и ждет, так как незадолго перед тем в газете были напечатаны его стихи и заметка. Так намечается в романе путь героя: сначала это извилистая, узенькая дорожка, потом она становится все шире, прямее.

В первые же дни в Ижевске юношу ждало разочарование: никому не известный, не имеющий еще литературного опыта, он вынужден поступить в газету курьером. Лишь со временем становится Сергей литературным сотрудником. Впрочем, жизнь никогда не баловала его, были неудачи, невзгоды, новые разочарования. Болезненно переживает Сергей провал своей первой пьесы. Он перестает верить в себя, хочет оставить драматургию. Дружеская помощь Богатырева, парторга одного из крупнейших в Ижевске заводов, помогла молодому писателю преодолеть мучившие его сомнения. Удача одноглаза, говорит ему парторг. Она не всегда отмечает достойных, иногда выбирает, кого попало. Не надо отчаиваться, уступать. Нужно верить в себя и добиваться верного успеха. Сергей вдумчиво ищет причину своего поражения, он понимает, что в его пьесе о деревне коллективизация была показана слишком поверхностно, как легкое, не требующее особенных усилий дело. Стараясь постичь всю сложность борьбы бедноты с кулаками, он едет в деревню и пишет там очерк, покоряющий читателя правдивостью и смелостью. Его сильный, но еще не установившийся талант пытаются подчинить себе буржуазные националисты Бакин и Илья Зангари. Они стараются руководить им в выборе тем, предостерегают, ссылаясь на свой литературный опыт, от выступлений против кулачества, советуют смягчить в его произведениях остроту борьбы в удмуртской деревне. Но Сергей защищен от них не только честным сердцем и смелым талантом. Его поддерживает на всем пути Богатырев, друг и суровый критик. Партиец с большим стажем практической работы, Богатырев помогает Сергею войти в самую глубь современной жизни удмуртского села.

Повстречав Сергея Климова в дороге, мы расстаемся с ним, когда он снова в пути: молодой писатель едет учиться в Московский университет, но теперь уже много нитей связывают его с родным народом.

По-иному складывается в романе судьба другого молодого литератора – Васи Камашева. Талант его получает признание, он становится модным писателем, но очень скоро замыкается в себе, уходит в мир субъективных интересов и переживаний.

Главное в Камашеве – неустойчивость, у него ни в чем в жизни нет своей твердой позиции; Он искренне как будто любит Катю, но в тот момент, когда ей нужна его помощь, оставляет ее, увлекшись другой девушкой. Когда его отец, кулак, порочит Советскую власть, Вася пытается сначала с ним спорить, но скоро чувствует свою беспомощность перед жизненным «опытом» отца и только просит его об одном – молчать, не раскрывать людям своей души. Так он сам начинает кривить душой и попадает под влияние националиста Бакина.

Роман не окончен, вышла только первая его книга. Но уже сейчас ясно, что Камашев не взлетит соколом. Все уже, извилистей становится его тропа.

Ясно и то, что все симпатии автора на стороне Сергея. И. Гаврилов пишет о нем местами с мягким юмором, с насмешливой снисходительностью к его молодости, но в голосе автора часто слышится тревога за судьбу юноши. Так порой и кажется, что он как бы напутствует своего героя: держись, не падай, знай, за кем идти. Автор выступает в романе, как активно действующее лицо, не навязчиво, но ощутимо дает оценку событий, высказывает свое отношение к героям.

Роман И. Гаврилова написан живо, читаешь его с интересом, хотя – иногда несколько досадуешь на автора.

Показав путь исканий молодой удмуртской интеллигенции, И. Гаврилов не смог так же глубоко и всесторонне нарисовать картину жизни крестьянской деревни. Думается, что вряд ли стоило писателю стремиться к такому многоплановому повествованию со столь широким охватом событий. В частности, например, стараясь связать действие романа с шахтинским процессом, И. Гаврилов вводит целый ряд самостоятельных картин и образов, загромаждая повествование и отвлекая внимание читателя от основного движения сюжета.

Но эти упреки, в основном связанные с композиционными просчетами автора, не могут заслонить главных достоинств произведения. Центральная тема его — писатель и народ, путь писателя к народному признанию – решена И. Гавриловым правдиво и художественно убедительно.

Книга «В родных краях» – заметное явление в удмуртской литературе последних лет.

В родных краях // Дружба народов. – 1959. – № 4. – С. 250–251.

О ПЕРЕВОДЕ РОМАНА ИГНАТИЯ ГАВРИЛОВА «В РОДНЫХ КРАЯХ», ВЫПУЩЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВОМ «УДМУРТИЯ» в 1975 год ПОД НАЗВАНИЕМ «КОРНИ ТВОИ»

Перевод произведений удмуртской литературы в последние годы получил широкий размах, и переводные книги пользуются большим спросом у русских читателей. Также и перевод романа-трилогии Игнатия Гаврилова был встречен с большим вниманием, и его стотысячный тираж разошелся в очень краткие сроки. Это объясняется, с одной стороны, вообще возросшим интересом к национальной литературе в связи с повышением ее мастерства, с другой – качествами самого произведения Игнатия Гаврилова. Удмуртское издание трилогии (она вышла в трех книгах в 1958–1963 годах) теперь уже стало почти библиографической редкостью. В общем выпуск романа «В родных краях» явился положительным явлением в литературной жизни Удмуртии.

Но тем не менее вынужден сказать, что русский перевод далеко не идентичен удмуртскому оригиналу. Переводчик во многом подошел к образной системе автора довольно произвольно.

На титульном листе русской книги значится: «Авторизованный перевод С. Никитина». Но это определение не соответствует действительности, так как авторизовать, то есть согласовать с автором И. Г. Гавриловым С. Никитин свой перевод никак не мог: Гаврилов умер в 1973 году, когда С. Никитин еще только взялся за перевод. Так же неверно и утверждение, содержащееся в предисловии (С. 4): «Издательство «Удмуртия» издает ... под новым, согласованным с автором, названием – «Корни твои». Такого согласования не было и быть не могло. К подобным неверным утверждениям издательство прибегло лишь для оправдания пренебрежительного отношения переводчика к авторскому оригиналу.

Переработка произведения велась в основном в следующих направлениях: 1)

Сокращение эпической широты отображения жизни, присущей И. Гаврилову. Из перевода исчезли, например, описания встреч Сергея Климова с другими героями повести, значительно сокращены сельские эпизоды его жизни. 2) В связи с этим изменилась сама тональность авторского повествования. Если в оригинале И. Гаврилов описывал большие события в эпически спокойной манере, то в переводе появились элементы сенсационности и назидательности, что чуждо художественному таланту И. Гаврилова. 3) Изменились судьбы и характеры

некоторых героев. Например, упрощен характер Вари. У автора отношение к этой героине было достаточно тонким, деликатным, особенно в начале романа. Переводчик преобладающей ее чертой сделал склонность к сексу и наживе. И вот читаем немислимую для Гаврилова сцену (1, с. 44): «Вася пошел в угол, хотел наклониться, взять сена, в это время его за шею обняла Варя, горячо и учащенно задышала в лицо Васи. Вася не удержался на ногах, повалился на бок, на него – тетя. Она от Васи не оторвалась, с дрожью и горячо его обнимает, целует, что-то ему шепчет.

Переводчик здесь и еще добавляет от себя: «Насытившись, долго лежали в сене» (с. 47 перевода). Вся сцена приобретает пошловато-грязный вид. А дальше от Вари: «Сам Бог свел нас». Вообще во всех переводах С. Никитина герои удмуртских книг часто поминают Бога, как бы демонстрируя богомольность, хотя в оригиналах этого нигде нет. 4) Отношение автора к главному герою, особенно в начале романа, добродушно-иронической, с некой лирической грустью. В переводе лиризм начисто исчез, вместо того переводчик стал прибегать к грубой карикатуре. Как иначе назовешь вот такие элементы портрета Сергея Климова: «Глаза мышатами шмыгают под белобрысыми бровями», «Его левый глаз, обращенный к окну, лилвееет, а правый отсвечивает синью» (с. 10). Или о Кате: «Большие глаза, похожие на голубые неспелые яблоки» (с. 9). Яблоки ведь голубыми бывают только у дальтоников, людей с ненормальным зрением!

В русском переводе сильно трансформировались и другие герои. Взять, к примеру, образ партийного руководителя Спиридона Богатырева. В оригинале он человек дела, умный и тактичный воспитатель молодежи. Прочита в слабую пьесу Сергея Климова, он без лишних слов предлагает ему поехать в деревню, чтобы помочь организации колхоза. Сергей лучше узнает жизнь, суть происходящего в деревне в «год великого перелома», не слова, а конкретное дело поможет ему создать понастоящему художественное произведение. В переводе же Богатырев начинает читать Сергеем длинную банальную нотацию о корнях его. В другом месте (с. 235) переводчик в уста Климова вкладывает довольно скучное переложение стихотворения Михаила Покчи-Петрова «Дор» («Родина»). И тут же Богатырев по воле С. Никитина произносит: «Надо с жизнью в ногу идти. И даже чуть-чуть вперед». Эту бессмыслицу и читать-то неловко, поскольку, во-первых, звучит пародией на ленинские слова, сказанные о Демьяне Бедном (что он идет за массами, а надо идти впереди масс); во-вторых, можно идти впереди масс, но едва ли можно впереди жизни, хотя бы чуть-чуть.

В переводе многократно подчеркивается, что Сергей Климов – первый удмуртский драматург. Это не соответствует ни исторической правде (удмуртская драматургия зародилась задолго до начала тридца-

тых годов), ни структуре романа. В нем говорится, что в Удмуртском клубе и раньше ставились спектакли по удмуртским пьесам, которые писали и Бакин, и Иван Дмитриев. Хотя в первой книге Гаврилова фигура положительного героя – писателя довольно одинока на фоне врагов (в этом обнаружилась слабость Гаврилова, его односторонняя оценка литературного процесса), в оригинале нет все-таки утверждения об абсолютном приоритете Сергея Климова в удмуртской драматургии. Переводчик же особо заостряет внимание читателя на этом.

В переводе появились довольно пространные рассуждения «об органах», чего не было у Гаврилова. Язык перевода пестрит эклектичными сочетаниями сугубо книжных и сугубо просторечных слов. Причем их соединение почти никогда художественно не оправдано.

Итак, качество перевода не выдерживает критики. Убежден, что повторно издавать роман в этом же переводе нецелесообразно. Есть смысл перевести роман заново с соблюдением авторских прав, предусмотренным Гражданским кодексом РСФСР.

(2 августа 1977, из семейного архива).

ИЗ ДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО

Немало интересных произведений насчитывает молодая литература Удмуртии, но совсем особое место среди них занимает роман Кедра Митрея «Тяжкое иго», новое издание которого вышло недавно в Ижевске. Его автор, Д. Корепанов, писавший под псевдонимом Кедра Митрей, – один из основоположников удмуртской письменной литературы, один из создателей удмуртского литературного языка. Начав свою деятельность еще до революции, Корепанов долгое время писал на русском языке, его очерки и рассказы печатались в петербургских журналах и газетах. Но после Октября, собирая народные предания и песни, он раскрывает богатые возможности родного языка и с начала двадцатых годов пишет свои произведения по-удмуртски. В 1929 году выходит исторический роман Кедра Митрея «Тяжкое иго» – первый роман в истории удмуртской литературы.

Новое издание романа познакомит нашего широкого читателя с этой интересной книгой, не переиздававшейся более двух десятилетий ни на родине писателя, ни в центральных издательствах. Кедра Митрей открывает одну из далеких, малоизвестных страниц истории своего народа. Сложная и противоречивая обстановка, сложившаяся в начале прошлого столетия в дальних глубинах России, населенных малыми народами, скрытая, но полная драматизма борьба, которой сопровождался процесс насаждения христианства среди удмуртского населения,

быт и нравы удмуртской деревни, – вот та историческая обстановка, на которой разворачивается действие романа, рассказ о судьбе его героев – Дангыра и его невесты Дыдык.

На фоне суровых, реалистически написанных картин жизни и быта забитых, угнетенных, опутанных религиозным дурманом удмуртов, несколько романтизированных образы Дангыра и Дыдык приобретают особую поэтичность.

Дангыр – бунтарь, его душа возмущается против диких притеснений и издевательств, которые чинят над простым народом местные богатей и царские чиновники. В нем растет чувство острой классовой ненависти к угнетателям и одновременно горькая обида за своих односельчан. Но Дангыр одинок, его бунтарская натура не привлекает, а скорей отпугивает забитых и запуганных соотечественников. Ему тесно в их среде, его пылкий ум стремится к знанию, а мятежная душа рвется к борьбе. Эти черты исключительности, романтичности роднят Дангыра с образами богатырей из удмуртских народных преданий.

Сочетание в образе героя реалистических и романтических черт глубоко закономерно для первых произведений удмуртской литературы. Стремясь выразить стихийный протест, подспудно зреющий в народных массах, писатель естественно обращался к привычным сознанию простого народа фольклорным образам народных вождей и мятежников. Отсюда героизация Дангыра. Но сама трагическая судьба Дангыра, его одиночество, бессилие повести за собой забитый и задавленный народ – это уже не из народных преданий, а из самой жизни. Непокорного бедняка, мутившего земляков и вызывавшего возмущение церкви, постарались упрятать в тюрьму. «Как крапиву, нужно вырвать с корнем и уничтожить род Дангыра», – решают перепуганные отцы церкви.

Не только судьба героев в центре внимания читателей. Автор создает многопланное повествование: удмуртское крестьянство, русские купцы и чиновники, духовенство, их связи и взаимоотношения раскрываются перед читателем, показывая сложный процесс колонизации малых народов, протекавший в первой половине прошлого столетия в царской России.

Среди многочисленных образов романа нельзя не отметить образ попа Илария, ревностного распространителя христианства среди язычников-удмуртов. Нищим приехал он в Чебершур, но уже через два года стал полным хозяином прихода, прибрав к рукам не только духовную, но и светскую власть. «Вознаградил господь за ревностное служение», – объясняет он верующим свое богатство и силу. Власть, которую приобрел он этим «ревностным служением», страшна – практически в его руках находится жизнь и смерть прихожан.

Из «усердия к богу» запрещает поп жать рожь в субботу и воскресенье: заставляет удмуртов строить новую, более парадную церковь. Несжатая рожь осыпается, голод уже ползет в село, люди едят древесную кору и листья, но зато соблюдены православные обычаи, а поп любуется новой, просторной церковью: есть где служить панихиды по усопшим!

Изображение Илария не лишено сатирических черт. Суровая и горькая ирония слышится в рассказе о том, как поп старается выдумать чудеса или как он заказывает нарисовать новую икону с изображением святого Романа. Мастера-иконописцы, не имея никакого представления о лике этого святого, пишут икону со звонаря Игошки. «Теперь молиться будут на тебя вотяки», – смеются они. При виде новой иконы отца Илария начинает трясти, как в лихорадке. Но, придя в себя, он перед толпой верующих бьет поклоны «грешному Игошке».

Художественная выразительность образа Илария, как и других персонажей романа, в значительной мере достигается благодаря удачной речевой характеристике. Стихия народной речи, с ее сочностью, афористической образностью сравнений, лаконичностью диалога – пришла в произведение Кедр Митрея не только из самой жизни, но и из фольклора, страстная увлеченность которым прошла через всю жизнь писателя.

Напряженный драматизм повествования, выразительность центральных образов романа, а, главное, правдивое и многостороннее изображение удмуртской деревни в прошлом – все это делает роман «Тяжкое иго» одним из лучших произведений удмуртской литературы.

Из далекого прошлого // Дружба народов. – 1958. – № 4.

РАССКАЗЫ О СОВЕТСКИХ ВОИНАХ

Рассказы удмуртского прозаика Михаила Лямина привлекают прежде всего не тонкостью психологического рисунка, не оригинальностью ситуации, даже не свежестью образов. Сильная сторона дарования Лямина в другом – в умении подчинить читателя чувствам, полностью владеющим его героями – сильными, цельными, благородными. Ведь не всегда все в произведении зависит от нюанса, от детали, – часто покоряет сила, напряженность чувства. Эта особенность манеры рассказчика как нельзя более соответствует избранной им военной теме, и везде, где автор не изменяет себе – рассказывает о больших событиях, требующих всего человека, всей его воли, характера, – читатель ему верит.

Уже трое суток подряд хирург Ксения Захаровна работает без отдыха (рассказ «Хирург»). Тело ноет от усталости, глаза слипаются. Мягкое кресло, принесенное бойцами для любимого врача, так и манит опуститься в него, закрыть глаза, забыть на минуту обо всем. Но на очереди новый пациент. У него тяжелое ранение в голову. Жизнь его в руках Ксении Захаровны. Операция, чрезвычайно сложная сама по себе, во фронтовой обстановке почти невозможна, и все-таки «никто из окружающих не смог бы прочесть на лице этой пожилой женщины страха или сомнения». Она спасла жизнь раненому. Он оказался ее земляком, удмуртом. И так каждый день. Русские, украинцы, удмурты – сколько вернули к жизни золотые, умные руки Ксении Захаровны! Но вот она узнает, что ее сын, сражавшийся на другом фронте, тяжело ранен, – он был при смерти, но теперь он будет жить. Где-то в другом полевом госпитале другой врач, трое суток не отходивший от операционного стола, вернул жизнь ее сыну.

От родной Удмуртии до лесов Восточной Пруссии прошла Ксения Захаровна вместе с дивизией, сформированной в Сарапуле. В этой дивизии воевал и писатель Михаил Лямин, автор этой книги. Он был очевидцем всех событий, описанных им в рассказах и очерках. Жизнь дивизии – главная их тема. С большой любовью воссоздает он на страницах сборника образы отважных земляков; талантливого удмуртского писателя П. Блинова, погибшего в одном из боев в первые месяцы войны («Пламенное сердце»), воина-удмурта Поздеева («Незабываемые годы»), связного ефрейтора Сапарова («Безыменная высота»). Много писали о безыменных героях, о подвигах, которые были буднями. Но тема эта неисчерпаема, как неисчерпаемы богатства человеческого сердца. И писатель, правдиво рассказавший о военных годах, пробудит в нас новые раздумья, новое волнение, новую гордость за советского человека.

Но совсем другое чувство возникает при чтении рассказа «Голубой конверт». Не говоря уже о том, что по теме он выпадает из сборника, посвященного событиям войны, рассказ этот почти пародийно безвкусен и банален.

Деревенский парень, удмурт Саша, служит в армии. Он сержант. В его отсутствие приезжают в деревню две девушки – агроном и зоотехник. И обе каким-то образом влюбляются в человека – в этого самого сержанта, – которого никогда и в глаза не видели. Влюбляются и начинают ревновать его друг к другу. А сержант – тоже заочно! – теряет голову от любви к агроному. Из-за этой роковой страсти он даже бросает свою невесту.

Это соседство суровых картин жизни, подлинно человеческих характеров со столь аляповато-опереточными сценками воспринимается,

как досадный просчет редактора книги и самого автора, который, как никто другой, должен был дорожить доверием читателя.

Рассказы о советских воинах // Дружба Народов. – 1957. – № 6. – С. 219.

ЕЗДА В НЕЗНАЕМОЕ

В предсъездовских выступлениях появились упреки в адрес «некоторых работников Удмуртского книжного издательства и критиков» в том, что, мол, они требуют от поэтов новаторства, но сами не понимают, в чем оно заключается.

Попробуем разобраться, чем недовольны «некоторые критики».

Мне уже приходилось констатировать появление новых имен в удмуртской поэзии. В последние три-четыре года вышли первые книги Анатолия Волкова, Семена Перевозчикова, Даниила Яшина, Степаниды Ивановой и других, а в сборнике «Егит сюлэм кыр□а» представлены сразу двадцать новых имен. Отрадно, что у некоторых из них уже заметен свой, хотя еще довольно робкий почерк.

И хорошо, что молодая поэзия обратилась к человеку, к его чувствам и мыслям. На смену трескучим фразам, в отрицание их пришли глубоко лиричные стихи. В этом отношении характерен сборник Степаниды Ивановой. Он, как на ладони, показывает всю противоречивость и ограниченность интимной лирики молодых. Неподдельные чувства и ограниченный кругозор, молодой задор, лукавый юмор и какая-то оторванность от общественных забот – вот что пришло в нашу поэзию в противовес помпезности и ура-патриотизму предшествующих лет. Несомненно, приход новых сил со своим кредо был шагом вперед. Такая поэзия нужна и находит отклик в сердцах.

Беда не в том, что такие стихи читаются. Беда в том, что они захлестнули другие. И пошел поток стихов, выражающих мелкие чувствования, слишком интимные мысли. В таком духе написаны стихотворения А. Белоногова «Тынад янгышед», «Пытьюс» («Твоя ошибка», «Следы» в сборнике «Оскон»). Их немало в коллективном сборнике «Егит сюлэм кыр□а». Почему-то молодые поэты спешат выносить на общественный суд вещи, представляющие интерес только для одного-двух человек. Подобная ограниченность адреса чувствуется в общем-то добротном стихотворении совсем молодого Владимира Романова «Нэнэлы» («Матери»).

Неплохо начал творчество Аркадий Третьяков («стихотворение «Трактор» в коллективном сборнике). Но удачно найденный прием обращения к машине он начал повторять.

На мой взгляд, главная беда молодых поэтов – слабое чувство современности. Почти все вышедшие в последние годы поэтические сборники страдают отсутствием конкретного авторского адреса. Читая их и не можешь представить, в какое время и где они написаны.

Есть, правда, другого рода стихи, которые, на первый взгляд, имеют конкретный адрес. Откликов на события появляется немало, но они, как появляются без муки творчества, так и исчезают, не оставив следа в душе читателей.

В нашей республиканской печати даже некоторые видные писатели уже выступали с утверждением права существования «средних», а то и серых произведений. Они, мол, тоже вносят лепту в дело идейного воспитания строителей коммунизма.

Как говорил А. Твардовский, «эти речи всегда склоняются к тому, что, мол, художнику важно только озаботиться идейно-политическим содержанием (как будто оно существует в произведении отдельно само по себе), а уж насчет формы, художественного качества – как бог даст, «по возможности, то есть по известному принципу, «за вкус не ручаюсь, а горячо будет».

Поэзия испокон веков была смелым поиском, в области свежей художественной мысли, содержания и выразительной формы, «сплошной ездой в неизвестное». И напрасно, например, А. Лужанин пытается все свести к стихотворной технике. Мне, по крайней мере, не приходилось еще встречать таких «некоторых критиков», которые бы требовали новаторства в виде хорея или женской рифмы. Зачем же упрощать мысли оппонентов, зачем их выставлять такими глупыми мальчиками, годными только для битвы?

Разумеется, новая тема обычно требует поисков в области формы. Большие поэты всегда терпели муки творчества в поисках содержательной и выразительной формы. Поэтому нельзя согласиться с утверждением, что удмуртские поэты должны писать только ямбом или анапестом. Возможностей в удмуртском языке много. Не следует нам чураться достижений русской и мировой классики и современной поэзии...

Молодые удмуртские поэты больше повторяют пройденное, чем ищут новое. Критикам следовало бы поощрять поиски молодых, наталкивать их на дерзание.

В связи с новаторством нельзя забывать о традициях. Но когда упоминают традиции, некоторые критики нередко их понимают как каноны. Призывая блюсти традиции, тянут следовать канонам и приходят в ярость, если молодой поэт ломает привычное. Но всякий талант – это отрицание старого, но отрицание диалектическое, «отрицание как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного» (В. И. Ленин). Диалектическое отрицание, и только оно, движет весь мир, в том числе и поэзию. И молодые поэты могут быть новаторами, если только, кроме

глубокого знания современной жизни, приобретут знание мастерства гениев прошлого. Чтобы не искать того, что уже найдено, а шагать дальше.

В русской советской поэзии последних лет появились совершенно разные по почерку и манере молодые поэты.

Возьму, к примеру, одного из них.

При одном упоминании имени Андрея Вознесенского некоторых наших поэтов коробит. Признаюсь, я тоже воспринимаю как новаторское далеко не все, написанное этим молодым поэтом. Но прежде чем с порога отрицать, не лучше ли попытаться разобраться, что тут хорошо и что плохо, дабы вместе с водой не выплеснуть ребенка.

В апрельском номере журнала «Знамя» за 1962 год вышли «Тридцать отступлений из поэмы «Треугольная груша». Не все «отступления» я воспринял так остро, но стихотворение «Поют негры» меня потрясло. Да, это новаторство. Но оно в то же время традиционно. Вспомним В. Маяковского «Блэк энд уайт». То же противопоставление белых и черных по коже, господ и рабов. Но у Маяковского негры – только робко ропщут на судьбу:

В мозгу у Вилли

мало извилин.

Мало всходов,

мало посева.

А смотрите у А. Вознесенского:

Когда нас бьют ногами.

Пинают небосвод,

У вас под сапогами

Вселенная орет!

Это уже негры эры космоса, эры крушения колониализма, это уже результат изменения мира. И средства создания образа эпохи взяты из современного лексикона.

Это одна из многочисленных возможностей новаторства. Было бы глупостью советовать поэту только этот путь. Новаторству вообще противопоказаны рецепты.

Мы ждем от поэтов новых стихов, достойных нашей эпохи.

Езда в неизвестное // Комсомолец Удмуртии. – 1963. – 12 марта;
Езда в неизвестное // Заметки непостороннего. Статьи, рецензии
об удмуртской литературе. – Ижевск: Инвожо. – 2005. – С. 92–95.

ЭКЗАМЕН НА ЗРЕЛОСТЬ

Среди создателей этого спектакля два дебютанта. Автора пьесы Андрея Бутолина мы до сих пор знали как поэта и литературоведа.

И вот его первая драма. Второй дебютант – режиссер. Спектакль поставил студент-дипломант Белорусского театрально-художественного института Иван Данилов.

Дебют удался. На сцене театра появилась драма столкновения различных характеров, драма периода преодоления последствий культа личности. Герои ее – представители интеллигенции нашей республики, Ижевска. Они ходят и работают рядом с нами.

О близости героев к зрителям говорят и приемы режиссерского языка, столь необычные для Удмуртского театра: пролог и эпилог с использованием кинокадров.

На большом экране мы видим наш город. Вот останавливается автобус, и из него выходит человек с вещевым мешком за спиной. По всему видно, что улицы ему знакомы и до боли в сердце новы. Он оглядывается, удивляется множеству недавно выстроенных красивых зданий и останавливается у одного из них. В этом доме и происходят дальнейшие события.

Сюжет пьесы построен на конфликте людей, незаконно пострадавших в годы культа личности, и тех, которые добились тогда карьеры и еще как-то удерживаются на постах.

Уже в первых картинах расстановка сил ясна: Михаил Романов – честный человек, в результате несчастья попавший в плен к фашистам и из-за этого просидевший в тюрьме. Его возвращение в Ижевск ставит в трудное положение Пузырева, одного из руководителей издательства, и горе-ученого Тотемова. Они в свое время наклеветали на Романова.

Михаил Романов в исполнении артиста К. Ухова – человек волевой, целеустремленный, не сломленный трудностями человек. Он до конца разоблачает карьеристов. Характер героя, его взгляды верно переданы артистом. В силу Романова веришь. Но, на мой взгляд, К. Ухов играет эту роль несколько жестковато, поэтому Романов кажется озлобленным, мнительным. Такое впечатление подтверждается и в сцене встречи Романова с Галиной. Здесь сделан излишний акцент на подозрение в неверности.

В целом же спектакль говорит нам о большой человеческой любви Романова и Галины, любви, пронесенной сквозь огонь войны и послевоенные личные несчастья поэта и журналиста.

Галину в премьерке играла заслуженная артистка РСФСР Н. Бакишева. Ей во многом удалась роль, лишь хотелось бы услышать поменьше мелодраматичности в речи, в интонациях. Невольно напрашивается сравнение Галины в исполнении Н. Бакишевой и артистки В. Загуляевой. Мне кажется, что В. Загуляева более права в трактовке этого образа.

Она показывает нам женщину волевою и сдержанною. Переживания, чувства этой Галины проявляются в жестах лаконичнее и правдивее.

Весьма выразительно сыграны роли приспособленцев и карьеристов Кузьмы Кузьмича Пузырева и Ипата Ипатовича Тотемова (заслуженные артисты Удмуртской АССР Б. Безумов и Я. Вахрушев). Хотя в игре Б. Безумова заметны не совсем свойственные для камерной драмы комедийные черты, но характер Пузырева встает перед нашими глазами выпукло, таким, какими мы встречаем подобных людей в жизни. Пузыревы не прочь показать свою силу, покичиться своим положением, а встреча с ними оставляет в людях чувство неприязни. Как выражается однокашник Кузьмы Кузьмича Тотемов, они как клопы: везде оставляют за собой дурной запах.

Иной, более скрытый и более опасный карьерист – Тотемов. Этот не шумит, кусает исподтишка, представляется добродушным и готов и любую минуту хоть кого облить грязью. Ипат Ипатыч и в ученые пробрался «черным» ходом. Он привык в годы нарушения социалистической законности подниматься в глазах начальства доносами на своих сослуживцев. А теперь он быстро учуял, что «ветер дует с другой стороны». Недаром, чувствуя близкий крах несправедливости, он пытается свалить всю вину на Пузырева.

Сюжет спектакля сконцентрирован вокруг судьбы Романова. Борьба на сцене идет за моральное разоблачение Пузырева и Тотемова. Но они всячески выкручиваются, порою ставят честных людей в неловкое положение. Отношения между героями обостряются. Мы, зрители, волнуемся, переживаем вместе с полюбившимися нам Романовым, Галиной, совсем молодым рабочим, поэтом Коновым.

Кстати, о Конове и о секретаре-машинистке Тамаре, о любовном треугольнике я сознательно умолчал. Хочется, чтобы читатели сами посмотрели спектакль. Скажу лишь, что молодые актеры Г. Соловьев и П. Ухова во многом интересно и оригинально решают характеры своих героев.

В спектакле чувствуется почерк молодого режиссера И. Данилова. В каждой мизансцене он старается находить самое выгодное, способствующее наиболее полному раскрытию авторского и режиссерского замысла, место каждому актеру.

Спектакль идет в хорошем, четком ритме, чем-то напоминающем ритм стихотворения.

Есть в постановке недостатки, которые мы отметили, о некоторых мы и не будем говорить в маленькой рецензии. Но не слабости составляют спектакль. Главное то, что после ухода из театра не возникает сожаления о потерянном времени. Спектакль заставляет нас думать о жизни, об окружающих людях, видеть многие события в новом освещении. Вот почему я в начале же рецензии сказал, что дебют А. Бутолина и И. Дани-

лова удался. Хочется, чтобы с их творчеством зритель встретился в Удмуртском театре еще не раз.

*Экзамен на зрелость // Комсомолец Удмуртии. – 1964. – 27 февраля;
Экзамен на зрелость // // Заметки непостороннего. Статьи, рецензии об удмуртской литературе. –
Ижевск: Инвожж. – 2005. – С. 81–83.*

МОЛОДАЯ ПОЭЗИЯ УДМУРТИИ

В последнее десятилетие литературная жизнь Удмуртии заметно ожилилась. По моим наблюдениям, нечто подобное происходит и в других младописьменных литературах России – мордовской, марийской, коми – в одних более быстрыми темпами, в других медленнее, в одних более зримо, в других, как говорят медики, в стертой форме.

Если говорить об Удмуртии, то здесь особенно заметны сдвиги в поэзии. В прозе же, хотя она и добилась некоторых успехов, хотя наиболее значительные произведения и получили широкое распространение по всему Союзу, процесс этот идет все же более медленно.

Новый расцвет нашей поэзии начался в 1955–1958 годах. Тогда впервые после войны вышло большое количество стихотворных сборников. Книги выпустили и старшие поэты Андрей Бутолин, Афанасий Лужанин. Рядом с ними появились сборники поэтов среднего поколения – участников Великой Отечественной войны – Степана Широбокова, Ильи Зорина, Николая Байтерякова и более молодых – Михаила Покчи-Петрова, Даниила Яшина, Николая Васильева, Александра Белоногова, Александра Вотякова.

Для всех этих поэтов – и выступивших с очередными сборниками, и дебютантов – была характерна радость первооткрытия, предчувствие чего-то нового в жизни. В жизни народа и в их собственной. Несомненно, в этом поэтическом расцвете сказывалось влияние больших общественных перемен.

В послевоенные годы наша поэзия утратила в одно время свои высокие позиции. Исподволь и незаметно выработался потребительский, упрощенный подход к ней. В печати стали охотнее публиковать произведения, которые напоминали хвалебные оды, а если попадалась и сатира, то она направлялась лишь против лодырей, бюрократов и бракоделов. Так сужался круг тем и образов поэзии и, следовательно, область ее воздействия. Выработался набор дежурных фраз, которыми пользовались

многие поэты. В этой обстановке из стихов и поэм почти полностью исчез человек с его раздумьями и переживаниями.

В 1945 году Михаил Петров написал поэму-легенду «Италмас», где поведал читателю о любви юноши и девушки, о любви, оборвавшейся из-за нелепого случая. Поэтическая легенда была встречена тогдашней критикой резко отрицательно. Автора обвиняли в идеализации прошлого удмуртов, в забвении классовой борьбы.

Этот эпизод я вспомнил потому, что он характерен для второй половины сороковых – начала пятидесятих годов. Выражение интимных чувств в то время принималось многими критиками в штыки. И лишь в песнях Михаила Петрова, Игнатия Гаврилова, близких к народным, оно было полноправным. Кстати сказать, и поэтических произведений в то время появлялось немного.

Приток новых сил в поэзию в середине пятидесятих годов принес полнокровный образ человека, показанного не только в труде и в борьбе, но и наедине с самим собой, в раздумьях, сомнениях, в преодолении трудностей жизни.

Николай Байтеряков, наряду с возвышенным гимном своей малой родине с речкой Варзинкой и селом, создал гимн обыкновенной удмуртской женщине, вдове солдата, все еще надевавшейся на возвращение мужа, хотя пожелтевшая похоронка уже полтора десятка лет хранилась в сундуке. И в стихотворении «Вдова» и в других произведениях поэта присутствуют и человеческая печаль, и радости. Несколько позднее Байтеряков даже декларирует право на грусть:

Да, грусть – это неплохо,

Если есть о ком грустить.

Подстрочный перевод.

Эту мысль поддержал и Степан Широбоков в стихотворении «Золотая осень», ставшем песней.

Подлинные человеческие переживания постепенно стали доминирующими и в молодой поэзии. Это привело к значительному сближению лирики с народной песней. Такое сближение стало особенно органичным в любовной лирике Степаниды Ивановой, где каждая строфа скрепляется народно-песенными параллелизмами и частушечным лукавым юмором:

Хоть бы созрела

Раньше земляники клубника.

Может, скорее б вернулся

Любимый ко мне.

Подстрочный перевод.

Эта поэзия между тем вскоре обнаружила свою узость. Она была подчас излишне камерной, сентиментальной. Так, Николай Байтеряков написал идиллические стихи о спящих под лунным светом матери и ребен-

ке, появились поэмы с мелодраматическими сюжетами (в частности, «Любовь» Флора Васильева и «Помнишь ли ты» Розы Яшиной).

Впрочем, подобный упрощенческий подход к сложному организму поэзии довольно быстро исчез. Сами поэты вскоре почувствовали ограниченность сентиментальной лирики и начали новые поиски. Теперь уже наметилось несколько путей преодоления камерности. Все больше обнаруживается разница в манере поэтического мышления у молодых.

Для Даниила Яшина, например, характерна тяга к обыгрыванию интересных фактов, случаев, имен. Он наблюдателен. Образный строй его стиха чем-то приближается к строю анекдота. Наиболее удачными у Яшина получаются короткие афористические стихи, эпиграммы. Отчетливо проявляется и дальнейшее сближение поэзии с народно-песенными традициями. Кроме Степаниды Ивановой, представителями этого направления являются молодые ученые-фольклористы и одновременно поэты Петр Поздеев и Георгий Архипов. Первый из них, сохраняя песенную интонацию стиха, ритмику, вкладывает в традиционную форму современное содержание. Архипов же больше увлекается игрой словом, показом его многочисленных граней. Но порой его захлестывает форма, и тогда стихотворение граничит с обыкновенной стилизацией под народную песню.

У всех названных поэтов уже довольно четко вырисовывается свое творческое лицо, свой след в удмуртской поэзии. Все они опираются на национальный творческий опыт и, разумеется, многое перенимают из русской классики. Но тем не менее нынешнего читателя, отлично знающего вершины достижений советской многонациональной поэзии, творчество молодых удмуртских авторов не во всем удовлетворяет. Огорчает прежде всего недостаточная широта кругозора. Молодые поэты Удмуртии, к сожалению, слишком медленно постигают то, что делают для советской литературы Расул Гамзатов, Эдуардас Межелайтис, Юстинас Марцинкявичус и многие другие.

Обнадеживающим в этом смысле мне кажется творчество Флора Васильева. В литературу он пришел сравнительно недавно: первый его сборник вышел в 1960 году. Начало было довольно обычное – любовная и пейзажная лирика и не очень-то самобытные строки о любви к родному краю. Но уже тогда чувствовалась искренность тона, умение душевно разговаривать с читателем. В последующих книгах мышление поэта стало более масштабным. Четвертый сборник Ф. Васильева «О тебе», вышедший в 1966 году, захватывает читателя напряженностью раздумий о добре и зле. Поэт стремится проникнуть в самую душу родного народа, раскрыть ее красоту. Он пишет о том, как долог был бы путь от родной деревни до столицы республики, если идти пешком. Ведь в каждый дом пришлось бы по удмуртской традиции заходить гостем, чтобы не обидеть хозяина.

Лирический герой Васильева всегда чувствует свой долг перед народом:

*Теперь, когда стал я старше,
и мир несравненно шире,
одну я заботу вижу
отчетливей с каждым днем:
а все ли я сделал,
чтоб людям
легче дышалось в мире,
чтоб счастливы были люди,
живущие в сердце моем.*
Перевод Я. Сертина.

Думы о человеке, о его бессмертии и бренности звучат лейтмотивом всего последнего сборника поэта. Этот человек – наш современник, представитель эпохи освоения космоса и расщепления атома. Он между тем очень земной и неразрывно связан с окружающей природой:

*Мне жизнь дарила звездный небосвод,
Разливы зорь и землю в травах росных.*
Или:
*Не будь у нас мечтающей земли,
Зачем бы нам мерцающее небо.*

Поэт, начав мыслить космическими масштабами, не оставил и интимную лирику. Но теперь у него нет и следа от былой сентиментальности и мелодраматичности. Даже в выстраданном личной драмой цикле «Именем твоим» Васильев мужествен, сдержан, оптимистичен.

Флор Васильев – поэт, постоянно ищущий. Он никогда не довольствуется тем, что находит сегодня. Порой ему бывают тесны «хореи и ямбы», и он ломает их. Тогда стих Флора Васильева тяготеет к верлибру.

В творчестве этого поэта мне видятся элементы синтеза лучших традиций советской поэзии с национальным опытом. Васильев сложным путем идет от более общих тем и решений к традициям удмуртской поэзии, заложенным Кузубаем Гердом, Ашальчи Оки, Михаилом Петровым.

Думается, возвращение к традициям через освоение интернационального опыта приведет к дальнейшему развитию удмуртской поэзии, к ее обогащению новыми открытиями.

Да, в последние годы удмуртская поэзия стала многообразнее, живее. Поэты пишут о том, что действительно волнует удмуртский народ сегодня, и находят признание у многих читателей.

Но читатель у нас с каждым годом становится требовательнее. И мы замечаем, что литераторы порой не успевают за его ростом. Поэтому нынче возрастает неудовлетворенность состоянием национальной поэзии и литературы в целом. Кто знает, быть может, в этом и заключается предчувствие качественного ее скачка.

А У НАС – ТИШЬ

Кругом бушуют страсти. А у нас тишь. Правда, при более пристальном взгляде обнаруживаешь, что и у нас в Удмуртии кто-то все-таки начинает просыпаться. Так робко, неуверенно. В газете «Советской Удмуртия», например, обсуждается вопрос о том, что до неузнаваемости исковеркана местная топонимика. Идет разговор о том, надо или не надо издавать газету на северном наречии удмуртского языка. Надо ли преподавать удмуртский язык как отдельный предмет (наряду с иностранным языком) в школах, в детских садах. Неожиданно возник спор о том, где бы следовало поставить здание для Удмуртского драматического театра.

Тут возникает необходимость объяснить читателям обстановку. Удмуртский национальный театр (единственный), созданный в 1931 году, до сих пор не имеет своего здания. И не имел никогда. Сначала он квартировал в давно ликвидированном и снесенном Удмуртском клубе, затем – в давно снесенном клубе имени Октябрьской революции, затем – в клубе НКВД. Во время войны театр имел пристанище в селе Алнаши, затем в районном центре Можга. В последнее же время театр работает в бывшем зале заседаний Совета Министров республики.

И вот разнесся слух, что все-таки театру возведут свое здание, и что городские власти планируют строить его на окраине, куда сельским зрителям придется добираться с железнодорожного или автовокзала. Тут активисты стихийно возмутились и решили собрать заинтересованную публику для совета. Хотели опубликовать объявление в печати и по радио. Но оказалось, что такое объявление не устраивает власти. Было разъяснено, что никакие объявления по радио без санкции первого секретаря обкома партии переданы не будут. Вот такая у нас гласность.

Стоило появиться в «Удмуртской правде» статье кандидата исторических наук В. Г. Гусева под названием «Идти навстречу друг другу», где автор поставил вопрос о выдвижении удмуртских кадров на руководящие должности, тут же с трибуны областной партконференции донесся окрик об «экстремизме» национальной интеллигенции; затем последовал довод первого секретаря Ижевского горкома партии: оказывается-де давление на руководство со стороны определенных кругов интеллигенции, в которых сформировался «односторонний взгляд» на эту проблему.

Но ведь это правда, что и нынче лишь один из секретарей Удмуртского обкома – удмурт (не первый и не второй), что среди секретарей

столичного горкома удмуртов нет. Ведь это правда, что если и выдвигаются руководители из удмуртов, то, главным образом, бессловесные (благо, таких у нас хватает). Правда же, что министр народного образования, хотя по анкете она и удмуртка, родные слова произносит с трудом, а министр культуры и вовсе не владеет удмуртским, она по специальности – учительница английского языка. Правда и то, что из пяти вузов республики ни один не возглавляется удмуртом. Уж не знаю, с какой стороны тут проявляется односторонний взгляд.

А между тем за пределами республики удмурты успешно руководят. Одним из руководителей Калининградской области был удмурт. Казанский авиационный институт возглавлял удмурт. Удмурт также возглавляет Приморскую писательскую организацию. Это только те, которых я знаю.

Меня не очень волнует национальный состав руководства предприятий промышленности, особенно общесоюзного подчинения. Но этот вопрос очень важен для секторов идеологии, просвещения и культуры. У нас в ходу вот такая идея: Удмуртия – республика, где удмуртов – лишь 30 процентов населения, следовательно, и внимания к нации должно быть на те же 30 процентов. Вот такая арифметика. Вот так препарировано равноправие наций. Это на уровне первого секретаря обкома партии товарища Грищенко Петра Семеновича! Это сказано на партийной конференции.

Но когда подобные процентные соотношения высчитывают, упускают существенные моменты. Во-первых, удмуртскую культуру разумнее развивать все-таки в Удмуртской республике. А в Татарии – татарскую культуру, я думаю. По моим понятиям, как раз для этого и создавались автономии, чтобы побольше внимания обращать на данной территории именно на ту нацию, именем которой названа республика. Невозможно же удмуртскую культуру развивать на Дальнем Востоке.

Во-вторых, национальный состав в республике сложился в результате далеко не всегда обоснованной искусственной интеграции. Удмурты нынче расселились от Бреста до Владивостока, от Ханты-Мансийска до Душанбе.

Почему так получилось? Ответу. Вследствие того, что условия жизни в удмуртской деревне стали невыносимыми. С другой же стороны, до сих пор существует большой приток рабочей силы к нам со всего Союза из-за непомерного экстенсивного роста в республике промышленности, в основном, общесоюзного подчинения. Ижевск еще после войны насчитывал менее 200 тысяч населения, теперь в нем 660 тысяч.

В-третьих: в развитии удмуртской культуры заинтересованы и удмурты, живущие вне пределов республики. Все-таки при всех сложностях автономная республика становится, должна становиться центром развития национальной культуры и искусства. Газеты и журналы на уд-

муртском языке издаются в Удмуртии, но выписывают-то их и в Татарии, и в Башкирии. Чуть ли не треть тиража журналов «Молот» и «Кизили» расходуется в соседних республиках и областях. Нечастые гастроли удмуртского театра по районам Татарии и Башкирии превращаются в праздники.

И при всем этом на протяжении десятилетий мы никак не можем добиться того, чтобы удмуртские книги продавались в соседних республиках и областях, а их издания продавались бы в Удмуртии. Я в Ижевске не могу купить книгу на татарском языке, хотя очень хотел бы ее купить.

В наше время, когда идет реформа политической системы государства, не лишними были бы некоторые изменения в статусе автономных республик. Думается, нужно расширить их культурно-просветительские функции в отношении своей нации и вывести их за пределы национально-территориального формирования. Для выполнения таких расширенных миссий необходимо иметь в соседних республиках хотя бы небольшие представительства и культурные центры. И отнюдь не в столицах и в центрах, а в районах, именно там, где концентрированно проживают представители той или иной нации. Эти культурные центры стали бы проводниками национальной культуры за границами автономных образований.

Мне думается, что во взаимопроникновении культур заинтересованы и татары, и марийцы, и чуваша, и все народы Федерации.

В пользу моей идеи говорит, в частности, и такой будто бы парадоксальный факт, что чуть ли не половина удмуртских ученых-филологов, писателей, артистов, журналистов родилась либо в Татарии, либо в Башкирии. Хотя особого поощрения развитию удмуртской литературы в Татарской и Башкирской республиках нет, но они хотя бы не мешают этому. Вот это очень важно! У нас же в республике – мешают.

Главная забота о национальных кадрах должна проявляться в самих автономных республиках. Нынче в Удмуртии такой заботы не чувствуется. Главный тормоз, на мой взгляд, – невнимание к преподаванию удмуртского языка и литературы. Удмуртский язык преподается не во всех школах, в иных такого предмета вообще нет.

Хороший, казалось бы, принцип: добровольность изучения языка. Но почему нерусский ученик должен изучать свой родной язык на добровольных началах, а иностранный – на обязательных? Это равноправие?

В последние годы предприняты отдельные попытки выправить положение. Но робкие. У нас все органы массовой информации задыхаются без кадров, особенно без национальных кадров. Хотя есть специальность «журналистика» в нашем университете (одна группа там ведется), но профессиональная подготовка такая: 32 часа специальность, несколько спецкурсов и семинаров, для которых нет преподавательских кадров, и получается уровень самодеятельности. Наши газеты делаются неквалифицированно из-за отсутствия кадров. В последнее время, правда, кое-что ме-

няется. Приняты целевые программы: «Кадры», «Культура». Опубликован проект «Плана практических мероприятий по совершенствованию межнациональных отношений и национальной культуры в Удмуртской АССР до 2000 года». Но это все во многом формальность; решаются вопросы прикладные, кардинальные не ставятся. Какие-то мелочи, обещания, подчас высосанные из пальца. Практического применения они не имеют, не выполняются и никогда выполнены не будут.

Таково мое мнение о положении дел у нас в Удмуртии.

Каких-то обобщений делать я не хочу. Но хочу сказать, что демократизация жизни пока еще нас не коснулась. На XIX партконференцию Удмуртия в числе 11 делегатов «выбрала» двух руководителей центральных ведомств, которые никакого отношения к Удмуртии не имеют. Среди кандидатов, выдвинутых в народные депутаты СССР по национально-территориальным округам от нашей республики, я удмуртов не вижу. Я не знаю полной статистики, регистрация еще не прошла, но, судя по публикациям в республиканской газете, как раньше было, так и теперь: от Удмуртии в Совете национальностей будет представлять всесоюзного уровня министр... Казалось бы, какая разница? В последнее время братья-журналисты восторгаются тем, что рабочие и крестьяне, трудясь в многонациональных коллективах, не интересуются национальной принадлежностью своих товарищей: «Нам все равно, какой он национальности, мы этим не интересуемся». Чем же тут восторгаться? Я думаю, что это просто одна из форм национального нигилизма. К этому мы пришли в результате длительного процесса денационализации. Принцип «меня не интересует» тесно смыкается с принципом «моя хата с краю». Нам бы не культивировать принцип взаимного невежества, а побольше знать о каждом народе, по крайней мере, о том, с которым близко соседствуешь.

Не могу обойти еще один щепетильный вопрос. У нас у всех на памяти, как среагировала грузинская делегация на VIII съезде писателей СССР на рассказ Виктора Астафьева «Ловля пескарей в Грузии». Я полагал, что странно так оскорбляться из-за литературного образа сородича, если даже он выведен карикатурно, и всячески отнекивался, когда ко мне с возмущением обращались читатели и библиотекари по поводу романа того же Виктора Астафьева «Царь-рыба», где выведен чудовищный образ удмуртского писателя, «помесь вотяка с бесцветной дебелой русской бабой» Корепанова. Я всячески успокаивал сородичей. Но оказался неправ.

Убедился я в своей неправоте, когда смотрел передачу Центрального телевидения о встрече редколлегии журнала «Наш современник» с читателями в Иркутске. Как там в присутствии Виктора Астафьева и при его молчаливом согласии возмущался Валентин Распутин образами сибиряков в романе Анатолия Рыбакова «Дети Арбата»? Вот уж тут все ста-

ло ясно: значит, не только удмуртов, не только грузин оскорбляют, оказывается, иногда и русским достается! И тогда, стало быть, можно и возмутиться?! Выходит, что и сам старший брат, представитель великого народа, оскорбляется несколько не меньше, чем представитель невеликого. За себя, правда.

Я читал «Детей Арбата» и ничего оскорбительного для сибиряков там не обнаружил. Вполне допускаю, что эта рубашка оказалась не столь близка к моему телу. Но, коли уж так, давайте будем объективны ко всем. И будем об этом помнить. Давайте относиться уважительно к каждой нации.

Прав академик Д. С. Лихачев: достоинство нации – в уважительном отношении к другой нации.

А у нас – тишь // Дружба народов. – 1989. – № 5. – С. 160–162;
А у нас – тишь // Заметки нестороннего. Статьи, рецензии об удмуртской литературе. – Ижевск: Инвожо. – 2005. – С. 103–108.

МИР СВЕТЛЫХ ОБРАЗОВ

Флор Васильев. К солнцу. Сборник стихов. На удмуртском языке. Ижевск. 1963.

*Люди,
Если у вас невзгоды,
Приходите –
Я солнце вам подарю!
Оно, золотыми лучась словами,
Силы прибавит наверняка
Девчонке, сдающей трудный экзамен,
Парню, стоящему у станка.
Оно навстречу им улыбнется,
И вспыхнет рассвет, ослепительно ал,
Приходите,
Я подарю вам солнце –
Лучистые строки, что друг написал/
Перевод Якова Серпина*

Эти звонкие, полные упоения жизнью строки очень характерны для восприятия молодого удмуртского поэта Флора Васильева. Недавно в Удмуртии вышла вторая книга его стихов, которая так и называется – «К солнцу». Лучшие стихи этого сборника и в самом деле пронизаны согревающим душу теплом. Интонация дружеской, негромкой, проникновен-

ной беседы больше всего, пожалуй, свойственна поэтической манере Васильева. Помнится, когда вышла его первая книга, он вошел с ней в удмуртскую поэзию как поэт в первую очередь «любовной» темы.

Теперь мир поэтических чувств и образов поэта стал много полнее и глубже. Он пишет о минувшей войне, об ответственности каждого из нас за мир, о радости творчества и о том, что еще омрачает нашу жизнь: о людях с корыстной душой и о тех, кто «обходит правду стороной», которых «калят нелестливые слова».

Флор Васильев рос в тяжелые годы войны. Недаром он пишет:

*Я мирных дней не помню в детстве.
Была тревожная пора.
И с артиллерией в соседстве
Тогда играла детвора.
Мы сами ружья мастерили.
И, чтобы армии помочь,
В «атаки» смелые ходили,
В «разведке» коротали ночь.
... Теперь по-новому играют
И веселятся от души.
Вот спутник мирный запускают
В большое небо малыши.
Вот в путь выходят пионеры.
И вновь в разгар моей души
Атомоходы из фанеры
Плывут по речкам всей страны.
Чтоб дети так росли и впредь,
Мы говорим войне:
Не сметь!*

«Детские игры». Перевод Ан. Писарева.

Острая публицистическая тема решена поэтом в неожиданно лирическом ключе. Поэт сохраняет теплую, проникновенную интонацию и в разговоре о завоевании космоса. Может быть, поэтому космические дали предстают перед нами такими обжитыми и доступными уже не только человеческому разуму, но и человеческому чувству.

*Я буду у вас, мои дальние звезды,
Но, знайте, земное мне сердце дано.
У вас погостив, по космическим верстам
На землю родную вернусь все равно.
«Звезды зовут». Перевод В. Пудкова.*

Лирический герой Флора Васильева – наш молодой современник, влюбленный в жизнь, в созидательный труд. Поэт ищет героические черты в обыденном. Он находит их и в благородной, скромной профессии

библиотекарши, ведущей «в бой человеческие души», и в суровом «бессонном» труде тракториста:

*Вдруг спустилась к нему среди стынувшей ночи
Золотая звезда,
потеснив темноту.
С той поры, находясь с ним, не сдавшимся,
рядом,
Словно другу, пути озаряла звезда...
А потом на груди самой высшей наградой
Поселилась она у него
навсегда.
«Звезда». Перевод Л. Шкавро.*

Ф. Васильева отличает стремление увидеть за привычным, на первый взгляд, незначительным жизненным фактом его суть, его поэзию и сказать об этом ярко, образно, не шаблонно.

Рост мастерства поэта ощущается и в сугубо лирических стихах сборника. Автор стал точнее подбирать поэтические детали. Особенно это относится к пейзажной лирике, где свежесть восприятия мира делает поэта очень чутким к его красоте. Он видит и задумавшуюся, чуть охмелевшую от аромата соседки-черемухи ель («Весной»), и запутавшиеся в осенней листве солнечные лучи, которые словно медлят покинуть эту живую, милую им землю, и многие другие подлинно поэтические образы. Вот как поэт рисует картину весеннего разлива:

*Бурлит вода, пробив снега,
Стекает в лужи, в лужицы,
Поет в логах
И по лугам неудержимо кружится.
А в этот плеск,
И в этот пляс
Тропинками отлогими
Сбежали, за руки держась,
Березки голоногие.
Стоят на цыпочках они,
Как балерины, в кружевах.
Вода же все звенит, звенит,
И кружится,
и кружится.
Перевод О. Поскребышева.*

В сборнике не все равноценно, есть стихи слабые, недостаточно выношенные, есть и какая-то, я бы сказал, подчеркнуто интимная лирика, как, например, небольшая поэма «Любовь».

Но важно, что Флор Васильев настойчиво ищет «свою» форму выражения мыслей и чувств, свой стиль в поэзии. Порой он сбивается на прозу, иногда вольное обращение со стихотворной формой оставляет впечатление небрежности, в стихах встречаются неточные слова и образы. Но все это преодолимо.

Хочется сказать о другом – о необходимости для поэта все глубже всматриваться в явления окружающей жизни, все настоятельнее ощущать в себе потребность «быть за все в ответе». Стремление к этому в книге «К солнцу» уже несомненно, но порой оно выражено еще слишком робко. С накоплением жизненного опыта гражданственность лирики Флора Васильева обретет большую силу.

*Мир светлых образов //
Дружба народов. – 1963. – № 11. С. 282–283;
Мир светлых образов // Заметки нестороннего. Статьи, рецензии об удмуртской литературе. –
Ижевск: Инвожо. – 2005. – С. 108–111.*

А. Демьянов, А. Ермолаев

«ОТ ЧУТКОГО, КАК БОЛЬ, ПРИКОСНОВЕНЬЯ...»

(Диалог о поэте)

А. Ермолаев. Удмуртский поэт Флор Васильев пришел в литературу в ту самую пору, когда после XX съезда партии в стране начался бурный подъем творческой энергии. В эту пору, между прочим, начали писать многие – и довольно интересно. Но немногие удержались в настоящей большой литературе, когда уже отхлынул всеобщий прилив, и началась упорная будничная работа. И в этих буднях творчества утвердился в глазах многочисленных читателей оказался по плечу не всем. Флор Васильев получил всеобщее признание как удмуртского, так и всесоюзного читателя. Одна из последних книг поэта называлась «Единственное». В этом слове слился весь гражданский пафос поэзии Ф. Васильева:

*Покуда я живой –
Мне нет второго крова.
Нет матери второй,
И нет отца второго.
И край родной – один,
И он чужим не станет
И греть мне до седины*

Он сердце не устанет.

Вот это чувство слитности со всем окружающим - и с природой, и с обществом – делает, пожалуй, творчество поэта, довольно сложное и порою противоречивое, единым, нерасчленимым. И совершенно не случайной рецензия на эту книгу, напечатанная в еженедельнике «Литературная Россия», была названа «Единственное – подлинное».

А. Демьянов. Как никому, наверно, нужно поэту остерегаться раздвоения своей личности на первое «я» – для стихов, и второе – для прозы бытия. Высокая честность перед самим собою дает стихам дополнительный заряд доброты и искренности.

Морovým поветрием в литературе становится «спасение природы». Слова и словеса дождят не первый год... Но вспоминается мне...

Январским студеным вечером добирались мы из Увы в Сюмси, на очередной вечер поэзии. Человек, встретивший нас на вокзале, добродушный и словоохотливый, коротал дорогу охотничьими историями, поглаживая приклад издавшей виды «ижевки».

Вдруг на дороге, в мутных столбах света от фар, зажглись словно бы два крохотных светофора: сначала зелеными искорками, затем рубиновыми, вновь зелеными.

– Пагрикеевна, – шепнул наш спутник. И шоферу: – Тормозни, Петро!

Скрипнула передняя дверца «газика» и ударил дублет, рыжий красавец кинулся к опушке и... беспомощно заюлил на месте. Мы вышли в ночь. Спутник с «ижевкой» стоял возле подраненного лисовика. Васильев, стиснув челюсти, отвернулся.

Мы ехали дальше. Гостеприимный наш спутник, удачно истративший сегодня пару патронов, после нескольких безуспешных попыток поговорить о звериных повадках, угрюмо замолк. Видимо, что-то он понял. Молчали и мы. Наматывалась на колеса белоснежная дорога, а в машине подле наших ног лежал «воротник» – обмякший, остро пахнущий псиной рыжий комок, несколько минут назад бывший удивительно красивым, словно из сказки пришедшим животным. Васильев, не отрываясь, глядел вперед, и тогда подумалось, как нелегко человеку, написавшему «Колыбельную горю», сносить чужую жестокость.

А. Ермолаев. Не этой ли болью проникнуты многие строки поэта о природе. Ну, хотя бы вот эти:

Все дальше мы уходим от природы.

Не ведаем и сами, что творим.

Другие одолели нас заботы.

И мысли наши заняты другим.

Или же о речке, на которой прошло детство поэта:

Надев полинялое платье,

Ждет помощи Моя-река,

Журчит она так, словно плачет,

В конце своего желобка.

Эта сердечная боль за судьбу всего лучшего в жизни, в природе характерна для всего творчества Флора Васильева. И она связана с любовью к тем местам, где он родился и рос, к его большой и малой Родине.

А. Демьянов. Биография поэта – это его стихи, поэтому нет нужды подробно останавливаться на анкетных данных. Как и все, хватил досыта военного и послевоенного лихолетья:

Я мирных дней не помню в детстве.

Была тревожная пора.

И с артиллерией в соседстве

Тогда играла детвора.

Потом Глазовское педучилище, Глазовский пединститут, горком комсомола (работать секретарем горкома Васильев начал, еще будучи студентом). И, наконец, многообразная журналистская и писательская деятельность.

Родился он в Бердышах, в семье сельского учителя... Поди, дознайся теперь, как укоренилось за небольшой, дворов в тридцать, удмуртской деревенькой это название, от которого веет разинской вольницей и стрелецкими бунтами.

А. Ермолаев. А, может, и эта деталь служит лишним подтверждением правоты поэта в его ставших уже плакатными (не то что даже хрестоматийными) строках:

И для меня бы

Не было России

Без маленькой

Удмуртии моей.

А. Демьянов. О неразрывности деталей биографии и творчества можно бы говорить много. Тот же образ природы. Бердыши стоят на веселом месте, рядом с крутыми увалами Уральских предгорий, подле речки Моя, а в четырех верстах от Бердышей, за колками и перелесками – тайга с дремучими пихтачами и ельниками – Шамардан. Все эти дорогие сердцу поэта имена поют, переливаются в его стихах – дань благодарности природе, которая обучила самым первым гаммам музыки слова.

Сколько затаенной нежности в стихах Флора о природе! Заранее оговорюсь – у Васильева нет стихов только «о природе», в каждом присутствует прежде всего человек, но отправная точка замысла – очень часто в лесу, на реке, в поле. Конечно, стихи о людях и для людей. Пересыхает речка Моя, отлетают с ивушки листья, шумит метелками овес... За всем этим – судьбы и судьбы, думы и думы о людях, которых поэт хочет видеть подлинным украшением жизни. Ищет таких людей Флор Васильев не в туманных вымыслах, а здесь, в реальном мире, рядышком. Находит.

Человек – природа – общество. Эта своеобразная триада прослеживается в любом сборнике поэта. А написано им не мало. «Ворекьяло ки-

зилиос» («Сияют звезды») – первая его поэтическая книга, вышла она на грани 1960—1961 годов. С того времени появилось десять книжек – пять на удмуртском и пять на русском языке. Три из них – в центральных издательствах.

В 1966 году увидел свет в издательстве «Удмуртия» поэтический сборник «Тон сярсы» («О тебе»). За эту книгу и удостоен Васильев в 1967 году премии Комсомола Удмуртии.

Отчего же у стихов Флора Васильева в основном молодые читатели? Кажется, нет в них высоких слов «комсомол», «идеал», «романтика»... А потому, что, избежав риторики и набивших уже изрядную оскомину общих мест, силой своего дарования Васильев утверждает образ вечной, негасимой молодости мира, утверждает победу жизни над смертью. И кто еще так способен ценить неиссякаемый Васильевский оптимизм, как не молодость? Именно весна вечная, юность нестареющая стоят за стихами. Стихи «Человек», «Кремлевские куранты», «В дождь», десятки других утверждают полновесную суть работы и любви, отметаю прочь суетную мелочность.

А. Ермолаев. Хорошо сказано. Уж никак невозможно отделить молодежь от забот земных. Кто же, если не молодежь, будут делать то, что еще не успело старшее поколение. Потому и за сердце берут откровенные слова Флора Васильева:

*Нет мне к звездам дороги,
Пусть звезды горят, маня, –
Земля мне опутала ноги,
За руки держит меня.
Без страха и сожаленья
Давно бы я улетел,
Когда бы искал спасенья
От будничных слов и дел.
Спокойным, бесстрастным оком
Взирал бы на землю, как бог,
Если бы
Хоть ненароком
Себя обмануть я мог...*

Между прочим, «космическая» тема у поэта в разных вариациях возникает почти с самого начала творчества. Об этом свидетельствуют и названия первых сборников – «Сияют звезды», «К солнцу». Но уже давно он заявил о привязанности к земле:

*Не будь у нас мечтающей земли,
Зачем бы нам мерцающее небо.*

Вот так, совсем интимно, говорил Васильев с небесными светилами в сборнике, выпущенном в 1963 году. Теперь же «звездные» мечты, их неисполнение объяснены очень конкретно: земные дела держат

поэта по рукам и ногам. В удмуртском оригинале стихотворения прямо так и сказано: «Земля не отпускает ноги, страна держит руки», а чтобы избавиться от них, нужно было бы обмануть свое сердце. Но пустое, говорит поэт, это – невозможно. Здесь тоже каждая строка пронизана той же неподдельностью, той же неразделимостью личности, о чем было сказано в начале нашего диалога. Голос Флора Васильева обычно не громок, он как-то доверительно попросту говорит о сложных вещах. Так, например, написано стихотворение «В дождь» (сборник «К солнцу», 1963). Всего-то говорится о надоедливом дожде во время уборки хлеба, о том, что и комбайны в поле завязли, и колосья плачут, а перед правлением колхоза сидят, судачат о том о сем мужики, унылые и сонные от безделья. Но такое шмящущее душу чувство передается читателю! И это периодическое в вариациях: «А дождь шумит, шумит, шумит...», и заключительный аккорд:

*А люди новые подходят,
Садятся под навесом тесно,
Как войны перед сраженьем.
А дождь шумит...*

Из всей этой монотонности возникает весьма напряженная картина. Впечатляющая.

А. Демьянов. Отменный верлибр.

А. Ермолаев. Да, стихотворение написано без рифм и традиционного классического ритма. И довольно точно, весьма удачно переведено Владимиром Савельевым. Но мне больше все-таки нравится оригинал. Он менее гладок, но более напряжен в мыслях. Вообще для поэзии Флора Васильева не характерна гладкость. Он шероховат, ершист. Поэтому и, видимо, пишет:

*Я не люблю подстриженных деревьев...
Не тех ли мне они напоминают,
Чьи идеалы – под одну гребенку,
Соображенья – на одно лицо.*

И эта мысль не преходяща. Через много лет он снова к ней возвращается:

*Мне б только мыслей
Не ровнять расческой,
Как волосы,
Скрывающие плешь.*

Не это ли своеобразное кредо поэта: жить, будучи самим собой, не подделываясь под других, и жить на виду у всех, не таясь, не «скрывая плешь», коли уж она есть?

Русские поэты «заметили» в стихах Флора Васильева в образ воплощенную мысль. Анатолий Жигулин, Татьяна Кузовлева, Эдуард Балашов начали свою переводческую деятельность с его стихов. И нужно сказать, наибольшая удача подстерегает переводчиков, когда они не со-

перничают с автором, а стремятся точнее передать дух и букву оригинала. И, как всегда, бывает плохо, если переводчик старается приукрасить, причесать оригинал. Тут появляется гладкость, совершенно чуждая удмуртскому поэту.

Перевод – вообще весьма трудное дело. Вот, к примеру, у Флора Васильева есть строчки:

*Сь □ дчабей, сь □ дчабей сясыкая,
Ль □ мтуысь сясыкаос кадь т □ ды.*

Здесь поэтический образ строится на основе удмуртского фольклорного образа: на контрасте удмуртского названия гречихи – черная пшеница – с белым ее цветом. И он усилен еще тоже традиционным для удмуртской народной песни сравнением с цветом черемухи. Так и переведил Яков Серпин:

*И цветет гречиха – черная пшеница, –
Белую черемухой на поле цветет.*

Перевод почти буквально точный, но для русского читателя непонятно: откуда черная пшеница, да еще черемуха – дикое растение. Пропадает самое главное – ассоциация с фольклорным образом. И совсем откестился от связей с удмуртским национальным другой переводчик – Анатолий Жигулин:

*Зацвела, закачалась гречиха –
Словно белая вишня цветет.*

Увы! не осталось фольклорного контраста, сравнение с цветом вишни не свойственно для удмуртской поэзии. Но эти потери, видимо, неизбежны, особенно, когда переводчик имеет дело с самобытным национальным художественным материалом. В общем же, Флора Васильева переводят бережно, да и сам автор относится к переводчикам довольно строго, работает, спорит с ними, пока не добьется удовлетворительных результатов.

Поэт с каждым годом становится все требовательнее к себе. Тут скажутся и возраст, и жизненный опыт.

*Я знаю, найдя сокровенную нить,
Что мне ненавидеть, что мне ценить.*

Ценю я,

*Постигнув секрет красоты,
Не просто цветы, а живые цветы, –
заявляет он, верный своему идеалу – природе.*

Пришла к поэту та строгая пора, когда нужно бывает рассчитывать каждый свой шаг.

*Задуматься всерьез пришла пора.
Прошла пора бездумного веселья.
И сил сегодня меньше, чем вчера.
И ветер за окном–*

Уже осенний.

Да, это ранняя осень, светлая осень, хотя иногда прорываются и грустные мотивы. Наиболее точно, мне думается, Васильев выразил суть этого возраста в стихотворении «Человек рождается всегда вовремя», к сожалению, не точно переведенном на русский язык. Попробуем привести строки из него в оригинале рядом с подстрочным переводом:

*Ми вуим ни сы □ е арлыдэ –
Табере лэстымон вань ужъёс.
Йыр ужа,
Ужаны ки лыдэ,
Вуизы «корт куртчон» нуналъёс.*

*Мы пришли уж к такому возрасту –
Теперь по плечу нам любые дела.
Голова работает,
Руки просят труда,
Настали дни, когда можно
зубами перегрызть железо.*

И стих становится чеканней (в одном стихотворении поэт заявляет: «Острее мысль и тверже шаг»), и образ точнее. Здесь снова Ф. Васильев использует удмуртскую идиому «кын корт куртчон вакыт» – возраст, когда в силах зубами перегрызть твердое железо. Пожалуй, переводчики тоже замучаются в поисках русского эквивалента.

Пора творческой зрелости чувствуется во всех стихах Васильева последних лет.

А. Демьянов. Сорокалетье – хоть и строгая пора, Флор Васильев всегда связан с молодёжью. Лет десять назад в редакции «Комсомольца Удмуртии» зажила «Радуга». Счастливая мысль направить бушующий океан проблесков таланта и безнадежных потуг в единое творческое русло поисков мастерства принадлежала Васильеву – тогда редактору молодежной газеты. Молодые инженеры, рабочие, да и журналисты, стиснув зубы, выслушивали далеко не комплиментарные оценки своего творчества от друзей по литобъединению, спорили до полуночи о новациях и традициях, люто обижались, мгновенно остывали и... помаленьку росли, мужали. У всех этих людей, равно как у руководителя литобъединения, теплели глаза, когда в редакторском кабинете в урочный час шелестело рукописями, пикировалось и заразительно хохотало над собственными остротами молодое племя беззаветно влюбленных в ямбы и хореи. С доброй помощью издательства «Удмуртия» литобъединение выпускало свои сборники стихов и прозы, его члены издали свои первые книжки.

В качестве литконсультанта Союза писателей, будучи редактором журнала «Молот», Флор остается другом и советчиком тех, кто лишь недавно полюбил музыку слова.

А. Ермолаев. И теперь Флор Васильев не менее строг как к себе, так и ко всем тем, кто берется за перо. Он уже опубликовал ряд статей о секретах и трудных лабиринтах мастерства. Далеко не всегда разговор с молодыми получается лицеприятным, но всегда в статьях поэта чувствуется забота об уровне поэзии, о мастерстве, о подлинной, а не мнимой гражданственности искусства слова.

Сердце поэта открыто всем ветрам, и его задевает все происходящее на этом свете.

*От чуткого, как боль, прикосновения
Рождаются певучие стихи.*

А. Демьянов, А. Ермолаев. «От чуткого, как боль, прикосновения // Комсомолец Удмуртии. – 1974. – 21 мая;

А. Демьянов, А. Ермолаев. «От чуткого, как боль, прикосновения // Заметки непостороннего. Статьи, рецензии об удмуртской литературе. – Ижевск: Инвожо. – 2005. – С. 111–119.

ТЕРНИИ И ЗВЕЗДЫ ПОЭТА

«Маленькая Удмуртия моя!» – обратился к своей родине поэт Флор Васильев и связал с ней, с ее судьбой, с судьбой своего народа, с его думами, чаяниями и горестями всю свою лирику.

Как и у всех финно-угорских народов, издревле обитавших между Волгой и Уралом, в XVIII веке появилась письменность на основе кириллицы и – одновременно – зачатки письменной поэзии. А фольклор стал основой и опорой профессионального творчества.

Особенно бурно стала развиваться литература на грани XIX и XX веков. Конечно, немаловажную роль сыграли и опыт русской литературы, и деятельность русских просветителей, взявшихся обучать инородческих детей грамоте. Особое место в просвещении удмуртов занимает Казанская инородческая учительская семинария. Ее выпускники затем стали сами просветителями своего народа. Большую роль сыграли такие русские учителя, как дворянка В. В. Толстая. Один из классиков удмуртской литературы, поэт, драматург и прозаик Игнатий Гаврилов в своих воспоминаниях прямо признался, что любить удмуртский фольклор его научила именно русская В. В. Толстая.

Вскоре за просвещение своего народа взялись образованные удмурты: Иван Михеев, Иван Васильев, Иван Яковлев, родные братья Гавриил, Антон и Максим Прокопьевы, Михаил Ильин, Илларион Шкляев,

Михаил Можгин, Григорий Верещагин, Кузубай Герд, Кедр Митрей, Ашальчи Оки, Трофим Борисов. Из их числа и появились первые удмуртские писатели и авторы учебников, в которых печатались оригинальные и переводные художественные произведения.

С зарождением удмуртской интеллигенции стали появляться и весьма интересные учебные заведения. В селе Карлыган (ныне на территории республики Марий Эл) Козьма Андреев в своем доме открыл Центральную вотскую (удмуртскую) школу.

Двадцатые годы стали особенно плодотворными. Появилось немало поэтов, драматургов, прозаиков. Стало развиваться театральное творчество (правда, профессиональный театр открылся в 1931 году). Удмуртская газета «Гудьри» в каждом номере печатала стихи и произведения малых жанров. Творчество Кузубая Герда и Ашальчи Оки стало достоянием не только удмуртского, но и русского народа, достоянием финнов, венгров, марийцев, коми.

Но, к сожалению, наступили тяжелые для удмуртской литературы тридцатые годы. В 1932 году был арестован, а затем сослан на Соловки Кузубай Герд, в 1933 году арестованы Трофим Борисов, Ашальчи Оки. Григорий Верещагин был оставлен без работы, влачил жалкое существование. В 1937–1938 годы арестованы и сосланы Кедр Митрей, Григорий Медведев, Михаил Коновалов. Пострадали и менее известные литераторы. Для молодой литературы немногочисленного народа потери были слишком чувствительны. Оставшиеся в живых литераторы стали бояться писать. Изгонялась полностью хорошая задушевная лирика. В почете оказалась лишь та поэзия, которая значительно позднее получила название «гражданской». В русской литературе распространился термин отрицательной оценки «есенинщина», а в удмуртской – «гердовщина».

Оба обозначения были надуманными. При всей неоднозначности жизненного поведения автора поэзия Сергея Есенина была глубоко патриотичной. В 1924 году, 20 июня, Есенин писал в своей автобиографии (а как злободневно звучат его слова в XXI веке!): «Если сегодня держат курс на Америку, то я готов тогда предпочесть наше серое небо и наш пейзаж: изба немного вросла в землю, прясло, из прясла торчит огромная жердь, вдалеке машет хвостом на ветру тощая лошадевка. Это не то, что небоскребы, которые дали пока что только Рокфеллера и Маккормика, но зато это – то самое, что растило у нас Толстого, Достоевского, Пушкина, Лермонтова и др.

Прежде всего, я люблю выявление органического. Искусство для меня *не затейливость узоров*, а самое необходимое слово того языка, которым я хочу себя выразить».

Обратим внимание на «незатейливость узоров». С этим явлением мы еще встретимся в разговоре о лирике Флора Васильева.

Так же патриотично было и творчество Кузубая Герда. Он всем жаром своего сердца выражал любовь к своему немногочисленному народу и искал всякие его интернациональные связи в истории и культуре. У Герда почти совсем не было чисто любовной лирики. Он больше всего писал о месте человека, своей нации в обществе. Стихи не только радостные, но и горестные, как судьба самого удмуртского народа, удмуртской культуры. Самого поэта не спасли и стихи, прославляющие революцию, Ленина.

Разумеется, на фоне этих драматических и трагических событий поднималось новое, молодое поколение удмуртских литераторов. Но установка им давалась одна: прославление революционных деятелей, вождей, выполнение и перевыполнение планов, колхозное движение, вспахивание межей на полях. Политической трескотни оказалось много, но настоящей поэзии мало.

Правда, и в молодом поколении были те, кто, действительно, развил литературу. На первых местах стали Михаил Петров, Игнатий Гаврилов, которые работали во всех родах литературы – в поэзии, прозе, драматургии. И добились настоящих успехов. И они, не отказываясь от требуемых политических творений, в то же время ухитрялись развивать традиции Герда и Ашальчи.

В послевоенные годы тенденции в литературе в основном остались такие же, что и в довоенные. Тем не менее, немало нового, своего смогли внести поэты Николай Байтеряков, Степан Ширококов, Александр Белоногов, Михаил Покчи-Петров, промелькнувшая звонкими лирическими стихами Степанида Иванова.

В тридцатые-пятидесятые годы удмуртская литература стала терять национальные черты. От писателей все больше требовали отражения жизни в ее революционном развитии. Михаил Петров создал лирическую поэму «Италмас» на основе национальной легенды. Обком ВКП (б) заставил вставить в поэму элементы классовой борьбы. Так в сюжете, отражающем «незапамятный век, незапамятный год» при переводе на русский язык появился образ кулака, убивающего героиню. Хорошо, поэма в оригинале, на удмуртском языке осталась нетронутой.

Подобную же правку вынужден был вносить в трагедию «Холодный ключ», в поэму «Сани» (в русском переводе «Айни») Игнатий Гаврилов. Да и роман Михаила Петрова «Старый Мултан», над которым он работал с тридцатых годов, не смог выйти в свет без включения элементов революционного движения.

Такова была обстановка, когда Флор Васильев делал первые шаги в поэзии. Родился Флор Васильев 15 февраля 1934 года на окраине маленькой деревеньки Бердыши, что в глуши северного Ярского района Удмуртии. Там в маленькой начальной школе учил детей его отец. Семья жила в комнатке при школе. 19 февраля отец сходил в деревню

Удино, где находился сельский совет. В этот же день зарегистрировали новорожденного, в метрике написали: родился 19 февраля 1934 года в деревне Удино. Видимо, тут сыграл роль и факт, что отец был родом из Удино. Но поэт всю сознательную жизнь отмечал день рождения 15 февраля и считал своей родиной деревню Бердыши.

Бердыши Флор Васильев воспевал в своей поэзии многократно.

*Звени же песнями в тиши,
Моя глухая деревушка,
Моя столица – Бердыши.*

Подобный высокий слог в обращениях поэта к своей маленькой деревне, к речушке Мое, протекающей вдоль деревни, встречается много раз.

Поколение рождения середины тридцатых годов. Ему пришлось пробиваться сквозь глобальные катаклизмы. Допустим, что репрессии тридцатых годов они сами не испытали, не испытали и родители – сельские жители. В Великой Отечественной войне еще непосредственно не участвовали.

Русский поэт Виктор Кочетков в предисловии к стихам другого поэта Вадима Кузнецова писал (1981): «Великая Отечественная оказала глубочайшее воздействие на формирование не только тех, кто был ее непосредственным участником, но и тех, кто вглядывался в ее суровый, сумеречный быт детскими удивленными глазами».

Флору Васильеву в 1941 году исполнилось семь лет. Еще дошкольником он проводил на фронт отца. Провожала мужчин вся деревня. Со всеми односельчанами пришлось Флору жить впроголодь.

Трудно представить, но это поколение не видело отцовской ласки и заботы. Ждало возвращения отцов. Вернулись далеко не все.

Да, отец Флора Васильева с войны вернулся. Да, он долго после войны еще работал. Дал возможность старшему сыну, его братьям и сестре получить образование. Но поэт жил не в своей замкнутой скорлупе. Через его сердце прошло все пережитое в родной деревне, а потом и всей округе. Недаром среди первых стихов поэта, отобранных им самим для первого сборника, оказалось стихотворение 1957 года «Не забуду той девчонки» о маленькой соседке, спрашивающей: «Где же мой отец, почему он не возвращается домой?» С этими строками соседствуют другие:

*Мне на веку запомнилось немало,
Но только детства вспомнить не могу.
Его война, как стебелек, сломала
Июньским днем за речкой на дугу.
Перевел Я. Серпин*

Тематика военного детства встречается в стихах Флора Васильева во все периоды его творчества. В 1976 году он пишет о дедушке, который,

уходя на фронт, к матице дома прибывает кисточку из цветной ткани. По народному поверью – чтобы вернуться домой. Но не возвращается.

Особое место занимают стихи о тяжелом полуголодном детстве.

Иголкою в груди

Покалывают годы,

Нелегким осененные жистьем.

... Вот-вот вернется мама с огорода

С картошкой в передничке своем.

В багровых зорях догорали дали,

И мы, вконец усталые, тогда

По письмам с фронта

Дни свои считали,

А по цветам картофеля – года.

Перевела Т. Кузовлева

Но упрямей нет воспоминаний,

Как в слезах рассвет встречая новый,

Теплую буханку делит мать.

Это мы съедем сейчас, на зорьке,

Это в полдень,

Это – про запас.

А отец в военной гимнастерке

Смотрит с фотокарточки на нас.

Перевел Я. Сертин

Начало творчества Флора Васильева совпало с демократическими изменениями в нашей стране, со временем, названным с легкой руки Ильи Эренбурга «оттепелью» (так называлась его повесть о начале этого периода), с возрождением лирики.

Новая лирика в полные права вступила в шестидесятые годы. В это время, особенно в Москве, бурно, публично и шумно развивалась поэзия. Полные залы собирали Политехнический музей, Дворец спорта в Лужниках. Восторженно встречались молодые Евгений Евтушенко, Роберт Рождественский, Андрей Вознесенский. С гитарой в руках пел свои некрикливые стихи Булат Окуджава. Большим успехом пользовалась задумчивая и ироничная Белла Ахмадулина. Поэтов сразу стало много – очень и очень разнообразных. Всесоюзную известность приобрели литовцы Эдуардас Межелайтис, Юстинас Марцинкявичус, латыш Ояр Вацietис, аварец Расул Гамзатов, калмык Давид Кугультинов, башкир Мустай Ка-

рим, чуваша Яков Ухсай и Педер Хузангай. Они вошли в литературу как «шестидесятники».

Одним из «шестидесятников» стал и Флор Васильев. Пусть слава у него была не такая большая, как у названных мной, тем не менее именно лирика Флора Васильева привлекла внимание к удмуртской литературе во всей нашей тогда еще большой стране. И за ее пределами.

В отличие от Москвы и других культурных центров в Удмуртию новые волны поэзии дошли довольно медленно. Если их чувствовал Флор Васильев, то он и встретил сильное сопротивление своих собратьев поэтов и партийной критики.

И для удмуртских критиков, и для читателей пятидесятых, да и шестидесятых годов поэзия Флора Васильева была непривычной. Бывший работник обкома партии, спущенный за проступки в журналистику, а затем на руководство единственным книжным издательством, выступил на съезде писателей с подсчетами, сколько раз в книге стихов этого поэта упоминается о цветах, деревьях, о любви и сколько раз – о партии, Ленине, коммунизме. По подсчетам этого деятеля выходило, что о «вечных» темах поэт пишет много, а вот поэтических образов политических имен встречается очень мало.

Потом, когда этот руководитель вынужденно ушел на пенсию, в его большом служебном письменном столе нашли все изданные книги Флора Васильева с этими подсчетами. Так что поэт находился всегда под недреманным оком, хотя в его жизни и не было признаков оппозиционности к власти.

Флор Васильев шел в поэзии непроторенным путем. «Общий путь, какой бы он ни был, в смысле искусства плох именно потому, что он общий», – писал Вл. Набоков в эссе о Ходасевиче. Эти слова очень подходят и для характеристики позиции Флора Васильева. Он не хотел для себя общего, гладкого пути:

Не уходи с наезженной дороги!

Старайся быть таким же, как и все!

Мне от души,

То ласково, то строго,

Указывали гладкое шоссе.

И в этом же стихотворении поэт отвечает оппонентам:

Лишь мной самим проложенная тропка

Шагам по ней итоги подведет.

Перевел В. Савельев

Чем же отличается тропа Флора Васильева? В лирике обычно на первое место выдвигаются чувства. Но вот русский поэт старшего поколения Степан Щипачев, который, казалось бы, ценил приоритет чувства, эмоции в лирике, про Флора Васильева писал: «Не берусь судить, хороши ли переводы, но в стихах я уловил мысль, щедрость красок, влюбленность в

родную землю. В первый раз в жизни я не удержался от соблазна переводить, хотя никогда не чувствовал в себе склонности, да и способности заниматься этим тонким и высоким ремеслом... Стихи Флора Васильева почти всегда просветлены мыслью». Высказывание совсем не банальное.

Эта беспокойная, волнующая мысль, задевающая сердце, и есть, пожалуй, самое главное в лирике этого удмуртского поэта.

Флор Васильев очень редко стремился к афористичности. Он боялся гладкописи. Он чаще всего вместе с читателем-собеседником размышлял, рассуждал о той правде, к которой стремился. Он не старался давать читателю рецепты на всякие случаи жизни, а старался побуждать его самого найти рецепт на каждый конкретный случай, направляя самого на размышления.

Флор Васильев редко преподносит читателю готовую мысль. Он вместе с читателем ее ищет, оттачивает. Порой этот процесс тоже становится явлением поэзии. Вот стихотворение «Жадиськиз но, вылды, жадиськиз...» («Устал уж, видно, устал...»), в переводе А. Тюрина названное «Мысль»:

*Я устал – не поднять мне ресницы.
Сердце, сжавшись, не в силах разжаться.
Мысль, в мозгу не успев зародиться,
Начинала за правду сражаться.*

Так заявлено в переводе. У автора новая мысль не просто «за правду» сражается. Она сражается со старой, автора же мыслью, и отнюдь не известно, которая из них праведнее. Да, она «хорошая», добрая, «□еч малпан вамышьяз ватскытэк» – «Добрая мысль зашагала, не прячется», хотя старая мысль изо всех сил сражалась с ней. И в этой борьбе новая окрепла. Но автор (лирический герой?) так устал, ему лень поднять и ресницы. Эти слова начинают и замыкают стихотворение.

К сожалению, в переводе борьба мыслей несколько «выпрямлена»: старая – значит, плохая мысль. И она погибает:

*Но привычные старые мысли
Все засохли, как мертвые травы,
Словно старые вина прокисли
И давно уже стали отравой.*

У автора и старая мысль не хлам, не отравка. Ведь в здравом рассуждении весьма и весьма часто новая, уточненная, третья и четвертая мысли появляются в борьбе со старой, зачастую отнюдь не уничтожая первую. Такова логика, диалектика. В понятии Флора Васильева мысль – нечто живое, саморазвивающееся.

Не сродни ли картина стихотворения «Мысль» словам великого Льва Толстого, высказанным в письме к родственнице А. А. Толстой: «Чтоб жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать и вечно бороться и лишаться. А спокойствие – душевная подлость»

(цит. по кн. А. Кондратовича «Александр Твардовский». ХЛ, М., 1978. С. 275).

К важности и нужности борьбы мыслей в своих стихах Флор Васильев приходит еще и еще раз:

*Мне бы мыслей
Не равнять расческой,
Как волосы,
Скрывающие плешь.*

Перевел В. Савельев

*Я не люблю подстриженных деревьев.
Не тех ли мне они напоминают,
Чьи идеалы под одну гребенку,
Соображенья – на одно лицо.*

Перевел В. Савельев

*Мысли спят – не стоит торопиться,
Ведь без мысли слово – пустота.
Только вместе с правдой, как жар-птица,
Засияет в слове красота.*

Перевел А. Тюрин

Видно, потому, что в устно-поэтическом творчестве удмуртского народа, в фольклоре, на первом месте была песенная лирика, и профессиональная лирика долгое время развивалась в песенном ключе. Кузубай Герд, в свое время серьезно изучавший строй удмуртского стиха, заметил: «Ритм же стиха, особенно в четырехстрочных, зависит от ритма мелодии». Первые поэты даже делали ссылки на известные песни. Гавриил Прокопьев в рукописной тетради 1892 года одно стихотворение свое пометил: «На мотив «Гречанки».

Песенная тональность остается главной для большинства поэтов и нашего времени. До сих пор встречаются утверждения такого типа: «Имярек пишет хорошие стихи, потому что на его слова создают много песен». И невдомек, что прекрасная поэзия может существовать и долго жить и без музыкального сопровождения.

Между тем еще Герд создавал стихи и в разговорной интонации, и ораторского характера (особенно в последней книге «Лёгетъёс» – «Ступени»). И после появились произведения «под Маяковского», с явной ораторской интонацией. Так писали и Михаил Петров, и Игнатий Гаврилов, и Александр Эрик, и Иван Дядюков, и Прокопий Чайников, и Андрей Бутолин. Но поэзия этого направления не очень-то привилась в удмуртской литературе. Возможно, и из-за довольно мягкого, негромкого характера самой удмуртской речи. Вот что говорил Николай Байтеряков: «При последней встрече с Михаилом Петровым тот спросил: «Не напевай ли, ты пишешь стихи?». Я в самом деле писал, напевая, но признаться постеснялся. Петров говорит: «Я иногда пишу, напевая». Потом Байтеря-

ков добавляет о себе: «И сейчас многие стихи пишу, про себя напевая или читая громко» (Цит. по кн. Л. Д. Айтугановой «Сюлэмысен кутске кыр□ан». Ижевск, 1998. С. 157).

Еще не зная этой беседы, я сам спрашивал у Байтерякова, не поет ли он, когда пишет стихи? Он подтвердил мое предположение. Тогда я напомнил, что известная литературоведша (У меня она названа Литературная дама – Н. Е.) утверждает, что русский поэт, который сочиняет совсем не музыкально, лучше всех переводит Байтерякова. Байтеряков махнул рукой и резко сказал: «Ну, что она понимает?!»

На таком вот песенном фоне лирика Флора Васильева звучала непривычно. Он писал в разговорном, беседном тоне. Большинство его стихов рассчитано на воздействие на человека, который берет книгу в руки и читает в одиночестве, как бы советуясь, споря с автором о сугубо личном, хотя поэт говорит далеко не только об интимном.

*Давай-ка присядем на лавку, мой друг,
И поговорим не спеша вечером.
Днем, помнится, болтать недосуг.
Теперь даже сумерки шепчут о том,
Что есть что вспомнить, о чем толковать,
Что день, вероятно, недаром прошел.*
Перевел В. Емельянов

Интонация спокойной, тихой беседы характерна для абсолютного большинства творений удмуртского поэта. Без патетики, без особой напыщенной метафоричности, без сногшибательных сравнений. И названия сборников на удмуртском языке в том же ключе: «О тебе», «Снова о тебе», «Давай поговорим».

Именно такая тихая, доверчивая, беседно-задумчивая тональность создает всю прелесть стихотворения «Начало зимы»:

*Вчера еще ласково солнце грело,
И в небе ни облачка не проплывало.
А нынче с берез вся листва облетела,
И северной стужей высь задьяшала.
Вчера еще рядом сидели супруги
И, вроде, тепло друг на друга смотрели.
Сжимались сердца в ожидании вьюги,
Но слов не нашлось, чтоб спастись от испуга.
А нынче разлегся на улице зимней
Сверкающий снег, прогоняющий осень,
И легкое кружево иней
В безмолвном саду на деревья набросил.
Сегодня супруги не только молчали,
Но даже глазами совсем не встречались.
Как будто не осень они провожали,*

А новую жизнь начинать собирались....

Перевел В. Емельянов.

Думается, такая задумчиво-беседная интонация лирики Флора Васильева дала возможность профессору Петеру Домокошу сделать интересный вывод: «Его стихотворения ныне так же популярны среди удмуртов, особенно среди молодежи, как в свое время произведения Герда. Они уже не становятся народной песней, остаются стихотворениями, пленяя читателей художественно выраженными мыслями» (Петер Домокош. История удмуртской литературы. Ижевск, 1993, с. 396).

Именно потому, что поэт Флор Васильев отказался от наезженной дороги, «от шоссе», а проложил свою тропу, основная масса старших писателей долго не признавала его как поэта.

Признание к нему пришло через столицу, когда московские поэты стали охотно переводить его. Стихи стали часто появляться в центральных газетах и журналах и поодиночке, и целыми подборками.

Флора Васильева переводили на русский язык многие поэты. Он сумел подружиться с ними – совершенно разными по творческим манерам. Разумеется, имело немалое значение и личное обаяние. Но, конечно, чтобы столь различные поэты брались за переводы стихов, чтобы их охотно публиковали в центральной печати и в печати республик и областей, прежде всего должны были очаровывать сами стихи.

Флор Васильев сумел познакомиться, сдружиться со многими людьми. Человек светлый, общительный, доброжелательный, он мог хорошо хранить дружбу. Это у него выходило естественно, органично, легко. Но он умел сохранять и некую дистанцию с другими. Даже для близких друзей многое из жизни, характера поэта осталось загадкой.

То, что Флора Васильева охотно переводят на русский язык, что его довольно регулярно издают, раздражало многих. Теперь появилось новое утверждение: стихи удмуртского поэта улучшают русские переводчики. И стали придираются к непривычным образам, якобы далеким от удмуртского менталитета.

Маститый в то время поэт и переводчик, например, раскритиковал в республиканской газете стихотворение, где есть строки: «Словно сойдя с картин Ренуара, ты ко мне подошла». Как, мол, это так, Ренуар не реалист, чтобы восхищаться им (было в нашей истории такое время: Ренуар и другие импрессионисты были не в почете). Потом, когда критик увидел, что к Ренуару отношение изменилось, кажется, печатно перед поэтом извинился.

Жесткая полемика вокруг стихов отразилась и в лирике поэта. Вот, допустим, один критик упрекнул поэта, что его стихи не соответствуют народной песне. Васильев откликнулся на это стихотворением «Кому не нравится хорошая песня» (в переводе О. Поскребышева «Песня для белки»), Вспоминая старый обычай удмуртов-охотников, поэт пишет:

*Охотник, торопя к себе удачу,
Для белки тоже издали поет.
Вниз по ветвям
Она
Навстречу песне
Скользит –*

Веселый язычок огня.

*Но, как сухой сучок, вдруг выстрел треснет –
И оборвется листиком она.*

Заканчивает стихотворение строкой:

Ты, сердце черное, их петь не смей!

Не каждый поющий – друг, и не каждый пишуший в песенном ритме – большой поэт.

Обвинение в немзыкальности стихов было для Флора Васильева серьезным и несправедливым. Он, еще учась в педучилище, играл на музыкальных инструментах, отменно плясал и пел, участвовал в художественной самодеятельности. В лирике поэта немало стихотворений о разнообразных удмуртских песнях, в том числе и песнях без слов северных удмуртов (бесермян). Отнюдь не отрицая значения песенной лирики, он музыкальность видел гораздо шире, чем песенный склад. Еще в 1965 году он создал стихотворение «Музыка»:

А кто-то и сейчас мне говорит:

Мол, музыка, конечно, это песня.

Лишь у нее мелодия и ритм...

Нет... Музыка повсюду, повсеместно.

Симфонии помимо песен есть,

Балет не хуже оперы бывает.

Свой у ручья неповторимый плеск,

Бор зашумит, как орган играет.

С одним напевом был родник рожден,

Другая музыка у водопада...

У каждого свой звук, свой камертон.

Всех под одну гребенку стричь не надо.

Свою свирель имеет тюрагай (жаворонок – А. Е.),

В свой горн играет петушок побудку...

И лишь упрямый, глупый попугай

Всю жизнь танцует под чужую дудку.

Перевел В. Емельянов

Вот опять мы пришли к той теме общей, гладкой дороги и своей тропы.

Разумеется, по-настоящему творческие люди, таланты, если сами творят, и иначе, чем другие, понимают творчество других. Тот же песен-

ный удмуртский поэт Николай Байтеряков в цитированном уже мной интервью на вопрос Василия Ванюшева: «Многие стихи Флора Васильева не похожи на народные песни – написаны в разговорной интонации. Как Вы на это смотрите?» – ответил: «У нас же и разговоры довольно музыкальны». В другом месте той же беседы: «Флор Васильев нащупал кровеносную жилу жизни нашей. Образ современной жизни поэт вернул народу, пропустив сквозь сердце. Народ уже был готов принять такое искусство, потому и произведения поэта прославил, высоко поднял» (Л. Д. Айтуганова. Сюлэмысен кутске кырп[ан], с. 157,154).

Долгое время в литературе соцреализма восхваляли лишь те произведения, которые были полны радости счастливой жизни, оптимизма «строителя коммунизма». У Флора Васильева с самого начала было немало строк печальных, о несчастьях, о смерти. В общем довольно грустные стихи, навеянные жизнью. В молодом возрасте от неизлечимой болезни умерла жена; попав в снежную пургу, лишается жизни брат, умирает отец.

Один из молодых литераторов тогда отрицательно высказался о грустных песнях поэта. И Флор Васильев ответил ему стихотворением:

Всю жизнь не пропляшешь,

Хоть радостно это.

Давно жизнь и смерть в равной силе.

И радость, и горе живут наравне.

И грустно б я радовался в могиле,

Когда б кто-нибудь всплакнул обо мне.

Перевел Н. Злотников

Поэта нередко попрекали и в том, что он мало заботится о красоте стиха, о метафорах, о богатой рифме, что иногда у него хромает ритм. Так казалось тем, кто привык писать чистым ямбом и анапестом. У Флора Васильева диапазон форм стиха весьма разнообразен. У него есть и верлибр, и «твердые формы» (сонет, триолет). Отнюдь не писал он однообразно. И строфика разнообразна, и немало астрофических стихов. Поэт отвечал и на такие упреки:

Пускай стихотворная строка

порой суха,

порой строга –

о ней напрасно говорят,

что нужен пышный ей наряд.

В дороге дальней ни к чему

ей ожерелья и сережки.

Ее встречают по одежке,

но провожают по уму.

Перевел Я. Сертин

Как тут не вспомнить слова Сергея Есенина из той же цитированной в начале статьи автобиографии: «Прежде всего я люблю выявления органического. Искусство для меня не затейливость узоров, а самое необходимое слово того языка, которым я хочу себя выразить». Удивительно одинаковые взгляды на творчество!

Поэту приходилось слишком часто отстаивать свою правоту. И это не всегда было приятным делом. Слишком уж досаждали не только открытые противники, но и те, кто в свое время вились вокруг него. Поэтому, видимо, он принял близко к сердцу стихотворение Александра Твардовского «Такою отмечен я долей бедовой...», где поэт писал:

*С отменной злобой,
С великой охотой
Едят меня всякие серые волки.*

Думается, под влиянием Твардовского появилось вот это стихотворение Флора Васильева:

*Я родился в месяц волчьих свадеб,
Нашу избу снегом замело.
Были волки около усадеб,
Заходили серые
В село.
За окном колючий снег метался,
Насыпал сугробы через край...
... Я волков с рожденья не боялся.
Разве страшен мне собачий лай?*

Перевел А.Жигулин

Творческая жизнь Флора Васильева проходила сложно.

С одной стороны, он был всегда на виду. Еще студентом избран секретарем горкома комсомола, вскоре – заместителем редактора глазовской городской газеты, призван в редакторы республиканской молодежной газеты, заместителем редактора удмуртской партийной газеты. Затем почти одновременно – председателем правления Союза писателей Удмуртии и редактором литературного журнала «Молот». А как общественник – то членом бюро обкома комсомола, то членом бюро обкома партии, то депутатом Верховного Совета Удмуртии. Везде Васильев трудился на пределе возможного. От него требовали партийных стихов и безмерной общественной работы.

В его бытность председателем правления Союза писателей Удмуртии ежегодно проводились семинары молодых, начинающих литераторов, активно рецензировались их рукописи, довольно часто проходили встречи с московскими и писателями республик Союза. И это давало хорошие плоды. Именно в это время высоко поднялся уровень удмуртской литературы. Писатели чувствовали себя членами заботливого содружества. При Васильеве нуждающиеся писатели получили нормальные квартиры.

Многим писателям он помог найти переводчиков на русский и другие языки страны. Он был общественно активен и по-человечески отзывчив.

Находясь все время в идеологических кругах, Флор Васильев ухитрялся очень мало писать строк, восславляющих руководителей партии и правительства, главных идеологов, а все время искал свою, нехоженую тропку к простому человеку, к его душе.

Симфоний радостных строй высок.

*Он выше зовет и выше,
Но если печален один голосок,
Я должен его расслышать.
Где крылья раскинула беда,
Где солнце застлано дымом,
Я должен поспешать туда!*

Там быть необходимым.

Перевел Е.Храмов

«... если печален один голосок», если «где-то плачет птица», если раньше лес пугал, а теперь он сам боится человека, его топора, – все это проходит через сердце поэта и находит отклик в его стихах.

Пожалуй, в удмуртской литературе до Флора Васильева не было поэта, столь понимающего природу, так чуткого к ней.

«Я – язычник. И бог мой природа», – заявил поэт в первой строке стихотворения. Заявил, конечно, задиристо. «Вот и пришел я к богу своему», – утвердил так же задиристо в начале второго. Действительно, он не представлял человека без природы. Природа в его стихах очеловечивается: «Глазами родников глядит земля», «Больше (выше?) природы не станешь», – сказала мама». И печально: «Все дальше мы уходим от природы».

Вот такое преклонение перед природой дало повод некоторым удмуртским исследователям утверждать, что Флор Васильев, мол, развивался от христианства к язычеству. Ничего плохого не могу сказать ни о христианстве, ни о язычестве. Могу лишь твердо заявить, что Флор Васильев не был ни христианином, ни язычником, ни мусульманином. Он был воспитан соответственно своему времени – атеистом. Некоторые образы он создавал, как поэт, используя какие-то элементы из религиозного оборота. Можно вспомнить, что и Пушкин создал цикл «Подражание Корану». Однако, пока ни у кого я не встретил утверждения, что, мол, Пушкин стал мусульманином. Беда в том, что некоторые «ученые», в недавнем прошлом партийные деятели, быстро сделали модой поклоны той или иной религии. «Я язычник», «Я спелое яблоко» – это у Флора Васильева всего-навсего поэтические приемы.

Теперь творчество Флора Васильева, как выразился в свое время Александр Блок, «стало достоянием доцента». О его творчестве пишутся дипломные работы и диссертации. Можно отметить прекрасную книгу В. Г. Пантелеевой «Поэтический мир Флора Васильева» (Ижевск, 2001).

Но, к сожалению, часто в «доцентской» литературе слишком препарировывают литературу, что тут невольно вспоминаешь пушкинского Сальери, который заявил: «Ремесло поставил я подножием искусству... Музыку я разъял как труп. Поверил я алгеброй гармонию». Тут уж вовсе пропадает сердечность, эмоциональность искусства, поэзии.

Разумеется, доцент доценту рознь, профессор профессору рознь. Талантливые иначе смотрят на творчество Флора Васильева.

Лирику удмуртского поэта высоко оценили французский профессор Жан Люк Моро, венгерский профессор Пал Петер Домокош. В уже упомянутой книге «История удмуртской литературы» Домокош, который читал Васильева в удмуртских оригиналах, писал: «... в лице Флора Васильева мы можем приветствовать первого по-настоящему современного поэта. Современность означает не отказ от традиций, а новое понимание традиций, приближение к традиционным темам через современность, изменение взглядов на старое и новое их выражение. С другой стороны, его поэзия в самом деле – открытие будней после праздников, подробностей жизни, подлинно человеческого мира. Ему есть что сказать о природе, родине, труде, времени, дружбе и любви – но делает он это без патетики, просто, пишет для уставшей от громких фраз публики, свежо и заставляя призадуматься» (с. 396).

Жаль только, Флор Васильев с таким мнением о себе не успел познакомиться. Книга в русском переводе вышла только в 1993 году. А поэт скончался, попав в автомобильную катастрофу, 6 июля 1978 года.

Недолго прожил поэт Флор Васильев. Но так много успел.

В лице Флора Васильева удмуртская земля родила своего гения.

Тернии и звезды поэта // Луч. – 2003. – № 1-2. – С. 77–79;
Тернии и звезды поэта // Заметки нестороннего. Статьи, рецензии об удмуртской литературе. – Ижевск: Инвожо. – 2005. – С. 120–137.

ПЕТР ЧЕРНОВ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ПИСАТЕЛЯ

В частных беседах и публичных встречах с читателями приходилось мне слышать самые разные и противоречивые мнения о произведениях Петра Чернова. Одно из них, быть может, самое для меня интересное, созвучное, такое: читаешь его и все время чувствуешь, что автор всегда оставляет что-то за пределами повествования, что-то сознательно не досказывает.

Я всегда был убежден, что художник не должен выкладывать все мысли и чувства до дна, что нужно оставлять читателю самому домыслить, почувствовать, дополнить изображение художника своим жизненным опытом, участвовать в сотворчестве. Тут уместно вспомнить и слова Сартра: «Произведение духа рождается из сопряжения усилий писателя и читателя». Именно для такого сопряжения просто необходима некоторая недосказанность. Я давно восхищаюсь словами поэта: «Я не то еще сказал бы, про себя поберегу». Вот это «про себя поберегу», думается, хорошо уловил читатель Петра Чернова. Это умное сбережение слов и создает подтекст произведения, его дополнительную выразительность, возможность вычитать в нем больше, чем сказано словами, читать то, что «за словами». Добавил бы еще, что такой писательский принцип полностью противоположен тому, что в свое время Михаил Исаковский назвал «недержанием слов». Увы! – и сегодня им грешит немало писателей, и не только удмуртских.

С Петром Черновым мы дружим давно. Встретились не совсем обычно – на факультете журналистики Московского университета где-то году в 54-м. Он шел в учебе на год младше меня. Начинали оба на редакционно-издательском отделении, но он вскоре перешел на газетное. И потом: я работал в книжном издательстве, а он начинал в «Комсомольце Удмуртии». Так же, как в МГУ – на одном этаже, теперь в старом Доме печати. Хотя с тех пор прошло немало времени, помню многие газетные статьи и очерки его, особенно (наверное, от своих пристрастий) – литературно-критические статьи и рецензии. Они всегда были остры и остроумны, кратко и метко определяли и достоинства, и слабости и старших писателей, и ровесников.

Такова уж доля критика – далеко не всегда нравится то, что он пишет, тому, о ком пишет. Пошли упреки: критиковать, мол, всяк может, а вот попробуй сам создать что-нибудь стоящее. И Чернов клоннул на эту удочку: начал писать рассказы, повести.

А тут еще он взялся за возрождение удмуртской детской газеты «Дась лу!». И решил, что надо детям регулярно (лучше в каждом номере!) давать что-нибудь художественное. Думаю, что он был трижды в этом прав. Но удмуртские писатели не так уж много создавали произведений для детей. Опять журналист берется восполнять пробел. Пока Чернов был редактором «Дась лу!», почти в каждом номере газеты четвертая полоса отдавалась новому произведению детской литературы. Нередко это были произведения самого Чернова, правда, иногда под псевдонимом Ягмурт. Именно тогда создавалась трилогия из повестей «Горький колос», «Волчье логово», «Осень в Вылге», выпущенная впоследствии отдельными книгами на удмуртском и русском языках («Детство Матвея Гондырева» в переводе Заяры Веселой). Опять же сильно упрекали Чернова: он, де, сам себя печатает в им же редактируемой газете. Но ведь он никого

не притеснял, а восполнял то, чего не делали другие. И результат-то получился на славу. Трилогию обсуждали на выездном заседании совета по прозе Союза писателей РСФСР, ее высоко оценили такие мастера современной русской прозы, как Виктор Потанин и Владимир Личутин. Такие уж, казалось бы, мало совместимые с эстетическими принципами Петра Чернова.

Не забуду и одной читательской конференции библиотекарей республики. Как там они говорили о деталях, характеризующих психологию юных героев! Особо отметили пронзительность того момента, как показано отчаяние голодного мальчика военной поры, когда он жалеет, что не сеют, не выращивают лебеду: она бы осталась в деревне, ее не стали бы увозить до последнего зернышка. Это ли не характеризует тяжелое военное время!

Писатель Чернов, его мировоззрение, творческий почерк во многом формировались в наэлектризованной атмосфере «оттепели» 50–60-х годов, когда еще совсем молодой студент находился почти в эпицентре тех событий – факультет располагался через площадь от Кремля. Ему, как и мне, никогда не забыть бурного студенческого движения тех лет. Сколько нового, ранее для нас неведомого раскрылось тогда из жизни общества! Вот где прорезались, выражаясь по-удмуртски, «новые глаза» (выль син), вот где берет начало независимая позиция, вольнодумие писателя. Конечно, мы, выпускники МГУ, приехав в 1958 – 1960 годах в родную Удмуртию с полными корзинами планов и благих намерений, вскоре столкнулись с почти полным непониманием и неприятием наших идей. Если Петр Чернов тогда свою статью о состоянии удмуртской литературы озаглавил «Лучше горькая правда», то против него тут же появилась статья «Лучше просто правда», хотя было уже очевидно, что эта «просто» правда и была горькой. Не скажу, что мы были пай-мальчиками, но и против нас стояла стена «маститых», не такая уж инертная и безобидная.

Тем не менее «новое око» начало прорезываться и у многих наших сверстников, и более молодых. Тут стоит вспомнить хотя бы Флора Васильева, Романа Валишина, Владимира Романова. В долгих спорах мы искали общую истину, нередко ее и находили, становились единомышленниками. Смею думать, что в становлении нового поколения удмуртских литераторов Петр Чернов сыграл не последнюю роль. Хотя тут совершенно невозможно вычленять чье-то на кого-то влияние.

Удмуртскую литературу с давних пор упрекают в преимущественном освещении жизни села и невнимании к городу, к рабочему классу. Трудно выдержать и Чернову подобную «классовую» критику. Но я бы не торопился видеть в этом обстоятельстве недостаток писателя. Да, Чернова больше всего волнуют судьбы современной удмуртской деревни, судьбы «корней» своего народа. И эти корни, не-

сомненно, вросли в землю, в деревню. Но среди героев книг Чернова и мальчик-школьник, и не нашедшая своего пути (ох, не по своей вине!) малограмотная женщина, и руководитель хозяйства, и доктор наук, и писатель. Но, что характерно, – все они болеют одной неизлечимой болезнью – заботой о судьбе своего народа.

Еще работая на радио и телевидении, Чернов-журналист делал интересные передачи о тех удмуртах, которые так или иначе переселились в город. Это были материалы о конкретных судьбах конкретных людей. Семей. Исподволь создавал журналист-писатель и очерковую книгу о родной для него Алнашской земле. Она издана под названием «Отчая земля» («Атай музьем»). В то же время создал цикл повестей – художественное исследование судеб талантливых людей, не очень-то благополучно устроенных на этой земле. Эта книга названа на удмуртском языке «Дор», переведена на русский язык – «Отчее гнездовье» (перевел Анатолий Демьянов). Мне представляются эти повести – из глубин авторской души извлеченной болью. В каждой из них говорится о нашей (в том числе автора и героя) ответственности и за судьбу друга, и за умирающую деревню. Доктор геолого-минералогических наук после долгой разлуки возвращается в родную деревню и, встретив ее разрушенной, быстро уезжает; талантливый юноша погибает, так и не найдя своего места в этой жизни; профессор-хирург встречает свою неудачную первую любовь в ее несчастье.

Можно сказать, что излюбленный жанр Чернова – маленькая повесть. Маленькая, но емкая. И повествование в ней обычно ведется в русле традиционного реализма, без особых интригующих фабульных ухищрений.

В этой же манере создан и роман «От весны до осени», увидевший свет сначала частями в журнале «Молот», начиная с 1984 года, а затем изданный отдельной книгой в 1988 году.

В удмуртской критике повелось так, что появление крупного жанра подчеркивается особо – чуть ли не в каждом случае роман признается воплощением особого этапа в творчестве писателя, особым достижением литературы. Помнится даже, когда один крупный руководитель, первый секретарь обкома КПСС, публично похлопывая известного лирика Флора Васильева по плечу, поговаривал; «Ты пишешь хорошие стихи, пора бы уже братья за романы». Словом, пиши романы, ты всегда будешь в почете.

Чернов же взялся за роман отнюдь не из этих соображений. Я предполагаю, что для него настала потребность подвести некоторые предварительные итоги творчества.

Как-то недавно на одной творческой встрече один из литераторов назвал роман Чернова самым перестроечным произведением. Хотя очень лестно именоваться так, писатель, однако, создавал произведение в самые что ни на есть застойные времена: сказал уже, что публиковаться

начал в 1984 году. Очевидно, дело не просто в сроках непосредственного создания романа (конечно, писатель никак не может не видеть, какое нынче тысячелетие на дворе), а больше в том, чем автор постоянно живет, какими заботами, болями. Мне кажется, что роман «От весны до осени» обобщил все то, что Чернов задолго до того изучал по отдельности. Нет, совсем не хочу сказать, что он хоть в какой-то мере повторил здесь ранее созданное. Нет. Это совсем не так. Хотя судьбы персонажей в чем-то схожи с судьбами героев повестей и очерков, это судьбы разных людей.

Высказывалось, между прочим, и такое мнение, что в романе недостаточно занимательной интриги. Думаю, что это правда. Если, к примеру, сравнить его фабулу с фабулой детективной или авантюрной. Но ведь и мысли, и чувства главного героя и автора здесь мало предполагают к развлекательности и завлекательности. О художнике надо судить по законам, им же созданным, – так, помнится, говорил великий Пушкин. А создал Петр Чернов книгу-размышление, роман-исповедь, хотя и от третьего лица. Исповедь о нелегком пути своего поколения.

Собственно «нынешнее» действие романа проходит в течение небольшого промежутка времени: с весны, когда писатель Тугаев приезжает в родные края, и до осени, когда он умирает. И главный герой в романе один – он, Тугаев. Но это в то же время и повествование «от весны (от той единственной первой любви) – до осени» (до смертельно тяжелой встречи в немолодом возрасте с той же несостоявшейся любовью), о жизни главного героя. Хотя и герой жил не сам по себе: его, журналиста и писателя, интересовали и дела совхоза-техникума, и судьбы родной литературы, да и всего народа. В той или иной степени самостоятельно от Тугаева живут и Жакы, и директор совхоза-техникума Мадьяров, и литератор Гиреев, и супруги Брянские.

Сюжет этого честного романа получился трагическим: на главного героя ваяются тяготы в таком количестве, что его большое сердце не выдерживает. Он умирает в пору не такой уж глубокой своей осени: ему всего-то пятьдесят с небольшим лет. Умирает, так по-родственному и не встретив тянувшегося к нему, дотоле неизвестного для него сына. Не знаю, на кого как, но на меня каждое чтение романа Чернова навеивает мысли отнюдь не бодрячески-оптимистические. Думаю, что это от трезвого взгляда писателя на нашу непростую действительность.

О творчестве Петра Чернова нынче говорят. Говорят разное. И такое, в частности: что у него язык (удмуртский) тяжеловат для восприятия. Наверно, и в этом утверждении есть правда. Особенно, если это утверждает человек, вообще мало читающий. Если читатель слишком привык к «языковому пятачку». Если он привык обходиться одной или двумя сотнями слов, слов изношенных и расхожих. Но писатель старается поглубже выражать свои мысли и чувства. Ему недостаточен стертый набор слов. Он поднимает глубинные пласты народной выразительности,

использует полузабытые и малоупотребительные народные слова. Так он обогащает и свою лексику. Так он расширяет и возможности современного удмуртского литературного языка. И я уверен, тот, кто внимательно читает текст Чернова, кто в нем ищет не только развлечений, тот обязательно его понимает. Если не с первого раза, то при повторном чтении. При чтении новых произведений его.

С полной убежденностью говорю, что Петр Чернов – один из самых серьезных удмуртских прозаиков. Может быть, самый. Со своим видением мира, со своей твердой жизненной позицией.

Да, о нем спорят. Его воспринимают неодинаково. А, быть может, это и есть признак настоящего писателя...

Петр Чернов: штрихи к портрету писателя

// Удмуртская правда. – 1990. – 4 декабря;

Петр Чернов: штрихи к портрету писателя

// Заметки нестороннего. Статьи, рецензии об удмуртской литературе. – Ижевск: Инвожо. – 2005. – С. 137–143.

НЕОБХОДИМЫЕ СЕГОДНЯШНЕМУ ДНЮ ПОВЕСТИ

Проза Петра Чернова в современной удмуртской литературе не только занимает заметное место, без нее теперь просто невозможно представить ее дальнейшее развитие. Чернов внес в удмуртскую прозу сильную новую струю, характеризующуюся острым публицистическим ощущением боли за судьбу каждого человека, каких-то взаимосвязанных групп, односельчан, наконец, своего народа в наш бурный и отнюдь неоднозначно развивающийся век. И в развитии психологической прозы повести «Дор», «Казак воргорон», «Отем куно», «Кыклэн огез» явились дальнейшим, еще более высоким этапом после трилогии о Матвее Гондыреве. В исследовании характера, психологии современника прозаик идет вглубь. Поэтому издание повестей на русском языке вполне оправдано и, более того – актуально, неотложно необходимо, их нужно включить в общесоюзный многонациональный литературный процесс. И уверен, в общесоюзном литературном процессе они не затеряются, а сделают, пусть и небольшое, но свое дело.

В повестях исследованы герои и судьбы разные. Здесь и довольно типичная и завидная личная судьба Василия Николаевича Пислегова, выбившегося из крестьянских детей в доктора наук, испытывающего между тем истинную горечь ответственности за исчезающую маленькую, но родную деревню – отчее гнездовье, и какая-то нелепая, в чем-то трагиче-

ская жизнь «вольного казака» Павла-Пали Камитова, долго не находившего своего места в жизни, и запоздалая встреча прославленного врача Юберова с первой, несложившейся любовью, его чувство какой-то неясной (поди тут, разберись, кто больше виноват) вины за ее потерю, и вопиющая боль ответственности взрослого за воспитание тех, кто только еще вступает на многотрудную стезю трудовой жизни.

И все это – самые что ни на есть современные, острые, насущные проблемы, проблемы «человеческого фактора». И вместе с тем это конкретная, жизненная, художественная постановка жгучих проблем на материале самых разных слоев удмуртского народа. Этот конкретный национальный момент (не только «колорит») присутствует в каждом произведении Петра Чернова, проникает в самую сердцевину поднятых проблем. Хотя писатель всякий раз остерегается давать готовые решения, рецепты, призывает читателя вместе с ним искать эти решения, очень много внимания обращает на нюансы человеческих отношений; его авторская позиция по принципиальным вопросам предельно ясна и даже публицистична. Вот почему, в первую очередь, издание повестей необходимо сегодняшнему дню.

Невысока была бы цена злободневности без должного художественного уровня произведений. И здесь дело обстоит благополучно: проза Петра Чернова на уровне высших достижений современной удмуртской литературы. Следовательно, в таком случае главная задача рецензента – оценка качества переводов на русский язык.

Самый лучший из представленных и, пожалуй, наиболее художественно адекватный перевод – это перевод «Дор» – «Отчее гнездовье». Здесь переводчику удалось попасть, как говорится, в самую жилу. Перевод этот отнюдь не буквальный, но поэтический, лиричный. Эта тональность наиболее подходит для выражения авторской элегической позиции Петра Чернова. Хотя переводчик не следует за автором оригинала буквально отвлекающие от развития сюжета, но углубляющие показ ностальгии главного героя), с такой интерпретацией произведения вполне можно согласиться.

У меня по этой повести сомнения вызывают лишь те удмуртские слова, которые одновременно обозначают степень родства персонажей и являются знаками уважительного обращения к старшим. Вот на стр. 5 и дальше мать Василия Николаевича названа «Пелагей кенак». Правильно, окружающие младшие (но не ее дети) так называли ее. Но ведь вся повесть написана, хоть и не совсем прямо от первого лица, но по сути как бы от имени главного героя, является его несобственной прямой речью. Автор одновременно на все смотрит и своими, и героя глазами. Поэтому получается, как будто сын свою мать называет «кенак» – тетя. Думаю, что от такого явления надо избавляться. На стр. 12 и далее встречаем «Катъырна

кенак», «Шакта агай». Опять же они для Василия приходятся не кенак и агай, а «чужкенак» и «чужмурт». Поскольку для русского читателя это уж вообще непонятно (поди-ка объясни), считаю, что лучше их везде называть тетя и дядя.

Может быть, стоило бы подумать о переводе названия повести. Видимому, слово «дор» непереводаемо: это и отчий дом, и малая родина, да в каких-то случаях и большая Родина. Уж очень емкое слово. «Гнездовье» все-таки не передает такой емкой многозначности. Но и замену «отчему гнездовью» предложить не могу. Поэтому, если автор и переводчик не найдут ничего лучше, можно и так оставить. Но менее приемлемо, пожалуй, выражение «язык отчих гнездовий», которое встречается в тексте. Метафоры тут не получается, получается нечто не то географическое, не то биологическое. Уж, по-моему, лучше просто – родной язык.

Значительно меньше мне понравился перевод повести «Казак воргорон» – «Вольный казак». Хотя переводчик, особенно во второй части, почти что буквально следует подстрочнику, но везде как-то выправляет автора так, что переводит на среднерусский, среднелитературный язык, с газетным уклоном. К этому языку придирается трудно, все как будто в нем в норме, но уж все уныло и бесцветно. От авторского своеобразия почти ничего не остается. Порой рассказчик или повествователь (повесть написана от первого лица) начинает походить на очень довольного своей карьерой чинушу. В речь его вкраплены канцелярские штампы типа «сельские жители», «застыли, как мумии» (откуда это у «сельских жителей?»), «добившись одним трудолюбием известного благополучия», «классические литературные герои», «со своей нынешней точки зрения», «пылкие проявления материнства», «в этой ситуации», «был в курсе дел» и т. д. Пусть во всей рукописи этих явных закниженных выражений не так много, но они тянут произведение в сторону неумелого пересказа. Да еще герой-рассказчик получается довольно чванливым, к месту и не к месту упоминает о своей «министерской» работе, о «малом министерстве», хотя, кажется, сам служит отнюдь не министром или его заместителем, а всего лишь какой-то спицей в колеснице министерства. Так все это отдаляет переводного рассказчика от рассказчика в удмуртском оригинале, что, несмотря на совпадение большинства других фактов в биографии, начинаешь сомневаться: да один и тот же ли это герой? Ведь у Чернова в удмуртской повести и говорит-то он по человечески, задумчиво и образно, и совсем не кичится своей «министерской» работой (лишь где-то в конце, по необходимости упоминает, что работает в министерстве).

Не оправданы и вмешательства переводчика в сюжет произведения. Вот, например, рассказчик у Чернова нечаянно видит Палю и Онись выходящими из-за стога соломы. В переводе этот эпизод заменен тем, что они в обнимку идут по полю. Можно бы считать, что переводчик захотел видеть отношения молодых чистыми, романтическими. Но, во-первых,

автор и не намекает, что они в соломе невесть чем занимались. Тут уж каждый, как говорится, понимает в меру своей испорченности. Во-вторых, переводчик вводит от себя сцену встречи повествователя с Онись на ночной улице и вкладывает в уста девушки полные грязных намеков слова, которые никак не увязываются ни с индивидуальным, ни с национальным характером Онись («Если уж тебе так пришло, я приду тебе девушку... А сумеешь понравиться, и сама пойду...»). Да поведение девушки ничем и не объяснимо, парень ведь ни к кому не приставал, а сам по себе гулял. К чему такие фривольности с текстом и героиней? Неужели уж Онись такая развращенная?

Не представляется мне оправданным и добавление в начале повести, где погибший Паля будто бы в чем-то упрекает рассказчика – своего друга. Зачем эти нравоучительные гвозди? Ведь автор повести на всем протяжении произведения и без того дает понять о душевных переживаниях героя, о его раздумьях, о неясной вине перед погибшим другом. К тому же все нововведения переводчика по сути пересказываются в несколько иной форме в эпилоге.

Думаю, переводчику и автору нужно бы поработать над улучшением перевода, лучше бы приблизить перевод к оригиналу и по сюжету, и по языку.

Повесть «Отем куно» – «Запоздалая гостья» переведена ровно и довольно близко к оригиналу, если не считать купюры, вызванные, очевидно, опять-таки благими желаниями сохранить целомудренность героя в молодом и пожилом возрасте. Думается, что с такой трактовкой повести можно согласиться. Язык переводчика тоже не вызывает особых возражений, хотя чувствуется тяга переводчика к усредненности. Попадают слишком книжные или канцелярские выражения типа: «распорядиться по собственному желанию», «выступая о нем», «пишущей братии», «обо всем судят лихо, с налету», «кленовый лист «разглаживался ею», «лесопосадки, лесопитомники», хотя из контекста и без этих «лесо-» ясно, что это за посадки и питомники. Еще думается, что, когда учился Юберов, об НТР едва ли говорили, да и при прогулке в лесопарке с любимой девушкой едва ли это слово на ум придет (стр. 31/159). Но эти погрешности языка в небольшом количестве встречаются в первой половине рукописи и от них избавиться нетрудно.

Хочу отметить одну небольшую путаницу, возникшую в результате исправления переводчиком автора. В переводе говорится, что из-за своей принципиальности Юберов решил принять Татьяну с ее дочерью последними, хотя по тяжести заболевания следовало бы первыми. Но затем все-таки оказывается, что после них он принимал еще многих, пока Татьяна увозила дочь на квартиру и опять вернулась в больницу. Наверное, лучше убрать рассуждения врача о том, что примет их последними.

Поскольку перевод повести, как указано в конце рукописи, авторизован (т. е. автор одобрил его), рецензент не имеет возражения против опубликования перевода с некоторыми поправками.

Повесть «Кыклэн оgez» – «Или – или...» написана в ином ключе, чем предыдущие. Если в тех преобладал психологический анализ, то в этой преобладает фабульность. И события в ней располагаются в хронологической последовательности. Хотя главный герой повести – школьник, но повесть не детская. Главная ее идея связана с ответственностью взрослых (учителей, родителей, колхозных руководителей) за трудовое и нравственное воспитание детей. Именно этой нравственной проблемой она приближается к другим трем повестям, объединенным в одном сборнике.

Перевод повести сделан добротнo. Мне не удалось обнаружить каких-либо отклонений от оригинала. Лишь несколько смущает, когда называют сыновей тети Чучыбей «чучыбеями». Мне кажется, это неточно и непонятно русскому слуху. Да и удмуртскому тоже. Также, по-моему, правильнее писать названия деревень Изошурйыл, Марйыл через й, а не через ь. В остальном перевод меня удовлетворяет.

Думается, переводы повестей заслуживают того, чтобы их готовить к изданию. Более других доработки требует перевод «Вольный казак». Но и он небезнадежен, при серьезном подходе переводчика можно его улучшить.

(Из семейного архива).

О ПЕРЕВОДЕ ПОВЕСТИ ПЕТРА ЧЕРНОВА «ВОЛЬНЫЙ КАЗАК» НА РУССКИЙ ЯЗЫК (ПЕРЕВОДЧИК АНАТОЛИЙ ДЕМЬЯНОВ)

Мне довелось читать два перевода повести Петра Чернова «Вольный казак».

Предыдущий перевод я оценил как неудовлетворительный. Перевод Анатолия Демьянова мне представляется вполне удовлетворительным. Его стиль соответствует стилистике оригинала повести.

Тем не менее хотелось бы большего приближения к оригиналу, имея в виду издание повести в книге «Дор». Мне показалось излишним в ряде случаев стремление переводчика обязательно «разжевать» сказанное автором короче и целомудреннее. В частности, это относится к сцене на телеге с ящиком для перевозки зерна («Дор», с. 107 – рукопись, с. 52): «Взгляд ее был материален, он молил, звал, было в нем что-то повелительное и просящее, жалкое одновременно». Автор не ставит так четко все точки над и, и Анисья не оказывается в оригинале в такой степени похотливой. Нет у автора и ее слов: «Ну же!», высканных «не словом, а скорее вздохом». И эти слова почти повторены на с. 57. Мне не понятно, почему в этом переводе появилась сцена встречи «после ки-

ношки в клубе» (Ох, уж эти выражения чисто городских юнцов!), где Анисья зло говорит Грише: «Если уж так приспичело, подыщем мы тебе одиночку под стать, согласен? А если хочешь, я и сама пойду» (с. 58–59). Такой встречи в удмуртском печатном тексте нет. Да и не нужна она. Прав сам же переводчик, внося в текст от себя следующие слова: «Один из великих мимоходом заметил: человек, находящий сладость в скабрзных суждениях о женщине, грязнее того, кто рассказывает самое скабрзье». Так что не надо вносить в повесть ни этого суждения, ни самой скабрзи.

Пожалуй, не надо и вскользь брошенных ссылок на литературу и цитат, демонстрирующих лишь эрудицию переводчика, но совсем не органичных для героя. Мне кажется лишней и последняя, 117-я страница с рассуждениями о палэсмурте. Все это лишь «выпрямляет» идею произведения, поданную автором более тонко.

Думаю, что доработка перевода, направленная к большей лапидарности изложения, к приближению к оригиналу, необходима и возможна без большого перелопачивания текста, с соблюдением чувства меры. Вывод же мой однозначен: перевод надо издавать.

(Из семейного архива).

НАЦИОНАЛЬНОЕ – ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ В ЛИТЕРАТУРЕ И В ЖИЗНИ

Проблемы национального и интернационального в литературе и в жизни в наши дни стали весьма актуальны. События последних лет в Якутии, Казахстане, в Нагорном Карабахе, в прибалтийских республиках свидетельствуют именно об этом.

Если еще совсем недавно бодро утверждали, что национальный вопрос у нас в стране раз и навсегда решен, то теперь оказалось, что болезни, связанные с национализмом и интернационализмом, мы просто загоняли вглубь, делая вид, что их не существует. Стало явно, что на каждом этапе развития общества они встают новыми и новыми гранями. И граней этих много.

Мне хочется остановиться лишь на некоторых, на мой взгляд, наиболее нерешенных, может быть, и теоретически. Допускаю, что это так представляется только мне. Но меня эти вопросы давно волнуют. Поэтому и решил вынести свои суждения на ваш суд, дорогие читатели. Надеюсь, если ошибаюсь, по-дружески меня поправите, переубедите.

Очевидно, от меня ожидали академического, литературоведческого разбора созданных нашими писателями образов представителей других народов, не удмуртов. Этот путь в нашей работе возможен, и лите-

ратуроведы в своих выступлениях этим путем обычно и идут. Но мне кажется, что в нашей литературе с отображением представителей разных национальностей более или менее нормально. По крайней мере, я не усматриваю, чтобы какие-то писатели-удмурты презрительно изображали русских, татар или лиц иных национальностей, или наши русские авторы высмеивали бы удмуртов. Прямо нужно сказать: подобных осознанных проповедей национальной исключительности в нашей литературе я не усматриваю. Разве что имеется некоторая «экзотизация», что ли, образов татар, башкир, скажем, языковая. Но не высмеивание, а смакование разговорных акцентов при весьма даже добром отношении к самим носителям этой речи. Я имею в виду такие образы, как Сабит в дилогии Г. Красильникова, как некоторые образы повести «Над Камой гремит гроза» С. Самсонова. Я привожу лишь всем знакомые примеры, отнюдь не намереваясь ругать авторов. Нет, для этого оснований нет. Просто хочу сказать, что наше время требует иного уровня освоения инонационального материала, более серьезного, более углубленного. Но об этом речь впереди.

В последнее время мне не нравится позиция многих наших журналистов из центральных органов информации, особенно радио и телевидения. Очень уж часто братья-журналисты стали восторгаться тем, что рабочие и крестьяне, трудясь вместе с представителями другой национальности, не интересуются их национальной принадлежностью (заявлениями такого типа: «нам все равно, какой он национальности, мы этим не интересуемся»). Глубоко убежден, что это явление как раз не должно вызывать ни у кого восторга. Это просто одна из форм проявления национального нигилизма. К этому мы пришли в результате длительного процесса денационализации. Денационализированное население теперь у нас – в большом количестве. Но оно оказалось сродни перекаати-полю, без корней, без традиций, без истории, без своей выношенной культуры. Именно эта денационализированная прослойка и оказалась благодатной почвой для впитывания всякой вненациональной, американизированной массовой культуры, поп-искусства – как хотите называйте. Святое место пусто не бывает. Не осталось национальных корней, пустота заполняется и роком, и абсурдом. Принцип «меня не интересует» ведь прямо смыкается с другим принципом – «моя хата с краю».

Нужно, с одной стороны, культивировать стремление к наиболее глубокому познанию истории, культуры, традиций своей национальности, а с другой – удмуртов, скажем, лучше знакомить с историей, культурой, традициями русских, татар, марийцев, мордвы, башкир, чувашей, а те народы – с жизнью удмуртов. А незнание друг друга, тем более нежелание знать, невежество ни в коей мере не решают межнациональных проблем, только усугубляют их. Когда я слышу хвастовство наплевательским отношением к национальным особенностям как своим, так и друзей, вспоминаю манкуртов из произведения Чингиза Айтматова, которые

ничего не знают и ничего из прошлого не почитают. Мне импонирует мнение на этот счет академика Д. С. Лихачева. Он писал: «...выявление национальных особенностей характера, знание их, размышления над историческими обстоятельствами, способствовавшими их созданию, помогают нам понять другие народы. Размышление над этими национальными особенностями имеет общественное значение. Оно очень важно».

И еще. Тот же Дмитрий Сергеевич писал: «Если доминирует в человеке общая настроенность к восприятию чужих культур, то она неизбежно приводит его к ясному осознанию ценности своей собственной» («Откровенно говоря. Заметки писателей о межнациональных отношениях». М., «ХЛ», 1989, с.97–98). Я думаю, что все мы, удмуртские писатели, не дорабатываем в отношении наиболее яркого раскрытия души своего народа, мало, неглубоко мы отражаем и историю, и традиционную нравственность, обычаи удмуртов. Да и язык народа мы успешно усредняем, обезличиваем, оставляем в забвении самые мощные его изобразительные пласты. Язык многих произведений нынче мало отличается от языка газет, через который все больше проникают в наш литературный язык канцеляризм, набившие оскомину штампы. Следует нам всерьез думать о судьбе, об истории нашей литературы. Мы до сих пор восторгаемся тем, что наша удмуртская литература на самой заре своего существования сознательно отказалась от так называемого этнографизма, то есть от отображения реалий быта и нравов народа в старину, от показа национальных традиций. Это, конечно, так. По сравнению, скажем, с мордовской, марийской, чувашской удмуртская литература не стала отображать быт и обычаи своего народа. Она ударились в другую сторону – социологию. И пошли гулять и в прозе, и в поэзии, и еще больше в драматургии фельетонные образы кулака, бедняка – все на одно лицо. Даже в замечательную поэму «Италмас» при переводе на русский язык был введен образ кулака, хотя действие там происходит в незапамятные времена, когда кулаков еще и в помине не было не только у удмуртов, но и у русских. Да и всласть поиздевались в свое время некоторые неистовые ревнители над теми немногочисленными писателями, которые пытались что-то делать для отображения в произведениях национального. Так и появилась статья талантливого в будущем, тогда начинающего писателя Михаила Петрова «Герд – пересь айшончи» («Герд – старый изготовитель айшонов» – удмуртских национальных праздничных (!) головных уборов замужних женщин).

Для подобного издевательства автор поэмы «Айшон» никакого повода не давал. Он только ярко показал тяжелую судьбу бедной женщины-удмуртки, мастерицы, которая шила айшоны для богатых девиц перед их замужеством, а те выдавали чужое мастерство за свое. А бедная мастерица так и умерла в бедности, не имея своего айшона. Ситуация точно такая же,

какая в повести Ф. Кедрова «Катя», герой которой, Сидор, строил для всех в округе добротные дома, но свою семью оставил в развалюхе.

Да, начиная с 30-х годов и до наших дней, стало традицией обвинять в национализме тех, кто уважительно относится к фольклору, к традиционному изобразительному искусству своего народа. Увы, эта «традиция» еще не изжита, нет-нет да еще дает о себе знать. Нет, такой взгляд на историю не работает на интернационализм.

Вот мы и пришли к выводу о необходимости не наплевательского, а любознательного отношения к особенностям как своей, так и иной нации. Я уверен, что писатель должен как можно глубже изучать своих героев, досконально знать и показывать как социальные, так и национальные, индивидуальные их особенности. Это положение равно относится к изображению как своей, так и чужой нации, иных этнических и языковых традиций.

Нет, мне не все равно, какой национальности мой сосед. Я его по настоящему уважать буду, если буду знать все его особенности. Невежественное отношение к его особенностям не является признаком интернационализма. Мне, например, тем наиболее и интересен Чингиз Айтматов, что он одинаково проникновенно показал и киргиза Танабая, и казаха Едигея, и русского Авдия, во всех их сложностях и неоднозначностях. Но мне так же интересен писатель Юстинас Марцинкявичус, который глубоко разрабатывает литовские характеры, мне очень близок и поэт Кайсын Кулиев, который раскрыл душу балкар, их трагическую судьбу.

Мне представляется чудовищной европоцентрическая концепция истории, по которой выходит, что самые «высшие», цивилизованные народы – это романо-германские, потом только уже – на третьем или четвертом месте – славяне (а из славян самые лучшие – русские, на втором-третьем месте – мало- и белорусы), где-то на десятом – финноугры, а уж азиаты и африканцы – те на самой низкой ступени истории. К сожалению, подобная концепция существует не только у фашистов. Мне думается, в той или иной степени вся наша история еще кланяется именно этой концепции, хотя давно уже известно, что китайская, индийская, японская цивилизации куда древнее античности. Вот и появляются и расцветают в нашем отечестве исторические концепции, по которым некоторые ученые всеми правдами и неправдами открещиваются в происхождении того или иного народа от татаро-монголов, хотя опять же историческая наука уже доказала, что в войсках Чингисхана были разные народы, в том числе имеющие древнюю письменность, да и само нашествие было не так уж однозначно, как мы ныне представляем. Да и не зря Александр Невский заключил союз с татаро-монголами против «высокорасных» тевтонов. Потому что с Запада шло на Русь куда большее зло, чем с Востока. Пора бы уже усвоить и нам, что в истории все не так уж прямо-

линейно, что каждый народ имеет и в своем прошлом и добрые традиции, и негативный опыт.

С подачи Рашидова мы долгие годы твердили версию о «втором родном языке» для народов Союза, сознательно забывая, что истинно родной бывает только одна мать, один язык, который усваивается с молоком матери. Да, теперь «интернационализм» великого специалиста по второму родному стал как будто явным, но не тем, который нам нужен; однако формула, кажется, продолжает бытовать.

И вот в Удмуртии нашлись руководители, которые постарались бежать впереди телеги и стали сплошь изгонять из удмуртских школ первый, истинно родной язык: якобы он мешает владению вторым. (В этом деле, конечно, в первую голову виноваты тогдашние министры просвещения известные нам М. В. Горбушин и Е. А. Никифорова.) Ведь даже в Якшур-Бодье были организованы показательные классы, куда из всей России возили деятелей просвещения, чтобы демонстрировать, вот, мол, как хорошо с первого класса отказаться от первого и единственного родного языка, чтобы лучше овладеть вторым. Ничего из этого не вышло. И стали переходить на второй родной со второго класса. А теперь, кажется, уже с детского сада.

Были идеологи отказа от родного языка и рангом повыше министров. Но ведь что характерно, товарищи. Они сами не умели чисто говорить ни на удмуртском, ни на русском. Я же убежден, что знание любого родного языка ни в коей мере не мешает освоению великого русского языка. Убежден, что ни для кого нет никакой необходимости отказываться от своего языка во имя второго. Можно успешно знать и второй, и третий языки, хотя, владея ими совершенно свободно, необязательно считать их хотя бы вторыми или третьими, но родными.

Проблема родного языка, кажется, нынче выходит в первые ряды проблем интернационального воспитания. Становится все явственнее, что, лишая человека родного языка, просто невозможно вырастить интернационалиста. И было глубоко ложным утверждение о якобы необходимости отказа от языка малого народа во имя овладения языком великого.

Не могу обойти молчанием еще один шепетильный вопрос. Мы все помним, какой отвратительный тип удмурта вывел Виктор Астафьев в романе «Царь-рыба». Мы помним, какое бурное возмущение выразили грузинские делегаты VIII съезда писателей СССР, ознакомившись с рассказом того же Виктора Астафьева «Ловля пескарей в Грузии». Вынужден был извиняться перед грузинами старик Гавриил Троепольский за Астафьева. Признаться, я все думал, что не стоит оскорбляться, если твоего сородича выводят в дружественных литературах в не очень приглядном виде. Я был готов понять и Виктора Астафьева. Но вот смотрю встречу авторов и редколлегии журнала «Наш современник» с читателями в Иркутске (передавало Центральное телевидение). И в присутствии и

с молчаливого согласия Виктора Астафьева другой писатель, Валентин Распутин заочно распекает русскоязычного же Анатолия Рыбакова за то, что, де, он в неподобающем свете показывает сибиряков в романе «Дети Арбата». Вот тут уж я думаю: нет, оказывается, не только меня и не только грузин задевает, когда великий поносит твоих сородичей. Оказывается, и сам великий так же оскорбляется, как и невеликий. Правда, я читал «Детей Арбата» и ничего плохого в отображении сибиряков в романе не заметил. Но великому виднее, наверно. Вполне допускаю, что эта рубашка оказалась не столь близкой к моему телу. Но коли уж так, давайте все об этом будем помнить. Национальные чувства – материя очень тонкая. Никому непозволительно ее рвать грубыми руками. Тут всем без исключения нужно набраться уважительного отношения к любой нации.

Мне думается, мы не всегда разумно пользуемся словами «интернационализм», «интернационалист». При всем очень уважительном отношении к солдатам, воевавшим в Афганистане, я не могу понять, почему с ними так крепко связали слово «интернационалист». Я не понимаю и того, почему так называемые клубы интернациональной дружбы занимаются в основном перепиской с иностранцами при почти полном безразличии к тому факту, что чуть ли не в каждой школе учатся дети разных национальностей, и у учащихся знания об этом проявляются в основном лишь в пренебрежительных прозвищах, исходящих из национальной принадлежности того или иного ученика. Я совсем не против международной переписки. Но я думаю, эффект интернационального воспитания был бы значительно выше, если бы в тех же клубах ребята углубленно изучали историю, культуру, традиции тех народов, дети которых учатся в той или иной школе. Это был бы интернационализм на деле, основанный не на невежестве, а на знании.

Проблем интернационального воспитания необъятное количество. Я же остановился лишь на некоторых, таких, которые меня давно волнуют. Думается, они заслуживают того, чтобы о них думал не только я.

Р. С. Этот доклад, как видно из примеров, приведенных в нем, написан и прочитан перед удмуртскими писателями давно. Я даже не помню, в каком году. Нашел вот текст, прочитал – мне показалось, что проблемы актуальны и сегодня. Может быть, встают они даже острее, чем когда был прочитан доклад.

К большому сожалению, «рукописи не сгорают» еще и в том смысле, что поставленные в них когда-то вопросы не устаревают.

19 февраля 1989 года, оказывается, вышла моя статья «Зачем же противопоставлять?» (Читайте ее далее.) Я снова прочел ее и удивился: да воз и ныне там! Единственное, что с тех пор изменилось: национальный музей все-таки обрел достойное место – перешел в бывший арсенал! Да филармония заняла здание дома политпросвещения. Ах, да, Удмуртский театр пере-

именовали в Национальный. Нечто подобное случилось и с названиями музея, библиотеки. Ох, уж это национальное. Исполон веков многонациональная Россия печется о «национальной идее»!

Национальное – интернациональное в литературе и в жизни // Заметки непостороннего. Статьи, рецензии об удмуртской литературе. – Ижевск: Инвожо. – 2005. – С. 148–155.

ЗАЧЕМ ЖЕ ПРОТИВОПОСТАВЛЯТЬ?

В последнее время удивляться чему-либо уже трудно. Но тем не менее напечатанная в «Удмуртской правде» статья народных депутатов СССР А. Ястребова, В. Коробкина, В. Мурашова, С. Данилова, Н. Энгвера «Нецелесообразные наказания», выражаясь их же словами, вызывает чувство недоумения.

Конечно, плохо, если кто-то (кто же именно?) считает нецелесообразным строительство сельских школ и культурных центров. Конечно, достоин возмущения все еще действующий остаточный принцип в финансировании народного образования, культуры и медицины. Но депутаты сами исходят из того же принципа, пытаясь перетягивать те мизерные средства, выделенные на эти отрасли, из стороны в сторону. Этим путем ничего не решишь.

Зачем же противопоставлять базу просвещения и культуры районов попыткам хоть мало-мальски укрепить материальную базу удмуртской национальной культуры в столице республики? Неужели уважаемые народные депутаты не знают, что единственный профессиональный удмуртский театр со дня его создания, с 1931 года, вообще не имел и не имеет своего здания? Что он ютится в полуразрушенном полуподвале, в конференц-зале покинутого руководством республики старого Дома правительства? Неужели дорогим депутатам неизвестно, что Удмуртская госфилармония (включая и прославленный коллектив ансамбля «Италмас») в своем родном городе не имеет никакого концертного зала? Неужели им неизвестно, на каком низком уровне находится культура Ижевска вообще? Как уж можно иронизировать о «дорогостоящих архитектурных шедеврах» (хотя, если уж средства вкладывать, то лучше вкладывать в шедевры!)? Но ведь при всех потугах учреждениям культуры едва ли по силам и карману тягаться с некоторыми монументальными административными сооружениями последних лет. Куда уж до них культуре! Ведь стыдно, что так называемое здание музея изобразительных искусств чуть ли не каждый год закрывается на капитальный ремонт, а «выставочный зал» (вот

где ирония уместна!) Союза художников размещается в части (постоянно затопляемой канализацией) первого этажа жилого дома. Да и краеведческий музей неизвестно, когда откроется после капитального ремонта арсенала. А республиканская научная библиотека давно уже не может разместить в своем здании книжные фонды. Всего этого народные депутаты СССР, избранные в Удмуртии, не знают!

Да тут все проясняется в предпоследнем абзаце их статьи, где авторы говорят об «очагах» (кавычки авторов статьи) национальной культуры. Давайте будем говорить еще яснее: речь идет не об абстрактной «национальной» (разве бывает она вненациональной), а об удмуртской культуре, именем народа которого названа наша республика. Вот против чего ополчились народные депутаты. Они хотят погасить и так еле теплящиеся «очаги» удмуртской профессиональной литературы и искусства.

Да, у нас нынче действительно в столице республики только очаги. А необходимы центры удмуртской культуры. Совершенно не зная положения, пишут депутаты, что «житель района побывает за всю жизнь в лучшем случае один-два раза». Это об Удмуртском театре, в котором, видимо, авторы статьи ни разу не были. Это их дело. Но нельзя же только на этом основании так обобщать! Это же прямая неправда! В Удмуртский театр, как на праздник, ездят не только из районов республик, но и из соседних республик и областей – на автобусах, поездах – целыми большими коллективами. Театр им необходим, как воздух. Хоть бы раз посмотрели депутаты, как проходят удмуртские концерты и встречи с творческими людьми в ДК «Октябрь». Спасибо руководству механического завода и дворца за такое сотрудничество с удмуртской культурой. А то ведь другие ведомственные дворцы за подобные вечера требуют разорительную для маломощных «очагов» арендную плату.

Что стоит филиппика депутатов и против Дома творческих работников, если в него заранее не планируется вносить ни одной копейки из республиканского бюджета, а строиться он будет полностью на централизованные средства творческих союзов и обществ. О каком «филиале» литературного музея идет речь? Разве у нас уже есть основной литературный музей? Его же вообще нет и не было. И этого депутаты не знают.

Удручающе грустно, конечно, когда народные депутаты СССР, представляющие интересы Удмуртии, так некомпетентно, высокомерно относятся к будущему удмуртской культуры. Но ведь не первый это случай. Не забывается, как Н. Энгвер со страниц «Советской Удмуртии» поучал нас, кого из удмуртских литераторов переоценивают, кого недооценивают. Но ведь сам он не читал ни одного произведения удмуртского писателя на языке оригинала!

Обратил внимание, что в том же номере «Удмуртской правды» от 7 декабря, где опубликована статья пяти депутатов, в соседней колонке левее сообщается, что бывшие коллеги Н. Энгвера по физико-

техническому институту отказали ему в доверии – не выдвинули в депутаты Верховного Совета РСФСР. А ведь он (единственный!) сейчас представляет удмуртский народ в Совете Национальностей Верховного Совета СССР! Не могу забыть и выступление А. Ястребова по удмуртскому радио, где он так менторски, высокомерно ратовал за обрусение удмуртов. Боже мой, кто только не учит мой народ, как жить!

Любое профессиональное искусство разбрасывать по селам и весям нельзя. Для его развития всегда нужна концентрация талантов. Где же их собирать, если не в столице автономной республики? Именно в Ижевске должен быть центр всей удмуртской культуры. Больше нигде.

Ну, а где же взять средства на культурное строительство? Их уже нашел народный депутат А. Ястребов. Выступая на 13-й сессии Верховного Совета Удмуртской АССР, он обратил внимание на явный несуразный факт: когда в стране сокращается промышленное строительство, наша республика намечает повышение его объема на 16 процентов. Как будто наша республика и так не перенасыщена промышленностью. Соразмерить свое русло в общесоюзном процессе промстроительства – вот вам средства на все школы и районные очаги культуры. С избытком хватит.

Попытка пяти народных депутатов СССР свертывать культурное строительство в Ижевске – свидетельство некомпетентности в национальном вопросе, вопиющее пренебрежение интересами развития удмуртского народа.

Зачем же противостоять? // Удмуртская правда. – 1989. – 19 декабря;

Зачем же противостоять? // Заметки неопостороннего.

Статьи, рецензии об удмуртской литературе. – Ижевск:

Инвожо. – 2005. – С. 155–158.

ВСЯ ЖИЗНЬ – ПОДВИГ

В этом году Филиппу Кедрову исполнилось бы семьдесят. А ему не было и тридцати пяти. В памяти современников, на фотографиях он так и остался молодым, задорным, жизнерадостным. И осталась его пылкая поэзия, полная любви к новой жизни, к преображенной советской действительности, к труду в новых условиях.

Для Кедрова восторженное отношение к жизни было выношенным, выстраданным. Родился он в удмуртской крестьянской семье в Алнашах, сызмала с лихвой испытал горя. Отец и землю пахал, и был неплохим мастером-плотником, работал, не жалея сил. Многим он по-

ставил дома в окрестных деревнях. Но тяжкий недуг подкосил его. Мать с тремя малышами – старшему было двенадцать – осталась в маленькой покосившейся избенке. Без каких-либо запасов, без средств. И эта боль потом выльется в стихах Кедрова. В лирической поэме «Этой жизни» читаем мы воспоминания, как вчетвером они сеяли весной:

Соха тупая землю роет так,

Как только свиньи могут

в ней копаться.

И страшно нам, что лошадь,

сделав шаг,

Уже с коленей может не подняться.

И лихолетья первой мировой, и огонь гражданской войны, прошедший и по родине Кедрова, – все это опалило чуткое сердце будущего поэта, и это сердце рано почувало еще слабые побегии нового.

Как бы ни было тяжело, Филипп начал учиться – сначала в родном селе, потом в Можгинском педагогическом техникуме. Здесь и пробудились ростки творческой энергии поэта, которые буйно потом расцвели.

Кедров прожил немного. И ни одного дня он не был тем, кого мы теперь называем профессиональным писателем. Большую часть времени он отдавал другому поприщу: сначала был учителем, потом – журналистом, затем стал военным. И везде трудился с полной отдачей сил. К каждой работе относился с огромной любовью. Как проникновенно он писал о пользе учебы, как сокровенно относился к воинскому долгу. Это видно из его стихотворений.

Каждое стихотворение Филиппа Кедрова весьма прозрачно отражает факт биографии поэта. Поэтому, может быть, по отношению к его поэзии не применимо понятие «лирический герой». Оно отдалило бы стихи от их автора. Тогда бы, наверно, труднее было почувствовать слитность, единство поэта и гражданина Кедрова. А самая сильная сторона лирики поэта, по-моему, именно в этой «автобиографичности» и вытекающей из нее открытой публицистичности.

Филипп Кедров не успел создать толстых книг. Он нам оставил стихи, поэмы, небольшую повесть «Катя», пьесу. Но разве количеством написанного измеришь значение поэта? Чем измерить вес стихотворения, если оно состоит всего из нескольких строк, но в нем – жар души? Если через эти строчки прорывается и истинная боль, и истинная любовь, непоколебимая верность Родине, матери? Именно это характерно для всего творчества Филиппа Кедрова – то, что мы называем высоким словом: патриотизм.

Да, Кедров был патриотом в поэзии и в жизни, благодарным ей – за себя, за свою судьбу, за судьбу своего народа. Вся жизнь поэта нам

представляется единым подвигом. Мужественно встретил Кедров Великую Отечественную войну, будучи уже кадровым офицером. С первых дней войны он на фронте. Попав в окружение, сражается в партизанском отряде. И в таких трудных условиях он пишет повесть «Лес шумит», рукопись которой, к великому нашему сожалению, утеряна.

Стихотворения Филиппа Кедрова, присланные с поля боя, звучат клятвой верности перед родными, перед Родиной. Поэт без колебания сдержал эту высокую клятву. 13 февраля 1944 года капитан Кедров поднял роту в атаку и сам повел солдат вперед. Но тут вражеская пуля оборвала его жизнь, пробила сердце поэта. Это было под городом Витебском. За свой последний воинский подвиг Филипп Григорьевич Кедров был посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени. Это был третий боевой орден писателя, гражданина, солдата.

А за несколько дней перед тем поэт послал домой письмо и в этом же конверте – стихи, написанные на русском языке. Пусть они непосредственно обращены к жене, к сыну, пусть они, быть может, не так совершенны, но в них – тот же порыв души, что и в других произведениях поэта. Личность его монолитна.

Поэт погиб. И эта весть болью и гордостью за героя отозвалась в сердцах его друзей – удмуртских поэтов. Михаил Петров посвятил памяти Кедрова поэму «Песня не умрет».

Произведения Филиппа Кедрова, как его лирика, так и повесть «Катя», заняли достойное место в удмуртской литературе.

Вся жизнь – подвиг // Та улонлы = Этой жизни : кылбуръёс = стихи / Ф. Г. Кедров ; пер. с удмурт. Г. Иванцова. – Ижевск : Удмуртия, 1979. – С. 5–12;

Вся жизнь – подвиг // Алнашский колхозник. – 1979. – 13 июня.

И ДУША С ДУШОЮ ГОВОРIT

Человеку хочется выразить себя. Наступает год, день, час, миг, когда он не может больше жить, как прежде, так переполняется его душа: у кого светлыми чувствами и настроениями, у кого черными. Так уходят одни в загулы и буйства, в разъезды-скитанья и небытие, в разные тайные пороки (впрочем, в наше время пороки перестали быть тайными, им предаются откровенно и прилюдно). Другие, переполненные, погружаются в творчество, в высокие духовные состояния. Одно из них – поэзия.

Александр Сергеевичу Ворончихину судьба дала дорогой дар – открытый и внутренне потаенный, для всех вокруг и для своей души:

дар выразить себя в поэзии. В его стихах – вера в Божий промысел, глубина чувств, проникновенность мысли, искренность перед собой и перед людьми. Его стихи простые, как камешки на побережье моря, на обочине дороги, береза в лесу, песня на улице города; они и таинственные, как шаги во тьме, звезды в туманном небе, шорох полускрытого травяного ручейка, песня соловья в лесной чаще... Стихи из самой глубины души, из сути нелегко прожитой жизни, из познания непознаваемого, из мелодии от сердца человека к сердцу матери-земли, матери-природы, матери-родины.

Надо вчитаться в эти стихи зрящим оком, вслушаться тонким слухом, вникнуть чуткой душой. И откроется их потаенный и выстрадаанный, в обретенной надежде мир. И протянется серебряная ниточка любви от космической дали, от религиозно-мистического к сердцу читателя – через сердце поэта.

У Александра Сергеевича Ворончихина читать надо даже не стихи, как таковые, а их подтекст. Открывается сборник стихотворением о семеричности, о столь значимом издревле в народе числе семь:

Седьмым я родился,
Седьмым я уйду,
Давно у обрыва
Стою на краю...

Может показаться, что это стихи о смерти, об обреченности человека. Но это кажущееся на первый, поверхностный слух. Нет, стихи оптимистичны и жизнеутверждающи: ведь так дано много каждому человеку от Бога, перед каждым седьмым шестеро, каждому свой срок и черед, и в свой временной и пространственный отрезок, пока впереди шестеро, можно успеть сделать безграничное. Необязательно родиться седьмым ребенком в семье; твои семь «я» всегда с тобой, твои «семь пятей во лбу» готовы служить тебе, если осознаешь их и поймешь их цену. Тогда сумеешь понять тайну семицветья радуги, семи струн гитары, семи чудес света... всего числа семь, жизни, смерти и бессмертия.

Итак, седьмой ребенок в семье Ворончихиных Александр родился 1 августа 1941 года. Впрочем, это лишь ныне существующая официальная дата. Родители рассказывали ему, что произошло это событие перед самой войной – Великой Отечественной, в июне. И назвали его тогда иначе – Эдуард. Но документы оформлял старик-почтальон, который забыл и день рождения и имя ребенка, потом в честь дяди новорожденного назвал его Александром и перенес день рождения на более поздний. Так что в школе наш поэт был Эдуардом, а с института, как положено по документам, стал Александром.

Отец его Сергей Федорович Ворончихин учительствовал, мать работала по дому, трудилась, не покладая рук, ибо содержать большую

семью, девять детей, было непросто. Однако неустанный труд давал результаты: материально жили неплохо; имели корову, поросенка, куриц, обрабатывали большой огород. Запомнилась Эдуарду-Александрю удивлявшая его кличка коровы – Борзая. Может, она его заставила впервые задуматься о соответствии формы и содержания. Да еще довелось ему в детстве прочитать про одного философа (недавно выяснил, что это был Спенсер), который, живя летом в деревне, чтобы пробудить в детях фермеров любознательность, задает им разные вопросы, требующие наблюдательности и догадливости.

Еще одно из первых воспоминаний Александра. На чердаке заброшенного дома он с товарищем обнаружил уйму старых вещей: там и прялка, и туески, и разная посуда. Кто-то этими вещами пользовался, кто-то держал их в руках. Казалось, эти люди и сейчас рядом, около своих вещей. Ощущение присутствия отбывших в другое место или в другой мир было живым. Хотя, конечно, объяснить это чувствование тогда ребенок не мог.

И опять всколыхнулась неведомым душа, когда он увидел заброшенную школу в деревне Сазаново, в которой жили прежде. Собственный дом отец Александра построил лишь в 1956 году, до того своего угла не имел. Дело в том, что дед Александра по отцовской линии Федор Демьянович Ворончихин был раскулачен, сослан и загублен.

У отца, Сергея Федоровича, было сильно развито чувство достоинства, острого неприятия любой несправедливости. Крестьяне часто обращались к нему за помощью в написании жалоб, различного рода просьб. Писал он грамотно, доказательно, и, что удивительно, многие ответы оказывались положительными. Не случайно на его похоронах один из крестьян сказал: «Ты был для нас и юристом, и экономистом, и попом, и учителем». Сколько нужно было основательности, внутренней доброжелательности, чтобы заслужить любовь и уважение обездоленных крестьян.

Несправедливость и Александра преследовала всю жизнь. Естественно, было и сопротивление ей, иногда умение перехитрить ее... А невзгоды догоняли, догоняли... И тянулись размышления: о проблемах своего и не своего существования, о жизни окружающей и несостоявшейся, о судьбах и надеждах; многим из его надежд, увы, не суждено было сбыться.

Книги! Они были его друзьями всегда. Читать научился рано. Своя библиотека была дома, хорошая библиотека оказалась в школе деревни Сазаново, где семья жила с 1947 г. Читал в основном классику. К примеру, Джека Лондона в пятнадцати томах прочитал в возрасте четырнадцати лет, Федора Достоевского и Льва Толстого чуть позже освоил. Много знал удмуртских народных сказок, много читал старых

подшивок газет и журналов, черпая из них всевозможную информацию, заставлявшую задумываться и сопоставлять события и явления. Читая книгу или интересную журнальную статью, Александр вступал в своеобразное общение с авторами. Это, как он потом понял, помогло ему рано познать самого себя. Отец часто повторял ему, что без приобщения к мировой культуре невозможно понять и культуру своего народа. И это действительно так. Сейчас Александр Сергеевич оценивает удмуртскую поэзию сквозь призму мирового опыта. И, право, это чувствуется в его стихах.

Все мы вышли из детства. Из детства в Александре чувство юмора и некая критическая черта: подметить неточности и ошибки, смешное в пересказе событий. Вспоминает он эпизод. В школу (это была уже Люкская школа) приехала молоденькая учительница. Она спросила встретившегося ей подростка, как можно дойти до деревни – в двух-трех километрах от села. Он объяснил, что дойти можно разными путями, один из них через Балезино (через противоположную сторону). На следующий день директор школы А. П. Волков, сочувственно выслушав жалобы учительницы, подтвердил, что можно дойти до деревни и через Балезино. И добавил, уже Александру: «Даешь, философ!» Это первый человек назвал Александра Ворончихина философом. И он стал философом профессиональным.

Сразу же после окончания вуза Александр Сергеевич Ворончихин был оставлен на кафедре философии и научного коммунизма для подготовки кандидатской диссертации и преподавательской работы. Пять лет ушло на чтение философской литературы. А в 1973 году его направили на стажировку в МГУ. В то время кафедрой диалектического материализма философского факультета заведовал А. Я. Ильин, бурят по национальности, хороший специалист и человек добрейшей души. Под его руководством, а также при содействии академика В. А. Афанасьева Александр Сергеевич Ворончихин защитил свою диссертацию в январе 1975 года.

Специального литературного образования у Александра Сергеевича нет, как впрочем и у многих поэтов. Да и интерес к созданию стихов у него возник относительно поздно. На втором курсе института он написал с десяток стихов, – к сожалению, не сохранились. Уже потом, через двадцать пять лет, он открыл для себя Анну Ахматову. Ее и считает своим литературным учителем.

Жизнь и смерть. Эти две темы звучат в стихах Александра Ворончихина. Это две философские категории. И философу, и поэту необходимо думать не только о жизни, но и о смерти. Только памятуя о ней, можно особенно остро ощутить жизнь, ее проявления. Эта мысль Сер-

гея Есенина, тоже любимого Александром Сергеевичем, близка его духу.

В некоторых стихах А. С. Ворончихина проходит идея неотвратимого повтора – в истории народов, в жизни людей. Это тоже философская категория. Дело в том, что во многих философских системах существует представление о периодическом, в простейшем случае – циклическом характере человеческой истории с возвратом к исходному пункту. Пифагорийцы Древней Греции утверждали: существует «мировой год» (10800 лет), по истечении которого все явления возвращаются в исходное состояние. У других народов «мировой год» больше или меньше, но идея одна – возврат на круги своя. И мы снова возвращаемся к стихотворению:

Седьмым я родился,
Седьмым я уйду,
Давно у обрыва
Стою на краю.

Оно о том, что отдельная судьба, жизнь человека – миг в истории народа, миг перед шагом в неизвестное. И сделать в этот миг надо все, что можешь, все, что тебе доступно. Александру Сергеевичу оказывается доступным многое. Языком философии он разговаривает с довольно широким кругом студентов. Языком поэзии он разговаривает с необозримым числом читателей. А языком души он разговаривает с природой. Еще и такой дар у Александра Сергеевича. Он слышит живые голоса природы, ее деревьев. Вот переходная ночь к 1997 году. А. С. Ворончихин с одним из своих друзей провел ее в лесу. Разговаривали о своей жизни, наблюдали жизнь леса, слушали мир вокруг. И услышал Александр Сергеевич зов о помощи от старой липы. Ах, как красивы липы в округе Ижевска. Эта молила убрать ее старое тело, задавившее деток – три молодые липки. Потом он пришел сюда с топором, семь часов тяжело работал, но липки освободил. Много дней проводит поэт в лесу, откликаясь на лесные голоса и делая, что может.

А. С. Ворончихин слышит голос и человеческой боли и страдания. И помогает страждущим по мере сил. Таких людей называют народными целителями.

Философ, поэт, целитель – они и сознательно, и на бессознательном уровне питаются духовным опытом своего народа. Чем он выше и богаче, тем более высок накал творческого и духовного горения. Не случайны поэтому у А. С. Ворончихина стихи-раздумья о своем народе, удмуртском народе, о его месте и роли среди других народов, о его предназначении, его душе.

Они созвучны: душа народа и душа его поэта. Теперь, когда мы возвращаемся к религиозности, мы знаем, откуда в человеке душа. Но

никто пока не знает, откуда берется, как возникает талант – большой или маленький. Это непознанное, наверное, как и душа, от другой непознанной огромной категории – от Бога.

*И душа с душою говорит // А. С. Ворончихин. Седьмым я родился.
Ижевск : «Тодон», 1997. – С. 3–10.*

ОГНЯ В ИЗБЫТКЕ МОЛОДОГО...

Первый сборник Степана Широбокова вышел в 1945 году и назывался «На поле битвы». Лирика поэта обрела свой голос именно в годы войны. Не потому ли в каждом стихе Широбоков проводит резкую грань между добром и злом, между своими и чужими. «Два брата», «Давние мечты» – поэмы, эпический жанр. Они известны удмуртскому и русскому читателю. Известны драмы «Чукдор» («У волка своя тропа»), комедия «Если нет любви», написана повесть «Песня дорогу находит». Поэт показал свое умение в разных жанрах. Но что бы ни писал Степан Широбоков, он везде остается лириком прежде всего. И, может быть, поэтому каждая песня, написанная поэтом, попадает в руки композитора и окрыляется хорошей музыкой, а после долго летает над удмуртскими селами, звонким резонансом отзываясь в душе и молодых и старых.

Широбоков – прежде всего поэт чувства, эмоции. Это заметно и в стихотворении «Россия», и в элегии «Золотая осень», с которой, пожалуй, знакомы все наши читатели.

В последние годы у поэта стало больше раздумий о жизни, о сделанном за жизнь и не сделанном. Он спорит с годами, борется с грустью:

Еще в душе, поверь на слово,
Не гаснут песни и мечты,
Огня в избытке молодого, –
Эх, если б, осень, звала ты!..

Знакомые чувства. Но не рано ли Степану Павловичу об этом так драматично думать? Действительно же, у него «огня в избытке молодого». И любовь читателя, и признание; звание «Народный поэт Удмуртии». Но таков уж у него характер – не успокаиваться тем, что есть. Это недовольство собой и дает нам право надеяться, что Степан Павлович Широбоков создаст еще немало хороших произведений.

*Огня в избытке молодого... //
Комсомолец Удмуртии. – 1968. – 23 января*

«ХРАНИТ СТИХОТВОРНЫЙ НАСТОЙ...»

Стихи идут в редакцию каждый день.

«Я очень люблю стихи и даже пытаюсь сам в какой-то степени овладеть техникой их сложения», – пишет Толя Илемков из Ижевска,

«Я работаю на стройке и люблю свою профессию. В минуты досуга я увлекаюсь стихотворениями и немного, для себя пока, пишу сам», – вторит ему Юрий Мясников. Впервые прислали свои произведения также Саша Чумаков, Л. Лопатина, Валерий Косяков, Геля Солнцева, Маина Подкина, Е. Иванов.

Отрадно, что почти все авторы не только просто грамотны, но и неплохо разбираются в технике стиха.

Еще больше радует тот факт, что большинство авторов берет за святые для нас темы об Отчизне, о партии, о комсомоле, о родном крае, даже нередко довольно серьезные раздумья о времени и о себе. Вот только перечень нескольких названий: «Отчизна», «Тебе, комсомол», «Партия» (А. Илемков), «О мире» (А. Чумаков), «Тебе, мое поколение» (Л. Лопатина), «Вечная молодость» (Геля Солнцева). Эти темы очень трудны для поэтов, особенно для начинающих... Пожалуй, лучше других справился с поэтическим решением темы Родины пятнадцатилетний Валерий Косяков. В его стихотворении «Я люблю твой любовный, задумчивый шепот...» есть душевное, теплое, даже несколько интимное чувство, выраженное не шаблонно, правда, немного по-лермонтовски и по-есенински. Есть у Валерия неточно употребленные слова (например, в первой строфе три раза без надобности повторяется «любовь», или об Отчизне он говорит: «Я фигуру твою в небесах узнаю»). Но это «детская болезнь», общая для многих начинающих, и она преодолима, если внимательнее относиться к языку. К сожалению, другим авторам патриотические стихи не удалась. Они сбились или на стиль оды XVIII века:

Тебе, о славная Отчизна,

Несут хвалу из века в век

(А. Илемков. «Отчизна»), –

или вообще не нашли образных средств и срифмовали предложение, подходящие по стилю только для обычных статей:

Мы – люди, жаждущие мира,

Мы не хотим руин войны...

(А. Чумаков. «О мире»).

В таких случаях техника версификации не спасает, стихи остаются холодными, умозрительными, они не задевают никаких струн в душе читателя.

Разговор о любви к Родине, о судьбах поколения трудно вести без воспевания той малой родины, которая ограничена чертой села или города. Молодые стихотворцы Г. Коротков, В. Богданов, В. Пушкарев очень теплые строки посвятили Ижевску, А. Печерских – родному заводу. Отчий край по-своему прославляет Б. Напольских из Сюзунского района. Но, к сожалению, в этих стихах не хватает обобщающей поэтической идеи, ярких образов.

Довольно большую группу составляют стихи с раздумьями о жизни, о времени и о себе. Главная мысль в них благородна – стремление за свою жизнь сделать как можно больше для советского народа:

Люди, люди, к работе жадные,

Мне б характер ваш волевой.

В планы важные и сверхважные

Вы уходите с головой.

Пожалуй, эти строки А. Новокрещенова можно бы поставить эпиграфом к стихам и Гели Солнцевой, и Ю. Мясникова, и В. Осокина, и В. Копысова, и В. Шутова. Эта же по сути мысль сквозит в «Сельском клубе» С. Ушакова и в «Свадьбе» Л. Стрелкова, хотя они посвящены отдыху и празднику. И слабость у них у всех одинаковая – недостаточное внимание к слову. Покажем это лишь на одном примере. С. Ушаков пишет:

На пригорке средь деревни

Здоровенный стоит дом.

Пляски, музыка и песни

Каждый вечер в доме том.

Эпитет «здоровенный» имеет эмоциональную окраску, выражает некое пренебрежительное отношение к предмету, усиленное указанием «среди» вместо «в середине», что совсем не подходит к обрисовке сельского клуба. Поэтому весь образ уже рассыпается.

Отсутствие четкой поэтической идеи, во имя которой пишет автор, всегда ведет к нечеткости, к расплывчатости образа. Этот порок характерен для неплохого в общем стихотворения Л. Лопатиной «Тебе, мое поколение», и для вещей В. Никитина, совсем других по содержанию: «Ты, какая-то не такая...» и «Ты, девчонка милая, чудная...» В них чувствуется жажда романтических открытий, но позиции авторов совсем не ясны, Отсюда и длинноты у Л. Лопатиной.

В редакционной почте обширным циклом представлено творчество студента Вячеслава Захарова из Глазова. Он владеет техникой, есть в его стихах романтичность, приподнятость. Чувствуется, что автор живет стихом, везде ему чудится мелодия стиха: «Каждое дерево имеет свой стих, каждый камень на мостовой, и ветер, что только на время стих, хранит стихотворный настой...» и т. д. Тема поэзии присутствует в каждой его вещи, присланной в редакцию. Особенно это заметно в «Весне»,

«Есенинском стихе», в «Андерсене». Этот чудный, сказочный мир поэзии целиком захлестывает автора, вместе с его лирическим героем, он ходит, «запутавшись в грезах». Это, разумеется, хорошо для начала – жить стихом. Но плохо то, что этот мир пока очень узок и очень в нем чувствуется настоя литературщины. В стихах совсем не ощущается дыхание сегодняшней жизни, хотя автор и пытается сделать связь с современностью в стихотворении «Этюд», но совсем неудачно, без связи с основным содержанием.

Думается, что и привлекательные стороны романтической поэзии В. Захарова и ее слабости типичны для многих молодых авторов. Узость же поэтического мира будет преодолена с приобретением жизненного опыта.

Теперь о так называемой «узкой лирике», лирике пейзажной и любовной. Она на этот раз в нашей почте представлена небольшим количеством стихотворений. Это «Осеннее» В. Казанцева, «Пробуждение» Г. Камашева, «Осень» Л. Микейкиной, «Под стук колес» В. Пушкарева и несколько стихотворений В. Барановой из Сарапула. Пожалуй, самое удачное из них – «Осеннее» В. Казанцева. В нем есть и настроение, и картина:

Быстрокрылой стаей
С перекликом дружным
Птицы улетают
В направленьи южном.
Ты с тревожным чувством
Машешь им рукою.
И немножко грустно
Нам без них с тобою.

Это конец стихотворения. В нем лишь несколько чужеродно выбивается из стиля слово «в направленьи». И в целом произведение длинновато, предыдущие восемь строк ничего для создания поэтического образа не дают.

В небольшом обзоре не удастся разобрать каждое стихотворение. Но мы попытались показать общие достоинства и недостатки в произведениях многих авторов. И невозможно еще угадать, какие из названных в статье стихотворцев станут поэтами, а какие оставят творчество; но, наверняка, они всю жизнь будут дружить с поэзией. А это уже хорошо, если человек: чувствует поэтический образ, пусть он создан не им, а другим, хорошим поэтом.

*«Хранит стихотворный настрой» //
Комсомолец Удмуртии. – 1966. – 18 октября*

Ашалычи Оки сегодня, 4 апреля 1978 года – восемьдесят лет. Ашалычи Оки написала лишь одну книгу стихотворений. Да и та небольшая. Да и выпущена давно – книга «У дороги» впервые была опубликована в 1925 году. Но спросите у современного читателя: «Знают ли они Ашалычи Ока?» И стар, и млад ответят: «Да». Ее не забыли у нас, в Удмуртии. Да не только у нас. О поэзии Ашалычи Оки пишут многие русские писатели, венгерские и французские ученые. Домокош Петер из Венгрии пишет: «Там в каждой строчке – лирика, и в наше время ни один удмуртский поэт не превзошел ее».

Акилина (Лина) Григорьевна Векшина родилась в деревне Кузубаево Граховского района. Нелегко тогда жилось в крестьянских семьях. Но отец Векшиных позаботился, чтобы его дети научились читать, писать. В двухклассной земской школе в селе Грахово училась и Акилина. Одна среди русских. На первых порах тяжело ей доставалось: не знала ни одного русского слова. Потом она догнала своих сверстников и поехала учиться дальше – в центральную удмуртскую школу, которую открыл К. А. Андреев в деревне Карлыган. Здесь учиться стало легче. Здесь на своем языке читали и писали. Здесь готовили будущих учителей.

Шестнадцатилетняя девушка стала учительницей. Работала в деревне Кушкет (сейчас она входят в Татарию, недалеко от Карлыгана). Здесь встретила революцию, гражданскую войну.

После образования Советской власти, когда утихла гражданская война, Лина поступает в Казанский университет, учится сначала на рабфаке, потом на медицинском факультете. С 1928 года она начинает работать в Юкаменском районе, лечит людей от глазных болезней. Вскоре переезжает в Алнаши.

Началась Великая Отечественная война. Лина Григорьевна – с первых дней на фронте, в полевом госпитале. Кругом рвутся снаряды, а военврач А. Г. Векшина оперирует раненых... И так до окончания войны.

После войны она снова в Алнашах. Не найдешь, наверное, дома, в котором не бывала бы Лина Григорьевна. Если в нашей, Удмуртской республике раньше, чем в соседних республиках, была уничтожена трахома – в этом немалая заслуга врача Векшиной. За это ей присвоили почетное звание – «Заслуженный врач Удмуртской АССР».

Поэтесса и врач, и в той, и в другой области она – всегда впереди.

Еще в Грахове молодая девушка полюбила русскую классическую литературу. Наизусть знала многие стихотворения А. С. Пушкина и

С. А. Есенина. После революции она впервые увидела удмуртскую газету, напечатанные там удмуртские стихотворения. Великое уважение к классической поэзии и к песням своего народа дали толчок к тому, что Лина стала сама сочинять стихотворения.

Для выражения своей боли и радости она находила самые нужные слова из разговоров, из песен народа. Тем самым смогла раскрыть глубокие мысли и чаяния многих женщин-удмурток. Поэтому ее стихотворения, будто сами по себе, «журчат как ручейки, поют как соловьи...».

Что же пелось в них? Красота родной земли, вера в лучшее будущее, борьба с грязным в прошлом, чистая любовь... Ее стихотворения звали всех удмуртских девушек выше поднять свою честь, освободиться от давившего на них с давних времен гнета «болезни» – стыда раскрыть свои мысли. Да, в 20-е годы нужно было бороться за равные права женщин с мужчинами, чтобы претворялись в жизнь законы Советской власти. Поэтому стихотворения Ашальчи Оки, посвященные, казалось бы, камерному чувству – любви, имели большое гражданское звучание. Поэтому они нашли широкую дорогу в жизнь.

После вышедшего в 1925 году сборника «У дороги» Ашальчи Оки уже не писала. В 1968 году ее стихотворения снова напечатаны в книге «Мон тодам ваисько» («Воспоминания»). И эту книгу теперь уже трудно найти – разве что в библиотеках. Любят ее читатели.

С 1956 года Ашальчи Оки снова начала писать. «Задумала написать повесть... о своей жизни. О жизни в медицине и литературе». С большим воодушевлением работала Ашальчи Оки над книгой. Готовила к изданию отрывками.

За маленькие рассказы она взялась еще в 1918 году. Их публиковали в газете «Гудыри» и других, в журнале «Кенеш». Некоторые из них снова напечатаны в 1958 году в журнале «Молот», в 1968 году в газете «Дась лу!», в книге «Гудыръян дыръя» («Во время грозы»), в хрестоматии «Шуныт зор» («Теплый дождь»). Многие найдены после смерти писательницы, в ее архиве.

У Ашальчи Оки были большие планы. В одном ее письме читаем: «Какие чудесные времена настали...» Но ослабло здоровье поэтессы. В 1973 году поэтесса Ашальчи Оки (врач Лина Григорьевна Векшина) скончалась. Но имя ее вечно будет жить среди нас.

Вечно будет жить среди нас // Алнашский колхозник. – 1978. – 4 апреля

В средних школах нашей республики началось изучение произведений удмуртской литературы. В программу десятого класса включены романы «Тяжкое иго» Кедр Митрея и «Старый Мултан» Михаила Петрова.

Первый удмуртский роман «Тяжкое иго» – одно из лучших произведений удмуртской литературы двадцатых годов. Благодаря этому произведению, переведенному на русский язык и вышедшему в 1932 году в Москве, советский читатель получил возможность глубже познакомиться с историей и культурой удмуртов.

Второй роман – «Старый Мултан» М. Петрова – свидетельствует о серьезном развитии удмуртской прозы в дальнейший период, о зрелости и мастерстве автора, создавшего его. Изданный неоднократно на русском языке, роман вызвал самые теплые, взволнованные отклики читателей.

Вполне понятно, что введение этих двух романов в программу десятых классов является закономерным и весьма отрадным фактом. И не менее отрадно, что вслед за этим событием вышло в свет пособие: Н. М. Михайловская. Учебное пособие для средних школ Удмуртской АССР. Удмуртское книжное издательство, Ижевск, 1950, – помогающее учителю литературы лучше организовать изучение этих произведений в средней школе, полнее донести их глубокий идейный смысл до учащихся.

Автор пособия – кандидат филологических наук Н. М. Михайловская сумела в сравнительно небольшом по размеру печатном труде довольно подробно и верно разобрать оба романа. В книге содержится ценный методический материал для использования на уроках, даются указания, как целесообразнее построить изучение произведений удмуртских писателей. Пособие, таким образом, сочетает в себе элементы методики преподавания и литературоведения. Это как раз то, что сейчас так необходимо преподавателям.

Книга Н. М. Михайловской ценна и тем, что в ней приводятся биографии писателей, называются их основные произведения, определяются ведущие темы их творчества.

После такой вступительной части автор кратко характеризует историческую обстановку, нашедшую отражение в романах. Этот экскурс в историю нам представляется вполне оправданным, так как он позволяет оценить правдивость, реалистичность произведений.

Далее автор начинает разбор произведений (этот план одинаков как при разборе «Тяжкого ига», так и при рассмотрении «Старого Мултана»). Романы проанализированы подробно, по всем необходимым для

средней школы понятиям теории литературы (тема, композиция, сюжет, система образов, приемы их раскрытия, идейное содержание, художественное своеобразие). В книге характеризуются почти все персонажи произведений.

Н. М. Михайловская проделала немалую работу по изучению романов. Приводимые в книге примеры изобразительных средств, которыми пользуются писатели, и замечания автора пособия весьма интересны. Одобрения заслуживает и раскрытие П. М. Михайловской некоторых приемов создания характеров в романах.

Глубокий и всесторонний разбор произведений, содержащийся в пособии, несомненно, поможет учителю лучше ориентироваться в материале. Помощь ему окажут и приводимые в книге списки литературно-критических статей и рецензий, ссылки на некоторые работы (например, «Очерки истории удмуртской советской литературы» и «Очерки истории Удмуртской АССР»).

Но, отмечая достоинства пособия, нельзя обойти молчанием и его недостатки. Не вдаваясь в мелочи, которые читатель сам, очевидно, заметит, остановимся лишь на существенных, на наш взгляд, недочетах книги. Прежде всего бросается в глаза излишняя дробность разбора художественных произведений, в результате чего теряется представление о цельности романов. У автора все разложено по полочкам: вот, де, экспозиция, вот завязка, вот кульминация. Такой подход обедняет представление о художественном произведении. Ведь речь идет о сложных, многоплановых романах с несколькими сюжетными линиями.

Возьмем «Тяжкое иго». Мне кажется, главная сюжетная линия романа – это отношение между народом, с одной стороны, и властями, церковью – с другой. Это «сюжетные линии социального плана», если придерживаться терминологии Н. М. Михайловской. Они переплетаются с линиями «семейно-бытовыми».

Поскольку сюжетных линий в романе несколько, то несколько, стало быть, и их развитий. Следовательно, несколько и завязок, развязок, кульминаций. Автор же пытается найти одну завязку, одну кульминацию, одну развязку. Но остаться последовательным ему так и не удается. Картина сходки у церкви («Тяжкое иго») названа завязкой романа. Несколько страниц спустя мы встречаем такое предложение: «Эпизод ареста **завязывает** узел сложной, хотя и стихийной борьбы Дангыра против поработителей» (выделено мной. – А. Е.). Выходит, что это вторая завязка.

Кроме того, Н. М. Михайловская рассматривает романы К. Митрея и М. Петрова без должной связи со временем их создания. Ведь «Тяжкое иго» и «Старый Мултан» вышли в свет на разных этапах развития удмуртской прозы. Если этого не учитывать, то становится непонятным, почему, при наличии крупных недостатков «Тяжкого ига», перечислен-

ных на стр. 29–30 рецензируемого пособия, роман Кедр Митрея считается одним из лучших в удмуртской литературе.

Автор стремится сформулировать идею произведения буквально одной фразой. О «Тяжком иге», например, говорится: «Идея романа – показ борьбы за свободу и независимость, утверждение национальной и классовой солидарности народных масс». В этом определении теряется весь антирелигиозный пафос романа.

В одной из статей (см. «Кылбурет удысын», 1934, № 6, стр. 18) Кедр Митрей писал, что толчком для создания романа послужила архивная рукопись, «при чтении которой предстали перед глазами черные дела миссионеров». Отбросив этот момент из идейного содержания романа, автор пособия уводит нас от более глубокого и правильного толкования произведения.

Н. М. Михайловская обходит вопрос о типичности главных героев «Тяжкого ига», очевидно, считая его само собой разрешенным, поскольку роман ею назван произведением социалистического реализма. Мне же представляется, что Дангыр и Дыдык – характеры не типичные, а исключительные.

В книге Н. М. Михайловской слабо раскрыто национальное своеобразие романов, имеются и другие недостатки. В целом же выпуск учебного пособия в помощь учителю, предпринятый Удмуртским книжным издательством, следует считать делом полезным и нужным.

Пособие для учителя // Удмуртская правда. – 1959. – 17 октября

О ТОМ, ЧТО НАБОЛЕЛО

Все уже у нас привыкли к тому, что поэзия – это один из самых современных, боевых видов искусства, всегда откликается на значительные события в жизни страны и мира. И нынешняя поэтическая почта «Комсомольца Удмуртии» – живое тому свидетельство. В ней большое место занимают стихи молодых авторов, только-только пробующих перо. На этот раз – почти все стихи гражданственны, значительны по тематике. Ф. Тукмачев (Воткинск), А. Семенов, А. Нуреев, Р. Юсупов, Р. Галяутдинов, И. Флейшер (Ижевск), А. Егоров (Приморье) взволнованно и горячо пишут о комсомоле, чье славное пятидесятилетие недавно отметила страна.

Многие из них оговариваются, что творения их не гладки, не подходят под правила стихосложения. Несомненно, поэту необходимо знать все приемы стихосложения. Но, кроме всего прочего, он должен

сказать читателю что-то новое, до него несказанное. Сказать так, как может сказать только он. К сожалению, у этих авторов нет такой новизны.

Думается, не нашел точного образа и В. Захаров из Глазова в стихах, посвященных Любове Шевцовой. Губы, рожденные «другие губы целовать», фашисты жгут керосином – таков смысл стихов. Картина создана несколько натуралистично, и поэтому героизма не чувствуется. Форма, поэтический прием не соответствуют идее, не помогают раскрыть ее.

Нечто подобное случилось и со стихотворением «Нет!» студента Глазовского пединститута В. Чиркова. Автор горячо выступает против тех, кто пытается зажечь новую войну. Но первые же строки нас поражают:

Нет вobelисках биения сердца!
Глыбы гранита навеки мертвы.
Матери мыслью никак не согреться,
Не склонить ей седой головы!

Прочитав эти строки, все стихотворение, можно подумать, что ни к чему намobeliski и все то, что наш народ делает для увековечения памяти погибших за Родину. А ведь автор хотел добиться совсем другого! Мы знаем, что памятники имеют огромное значение для живых, и матери часто склоняют перед ними седые головы.

Неплохим ответом тому, что получилось у В. Чиркова, могло бы послужить стихотворение Ю. Горицкого (г. Воткинск) «Неизвестному солдату».

Теперь к тебе идут со всех концов,

Одесса, Брест, Литва и Украина, – пишет молодой автор, обращаясь к известному памятнику в Александровском саду около Кремлевской стены. Но тот же Ю. Горицкий написал стихотворение «Ненавижу войну». Оно очень сильно перекликается по своему настрою и неточному звучанию со стихотворением В. Чиркова.

Видимо, осечки случаются с литераторами тогда, когда они берутся за темы, которые не очень-то выношены. Более точные слова находят люди, когда пишут о своей службе, труде. Вот А. Егоров служит в Приморье, Ю. Огнев – на Камчатке. Они – наши земляки. Один пишет о том, как мать провожает сына в солдаты, другой – о танкере, который должен был доставить почту, но из-за шторма не может подойти к причалу.

Мы ждали почту, засыпая,
На вахте думали о ней.
Светлело море, затихая, –
Глаза теплели у парней.

Так же оригинально, тепло может показать близкий ему сельский труд механизатор Якшур-Бодьинского района Григорий Копысов. Вот как романтично, с пафосом пишет он о комбайнерах:

В ту страну, где рожь была высокая,
В ту страну у дальнего леска,
Умчалась команда синеокая
На ревуших, сказочных «СК».

Большинство стихотворений нынешней поэтической почты «Комсомольца Удмуртии» радуют теплотой строчек, хотя и небольшими поэтическими находками молодых авторов. Можно сказать, что часть пишущих все же найдет свою тропинку в многотрудной стране поэзии. В связи с этим мне хотелось бы сказать о пути, совершенно бесперспективном. Я имею в виду стихотворение Н. Рязанова «Ижевский завод». Здесь каждая строчка идет от литературных штампов:

Там, где пруд золотыми огнями
будоражит кудрявый восход,
где плотина шумит тополями,
есть в Ижевске отличный завод, –

в таких вот выражениях утопает все стихотворение. В нем нет ни одного свежего образа, выношенного душой слова. Поэтому и не создается представления об «отличном заводе». По такому же пути пошел и Ф. Байбородов (г. Глазов).

К счастью, люди все больше начинают писать о том, что у них наболело. Это касается и гражданской лирики, и лирики пейзажной, и любовной. Теперь все чаще затрудняешься разделить стихи на эти условные тематические группы. Свидетельство тому – «пейзажные стихи» Юрия Горицкого и Тани Щиновой (Ижевск). Идет ли речь о ландышах или о зиме, везде чувствуется человек, более того – гражданин.

В газетном обзоре нет возможности подробно разбирать все достоинства и недостатки каждого стихотворения. Молодым авторам самим следует побольше читать стихов талантливых мастеров и специальную литературу о «секретах» поэзии. И навсегда отбросить мысль о гладкости творчества и легкости создания хороших произведений.

О том, что наболело // Комсомолец Удмуртии. – 1968. – 12 декабря

ИЗ ПРОЗРАЧНОГО РОДНИКА ПОЭЗИИ

Среди поэтических дебютов семидесятых годов в удмуртской поэзии стихи Татьяны Черновой занимают важное место. Хотя опубликовано еще не так много произведений, они почти всегда при появлении

I

на страницах республиканской периодики вызывают интерес, обращают на себя внимание и удмуртских читателей, и поэтов, и критиков.

Лирика Черновой очень светла, прозрачна, хотя порой состоит из затейливых словесных узоров. Бывают в ней и грустные нотки, чаще тогда, когда лирический герой вспоминает прошедшее детство, родные места. Но радость жизни всегда побеждает, не оставляет места унынию.

Долгое время мы чуть ли не высшим мерилом считали в удмуртской поэзии продолжение песенной традиции. И правда, многие значительные поэты исходили именно из народно-песенных истоков (такие, например, поэты, как Михаил Петров, Игнатий Гаврилов, Николай Байтеряков). Мне думается, Татьяна Чернова развивает литературные традиции лирической поэзии, традиции «говорного» стиха, на поприще которого успешно работал Флор Васильев. Мне совсем не хотелось бы эти стихии поэзии противопоставлять одну другой, хочу просто отметить их параллельное существование, подчеркнуть, что Татьяна Чернова представляет в новой, молодой удмуртской поэзии направление «говорное». От этого и происходят многие особенности ее творчества, характер отражения жизни.

Теперь мы имеем уже первый сборник стихов поэтессы на родном языке – книжку «Тыныд тодмотэм кыр[анэ]» («Песня, незнакомая тебе»). Думается, эта маленькая книга дышит ароматом настоящей поэзии.

Хочется отметить широту интересов, активную гражданскую позицию молодой поэтессы. Она смело воплощает в стихах серьезные раздумья о нашем непростом веке, о добре и зле в их сегодняшних проявлениях.

Кто следит за творческим ростом Татьяны Черновой, не может не заметить, что ее поступь на стезе поэзии становится все более уверенной. Хотелось бы, чтобы встречи на страницах печати стали еще более регулярными и приносящими радость читателям. Хотелось бы, чтобы и переводчики пристальнее следили за творчеством молодых и бережно относились к нему, знакомя с ним русских читателей.

*Из прозрачного родника поэзии //
Комсомолец Удмуртии. – 1982. – 10 апреля.*

Совсем недавно, читая одно сочинение относительно молодого литературоведа-преподавателя, я наткнулся на вопрос, приготовленный для неискушенных учеников: «Думаете ли вы, что для оценки художественного произведения его надо читать обязательно на языке оригинала? Или достаточно хорошего перевода?» Вопрос меня, уже искушенного читателя, изумил.

Я не знаю сколько-нибудь художественно грамотного человека, который бы не хотел с толком, с расстановкой, в оригинале, то есть на том языке, на котором они создавались первоначально, читать сонеты Шекспира, стихи и песни Бернса, Беранже, Гете или Гейне, японские хокку и танки. Но, увы! Очень небольшому количеству людей дано знать много языков, да так, чтобы до тонкостей понимать высокохудожественные произведения. Да, у меня нет никакого сомнения, что поэзию лучше бы читать и воспринимать в оригинале, что в переводе она уже – результат творчества по крайней мере двух творцов – автора и переводчика.

Тем не менее приходится жить в реальности и читать многие шедевры мировой литературы в переводах.

Помнится, великий аварский поэт Расул Гамзатов в книге «Мой Дагестан» сравнил перевод художественного произведения с переносом дома с одного места на другое. Да, при разборке дома что-то ломается, бьется. При возведении его на другом месте что-то приходится менять, обновлять. И новая местность не бывает совсем такой, как старая. И смотреть на тот же дом приходится на новом фоне. С этим приходится считаться. Ну, и языки далеко не одинаковы. Скажем, если по-русски говорят «скатертью дорога» – это отнюдь не доброе пожелание. А вот у удмуртов слова почти те же: «Пусть дорога твоя будет гладкой». Но это самое доброе пожелание. А такие несоответствия в разных языках – чуть ли не на каждом шагу. Вот и выходит, что нельзя переводить произведение на другой язык слово в слово. Приходится искать другую точность, нередко теряя какие-то оттенки оригинала.

II

Тем не менее отличные переводы существуют, и значение их в понимании души другого народа, иноязычного писателя велико. Велико оно и во взаимном духовном обогащении народов, в духовном обогащении читателей.

Литературное наследие известного удмуртского поэта Флора Васильева, кроме оригиналов, существует и в разных переводах на рус-

ский язык. Флора Васильева переводили на русский язык многие поэты. Бралась за это дело и те, которые до Васильева никого из других поэтов не переводили. «В первый раз в жизни я не удержался от соблазна переводить, хотя никогда не чувствовал в себе склонности, да и способности заниматься этим тонким и высоким ремеслом», – писал Степан Щипачев и перевел двенадцать стихотворений удмуртского поэта для сборника «Единственное». Он еще добавил: «Стихи Флора Васильева почти всегда просветлены мыслью».

Переводили Флора Васильева и те поэты, которые по возрасту и опыту годились ему в отцы (тот же Степан Щипачев), и ровесники, и поэты значительно моложе его самого. Весьма немало поэтов находили для себя привлекательное в удмуртских стихах поэта.

III

Честно говоря, слава поэта пришла к Флору Васильеву от русских поэтов и русских читателей.

Случилось так, что многие старшие удмуртские поэты, и ровесники, и также критики молодого поэта просто не приняли всерьез. А после того, как он стал печататься в центральной и различной провинциальной русской печати, стали распространять слухи, что Васильев сам пишет слабо, но его интересным делают переводчики.

Автору и знающим его творчество трудно было мириться с подобным извращенным мнением. Поэтому, несмотря на обилие хороших и разных русских переводчиков, Флор Васильев брался переводить свои стихи и сам.

IV

Удмуртская литература относительно молода. Она гораздо моложе, скажем, русской и татарской.

Поэзия у всех народов первоначально бывает связанной с народной песней, с песенной мелодией. Только постепенно, по мере собственного развития, она отпочковывается от музыки. Только впоследствии, самостоятельно развиваясь, она обретает разговорную и ораторскую интонацию, обогащаясь приемами пословиц, поговорок и иной речевой паремии.

Таким же общим путем начала развиваться и удмуртская поэзия. Первые профессиональные стихи редко выходили за песенную мелодичную стихию. Эта стихия почти полностью охватывает поэзию Ашалычи Оки. Однако Кузубай Герд уже широко воспринял достижения русской и мировой поэзии. У него мы найдем стихи и песенного, и разговорного, и ораторского звучания (особенно в последнем прижизненном сборнике «Лёгетъёс» – «Ступени», 1931). Вслед за Гердом поэзию ораторской интонации пытались создавать Александр Эрик, Иван Дядюков, Прокопий Чайников. Но они, к сожалению, не достигли тех высот, которых достиг Маяковский. В немалой степени, видимо, оратор-

ской поэзии сопротивлялся и сам удмуртский язык, его более спокойно-интимный характер. Удмуртский язык, думается, мало приспособлен для ораторства.

В результате получилось, что удмуртская поэзия на протяжении десятилетий развивалась в основном по стезе песенно-мелодийной стихии. И до последнего времени у нас можно встретить суждения и поэтов, и критиков, и литературоведов в том духе: на слова имярек сложено много песен – он, значит, лучший поэт.

Нет, я отнюдь не против поэзии песенного строя. Просто она равноценна поэзии и разговорной, и ораторской. Я против особой хвалы поэтов-песенников.

На слова Флора Васильева удмуртские композиторы песен сложили немного. Геннадий Матвеев музыку писал в основном на его тексты, специально написанные поэтом для песен. Другие композиторы сами выискивали его патетические, «воспевающие» стихи. И особую категорию составляют песни, сочиненные не на удмуртские оригиналы стихов, а на их русские переводы.

V

На творчество Флора Васильева обратили внимание не только критики и литературоведы Удмуртии, но и критики России. Всерьез о нем заговорили французский профессор Жан-Люк Моро и венгерский профессор Петер Домокош. В книге «История удмуртской литературы» Домокош, первый из серьезных исследователей, сформулировал тезис о главном качестве удмуртского поэта (между прочим, он, мадьяр по национальности, читал стихи Ф. Васильева на удмуртском языке): «Его стихотворения ныне так же популярны среди удмуртов ... как в свое время произведения Герда. Они уже не становятся народной песней, а остаются стихотворениями, пленяя читателей художественно выраженными мыслями. Это является признаком изменения вкусов и времен. В лице Флора Васильева мы можем приветствовать первого понастоящему современного поэта. Современность означает не отказ от традиций, а новое понимание традиций, приближение к традиционным темам через современность, изменение взглядов на старое и новое их выражение. С другой стороны, его поэзия в самом деле открытие будней после праздников, подробностей жизни, подлинно человеческого мира. Ему есть что сказать о природе, родине, труде, времени, дружбе и любви – но делает он это без патетики, просто, пишет для уставшей от громких фраз публики, свежо и заставляя призадуматься» (Петер Домокош. История удмуртской литературы. Ижевск: Удмуртия, 1993. С. 396). Очень жаль, что поэту не пришлось прочитать эти строки, эти абсолютно точные и справедливые слова о себе. Изданная в Будапеште на венгерском языке в 1975 году книга вышла на русском лишь 15 лет спустя после гибели поэта.

Флор Васильев первый из удмуртских поэтов сумел преодолеть первородную связь профессиональной поэзии с песенной стихией. Вот и в стихотворении «Музыка» он полемически утверждает, что музыка бывает не только в песне. Хотя он и не упоминает поэзию, но подразумевает, что и в ней может быть своя, отличная от песенной, музыка. Привожу это стихотворение в переводе Владимира Емельянова полностью: оно мне представляется весьма симптоматичным в отстаивании своей позиции.

А кто-то и сейчас мне говорит:
Мол, музыка, конечно, это – песня.
Лишь у нее мелодия и ритм...
Нет... Музыка – повсюду, повсеместно.
Симфонии помимо песен есть,
Балет не хуже оперы бывает,
Свой у ручья неповторимый плеск,
Бор зашумит – как орган играет.
С одним напевом был родник рожден,
Другая музыка у водопада...
У каждого свой звук, свой камертон.
Всех под одну гребенку стричь не надо.
Свою свирель имеет тюрагай,
В свой горн играет петушок побудку.
И лишь упрямый, глупый попугай
Всю жизнь танцует под чужую дудку.

Так писал Флор Васильев еще в январе 1965 года, отвечая на нападки критиков. А вся эта шумиха возникла только из-за того, что Флор Васильев первый освободил удмуртскую поэзию от песенности, заставил ее жить самостоятельной жизнью.

За весьма редкими исключениями, Флор Васильев почти отказался от гимнической поэзии, высокой патетики и прославления политических деятелей и событий. Он «снизил» поэзию до мыслей и переживаний самого рядового человека. Вот почему, по Домокошу, получилось «открытие будней после праздников, подробностей жизни, подлинно человеческого мира». Вот почему и понятие Родины связывается с маленькой, никому не известной дотоле деревенькой Бердыши на севере Удмуртии, где никаких глобальных событий не происходит. А поэт прямо упивается красотой природы, окружающих людей, их повседневным трудом, вникает в чаяния и горести обыкновенных крестьян-соседей. Нет, поэт никогда не забывает и о большой Родине. Но она столь уж воспета до Флора Васильева, а вот для малой Родины у многих внимания-то и не хватало. Да, «от Бердышей неблизко до Ижевска», столицы Удмуртии, а оттуда и до Москвы и «до самых дальних до

окраин». «А для меня без Удмуртии и России нет», – так категорично он заканчивает стихотворение «Шудмы огъя» («Счастье общее»).

Да, Флор Васильев в своей лирике отказался и от песенности, и от ораторской патетики. Он перешел в третью стихию поэзии – в обычную разговорную, беседную. Он хочет беседовать с читателем о самом настоящем, о житье-бытье. Он хочет, не только чтобы его слушали, но чтобы могли и возразить ему, порассуждать с ним и что-то могли подсказать ему. Недаром же он и книги свои называл «Гон сярсы» («О тебе»), «Нош ик тон сярсы» («Снова о тебе»), «Ойдо вераськом» («Давай поговорим»).

Послушай-ка, не уходи сейчас!
Мне собеседник так необходим.
Покамест день осенний не погас,
Давай еще немного посидим.

Перевел Е. Храмов

Так писал поэт в мае 1975 года.
Давай-ка присядем на лавку, мой друг,
И поговорим не спеша вечером.
Ведь есть, о чем вспомнить, о чем толковать,
И день, вероятно, недаром прошел.

Перевел Вл. Емельянов

Это уже стихотворение марта 1978 года.

В связи с этим мне вспоминаются размышления русского поэта Михаила Светлова. «В чем прелесть талантливого человека? В том, что он умеет беседовать со мной». «Душе не всегда необходимо пламя. Оно нужно главным образом тогда, когда ты борешься, а когда ты по-сердечному беседуешь с друзьями, нужен огонек, на который сбегаются зрители и читатели». «Искусство – это беседа. Это Пушкин, который с вами разговаривает. Не надо кричать. Читатель не глухой» (М. Светлов. Беседа. М.: Молодая гвардия, 1969. С. 353, 358, 363).

Вот это умение беседовать с читателем и стало самым главным в творчестве Флора Васильева. Он и тут снизил тон лирики, приблизил его к тону беседы. Без патетики, без громких фраз, свежо и заставляя призадуматься. Вот это и вывело поэта на новые горизонты европейской большой поэзии.

VI

Флор Васильев родился 15 февраля 1934 года в маленькой деревеньке Бердыши Ярского района Удмуртии в семье учителя сельской школы. Семья тогда жила в квартирке при самой школе, на окраине деревни. Отец пошел в сельсовет в деревню Удино 19 февраля. Вот малышка и зарегистрировали родившимся именно в день регистрации и именно в деревне Удино. Тем более, отец был уроженцем этой деревни.

В детстве, как и все сверстники, Флор видел голод военных и послевоенных лет. Отец был на войне. Поэтому и в лирике:

По письмам с фронта дни свои считали,

А по цветам картофеля – года.

Потому что со цветами начинали появляться и клубни картофеля, что было спасением после бесхлебья.

В своей деревне окончил начальную, а в соседнем Укане семилетнюю школу. Поступил в Глазовское педагогическое училище, затем, в Глазове же – в педагогический институт. Был веселым, общительным парнем, отменно плясал. Тогда же увлекся литературой, стал писать стихи. Незаметно оказался лидером молодежи. Еще не закончил учебу – выдвинули вторым секретарем Глазовского горкома комсомола, затем – журналистом районной газеты. Заметили. Пригласили заместителем редактора республиканской молодежной газеты «Комсомолец Удмуртии», через три месяца стал редактором этой же газеты.

Здесь, уже с опубликованной первой книгой стихов, он хорошо развернул работу литературного объединения при редакции. Занятия посещали начинающие поэты – и русские, и удмурты. Бурно спорили. Лучшие стихи довольно обильно печатали на страницах газеты. Благо, газета выходила отдельными, в основном дублируемыми, изданиями на удмуртском и русском языках.

Помогать молодым литераторам Флор Васильев не перестал и будучи заместителем редактора газеты «Советской Удмуртия». Работу с начинающими считал самой важной и будучи литературным консультантом, председателем правления Союза писателей Удмуртии, редактором литературно-художественного журнала «Молот». В Союзе писателей он регулярно, каждый год проводил семинары молодых с приглашением известных писателей Москвы и других городов и сел большого Советского Союза.

В результате такой активной и целеустремленной работы резко повысился в республике интерес к литературе. Встречи с писателями, вечера поэзии проходили при полных огромных залах. В эти годы выросли новые удмуртские писатели. Повысились реальные тиражи издаваемых художественных книг.

Флор Васильев умел устанавливать дружеские и деловые связи. По его приглашению в Удмуртию охотно приезжали очень известные литераторы и выступали перед читателями. Булат Окуджава, уезжая с дней советской поэзии 1978 года, проведенных Флором Васильевым, дал слово удмуртскому другу-поэту, что скоро приедет в Удмуртию. Он сдержал слово, но уже Флора Васильева в живых не было...

VII

Флор Васильев был одним из ярчайших «шестидесятников» в удмуртской поэзии, то есть из тех, чье творчество раскрылось, разви-

лось в шестидесятые годы. Тогда, когда после длительного сталинского тоталитаризма наша страна с трудом начинала вставать на путь демократии. В то время, которое с легкой руки Ильи Эренбурга стало называться оттепелью (по его повести «Оттепель»), когда литература все больше внимания стала уделять не восславлению политических деятелей, «вождей», а жизни рядовых людей страны с их радостями и горестями. Стали возвращаться из лагерей, ссылки оставшиеся в живых репрессированные. Постепенно вернулось народу творчество убиенных в тюрьмах. Это все происходило и в удмуртской литературе.

В литературе России поднялись новые творческие силы. В Москве на поэтических вечерах публика переполняла огромные залы Политехнического музея. Стихи звучали и на стадионах. На всю страну гремели Евгений Евтушенко, Роберт Рождественский, Андрей Вознесенский, Белла Ахмадулина. Огромный отклик имело творчество литовцев Эдуардаса Межелайтиса, Юстинаса Марцинкявичуса, аварца Расула Гамзатова, башкира Мустая Карима. Вместе с ними обрели новый мощный поэтический голос и Александр Твардовский, Ярослав Смеляков. В шестидесятые годы по-новому расцвела литература всех народов страны.

Стал заметен значительный подъем и в удмуртской литературе. С новой силой зазвучала лирика Николая Байтерякова, среди ровесников Васильева стал значительным поэтом Александр Белоногов. Тогда же очень интересно и своеобразно начинали Семен Перевошиков, Анатолий Волков. К сожалению, очень быстро промелькнули, хотя и оставили весьма заметный след в литературе, Михаил Покчи-Петров, Степанида Иванова. А в прозе острыми художественными взглядами отличались Геннадий Красильников, Роман Валишин, Петр Чернов.

Флор Васильев и общеполитические явления отображал через личное восприятие. Тогда, например, была актуальна поэзия на тему борьбы за мир, против поджигателей войны. И он много пишет на эту тему. Пишет очень лично, даже интимно.

В свое время чуть ли не по всем стенам и заборах вывешивали, цитатами выдергивали на публичных выступлениях слова из перевода типа: «И для меня бы не было России без маленькой Удмуртии моей». Слова у самого поэта иные, без всяких перекачиваний условного наклонения «бы» – «бы», без мычания «меня» – «маленькой» – «моей». Очень просто и лично: «Нош мон понна Удмуртитэк Россия но овол» («А для меня без Удмуртии и России нет»). Вот так и старался писать Флор Васильев всю жизнь.

VIII

В последнее время среди литературоведов Удмуртии стало модой связывать творчество поэтов с той или иной религией. К сожалению, не избежал этой участи и Флор Васильев. В солидных трудах начали «до-

казывать» движение поэта то от язычества к православию, то наоборот. Все доказательства сводятся к трактовке некоторых цитат. Приверженность к язычеству «доказывается» любовью поэта к природе и некоторыми строчками типа «Вот пришел я к богу своему», «Я язычник. И природа...» Если же говорить о православии – то на образах типа «посевы – слова поэта».

Конечно, слова о посевах в Библии есть. Но Флор Васильев-то развивал этот образ через Кузубая Герда, посвятив стихотворение именно ему. В свою очередь, Герд образ перенял у Некрасова, которого никто, по-моему, не осмеливается называть христианским поэтом.

Если следовать логике наших историков литературы, уж Пушкина запросто можно бы назвать мусульманским поэтом: он ведь написал целый цикл «Подражаний Корану». Слава Богу, до такого утверждения не дошло еще.

Мало ли, из каких источников могут брать поэты образы и мотивы. Сколько поэтов в мире обращались к «Песне песней» Соломона! Не слышал, что из-за этого их причисляли к иудаизму или дохристианской религии.

Да, есть у Флора Васильева образы, напоминающие и о язычестве, и о христианстве. Могут сказать, есть стихотворения и антиклерикальные. А вот развитие поэта от одного к другому... Тут ничего не получается. Те и другие образы у него появляются, не выстроившись в хронологический ряд. А те и другие созданы в один и тот же период. Иногда чередуясь. И – довольно редко. Эпизодически.

Развитие же творчества у Флора Васильева шло в другой плоскости.

В начале творчества даже самые личные чувства и мысли у поэта проявлялись как общечеловеческие. Та же плачущая девчонка-соседка, у которой отец не вернулся с фронта, могла быть в любом конце большой страны, могла быть и русской, и татаркой, и якуткой. У нее нет никаких ни локальных, ни национальных признаков. Также со стихами о студенческой любви, о природе, о добре и зле и т. д. Хотя в стихах и появляются местные географические названия, но их отражение не отличается конкретностью. Это отнюдь не какой-то недостаток. Это просто общечеловеческий подход к явлениям жизни. И у таких писателей, как Пушкин, Чехов, Есенин, много таких произведений, которые невозможно «приписать» к определенной местности, к какому-то этносу. Дело совсем не в том, хорошо это или плохо. Если талантливо, – несомненно, хорошо. И Флор Васильев начал именно так. Но он постепенно начал раздумывать о судьбе, нравах своего удмуртского народа. Пожалуй, начало этого процесса можно отметить стихотворением «От Бердышей не близко до Ижевска» (1964). В этом стихотворении уже чувствуется размышление о нравах, обычаях своего народа. Да и география

обозначена четко – от Бердышей (родной деревеньки) до столицы республики – Ижевска.

Дальше интерес к обычаям, нравам, судьбе удмуртского народа у поэта все больше нарастает. Появляются стихотворения «Гербер», «Сялтым», «Свадебное платье», «Крезь», «Мелодия поиска небесной воды», «Пинал пыртон», «Бабушке ее бабушка сказала». «Влево не хочу петь», «Уходя в лесные дали...» и немало других, в которых поэт художественно осмысливает многие поверья и обычаи удмуртов. В стихах появляются и прямые цитаты из песен, пословицы, поговорки: «Земля раскалывается и камень, а человеку надо выстоять», «Доброе слово три зимы греет». Флор Васильев написал целый цикл стихов, восстанавливая старые удмуртские названия месяцев. Помимо цикла, некоторые названия обыгрывал и в других стихах. Например, «Я родился в месяц волчьих свадеб».

У Флора Васильева интерес к народным традициям особенно заметен с середины семидесятых годов. Здесь, думаю, нельзя отбрасывать и значения его общения с поэтами следующего поколения, особенно с Владимиром Романовым. Пожалуй, Романов первым начал вводить в свою лирику разные национальные черты. Особенно, когда он работал над стихами, которые впоследствии составили сборник «Покчи гужем». Романов весьма активно относился к удмуртским реалиям. Часто они и спорили между собой именно по подобным мотивам. Благо, что они и работали вместе: Флор Васильев – председателем правления Союза писателей Удмуртии, Владимир Романов – там же литературным консультантом.

Замечательным качеством Флора Васильева было то, что он всю жизнь старался учиться у всех. Он не стеснялся перенимать то, что его заинтересовывало, и у старших коллег, и у младших. И его находки всегда преобразовывались, проходя через сердце поэта. При внимательном чтении его книг нетрудно заметить образы, навеянные лирикой очень разных поэтов, разных национальностей. Здесь найдешь и образы, навеянные Эдуардасом Межелайтисом, Александром Твардовским, Кайсыном Кулиевым, Мустаем Каримом, Давидом Кугультиновым, Леонидом Мартыновым, Евгением Винокуровым.

Удмуртский поэт с большим интересом воспринимал и обычаи других народов. После поездки в Чувашию, например, он создал цикл стихов «Чувашские мелодии», после посещения Норвегии – «Из норвежской тетради». Услышал от алтайского поэта Бориса Укачина слово «чанкыр» – появилось стихотворение «Чанкыр» («Как будто в горы Алтая попал»), посвященное Укачину. У коми поэта Альберта Ванеева узнал, что придуманное Гердом слово «кылбур», означающее по-удмуртски «стихотворение», в том же звучании перенято коми поэтами

и до сих пор бытует в коми языке – создал стихотворение «Кылбур – красивое удмуртское слово...»

В последние годы жизни у Флора Васильева заметно повысился интерес к «серебряному веку» русской поэзии, к концу XIX – началу XX века, к русскому декадансу и разным течениям модернизма. Трудно сказать, успело ли это увлечение повлиять на творчество. Но в 1977–1978 годы поэт часто стал обращаться к теме жизни и смерти. Последняя запись в записной книжке, в которую он вносил созданные стихи (в переводе с удмуртского): «Хорошего человека после смерти до окраины деревни несут на руках», «От самого себя далеко не убежишь». А перед этим – стихотворение «Эх, жить бы, парить, как орел в небесах...», датированное 1–2 июля 1978 года. А рано утром 4 июля – автомобильная катастрофа, 6 июля рано утром поэта не стало...

IX

Лирика Флора Васильева весьма разнообразна. Он охватил много тем и образов. В стихосложении он пользовался классическими приемами рифмованных стихов. Но отнюдь не чурался и верлибра. Боялся вычурности и скованности стихотворной речи. Тем не менее он оставил и образцы «твердых форм» – сонетов, триолетов.

Очень уважаемый мной человек как-то упрекнул, что я не обращаю внимания на философскую лирику Флора Васильева. Возможно, он был прав. О философской лирике другие пишут много и охотно.

Я плохо понимаю смешение науки с поэзией. Они ведь говорят на разных языках. Язык науки, и философии в том числе, по крайней мере, должен быть точным и однозначным. Он не должен допускать разных толкований.

Настоящая поэзия всегда связана с магией слов и словосочетаний. Д. С. Лихачев в книге «Письма о добром и прекрасном» (М.: Детская литература, 1989. С. 228–229) писал: «Над всеми смыслами отдельных слов в тексте, над текстом витает еще некий сверхсмысл, который превращает текст из простой знаковой системы в систему художественную... Слова и словосочетания приобретают такие оттенки, которых не найдешь в самых лучших словарях». Именно потому поэзия действует не только на разум, но и на чувства.

Вот почему мне трудно связывать поэзию с философией. Правда, в русской литературе было особое течение поэтов-любомудров («любомудрие» – это буквальный перевод «философии» с греческого на русский). Но кто нынче помнит этих поэтов?

Что стихи Флора Васильева несут печать мудрости – с этим я спорить бы не стал. Ну, возьмите хоть «Еще мальчишкой я деда спросил...», «Все будет хорошо...», «Изба уже худая...», «Доброе слово три

зимы греет...», «Если женщина перед тобой...». Да мало ли у поэта глубоких размышлений о добре и зле, о природе, вообще о мироздании!..

Не менее мудры и стихи о женщинах. Васильев всегда к женщине относился не только с уважением, но и с трепетом. У него есть стихи и о маленьких девочках, и о девушках, и о зрелых женщинах, и о глубоких старушках. «Он к женщине относился с нежностью сына и достоинством настоящего мужчины», – писал Борис Укачин.

– Мужская грубость всегда отступит перед женской красотой и добротой, – не раз говаривал мне Флор Васильев. И в этом была его сила и обаяние.

«Поговорим не спеша вечером...» // Флор Васильев. А где-то плачет птица = Кытын ке но бордэ тылобурдо / сост. и вступ. ст. А. Ермолаева. – Ижевск : Удмуртия, 2004. – С. 7–25.

О ФЛОРЕ ВАСИЛЬЕВЕ

*Подборка Нины Ермолаевой**

Что касается Флора Васильева, поучителен тот мысленный путь, которым он идет к своим образам.

Надо обязательно продумать и изучить темы: 1. Возраст – осень – «Задуматься пришла пора»... 2. Дороги, работа, жизнь. У Флора это интересно.

Сопоставить стихотворения первые и последние – становится заметным развитие лирики Флора. Если в первых можно отметить остроту зрения поэта, его способность из малых деталей наблюдений сделать неожиданные выводы, то в последних стихах сами наблюдения проникают в глубины жизни – или исторические, или психологические, а нередко и фи-

* Эти выборочные заметки писались в 1994–2003 гг., когда А. А. Ермолаев готовил к изданию том поэта на русском языке «Стихотворения» (2005) и книгу на удмуртском и русском «Кытын ке но бордэ тылобурдо» («А где-то плачет птица», 2004) и работал над предисловиями. Но предлагаемые заметки в те предисловия не вошли, потому и публикуются в этой книге. – Н. Е.

лософские. Из глубоких наблюдений над жизнью своего народа делаются и глубокие художественные обобщения.

Но мне никак не удастся установить какие-либо границы изменений в творчестве. Эти переходы у него очень тонки и постепенны, без каких-либо резких отрицаний прежних находок.

Отметить преобладание мысли, разговорной, тихой беседной интонации стиха. Да и отказ от патетики отмечен исключительно точно: «открытие будней после праздников, подробностей жизни, подлинно человеческого мира».

Поэзия мысли и тихих задушевных бесед, может быть, в название статьи.

Написать о том, как шел Флор Васильев от лозунгово-патриотических стихов к задушевно-лирическим, к разговорной интонации.

Большой партийный и общественный деятель и довольно интимный поэт. Как это сочеталось в нем? Раздвоение? Единство противоположностей? А может, все-таки антагонистическое это противоречие раздирало его?

В удмуртской критике сложился довольно-таки устойчивый стереотип насчет гениалогии творчества Флора Васильева, сводящийся к следующему: он учился у старших поэтов своего народа, затем набрался у многонациональных поэтов Союза, и – совершенствовать лирику ему помогли русские переводчики. Как к этому отнестись мне? Во всякой схеме, очевидно, присутствует доля правды: что за творческая личность без освоения опыта классики и современных талантов. Такого поэта и представить невозможно, сразу надо помещать в кунсткамеру анахронизмов.

Но с другой стороны, едва ли серьезно можно объяснить появление таланта только внешними влияниями. Чтобы создать свою, оригинальную поэзию, как минимум, наверное, необходима одаренная личность, способная в то же время впитать в себя опыт поколений и сверстников. Впитать, чтобы преломить этот опыт через свою душу. И, очевидно, только для поэта ищущего, оригинального, талантливого воздействие больших художников плодотворно.

Итак, возникла и держит меня тема: освоение чужого опыта.

Дело вовсе не в подчинении иным культурным традициям, но, напротив, в том, чтобы присвоить (приобрести?) себе мировые культурные ценности, подчинить их своим национальным интересам.

Это приложимо как к первоначальному периоду развития удмуртской лирики (когда делались очень вольные переложения русской классики, стихов поэтов братских республик: Янка Купала – Кузубай Герд), но и к позднейшим освоениям Флора Васильева (Межелайтис, Кулиев, Карим и многие современные русские поэты). Но это разные стадии освоения. Разобраться глубже!

Когда анализируешь творчество поэта, важное значение имеет анализ культурной среды, непосредственно окружавшей поэта.

Надо проследить развитие национального сознания лирического героя Флора Васильева. Это не только использование народных примет, народной мудрости, но нечто большее. Исследовать вот это большее! Осознание себя частицей ограниченной общности (национальной, удмуртской), соотнесение себя со всей полнотой национальной жизни.

Черемуху у дома посади.
Доброе слово три года греет.
Из но му но пилиське но.

Дерево посади, дом построй, сына вырасти.

В то же время осознание себя как частицы общего.
И еще одна ипостась! Часть целого мира, вселенной, эпохи: «Я грузчик твой, эпоха». Космизм, но и «Минута», т. е. общая мораль.

Возрождение. Национальное и интернациональное. На той стадии развития, которая называется Возрождением, происходит двухсторонний и двуединый процесс: национального самосознания и одновременно приобщения к мировой культуре. Народ – и поэт как его выразитель – может осознать себя как самобытную целостность лишь лицом к многоликости человечества и к его, т.е. мировой, культуре. Но освоить многообразие всечеловеческой культуры народ – и его поэт – не сможет, если не осознает свою собственную неповторимую сущность. Вот это осознал Флор Васильев и своей поэзией вел к этому осознанию свой удмуртский народ. В этом он велик и многозначен.

Видимо, с осознанием своего новаторского (нетрадиционного) творчества и связан у Флора отбор произведений для публикации. Многие стихи, написанные, как и все, на удмуртском языке, публиковались сначала в русском переводе. От этого – признание сначала получил в Москве, потом уже в Удмуртии.

Нетрадиционный для удмуртского поэта путь развития – через освоение мирового опыта к родному фольклору, а не наоборот, – приводил к весьма сложным взаимоотношениям как с удмуртскими писателями старшего поколения, так и с читателями. Оттого сначала признание получил в Москве, а затем уже в Удмуртии.

Очевидно, что творчество Флора Васильева – предвестие перелома в пути удмуртской поэзии, может быть и всей литературы – вместе с Красильниковым.

Необходимо прояснить в связи с этим утверждение мифологического мышления (язычник, разговор с деревьями, травами, родниками, оды иронические и т. д.)

Тема: за всё в ответе. Перед временем, перед родиной, перед деревней, перед матерью...

И примыкающая тема: «Знаю только я» («Чем пахнут васильки в краю родном»...).

Для Флора Васильева деревня Бердыши, речка Моя стали той «маленькой почтовой маркой родной земли», на которой отразились все тревоги и радости бытия всего мира. Поэтому стихи эти наполнились глубоким философским содержанием.

У Флора – ярко выраженный идеал, почти всегда сочетающийся с гармонией природы, доведенной в отдельных картинах до идиллии. Но поэт ясно начинает видеть, что до мечтаемой идиллии и природе далеко. Даже ель, желая оберечь траву и укрывая её своими густыми ветвями от дождя и солнца, тем её губит, а затем злится на одиночество, в котором сама виновата («На дороге росла ель»). Возникает проблема дисгармонии и в природе.

Распространенная антитеза: равнодушная природа и враждующий с ней человек. Но Флор Васильев приходит к другой антитезе: не равнодушная природа, а сочувствующая и помогающая человеку; человек же подчас враждебен природе.

Разрыв человека и природы не сводится лишь к вопросу о защите окружающей среды. Высвечивается проблема утраты физической почвы для развития всех аспектов деятельности человека, следовательно, и для создаваемой им литературы. Флор Васильев не боится ставить глобальные вопросы и предлагать свои на них ответы.

Психология творчества Флора Васильева. Творческий акт у него возникал мгновенно и часто неожиданно. Он на лету ловил факты, образы, знаки действительности. И стихи им создавались, как правило, мгновенно. И так не любил он потом исправлять ранее написанное: потому что вторжение реальности, которое вызвало момент творчества, прошло безвозвратно, а вторгаясь в запечатленное потом без вдохновения, можно испортить слепок действительности. Этот момент творчества сам Флор осознал довольно рано – я сужу по публикации ранней «Стихи о стихах». Обратит внимание читателей: явления действительности сами входят в стихи, создавая лирические строки.

День – ночь. Добро – зло! Белое – черное! Это у Флора интересно. Подумать, подумать и подумать.

Образ времени и образ ветра – часто встречающиеся образы в лирике Флора Васильева. Выбрав главными героями время или ветер, поэт создает стихотворения сюжетные, фабульные – их можно и пересказать – с глубокими лирическими раздумьями о сущности бытия. И драматичное в конце:

Улонлэсь вань гердьёссэ Сэртт□сько-жигат□сько, –

что в подстрочном переводе означает: «Все узлы жизни распутываю и снова ту же завязываю». Нет морали, лишь обобщенная, доведенная до философии раздирающая душу ревизия собственной жизни. Стихотворение с открытым финалом, заставляющее задумываться и читателя.

И не зря отсюда само собой напрашивается переход к ряду стихотворений об итогах прожитой жизни.

Времена года – времена жизни у Флора. И обостренное их восприятие в тот период, когда автор начал драматично ощущать быстротечность времени.

«В месяц листопада» называется сборник новых стихов Флора Васильева. «Месяц листопада» по удмуртскому народному календарю – это октябрь, месяц глубокой осени. Пора листопада ассоциируется у поэта с более углубленными размышлениями о смысле жизни. «Уже пора задуматься, теперь не хочется попусту плясать».

Крепко подумать! О личности поэта.

В доवासильевской удмуртской лирике личность поэта проступала весьма обобщенно, как человека, воспевающего новое время, советскую действительность. Она была слабо индивидуализирована (не персонифицирована, что ли). Ни Михаил Петров, ни Игнатий Гаврилов не могли написать, например: «Я не люблю подстриженных деревьев», «Я родился в месяц волчьих свадеб»... Для них эти формулы – вне пределов лирики их времени. Дело отнюдь не в этих «я», хотя и они служат выражению внутренней сути. Сугубо личное восприятие мира ощущается и в стихах без прямого «я». Хотя бы взять «Сыновьям», «Руки», то есть те произведения, где автор не обязательно соразмеряет свои чувства и мысли с общепринятыми, где выражает явно спорное свое отношение к явлениям и вещам.

Пожалуй, подобную личностность восприятия мира стали проявлять и современники Флора Васильева – Николай Байтеряков и Александр Белоголов. И эту линию продолжили последователи – Владимир Романов, Вениамин Ившин, Людмила Кутянова.

Это явление, очевидно, связано с общественными тенденциями: тридцатые-сороковые годы были преимущественно эпическими, а шестидесятые-семидесятые – преимущественно лирическими. Тут немалую роль сыграла еще и фольклорность мышления поэта, не вычленившая субъект из объекта.

Еще и еще подумать! Выявить суть, глубинность личности великого удмуртского поэта.

Прекрасно проник в глубины и истоки личности великого русского поэта Александра Твардовского его друг Алексей Кондратович. В книге «Александр Твардовский. Поэзия и личность» (М.: Худ. лит.-ра, 1978, с. 17) он пишет: «В Твардовском до конца дней его оставалось что-то от крестьянского сына, сельского жителя, причем жителя... тихих деревенок и одиноких хуторов. Там издавна сложился особый тип жителя – не бойкого, пожалуй, чуточку скрытного, иногда и застенчивого, привыкшего часто оставаться наедине с самим собой и поэтому любящего поразмышлять, а в небольшой компании и серьезно все обсудить – вплоть до мировых проблем, но без шума и гама».

Пожалуй, эти слова соотносимы с характером Флора Васильева. Но надо искать и искать глубинность затаенную, не осознанную самой личностью.

Я знаю, что в молодости, особенно в студенческие годы Флор был очень задорным, веселым человеком, отменным плясуном. Тому есть немало достоверных свидетельств. Оспаривать их у меня нет никаких оснований. Ко времени нашего близкого знакомства Флор уже был несколько иным – более сосредоточенным, замкнутым, что ли. Он умел быстро найти контакт чуть ли не с любым человеком, но у него всегда оставалось внутри очень немало нераскрытого. И это всегда чувствовалось. Мы провели вместе в семейном кругу немало дней, вечеринок по случаю праздников, в том числе дней рождений; да и работали много лет на одном этаже старого Дома печати в Ижевске. Но я помню лишь несколько случаев, когда он плясал, пел – словно в память об ушедшем. Если это случалось, то всегда азартно, вспылками, импульсивно и – кратковременно. Больше всего на наших встречах было тихой беседы, иногда прослушивания любимых пластинок, магнитофонных записей. Особенно любили песни Булата Окуджавы. Одним словом, наши застолья проходили довольно тихо. Со стороны смотреть – наверно, скучно. Но я не помню, чтобы мы скучали. Вроде бы было обоюдно интересно. Вспыхивали и шутки, не всегда безобидные, но, кажется, мы друг на друга не обижались. По крайней мере, быстро забывали. Потом иногда в шутку нравилось вспомнить какой-то момент, чтобы подтрунить – всегда только с юмором, – что тот-то тогда-то посмел обидеться. Воспоминание о совместном снимало душевное напряжение от уколов действительности.

О развитии личности Ф. Васильева, о влиянии на личность и творчество («образ автора») общественной работы и «личных» бесед и раздумий («жизненный опыт»).

Глупо было бы считать, что Флор Васильев конца пятидесятых и конца семидесятых годов – это одно и то же лицо. Изменения разительные и в личности, и в творчестве.

Явно усиливается возврат поэта от глобальных мотивов к национальному поэтическому мышлению.

Разобраться надо, еще и еще. Труднее всего, пожалуй, поддается строгому анализу и синтезу лирика. Ведь собрать эти мелкие осколки, хоть и драгоценных камней, хотя бы в мозаичную единую картину – дело архисложное. Поэтом часто движет импульс, подчас неизвестно отчего появившийся. Добро, если этот импульс можно связать с каким-то фактом из жизни поэта. Но это далеко не всегда возможно. Стоит хотя бы взглянуть на даты написания многих стихотворений. Скажем, нетрудно догадать-

ся о мотивах их создания, если, допустим, стихи о вьюге написаны зимой, а о зное – летом. Но не так редко у Флора Васильева «знойные» стихи бывают созданы как раз в период холодных вьюг, и наоборот. Закономерности тут не на поверхности. Их надо искать.

И еще. Когда пишут о поэтах, литературоведы больше всего рассматривают произведения крупных жанров – поэмы. Но Флор Васильев за всю жизнь создал одну поэму и один поэтический репортаж – и больше не стал их писать. Смеею думать – не без моей «помощи». Отзыв о поэме «Яратон» можно найти в журнале «Дружба народов», а о репортаже я высказывался только лично – отнюдь не одобрительно.

Мне Флор Васильев всегда казался «чистым» лириком. Отнюдь не являясь противником эпической поэзии (мне очень даже по душе многие эпические творения мировой, русской, многонациональной поэзии, есть немало таких, без которых жизни не представляю), тем не менее я всегда утверждал, что истинным, большим поэтом можно быть в любом роде и жанре поэзии. Для меня не существует никакой иерархии жанров. По моему глубокому убеждению, иное небольшое лирическое стихотворение стоит большого романа. Суть в том, чтобы их создавали талантливо.

И отнюдь не каждый талант должен быть разносторонним. Об этом не раз говорилось в наших многочисленных беседах и спорах с Флором Васильевым. Я всегда подчеркивал лиричность его таланта. Да, я не отрицал, что талант может быть и лирическим, и эпическим, и драматическим одновременно. Тому пример – Пушкин. Но стоит ли насиловать себя, если у тебя хорошо получается лирика, но не созрели драма или эпос? Вот в чем суть.

Я далеко от того, чтобы думать, что именно сделал Флор Васильев «чистым» лириком. Наверно, он сам все-таки осознал свои возможности. Да и нет никакого ручательства в том, что он бы не писал и в эпосе, и в драме. У него есть опубликованный рассказ (под псевдонимом и на русском языке). Он подумывал и о сценическом произведении (особенно после того, как студенты Шукинского училища при театре им. Евг. Вахтангова подготовили по его стихам сценическое представление). Но – увь! – это замыслы неосуществленные!

Так больно думать об общеудмуртской и моей личной трагедии. Я всё время хожу вокруг образа Флора, как по острой грани, ранящей не только душу, но и ощутимо ноги, что вместо того чтобы кричать: «Незабвенный друг мой и единомышленник, соперник и сопричастник!» – я от боли своей даже в этих заметках для себя пишу отстраненно-официально: Флор Васильев, поэт...

И снова возвращаюсь к этому кругу, который заметно прослеживается у Флора Васильева: добро – зло.

Конечно, вроде бы невеликое открытие, что добро и зло не живут раздельно, – эка невидаль! Да это же банально. Но в том-то и дело, каждому человеку приходится открывать эту истину в повседневной, обы-

денной жизни. Каждый раз заново! В каждом конкретном случае. И вроде бы уж и забываешь те общие положения, которые когда-то затвердил, слушая ли наставления старших, штудирюя ли учебную программу. А коли уж до этой банальной истины дошел путем своих ошибок и синяков (добро еще, если они на поверхности, на теле, а чаще эти синяки бывают в душе), то эта истина уже перестает быть банальной, а становится твоим кровным убеждением, которым хочется – ох, как хочется! – поделиться с молодыми. Но всё снова повторяется. Твоя кровная истина для неопытного – та же банальность, и она редко доходит до души. Разве что поэт об этом скажет пронзительно, так, чтобы его слова оставили волнующий след в сердце читателя. Подобно тому, как прививка ослабленной вакциной тоже вызывает болезнь, но в такой степени, чтобы организм сумел выработать иммунитет. Иммунитет же не вырабатывается совсем без своей боли.

Вот с этой вакциной хотелось бы мне сравнить поэтическое слово о зле. Не утверждаю, что так именно думал Флор Васильев, но интуиция поэта подсказывала ему именно этот путь. Пусть только в подсознании.

Итак, добро – зло. Моцарт – Сальери.
Все говорят: нет правды на земле.
Но правды нет и выше.

Много раз я пробовал поэзию «разъять как труп, поверить алгеброй гармонию». Не вышло. Не поддается. Решил, ничего из поэзии не умертвив, пытаться объяснить ее. Как изящно это выглядит у самих поэтов:

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда

Анна Ахматова

Заиндевелым белым утром
Манит меня рябины куст.
Беру в рот ягодку, как будто
Я лето пробую на вкус.

Флор Васильев

Итак, две параллельные колеи: Моцарт – моцартианство и Сальери – сальеризм. Ох, как важно в этом разобраться применительно к Флору.

Он, без сомнения, Моцарт. А кто выступил по отношению к нему Сальери? Под силу ли мне решить этот вопрос? Как хочется его решить. Индивидуум? Человек? Общество? Система? Государственная машина? Кто?!

Название книги: «Флор Васильев. Штрихи к литературному портрету на фоне удмуртской поэзии».

Объяснить в предисловии необъятность необъятного. Поэтому – «штрихи».

(Из записных книжек Алексея Ермолаева).

ВНИМАНИЕ К ЛИЧНОСТИ

Заметки о некоторых сторонах творчества Г. Красильникова

Имя Геннадия Красильникова в сознании удмуртского читателя неразрывно связывается с новым этапом развития национальной литературы, начало которого исходит от середины 50-х годов, когда в результате глубокой демократизации общественной жизни сложились благоприятные условия для плодотворного развития литературного процесса. Книги Г. Красильникова в числе первых из этого периода удмуртской литературы нашли дорогу к общесоюзному читателю: уже с 1956 года они стали выходить в центральных и местных журналах на русском и на других языках народов СССР, на языках народов социалистического содружества. Писатель быстро попал и в орбиту союзной критики. О Г. Красильникове заспорили. Его творчество рассматривали в русле общего литературного движения. Тем не менее творчество Г. Красильникова в первую очередь было явлением удмуртской советской литературы, литературы этапа 50 – 60-х годов, этапа ее подъема до уровня всей советской литературы.

Что же нового внесло в удмуртскую прозу творчество Г. Красильникова?

Для выяснения этого вопроса попытаемся кратко охарактеризовать главные тенденции предыдущего развития удмуртской прозы.

За время полувекового существования удмуртская проза дала читателям немало значительных произведений. Это и роман Кедре Митрея «Тяжкое иго», трилогия Р. Медведева «Лозинское поле», романы М. Коновалова «Лицо со шрамом» и «Гаян», П. Блинова «Шить хочется», диалогия М. Лямина «Во имя счастья», его публицистическая книга «Четыре года в шинелях», исторический роман М. Петрова «Старый Мултан», романы и повести Т. Архипова «У реки Лудзинки», «Стрем-

нина», «Встреча с прошлым», трилогия И. Гаврилова «В родных краях» (на русском языке издана под названием «Корни твои»), повести С. Самсонова, Р. Валишина. Список можно бы и продолжить, но дело не в том. Общее между всеми этими произведениями обнаруживается в последовательно однотипном подходе к отображению человека. Во всех этих книгах социально-бытового плана на первое место выступает отражение действительности в основном в одном аспекте: в отношении к труду, к трудовому коллективу. И в этом аспекте главенствующее место занимает сторона социальная. Разве что несколько особняком в этом смысле стоит весьма сложная художественная структура трилогии Г. Медведева и некоторая «героцентричность» романа «Жить хочется». Даже в моногеройных исторических повествованиях «Тяжкое иго» и «Гаян» все-таки главный пафос авторов сосредоточен не на личности героев, а на обличении «каторжной мерзости» прошлого.

Острая социальная направленность стала значительным завоеванием советской литературы в процессе формирования и укрепления социалистического реализма. Она особенно, помогла удмуртской прозе избежать одноплановой орнаментальной этнографичности, налет которой более заметен, например, в мордовской, марийской прозе 30 – 40-х годов, до сих пор дает о себе знать в некоторых уже зрелых северокавказских литературах (вспомним хотя бы повести А. Абу-Бакара), в самых молодых литературах Северо-Востока (Ю. Шесталов, С. Курилов), Удмуртская литература в своем развитии меньше внимания уделяла как национальным особенностям своего народа, так и индивидуальному характеру личности. И эта особенность в последние годы обернулась односторонностью. Сложилась некая схема социальных типов, которая стала мешать углублению в психологию личности.

Между тем в 50-х годах в советской литературе начался процесс поиска новых героев и новых жизненных конфликтов, были созданы условия для нормального развития и общества и искусства. Литература стала, как ей и подобает, наиболее углубленно изучать многообразие человеческих характеров.

В условиях созревших потребностей перемен в национальной литературе и благоприятных изменений в нашем социалистическом обществе в первой половине 50-х годов в литературу вошел Г. Красильников. Вошел уверенно и сразу проложил в ней свою, красильниковскую тропу. Уже в рассказах сборника «Обыкновенный день» (1953) чувствовалось пристальное внимание-автора к личности простых тружеников. Именно внимание к внутреннему миру человека, миру, который значительно сложнее простых иллюстраций социальных характеров, стало главным для дальнейшего развития творчества писателя. После сборника детских рассказов (1955) появляется повесть «Старый дом» (1956), принеся ему всесоюзную известность.

Вслед за В. Тендряковым («Не ко двору») Г. Красильников обратился к наиболее драматичным сторонам быта тогдашней удмуртской деревни, показал губительное влияние стяжательской психологии на личность. Книга тут же была замечена критикой, откликнувшейся на нее в местной и центральной печати. Она привлекла читателя отнюдь не закрученностью сюжета и низизыванием интригующих событий. Таковых в повести вообще нет. Повествование здесь ведется размеренно, спокойно. Автор обнажает традиционную крестьянскую психологию, противоречивую и драматичную из-за своей двойственности, из-за существования в крестьянине души труженика и души собственника. Трудолюбивый, но замкнутый по своей натуре Макар Кабышев целиком подпадает под влияние жены Зои – дочери кулака. Так и не выпутавшись из сложных семейных уз, в тяжелые для крестьянства послевоенные годы Макар погибает из-за своей ненасытности. И оставляет несколько не изменившуюся жену и в немалой степени зараженного стяжательской психологией, вступающего на самостоятельный трудовой путь сына Олександра. Вот сюжетный стержень повести «Старый дом». Но сам сюжет значительно осложнен переплетением характеров. Произведение интересно психологической характеристикой героев.

В первом же крупном произведении Г. Красильников поставил вопрос о новом хозяине земли, хозяине-труженике. Такие хозяева здесь – трактористы Андрей, Сабит, молодой агроном Галя. Они противопоставлены Зое Кабышевой, Макару. И Олександру Кабышеву предстоит сделать выбор между старыми и новыми людьми. Он в конце повести покидает со старым домом и уходит учиться.

Уже повзрослевший сын Макара и Зои Кабышевых стал главным героем романа «Олексан Кабышев» (удмуртское название романа «Тлэсьяк» – «Пустоцвет»). Знаменательно, что при публикации в журнале «Урал» роман был назван «Хозяин». Хозяином земли теперь стал сам заглавный герой, ему теперь приходится противостоять не только матери, но и жене Глаше. Он теперь – носитель активного начала в борьбе со всем устаревшим, мешающим продвижению вперед. Обостренное внимание к личности человека, к формированию характера в современном социалистическом обществе – весьма примечательная особенность романа «Олексан Кабышев». Г. Красильников раскрыл здесь более глубокие корни собственнической психологии. Если в «Старом доме» эти корни шли от прямых предков Зои, то теперь он их видит значительно шире. Один из героев романа говорит: «Слишком часто мы, подобно попугаю, повторяем заученные слова: «В нашей стране капитализм ликвидирован, корни его выкорчеваны». Выкорчеваны-то выкорчеваны, а вот... щука умирает, да зубы остаются». Проявление этих «щучьих зубов» в самых неожиданных местах убедительно показал Г. Красильников.

Между повестью «Старый дом» и романом «Олексан Кабышев» хронологически стоит лирическая повесть «Остаюсь с тобой» – пожалуй, наиболее поэтичная вещь Г. Красильникова. Она была написана буквально на «потребу дня» – тогда, когда общество обратило внимание на то, что выпускники средних школ совершенно не приспособлены к жизни, они с большим трудом находят свое место в ней, если не попадают в институт. В русской советской литературе появилась серия повестей о городских юношах, уезжающих на большие стройки Сибири и обретших там свое счастье. Повесть Г. Красильникова появилась одновременно с этими произведениями и во многом перекликалась с ними в решении некоторых проблем. Однако повесть вскрывала новые стороны, новые грани этой большой проблемы устройства молодых людей. Ее героям не предстояло ехать в дальние страны, чтобы убедиться, что и там люди живут. Оказалось, они, деревенские мальчики и девочки, учась в школе, совершенно не знают своих односельчан. Они относятся к ним даже несколько свысока: мол, в деревне остаются лишь неудачники, которые не могут устроиться в жизни получше. Поэтому и не было у ребят внимательного отношения к соседям. В свою очередь неприязнь к крестьянскому труду возникла из-за трудных условий жизни на селе в конце послевоенных сороковых годов. Крестьянин стал терять веру в землю-кормилицу. Молодежь уходила из деревень. Хотя колхоз в Чураеве назывался «Вперед», отец Алеша Курбатова, главного героя повести «Остаюсь с тобой», печально шутил: «Одно только название, что «Вперед», а который год все назад да назад пятимся!» Вот потому-то уходит на работы старший брат Алеша.

Алеша Курбатов не попал в институт и вернулся в колхоз. Временно, пока не подыщет более подходящей работы или не поступит учиться. От нечего делать стал выходить на работу – сначала подменял мать, а потом все равно нужно было как-то проводить время. Тем более семья жила не в большом достатке. И те люди, с которыми Алеша встречался и раньше, обернулись для него совсем с неожиданной стороны. Вот дядя Парамон. Очень злой на ребят, озорующих на чужих огородах (даже кидает в них дубинами). Замкнутый. Немногословный. А оказался непревзойденным мастером в кладке скирд. Председатель колхоза о нем говорит: «Теперь таких мастеров по скирдовальному делу днем с огнем поискать! В своем деле он артист, чистый маг!» А как Парамон, оказывается, относится к трудовому человеку! «Знаешь, – говорит он Алеше, – кому бывает неохота есть? Кто не работает, день-деньской бездельничает. Вот им-то еда никак не идет, и стараются повсякому живот свой обмануть: лаврового листа положат, горчички подмешают, перчиком посыпят, а ежели и это не помогает, стопочку внутрь принимают. Дескать, для вызова аппетита, будто аппетит этот самый вышел куда-то на часок, и обязательно надобно его обратно вы-

звать. А рабочему человеку хлеб с солью – наипервейшая еда, за ушами пищит, во как! Кто хлебом питается, до самой смерти здоровый бывает, не шляется по курортам...» Вообще характерно не только для этой повести, но и для всего творчества Г. Красильникова такое вот крестьянское отношение к земле, к труду, к хлебу. Поэтому не удивительно, что даже неразговорчивый Парамон произносит довольно-таки длинную тираду о хлебе и работе. Такое отношение крестьян к хлебу идет издревле. Г. Красильников отлично понимает вкус и цену хлеба, всю нелегкость хлеборобского труда. Проработав прицепщиком и помощником у известного в Удмуртии механизатора Анатолия Туголукова, он еще в юности сам испытал и тяжесть и сладость крестьянского труда. Потом в газетах печатал ряд очерков о хлеборобах, выпустил брошюру «Человек и хлеб» о А. К. Туголукове. Тема эта проходит через все его творчество. Он непримирим к тем, кто непочтительно относится к хлебу.

Повесть «Остаюсь с тобой» написана на «злобу дня»; однако продолжает жить своей жизнью, потому что в ней писатель сумел довольно глубоко показать человеческие характеры удмуртской деревни наших дней со всей их противоречивостью и изменчивостью. Один из критиков повести в свое время обвинил Г. Красильникова в том, что он, мол, вывел в центре произведений ограниченного, приземленного молодого героя, довольствующегося грошовым заработком. Критик не понял, что дело совсем не в зарплате, а в том, как человек находит свое настоящее место в жизни, как он утрачивает иллюзорные, голубые представления о подвигах, о полетах, но берется реально переделывать жизнь в своих родных местах. И не случайно ровесник Алеши Генка Киселев не без сарказма говорит: «Люди, смотрю, с места на место кочуют, в аккурат, как цыгане, ищут «хорошее место». А не понять им, что «хорошее место» не по-щучьему велению стало хорошим, люди сделали его таким! Поверь мне, и наше Чураево будет таким же «хорошим местом», только дружнее надо взяться. Ну, а если все соберутся кочевать, тогда, конечно, трудно...» Вот это чувство твердой почвы под собой особенно ценит Г. Красильников в своих положительных героях. И, конечно, тут нет и тени бескрылости, хоть Алеша Курбатов вынужденно отказывается от мысли летать на самолетах. Кстати, когда-то «в тайне от школьных подруг мечтала летать на самолетах – пусть даже не летчицей, но все равно летать!» – и героиня романа Г. Красильникова «Начало года» Фаина Петрова. И... по настоянию матери стала врачом, потому что «выше врача и назвать больше некого. Будь человек хоть самым большим начальником, а заболит – врачей не минует. Все здоровы, куда молоды...» И опять здесь проявляется это крестьянское чувство полезности каждого человека. И это отнюдь не то же самое, что и «теория винтиков», а желание стать необходимым на этом свете, найти именно то место, где ты нужнее всего.

Тема поиска своего места на земле стала главной для многих произведений Г. Красильникова. Писатель разрабатывает ее последовательно и методично, стараясь раскрыть со всех сторон. В связи с этим хочется обратить внимание на несколько однотипные обстоятельства, встречающиеся в разных книгах прозаика. Вот, например, в «Старом доме» есть образ отщепенца Микта Ивана. «...Микта Иван продал свой старенький домик на дрова, а сам перебрался вместе с семьей в районный центр Акташ, устроился там конюхом при исполкоме. Удерживать его не стали: скатертью дорожка, зря только в колхозе числился». Здесь тема ухода людей из деревни только намечена. Писатель лишь осуждает Микта Ивана, во многом следуя старой социальной схеме: он сын кулака и в колхозе как следует не работал. Автор еще не вникает в сложности ситуации. В результате многое в образе Микта Ивана остается невыясненным: почему все-таки он так лениво работал в колхозе, почему у него был старенький домик, хотя кулачество склонно к стяжательству, почему, наконец, работать конюхом при исполкоме – это такое легкое и зазорное дело? Над этими вопросами автор не задумывается и, естественно, ответов не дает.

Но тема отходничества в разных вариантах увлекает писателя в новых его произведениях. Рассказ «Камешек». Яша уходит из колхоза с шабашниками, якобы не понятый в своем селе: его наказали за поломку трактора. Рассказ «Уходящий пусть уходит». Кирилл работает истопником при районной больнице. Ему просто перестали давать работу в колхозе за то, что самовольно, нарушая планы, он протянул водопровод к своему дому. Оба эти человека были в свое время хорошими механизаторами, но обиделись на односельчан и ждут, когда к ним придут с поклонами. Яша, правда, вскоре возвращается в колхоз, об этом же подумывает и Кирилл. Сергей Курбатов («Остаюсь с тобой») тоже пробует работать на Урале; и выпускники средней школы уезжают не только учиться: Рая Березина вот устраивается официанткой в ресторане. Уход из родной деревни. Причины у каждого уходящего свои, подчас очень даже сложные. Теперь Г. Красильников более серьезно изучает эти причины, становится не просто непримиримым к тем, кто уходит, а как бы вместе с ними ищет пути возвращения на родину. Но все-таки его симпатии на стороне тех, кто так или иначе остается верным хлеборобскому труду, верным земле. Поэтому так лирично он пишет о девушке, которая сидела (в районном учреждении и сквозь окно наблюдала за природой, а затем, не выдержав тоски по земле, уехала в колхоз агрономом (рассказ «Машенька»).

Почти все произведения Г. Красильникова посвящены одной большой теме – теме становления молодого современника, поиску им места в жизни. И особенно заинтересованно пишет он о тех, кто связан с родной землей, с древним и все обновляющимся крестьянским трудом. Художе-

ственное решение всех аспектов этой проблемы, наверно, непосильно одному писателю. Не зря над сельской тематикой работает большой отряд советских прозаиков и поэтов. Г. Красильников, несомненно, внес в разработку сельской тематики свою лепту. Между тем в отображении отношения современного крестьянина к земле-кормилице чувствуется у Г. Красильникова некоторая недосказанность. Писатель обычно останавливается на осуждении тех, кто отрывается от земли, особенно не вдаваясь в более глубокие причины этого явления. Думается, именно этим объясняется довольно острый спор критиков и читателей на страницах журнала «Молот» по поводу рассказа «Уходящий пусть уходит», спор, который отразился и на материалах нашего сборника.

Воспевание верности земле, большой и малой родине, любованье человеком труда всегда было у Г. Красильникова в сложном переплетении с другими мотивами. Нарастивая мастерство проникновения в душу трудового человека, писатель во всех произведениях вместе с тем решал острые моральные проблемы. Этика человеческих отношений стала главной темой романа «Начало года», занимающего особое место и в эволюции самого писателя, и, может быть, в развитии всей удмуртской литературы. Дело в том, что автор почти полностью отказался от событийности сюжета и целиком направил усилия на исследование движения души героев. Сюжет произведения прост и внешне нединамичен. Читатель через восприятие молодого врача Фаины Петровой знакомится с жизнью и людьми сельской больницы. Но фактически центральным героем произведения становится главный врач больницы Алексей Петрович Соснов.

С Сосновым читатели уже были знакомы по рассказу Г. Красильникова «Человек редкой души». По этому рассказу Ярославский драмтеатр ставил спектакль, а по спектаклю Центральное телевидение сняло телевизионный фильм. Фильм демонстрировался по телевидению не раз. В рассказе видно было, что Соснов – человек, преданный своей работе, любящий людей. Он весь ушел в работу, в служение людям. За это его знают и любят все в округе. Соснову как в рассказе, так и в романе противопоставлен другой врач, молодой хирург Световидов – скептик и циничный карьерист. И вот это противопоставление двух героев, вполне традиционное в рассказе, решенное там довольно прямолинейно и однозначно, в романе находит новое и наиболее полнокровное толкование. У Соснова теперь отнюдь не традиционный глупый противник. Световидов умен и весьма эрудирован. Он в разговорах так и сыплет латинскими изречениями и литературными цитатами. И веришь, что эта образованность у молодого врача – не мишура, он действительно много знает, и так врач, ой. Весьма способен, а в жизни до удивления наблюдателен и точен в оценке поступков людей. Вот что он говорит о Соснове: «Удивительный характер у нашего главврача! Он

непостоянен и сварлив, как все старые люди... А вы, кстати, замечаете, что за последнее время наш главный заметно стал сдавать? Вспышки гнева, часто без видимой причины, недовольство окружающими... Впрочем, должен сказать по праву старожилы, что Алексей Петрович и раньше не отличался большим тактом». Да. Световидов поразительно точно передает черты характера Соснова. Но он отбирает из них те, подчеркивая которые ему выгодно. Сварливость, нетерпимость – это те черты, которые, по мнению Световидова, обостряются в человеке, когда он чувствует уже близкий конец. Этого конца ждет молодой хирург, чтобы не быть все время вторым, или, как он выражается, «не быть палкой в чужой руке», он всеми силами тянется на место главного врача. Везде и всегда в разговорах Световидов точно отмечает те черты Алексея Петровича, которые могли бы скомпрометировать его, он пользуется полуправдой, которая является самой утонченной ложью. Соснова он называет «Ионыч – секунда, то бишь Ионыч второй». И это та же полуправда. Да, Соснов малообщителен, у него друзей-то постоянных нет. Но он все делает людям, люди тянутся к нему, то и дело останавливают на улице. И Алексей Петрович подолгу беседует с самыми обыкновенными сельскими жителями. Он даже хлопочет о пенсиях, об устройстве жизни стариков и старух. Для людей, близко знающих его, Соснов не имеет ничего общего с чеховским героем.

Есть в Соснове еще одна черта, которая выводит этот образ за рамки традиционного положительного героя. Алексей Петрович в свое время перенес много унижений и оскорблений от своего бывшего друга Иллариона Матвеева, которому в гражданскую войну спас жизнь. Став следователем, Матвеев усердно пытался обвинить Соснова в национализме и в прочих тяжких грехах. Он сделал в то время много зла не одному Соснову. И тот предаст его забвению *сознательно*. «Алексей Петрович обладал крепкой памятью, – говорится в романе, – и память его цепко держала в себе все те ямки, ухабы и раскаты, на которых порой больно ушибался доктор Соснов, продвигаясь по многотрудной дороге жизни. Память его упорно противилась и не желала сглаживать неровности пройденного пути, славно говоря: «Что было, то было, ничто не забыто». Тем не менее усилием воли он прочно вычеркнул Матвеева из памяти и не сразу узнал его, когда тот, безнадежно больной, пришел в сельскую больницу.

Думается, чрезвычайно важно и для идейного содержания романа, и для выяснения позиции автора то, как скрупулезно точно Г. Красильников показывает психологические движения Соснова после новой встречи со старым «другом». Автор шаг за шагом, во всех подробностях исследует процесс опознания Сосновым Матвеева. Сначала о новом больном говорит дежурный врач. Соснов потом пытается вспомнить его фамилию. «Она показалась ему до боли знакомой, помнится, он да-

же слегка вздрогнул, когда Преображенская назвала больного по фамилии. И все-таки забыл». Затем главный врач долго и мучительно пытается вспомнить этого человека и забывчивость свою объясняет неприятным разговором со Световидовым. Вот Соснов уже в изоляторе, где лежит этот самый больной. «Лица не видно, но затылок лежавшего и, главное, большие оттопыренные уши с торчащими жесткими волосами показались ему до странности знакомыми. «Где я видел эти ушища? – раздумывал Соснов. – Эти волоски». Даже эти долгие раздумья не привели ему на память Матвеева, он узнал его, когда уж встретились лицо в лицо.

В чем же дело? Почему Соснов до такой степени забыл бывшего своего друга, а затем злостного противника? Только ли волнения дня виноваты? Оказывается, нет. «Не ждал я тебя, и думать не думал, что пути наши еще раз сойдутся, – размышляет про себя, как бы обращаясь к противнику, Алексей Петрович. – Надеялся, что имя твое навсегда зачеркнул в своей памяти. Зачеркнул, да не совсем, ты сам явился ко мне и разбередил старое. Долго же носит тебя земля, Матвеев, терпеливая она...» Именно в этом сознательном забвении, видимо, заключается все дело. Уход от зла путем забвения его. Не правда ли, несколько странный метод искоренения зла? А вот жена Соснова, Поля, помнит Матвеева, она ничего не забыла и не простила. Соснов теперь мучительно думает о том, почему Матвеев, смертельно больной, пришел к нему, как к последней надежде на спасение. «Как он смел приехать ко мне? Или он совершенно утратил и стыд и совесть? А может быть, я уже ничего не понимаю, и в жизни все не так, как я себе представляю?»

Что касается Матвеева, конечно, ничего неясного тут нет. Он действительно не имеет ни малейшего представления о стыде и совести. Тут интереснее отношение Соснова к нему. Алексей Петрович лично осознает, что представляет в жизни Матвеев. Об этом и говорит его кошмарный сон, когда он видит себя окруженным волками и один из них приобретает человеческие черты, говорит человеческим голосом: «Хо-хо-хо, Соснов, вот ты и попался! Ты думал, в твоей Атабаевской округе наш брат перевелся окончательно? Шалишь! Нас не так-то просто вывести под корень! Наш брат, волк, живуч... При свете дня мы живем, ходим среди вас, людей, в человеческом обличье, а ночью – слышишь, ночью, когда вы засыпаете, – мы превращаемся в самих себя...» Здесь чувствуется явный намек на Иллариона Матвеева. И дальше в разговоре со Световидовым Соснов подкрепляет это предположение: «Матвеев останется жив, такие люди... Не умирают долго». Тем не менее Соснов ценою своей жизни второй раз спасает Матвеева. «Я буду оперировать его. Здесь, в Атабаеве», – заявляет главный врач.

С точки зрения Световидова это, конечно, ребячье упрямство. Световидов уверен, что Матвеева нужно отправить в областную клини-

ку. Но Соснов думает: «Я не вправе отказаться от операции. Я врач, хирург, а кроме того... человек». Значит, дело не только в «клятве Гиппократата», которая обязывает врача спасать любую жизнь, – Алексей Петрович считает своим гражданским долгом спасение этого волкочеловека. И еще раз, мысленно обращаясь к своей жене, он говорит об операции: «Я сделаю ее вопреки благообразному – да, чересчур благообразному! – мнению Световидова». Между тем Соснов не думает, что Матвеев после операции перестанет быть злодеем, хотя тот и признается, что, лежа в больнице, под диктовку Световидова написал в редакцию районной газеты клеветническую анонимку. Вот почему смиренческая философия Соснова пугает нас беспомощностью перед подлостью. Вот почему судьба Соснова трагична: он умирает после удачной операции. Его доброта в итоге оказывается слабее матвеевско-световидовского зла.

Г. Красильников в романе избегает прямой авторской оценки философии Соснова и представляет ее полностью на читательский суд. И уже знаменательно, что теперь Соснов не назван человеком редкой души. Выразительность этого полнокровного образа настолько велика, что он уже говорит сам за себя помимо воли автора. В привычном для удмуртской литературы понимании Соснов получился не героем и отнюдь не идеальным. И вовсе не хочется этот факт ставить автору в упрек. Я глубоко убежден, что реалистическое произведение с не вполне положительным героем в центре имеет полное право на жизнь. Попытка сделать Соснова идеальным героем для подражания могла бы лишить образ реалистического полнокровия.

Углубленная индивидуальная характеристика каждого героя, внимание к личности человека помогли Г. Красильникову решительно избавиться от элементов схематизма характеров, налет которого чувствовался в прежних его повестях. Писатель здесь сумел наиболее достоверно и диалектически многосторонне раскрыть психологию героев. Роман пока остается лучшим произведением исследовательского направления в удмуртской литературе.

Творчество Геннадия Красильникова стало во многом новаторским для своей национальной литературы, открытием ранее неизвестных сторон человека. В какой-то мере отрицая сложившиеся литературные схемы, писатель добивается реалистического показа многообразия характеров.

Трудно, да и едва ли возможно установить прямые связи между творчеством Г. Красильникова и творчеством его непосредственных предшественников. Исследовательским отношением, к деревенской теме он во многом напоминает Г. Медведева, еще в тридцатые годы поднявшего глубинные пласты удмуртской крестьянской целины в своей трилогии о коллективизации. Г. Красильников испытывает то же притяже-

ние земли, что и Г. Медведев. Он напоминает Г. Медведева и умением использовать язык деревенской глубинки, умением точно употреблять в произведении сочные народные образные выражения. (Разумеется, речь идет об удмуртских оригиналах произведений. Русские переводы, даже авторские, во многом уступают в точности употребления языковых средств). Оба писателя (правда, в разной мере) опираются в своем глубоко литературном языке на богатства южного диалекта удмуртского языка. И того и другого иные поверхностные критики обвиняют в трудности языка. Наконец, оба прозаика не менее удачно вводят в речь и русские конструкции, которые все больше проникают в разговор сельских жителей. Тем не менее появление первых произведений Г. Красильникова относится к тому периоду, когда творчество таких талантливых писателей, как Кузубай Герд, Ашальчи Оки, Кедр Митрей, Г. Медведев, М. Коновалов, замалчивалось. Г. Красильников просто не имел возможности читать их. Потому-то и невозможно усматривать прямое влияние на него предшествующей удмуртской литературы. Если тут и есть какое-то влияние, то оно опосредствовано через М. Петрова, Т. Архипова. Но как раз стилистика Г. Красильникова меньше напоминает более рафинированную стилистику этих писателей, она ближе к языковому творчеству Г. Медведева. Тут, видимо, сказывается просто одинаковый душевный склад писателей, одинаковость подхода к народному разговорному языку, обостренный интерес к его доселе неиспользованным пластам.

Говорят, что новое – это хорошо забытое старое. Очевидно, возврат к пройденному после какого-то этапа развития уже с позиций новых достижений заключается в самой диалектике развития литературы. Но необходимо оговориться, что Г. Красильников близок к Г. Медведеву в чем-то одном, в методологии отображения крестьянской жизни, что ли, в творческом направлении, а в" остальном – они писатели совершенно разные. И разные у них герои. Если Г. Медведев с суровым реализмом обнажает темные стороны быта периода коллективизации, то Г. Красильников более мягок, более Лиричен. Да и творчество его целиком обращено к сегодняшнему дню. Как и всякий настоящий художник, Г. Красильников проложил в советской литературе свою, непохожую на другие дорогу.

Внимание к личности // Счет предъявляет время : сб. лит.-крит. ст. / сост. А. Ермолаев. - Ижевск : Удмуртия, 1977. – С. 129–146.

К ПОЭТУ – С ОТКРЫТОЙ ДУШОЙ

Вроде это было совсем недавно. Когда удмуртская литература во главу угла ставила так называемую гражданскую позицию писателя, имея в виду обычно прославление одной политической партии и ее вождей. Критика ругала произведения, раскрывающие просто межчеловеческие отношения. Даже слово «лирика» определяло второсортные стихи, и лирика – почти вся! – называлась альбомной. Поэтому пыжились писать «гражданские» вирши, воспевая те или иные деяния партии. Из всех поэтов двадцатых годов одна Ашальчи Оки сумела избежать явных политических стихов. Да, немало создали отличных лирических произведений и Кузубай Герд, и Михаил Петров, и Игнатий Гаврилов. Но затем на них сыпалась сокрушительная критика и высокие постановления.

Во второй половине пятидесятых вслед за русской литературой и удмуртская все больше внимания стала обращать на обыкновенного человека, его чаяния и чувства. В это время к творчеству обратились многие молодые. Среди них первым стал Михаил Покчи-Петров, артист, режиссер и поэт, чья жизнь оказалась короткой. За ним уже с гордо поднятой головой шли Семен Перевошиков, Флор Васильев, Александр Белоногов. Да и прошедшие через фронты Великой Отечественной Степан Ширококов, Тимофей Шмаков, Николай Байтеряков, Илья Зорин повернулись лицом к настоящей лирике.

Семена Перевошикова, его лирику и юмор заметили, когда он был еще студентом Удмуртского пединститута (ныне университет). Он там был и старостой литературного, творческого кружка.

Хотя публикации в печати были замечены и старшими поэтами, первую книжку Семен Перевошиков выпустил лишь в 1962 году. Назвал ее «Вуюись» /«Радуга». Книжка была воспринята очень хорошо.

При подготовке книги мы и познакомились близко. Семен работал в редакции газеты «Советской Удмуртия» (ныне «Удмурт дунне»). Я же был редактором Удмуртского книжного издательства, потому и редактором первой книги стихов Семена. Работали мы в одном здании, встречались каждый день. Затем нам случилось поработать вместе в одной редакции – журнала «Молот» (так тогда назывался «Кенеш»). Семен был всегда полон юмора, даже тогда, когда в его жизни были весьма заметные сложности и трудности.

Уже отметил, что Семен Перевошиков начал писать в переходное время. Поэтому и творчество его разнообразно до противоречивости. Особенно в молодой период он восславляет партию с ее вождями. Куда же денешься, если были воспитаны на этом? Кто же в то время обошелся без этого? Ни Михаил Петров, ни Игнатий Гаврилов... Нынче вот

выпендриваются новомодные писатели, художники, карикатурно изображая прошлое своего народа. А Семен Перевошиков читал и прошлое, и настоящее своих земляков. Он создал прекрасные лирические стихи, тексты песен (иногда по заказу театральных режиссеров), острую сатиру.

Стихов С. Перевошиков оставил не так уж много – на один томик. Но разве можно оценивать значение поэта по количеству строк? Вспомним русского поэта Александра Грибоедова. Нам известна одна его поэма «Горе от ума». А кто скажет, что этого мало, чтобы войти в историю литературы навечно? У удмуртской поэтессы Ашалычи Оки я, который занимался изданием ее стихов, знаю их всего 37. Но ее стихи живут и будут жить! Хотя в свое время очень старались добиться, чтобы она перестала писать, пытались предать ее забвению. А ее стихи живут и на удмуртском языке, и на русском, и на венгерском – изданы отдельным сборником.

Уверен, что и лучшие стихи Семена Перевошикова будут также жить – были бы лишь понимающие и внимающие душевным порывам поэта читатели.

Семен Перевошиков среди сверстников-поэтов отличался особой любовью к родному слову. Он всегда старался высказываться образно и по-особому метко. Он находил в народной памяти редкие образные выражения. И они вставали в его строчки весьма красочно.

Мне очень дороги те стихи Семена, в которых он проникновенно говорит о своем крае, о родной деревне, о людях, живущих на удмуртской земле. Вот, например, стихотворение «Кошкид ке съ□рло»/ «Коль уехал ты на чужбину», – строки о том, как человек по тем или иным причинам покидает родную деревню, но не может забыть ее.

Не возьмешь с собой,
Не увезешь на чужбину
Луга, родник, лесок.

И с характерными приметам родного края поэт вспоминает тех, кто провожает:

Вздыхнут, останутся,
Жалея, провожая,
Родня и соседи в конце поля.

К сожалению, поэтического перевода на русский язык не нашел, привожу в своем подстрочном, буквальном переводе.

Да, наше время такое: устоять на одном месте, в родном селе трудно. Но и раньше, – допустим, Михайло Ломоносов – из северной деревни приехал в столицу и стал мировой известностью. А другой, оставаясь в деревне, может стать специалистом очень высокого класса, тоже знаменитостью. Трудно человека упрекнуть, что он остался в деревне или уехал в город. У каждого своя судьба. И Семен Перевошиков

никого не осуждает, не поучает. Он старается поговорить с читателем по душам.

В том же стихотворении поэт развивает свою мысль и вспоминает традиции своего народа. Вот к чему он приводит:

Хоть умирать
Возвращался в свою деревню
В древние времена удмурт...

Не злясь ни на кого, не поучая никого, сказал так, что сердце сжимается.

Вот другое стихотворение:

Тяжко,
Когда падают друзья,
Тяжко,
Когда друзья поднимаются.
Часто ведь так случается,
Портит человека
Высокое кресло.

Тому, что друг поднимается по служебной ли лестнице, в творческой ли деятельности, надо бы радоваться. Можно бы тут подумать, что поэт завидует другу. Но нет! Часто ведь «друг», поднявшись наверх и заняв высокое кресло, заболевает высокомерием и бывшего друга ни во что не ставит – кресло его портит. Ну, неужели не тяжело?

Как-то один из хороших поэтов меня упрекнул: ты, мол, неплохо пишешь о поэзии, но не обращаешь внимания на философскую поэзию. Это правда. У нас немало стихотворцев, затрагивающих философию. Я их стараюсь обходить стороной. Да и русские поэты – «любомудры» (это слово – прямой перевод от термина «философия») меня не так чтобы за сердце брали. Философия – это рассуждение, «ума холодное наблюдение». Будь хоть трижды умным, без души, без сердца поэзия не получается, особенно лирическая. Да и юмор, и сатира страдают.

Конечно, и приведенные, и другие стихи у Семена Перевошикова каким-то краем относятся к философии. Но вместе с тем они задушевные. Таких стихов у поэта можно найти не так уж мало.

Вот мне и хочется, чтобы и удмуртские, и русские читатели замечали такие стихи Семена Перевошикова и со вниманием относились к ним.

Семен Перевошиков. Эти строчки простые мои ... : стихотворения, поэма, воспоминания о писателе, посвящения / С. А. Перевошиков ; сост. М. Э. Перевошикова (Кряжева) ; пер. с удмурт. : В. Емельянова, С. Орлова, В. Семакин и др. - Ижевск : Удмуртия, 2006. – С. 269–273.

РЕЦЕНЗИЯ НА РУКОПИСЬ А.Г. ШКЛЯЕВА «В БЕГЕ ЗА ВРЕМЕНЕМ»*

Рукопись А. Шкляева «В беге за временем» ставит целью исследовать становление удмуртской литературы и критики в 1917–1934 гг., то есть литературный процесс, который, как справедливо утверждает автор, складывается из взаимодействия литературы и критики. А. Шкляев прекрасно знает все, написанное на эту тему предшественниками (правда, написано весьма немного, явно недостаточно) и добивается вполне конкретной цели – показать живой литературный процесс того периода удмуртской литературы, когда происходило формирование основных принципов социалистического реализма. И привлеченный материал, включающий произведения тех лет и борьбу мнений вокруг них, с одной стороны, и аспект литературоведческого анализа, с другой, – есьма новы для удмуртского литературоведения. Поэтому представленная рукопись вызывает большой научный интерес, а анализ литературного процесса в популярной, доступной для широкого круга читателей форме делает ее и совершенно необходимой и учителям, и студентам, и всем, кто мало-мальски интересуется историей удмуртской литературы.

Методологическая основа анализа литературного процесса и произведений писателей вполне соответствует современному состоянию советской литературоведческой науки.

Вместе с тем хочется пройти внимательным критическим взглядом по представленному богатому литературоведческому полю и пожелать автору еще раз просмотреть некоторые положения и формулировки. В некоторых случаях не хватает логики в аргументации полемичных утверждений, в других – терминологической четкости и точности передачи мысли оппонента. Но об этом по порядку.

1. Думается, надо бы новый заголовок книге. «В беге за временем», по-моему, звучит несколько иронично.

2. Стр. 2–3. Неубедительно опровергаются положения П. Домокоша. Венгерский исследователь говорит о специфических задачах удмуртской литературы, о ее национальном своеобразии, а тов. Шкляев А. Г. спорит, что она общечеловечна. Ведь ясно, что П. Домокош ни в коей мере не отрицает ее общечеловечности, так как своеобразие никогда не отвергало общечеловеческой сути. Тут просто диалектическое единство противоположностей, следовательно, спорить исследователям не о чем.

3. Стр. 3. Явно недостаточный перечень книг, освещающих «вопросы развития удмуртской литературы 20-х – 30-х годов». К тому же на стр. 7 снова дан перечень книг о литературе того же периода, но уже совсем другой; и по нему пионером изучения удмуртской литературы выглядит З. А. Богомолова. Автор, надеюсь, согласится, что на самом деле это далеко не так. Надо привести к подлинности эти перечни, сведя их в один.

4. Стр. 4. Думается, неуместно включение в исследование полемики неназванного «одного из литературоведов» – без ссылки на источник – с П. К. Поздеевым. Тем более, и тема не раскрыта и не имеет большого значения.

5. На этой же странице встречается термин «младописьменные советские литературы». Хотелось бы предложить обходиться без этого термина, ввиду его размытости в современном литературоведении.

6. Не стоило бы так резко противопоставлять свое отношение к критике 20–30 гг. и отношение к ней предшественников, которые тоже спорят с ней, значит, изучали ее. Другое дело – мера изучения. Но это не повод для противопоставления.

7. Стр. 9. «Раздумья селянина» перевел не Максим, а Михаил Прокопьев, а «Интернационал» – Максим Прокопьев.

8. Стр. 9–10. Когда речь идет о газетах «Войнаысь ивор» и «Виль син», не надо так однозначно утверждать, что они были абсолютно монархическими, что «стихи, печатавшиеся на страницах этих газет, представляли собой иллюстрацию идейной программы» монархизма. Да, монархически направленные материалы преобладали, но стихи печатались весьма разнообразные по идейной направленности.

9. Стр. 11. Едва ли верно утверждать, что «вернувшийся с фронта» М. Прокопьев издает в г. Осе сборник. Точнее: фронт был там же, потому и исчез почти весь тираж сборника.

10. Там же. Нельзя так абсолютно приравнять два понятия: «национальное, т.е. внеклассовое». Взаимоотношения этих понятий гораздо сложнее.

11. Стр. 12. Автор утверждает: «Почти все литераторы в это время взывают к общенациональному чувству, выступают за национальное единство». Мне это представляется сильным преувеличением, несмотря на расплывчатое ограничение – «почти».

12. Там же. Без какого-то перехода к возможной новой мысли начало следующего абзаца говорит уже об исторической ограниченности «общедемократических призывов». Создается впечатление, что если «выступают за национальное единство», то это все равно что «общедемократические призывы». Я, например, в этих двух призывах единства не вижу.

* С некоторыми сокращениями.

13. Стр. 15. Представляется сильной натяжкой утверждение о том, что Герд, прочитав доклад об истории финской литературы, стал призывать ориентироваться не на русскую, а на финскую литературу. Подобные необоснованные заявления встречаются и в дальнейшем (стр. 29 и другие).

14. Стр. 21. Представляется совершенной необходимостью расшифровать «идейные шатания» Трофима Борисова. Здесь совсем не ясно, в чем заключались эти шатания. Обвинение серьезное, но голословное.

15. Там же. Неубедительно объяснение изменений оценки Гердом М. Ильина под влиянием П. Горохова. Эти изменения могли произойти и по другим мотивам.

16. Стр. 23. Непонятна связь между работой Герда и выходом журнала «Кенеш». Разве Герд – основатель «Кенеша»? Если так, надо об этом подробнее.

17. Стр. 24. Едва ли можно называть стихи Д. Майорова безоговорочно «революционными», по крайней мере, в тех вариантах, в каких они существовали при жизни автора, а не в переработках П. Чайникова и А. Клабукова. Надо тут точнее.

18. Стр. 29. Весьма неубедительно утверждение, что вульгарно-социологическая критика «способствовала повышению социальной активности». Она обычно достигала обратного эффекта.

19. Стр. 29–30. Термин «гердовщина» в 20–30 гг. имел иной смысл, он обозначал уход от социальности в любовную и пейзажную лирику, а не бытовизм и народнические настроения.

20. Стр. 30–31. Односторонне дана характеристика Герда Егоровым.

21. Стр. 31. Очевидно, правильно утверждение о «гипертрофированном самолюбии» Герда, но ссылка на устное высказывание А. Клабукова несерьезна. Обосновать же этот тезис можно анализом некоторых выступлений самого Герда. Такой материал есть в печати.

22. Стр. 32. Неуместно говорить о содержании разговоров Герда «с представителями буржуазной Эстонии, Венгрии, Финляндии», если не можете доказывать это документально. Хотя бы в предположительной форме говорить, но уж никак не в категорической.

23. Там же. Думается, эпиграмма А. Багая на сборник «Лёгетъёс» отнюдь не «уничтожающая», а довольно беззуба и отражает лишь форму «ступенчатых» стихов.

24. Стр. 38. Необходимо написать более доказательно, а не так походя о «примиренческих позициях» ВУАРП. Это совершенно новая постановка вопроса, и ее нужно проиллюстрировать.

25. Стр. 39. Едва ли можно считать достоинством в работе ВУАРП бесконечные дискуссии. В то время, уверен, они были совершенно ненужной и вредной роскошью и проходили схоластично и вульгарно.

26. Стр. 40–41, 43–44. Здесь не мешало бы точнее выражаться насчет «узости» и «широты» критериев в зависимости от их вульгарно-социологизма и «теории единого потока». Для меня эти связи остались недоступны. Зачем вульгарно-социологическую примитивную критику связывать с «чистым» социалистическим реализмом? Что сие вообще? И тут же: причем оценка с точки зрения критического реализма чьих-то ошибок? Не впадает ли тут автор в ту же вульгарную социологию?.. Все-таки надо бы как-то внимательнее читать тех критиков, с которыми автор не согласен, а не оглуплять тех, кто лет 15–20 назад писал не так, как думает исследователь наших дней. Да и нельзя смешивать точки зрения двух литературоведов, с совершенно разных позиций называющих проявлениями критического реализма произведения разных писателей, совершенно различных по духу. Разнородные явления надо рассматривать дифференцированно. Но вот и на стр. 55 встречаем прием смешения двух разнородных концепций. Хуже того, когда противоречия одного исследователя выдаются за две разнородные точки зрения двух исследователей. Прием, смею утверждать, не научный.

И обязан заметить автору рукописи – в ответ на его рассуждения на стр. 43–44 и 93, – что развитие любой литературы нельзя объяснять только «инонациональным литературным наследием». Диалектика развития мировой литературы показывает, что все ее стадии – общая закономерность. Иначе мы должны признать правоту тех ее исследователей, которые считают классицизм в русской литературе лишь отражением французского, романтизм – английского. А как быть с известным положением диалектики: «развитие есть саморазвитие». Нельзя же и все развитие удмуртской литературы сводить к инонациональному влиянию. И едва ли при этом уместны аморфные, далеко не терминологические «термины» З. А. Богомоловой: «наивный», «фиксирующий» реализм и прочая ерунда.

27. Едва ли можно назвать лубочной прозой такие записи и обработки народных легенд, как «Зэрпальёс». Думается, к лубку это не имеет отношения. А если лубок, постараться показать убедительнее.

28. Стр. 47. Уж больно шатки устои называемой автором «социалистической» литературы. Все-таки такое звание надо присуждать только явлениям высокохудожественным. А не тем писаниям, которые вообще вне литературы художественной. Нельзя, по-моему, называть идейными ориентирами произведения, не представляющие сколь-либо художественных ценностей. Но, однако, увлеченный автор может доказать их художественную ценность для своего времени, тогда пусть посмотрит историческим взглядом.

29. Стр. 47. Само по себе использование библейских сюжетов и языческих поверий в художественном произведении не является ни плохим, ни хорошим моментом. Все дело в том, какова позиция автора. Мало ли в наши дни появляется произведений по мотивам религиозных сюжетов (хотя бы серия рисунков Жана Эффеля, «Божественная комедия» И. Штока). Поэтому, если непременно надо обвинять в этом И. Михеева, И. Яковлева, М. Ильина, то требуется четче раскрывать их позиции, а не повторять глупости начинающего А. Ермолаева. И в конце страницы переход к разговору о классовом и национальном нелогичен: ведь использование христианских сюжетов перечисленными выше авторами никак нельзя назвать национальным явлением.

30. Стр. 51. Думается, автор неправ в объяснении причин длительного молчания таких писателей, как Ашальчи Оки, Аркадий Клабуков-Багай. По крайней мере, все не так просто и однозначно. О таких серьезных вещах нельзя так походя и категорично утверждать: «Не смогли подняться на уровень задач времени». Это жестоко и несправедливо.

31. Стр. 53. Слишком опрометчиво и необоснованно, по-моему, в 1978 году восхвалять «оптимистичные» эпилоги «Камита» М. Тимашева.

32. Там же. Походя сказано о «социалистическом романтизме» Герда. Думается, если такой термин вводить, надо его обосновать. Это же отнюдь не общепринятый термин.

33. Стр. 54–55. О времени написания первых разделов «Крезьчи» у автора есть убедительные догадки, но доказательств явно не хватает. Не хватает их и у оппонентов. Дело в том, что Ф. К. Ермаков опирается на двухкратные утверждения самого Герда. В принципе эти авторские признания можно и оспаривать, но для этого должны быть веские аргументы. 1) Только то, что до Октября стихи не публиковались, – это не абсолютный довод против того, что стихи были написаны. Дело автора – когда их публиковать и какие причины содействуют или препятствуют публикации. 2) Публикация после Октября тоже не доказывает, что они не были написаны раньше. 3) хронологический принцип не отрицает типологического принципа: можно их сочетать. Во всяком случае, насчет времени написания всех ли стихов анализируемого раздела или отдельных надо спорить не с Ф. К. Ермаковым и П. К. Поздеевым, а с самим Гердом.

34. Стр. 56–57. Опять-таки неубедительна ссылка на послеоктябрьскую плодовитость Герда, потому что автор опять же апеллирует к тем же публикациям. Количество публикаций может объясняться тем, что Герд печатает ранее написанное. Здесь также не мешает учесть наше замечание № 26 насчет смешивания мнений двух оппонентов.

35. Если говорить об оценке Гердом революции, нельзя опираться на анализ лишь одного стихотворения. Как минимум, надо сопоставить два стихотворения под названием «Революция», напечатанные почти рядом в сборнике «Крезьчи», чтобы взгляд не казался односторонним, тенденциозным.

36. Стр. 60. Неубедительно насчет «неактивности» Герда и его лирического героя.

37. Там же. «Гуртын буран» и «Ячейка ВКП(б)» (а возможно, и «Бригадирлэн кыр-анэз», «Гигант плакат кадь») – это не самостоятельные стихотворения, а главы поэмы «Бригадиръёс». И потому их надо анализировать в тесной связи. Разрывая их, можно не так понять. Это относится и к стр. 117.

38. Стр. 79. Неточные рассуждения о значении и сути метафор и формы стиха (см. на полях).

39. Стр. 82. Представляется неточным объяснение отсталости драматургии отсутствием профессиональной сцены. И едва ли можно говорить о «наивной форме социалистического реализма на сцене». Причем тут реализм? Очевидно, это натурализм в терминологическом смысле (но не в бытовом).

40. Стр. 83 и далее. Очень большая и ненужная натяжка – одинаково называть «Лицо со шрамом» и «Лозинское поле» хроникальными. Это совершенно разные по поэтике романы и в одно прокрустово ложе не укладываются. И потом – что это «хроникальность»? Что такое очерковость? Где автор видит единомышленников литературоведов в определении «Лозинского поля» как хроникального и очеркового произведения?

41. Стр. 84. Представляется великой натяжкой выведение названия колхоза «Почин» из названия ленинской статьи «Великий почин». Надо, анализируя, не так далеко отталкиваться от удмуртского текста.

42. Стр. 86. Малоубедительно сравнение начальных страниц романов М. Горького «Мать» и М. Коновалова «Лицо со шрамом». Мало ли есть и будет романов, которые начинаются с описания места действия. Тут приоритета М. Горького нет, и нет оснований обвинять М. Коновалова во «внешнем подражании» М. Горькому.

43. Стр. 89–90. Выглядят натяжкой сравнения «биологических начал», «натурализма» (почему-то употребляемого в бытовом, а не терминологическом смысле) у М. Коновалова и Г. Медведева.

44. Стр. 90. Почему-то вдруг на миг возникает разговор о «повествователе» и тут же исчезает. В конце страницы автор рукописи уже смешивает не только повествователя с автором романа, но и автора с героем.

45. Стр. 98. Не найденное тов. Шкляевым А. Г. стихотворение Герда «Удмуртам» напечатано в «Крезьчи»: стр. 158–159.

46. Стр. 111. История стихотворения Герда выхвачена с середины. Стихотворение впервые опубликовано в 1923 году в «Гудыри» 19 мая и называлось «Мон – кизиско гинэ».

47. Стр. 112. В полемике С. П. Барышникова с К. Гердом фактически явно проигрывает первый, а не второй; хотя бы полной алогичностью обвинений. В этом выступлении национализм оборачивается против удмуртов.

48. Стр. 114. Зачем повторять неумные домыслы А. Багая насчет «поцелуемся с кулаком». Ясно же, Герд писал совсем о другом и не так глупо. В его стихотворении все, к кому обращается поэт, названы по фамилиям. Причем тут кулак?

Вот основные замечания к рукописи тов. А. Г. Шкляева. Они имеют целью помочь автору более точно выражать свои научные позиции, не больше. Но и не меньше.

После доработки автором книгу надо издавать. Обилие замечаний рецензента не должно пугать ни автора, ни издательство. В конце концов, и автор, как и рецензент, имеет право на собственное мнение.

(Из семейного архива 1978 г.).

ОБ УДМУРТСКОЙ ПОЭЗИИ 1980 ГОДА*

Удмуртская поэзия, дошедшая до читателя в 1980 году, богата и разнообразна. Только отдельными сборниками вышли стихи и поэмы одиннадцати авторов. Из номера в номер печатались стихи в журнале «Молот». Появлялись произведения разных жанров: от миниатюры до большой поэмы, от притчи до оды. В публикациях журнала «Молот» представлена и ретроспектива (А. Клабуков, Д. Яшин, Ф. Васильев) и – в основном – новые стихи, созданные если не в самый последний год, то в последние два-три года.

* С некоторыми сокращениями

В обзоре использованы поэтические публикации поэтов: Ф. Васильева, Д. Яшина, В. Ванюшева, В. Ившина, Ф. Пукрокова, Т. Черновой, Л. Кутяновой, А. Титова, А. Уварова, А. Перевощикова, А. Клабукова.

Поскольку со стихами выступили в журнале и самые старшие поэты, и дебютанты, материал для обозрения самый разнообразный.

Разумеется, в обзоре невозможно говорить о каждой книге и подборке по отдельности обстоятельно. Очевидно, это дело текущего рецензирования. Тем более на часть книг: Д. Яшина, В. Ванюшева, В. Ившина, Ф. Пукрокова, А. Перевозчикова – уже есть печатные рецензии. В этом обзоре постараемся лишь разобраться в основных направлениях, в том новом, на наш взгляд, что появилось в поэтической продукции нового года, то есть попытаемся разобраться в поэтических поисках, и то без особых претензий на полноту.

Пожалуй, главная примета времени – это тенденция эпизации поэзии. В 1980 году в журнале «Молот» появился ряд поэм – сюжетных произведений, стремящихся довольно широко охватить действительность. Примером этой тенденции можно назвать поэмы Степана Широбокова «Нефть», Александра Белоногова «Виль инвис», Федора Пукрокова «Эденей но Визь-Тэрек», некоторые стихи Андрея Бутолина, притчи Владимира Владыкина. Эту же тенденцию подтверждают венки сонетов Иосифа Боброва «Нянь» и поэма Владимира Коткова «Альжан». Как видим, для одного года это весьма немало.

В критике уже отмечалось, что эпизация лирики выражается и «в стремлении подняться над единичной точкой зрения, сделав лирический ракурс стиха подвижным и всеобъемлющим» (А. Пикач). Это стремление ярче всего проявилось в последней, составленной при жизни Флора Васильева книге «Ойдо вераськом». Не только в заглавном, но и в ряде других стихотворений поэт ищет собеседника, чтобы сопоставить свое мнение с мнением другого человека и выявить таким образом истину. У поэта насущная необходимость обсудить прожитую жизнь и объективно отделить хорошее от плохого.

Об эпизации лирики свидетельствует и более широкое использование сюжета в стихотворении. Этот сюжет нередко бывает связан с народным преданием – то есть опять-таки с эпическим жанром фольклора. Взять хотя бы стихи Флора «Крезь»/ «Гусли», «Инву утчан гур»/ «Мелодия поиска небесной воды». И здесь поэт-лирик ведет поиск объективной истины; пусть даже в стихах она ассоциируется с фольклорными представлениями. И эта сюжетная эпизация лирики уже вполне проецируется на отображение современности. Яркий пример тому – стихотворение того же Флора Васильева об управляющем отделением совхоза, о конкретном человеке со своим именем и адресом – «Петрович».

Подобные шаги в сторону эпики мы могла бы указать и у других наших поэтов. Они есть и в сборнике Даниила Яшина, и в книге Анатолия Уварова. Но, думается, не нужно наращивать примеры. И дело во все не в том, кто первый или кто последний сделал шаги в этом направ-

лении. Дело в самом направлении развития поэзии, в общих тенденциях, закономерностях.

Я говорю об общих тенденциях эпизации поэзии. Но это отнюдь не означает, что лирика исчерпала себя. Лирическая струя остается в нашей современной поэзии наиболее сильной и многообразной. Тут, в свою очередь, тоже есть свое разнообразие. Мне хочется подчеркнуть усиление лирической публицистики. Ее мы видим в лучших стихах Андрея Бутолина, Даниила Яшина, и в этом году особенно сильно – в сборнике Василия Ванюшева «Шунды но гудыри». Поэт извлекает публицистику в самых неожиданных деталях: и в названии лога, и в названии родной деревни, и в этнографических приметах. Поэтам этого направления хотелось бы лишь пожелать побольше заботиться о глубине, подтексте стиха, быть более точными в образах, лучше оттачивать язык.

К публицистической же ветви примыкает, на мой взгляд, и лирика Федора Пукрокова с его некоторыми причудливыми и небезынтересными поисками. Новая его книга – шаг вперед по сравнению с предыдущей. В ней содержатся интересные раздумья о нашей жизни. Но есть одна, как мне кажется, опасность у этого автора. Уж очень индивидуалистичен его герой (и лирический, и эпический – Визь-Тэрек), уж очень он противопоставлен массе, очень он замкнут в своих симпатиях (в пределах: отец-мать-я-жена). Я не имею здесь возможности развернуто показать это с анализом стихов, с цитатами; ограничусь лишь кратко указаниям на свои опасения – пусть субъективные.

Пути поэзии неисповедимы. Вот мы привыкли к песенной лирике Николая Байтерякова, а затем к его полным, кроме лирики, ностальгией по прошлому поэмам. А теперь – новая лирика, которая значительно отличается от прежней. Наиболее отчетливо она проявилась, прежде всего, в стихотворении «Азвесь лодка». Это произведение, признаюсь, для меня было неожиданным и во многом непонятным. Оно не до конца, может быть, понято и теперь. Но смысл его проявляется в свете новых стихов, написанных в том же русле. Это, прежде всего, – «Крезь бурд вылын»/ «На крыльях гусель». Здесь чувствуется романтический взлет немолодого лирического героя навстречу еще нечетко очерченной то ли неизвестности, то ли вечности. В этих стихах нет песенной прозрачности, в них – причудливая ассоциативность. Это нечто новое. Ранее неведомое в удмуртской поэзии. нашей критике еще предстоит разобраться в этом явлении. Но нет сомнения, этот опыт мастера обогащает палитру нашей современной лирики.

В этом же русле можно рассмотреть и стихотворение «Улонме усьтисько», опубликованное в том же № 5 «Молот». Хотя внешне оно напоминает некоторые прежние песни поэта, но в нем заключен новый заряд. Оно сильно перекликается и со стихотворением «Толэзьыс пыл». Но и в этом сравнении мы найдем много нового в образной сис-

теме нового стихотворения. Здесь остро ставится вопрос о взаимном созвучии сердец, о звучании их в унисон, о тонком понимании друг друга, о слиянии душ на этой волне. Стихотворение – романтическая мечта о гармонии.

Как мы видим теперь уже, поэзия в 1980 году развивалась в разных направлениях. И в общем – это показатель нашего обогащения новыми находками. Но тем не менее я не могу не присоединиться к тревогам Владимира Романова, высказанным в его статье в № 3 «Молота»: все-таки недостаточна работа над адекватной содержанию художественной формой. И не только у молодых авторов, но и у тех, которых я уже упоминал.

Поэты поэтами, однако, но и на нас, критиках, лежит вина, когда не по той дороге движется поэзия. Чего стоит, например, утверждение о том что в поэзии «как и на свадьбе, есть и предводители, и последователи (точнее: «азьветл □сьёсыз но келисьёсыз»), что Даниил Яшин – всегда среди предводителей. Не мной первым сказано, что в литературе все – рядовые, что «слишком подчеркивая и возвышая одну и ту же фигуру, мы тем самым затемняем рост значения других», что «чрезмерное расхваливание одних способно вызвать у других чувства и настроения, вредные для нашего общего дела, для нормального роста нашей литературы». Главное право литераторов – не командовать друг другом, а учить друг друга. Учить – значит, взаимно делиться опытом. Думаю, что деление писателей на предводителей и последователей ничего, кроме вреда, принести нам не может.

У меня такое же недоумение вызывает и резкое деление стихов на «гражданские. Партийные и пронизанные теплым юмором лирики на разные темы» (в том же послесловии к сборнику Даниила Яшина). Я убежден, что и партийность, и лирическая теплота должны быть во всех произведениях, как их дух, как вся внутренняя направленность.

Если говорить о поэзии Даниила Яшина. Мне больше импонируют стихи, по-современному освещающие и развивающие традиции фольклора. Они, как правило, и гражданственны, и лиричны. И в книге избранных его, в «Моих заботах» есть такие. Скажем, вот «Кышномурт – со шудбур», где автор по-современному переосмысливает удмуртскую поговорку «Кышномурт – □ыны юрт»/ «Женщина – полдома»; создает прекрасный гимн женщине, настоящее гражданское произведение, которое послужит общему делу. А та же тема в стихотворении «Мак сяська» воплощена и слащаво, и претенциозно, и неточно. В нем трудно понять: то ли автор сравнивает розу по красоте с маком, причем мак оказывается высшим мериллом красоты, то ли путает эти совершенно разные цветы. Потому и трудно поверить в искренность лирического героя, потому и чувства, и мысли получаются недостоверны, фальшивы, хотя как будто внешне и красивы.

Особо приходится говорить нынче о стихах, навеянных поэтам памятью о Флоре Васильеве. Теперь многие поэты или посвящают его памяти свои произведения, или берут эпиграфом его строки. В обозреваемых книгах и подборках таких стихов немало. У одного Василия Ванюшева их четыре. Есть они у Вениамина Ившина, у Анатолия Перевозчикова. В их стихах, как правило, есть и масштабность в охвате явлений жизни, и доброе, почти нежное отношение к окружающим людям.

Вообще нужно сказать, что влияние рано и трагически ушедшего большого поэта на молодых огромно и плодотворно. Лучше всего об этом сказал Анатолий Перевозчиков. Совсем неожиданная переключка получилась у Федора Пукрокова стихотворением «Сюресъёс» со стихами Флора Васильева «Од □ г гинэ»/ «Единственное» «Вордскон инты ум бырйисъе»/ «Родины себе не выбираем»: у соловья всегда одна песня; почему она не надоедает; наверно, потому что его песня о родине. В какой-то степени эта тема навеяна Расулом Гамзатовым.

Но вот, говоря о влияниях, мимоходом замечу стихотворения, которые появились в 1980 году. Одно в книге и принадлежит Федору Пукрокову; другое в журнале «молот» пера Владимира Владыкина. Оба буквально повторяют стихотворение Прокопия Чайникова, опубликованное в 1933 году. Но первоисточником и оно не является. Прочитаем все три стихотворения: отчетливо видим во всех трех интонации и чувства из стихотворения Сергея Есенина в его «персидском цикле» – «Шаганэ ты моя, Шаганэ». Едва ли тут нужны комментарии.

В 1980 году немало появилось и произведений сатиры и юмора. Среди них – книга Анатолия Уварова «Кык пол кык – вить»/ «Дважды два – пять». Выход такого сборника надо приветствовать. В нем много тонкого юмора и едкой сатиры. Но мне было трудно читать сатирическую поэму «Кык пол кык – вить». Трудно из-за того, что там каждое слово – отдельная строка. Я не вижу основания для такого дробного членения каждой строки, – оно не оправдано никакой идейно-художественной целью.

Хочется отметить и довольно успешные выступления в юмористическом жанре на страницах «Молота» Анатолия Комарова.

Итак, особенность года – обилие дебютов. Пусть первые книги невелики, – у каждого дебютанта чувствуется свой голос. Никак не спутаешь несколько тяжеловесную, но глубокую образность Людмилы Кутяновой и прозрачные, романтизированные стихи Татьяны Черновой. Мне весьма симпатична задиристость молодых, – их стремление утвердиться в глазах бывалых людей. Мне думается, именно такие герои, каких выводят перед нами наши молодые поэты, и есть самые современные герои, активной и деятельной в лучшем смысле жизненной пози-

ции, не нуждающиеся во всяких скидках на молодость, если хотите – вездесущие, старающиеся опережать время.

И такой герой обычно требователен к себе, он стремится к высокой духовной планке. В этом смысле мне очень нравится лирический герой Людмилы Кутяновой; этот герой и спутника себе выбирает по такому же принципу: требовательного и сильного, который и тебя сделает сильнее. В этом я вижу активную позицию вступающих в жизнь и литературу, их гражданственность.

Когда-то была война. И выросли уже люди, которые ее вообще не то что не видели, не видели и тыла, который все отдавал для победы, не оставляя себе куска хлеба, выращенного на женском и детском поту. Но тем не менее по прошествии трех с половиной десятилетий в стихах тех, кто во время войны был младенцем или родился в те годы, вновь и вновь остро встает тема войны. Ею насыщена и книга Александра Титова, и книга Анатолия Перевозчикова. Пожалуй, самая характерная черта первой книги Анатолия Перевозчикова – это подбор точных и ошеломляющих метафор. Весьма характерное для него стихотворение «Т □ ды юсь»/ «Белый лебедь». В этом стихотворении молодой поэт сумел точно найти материализующую, овеществляющую и потому делающую невещественное представление о счастье зримым. Эта метафора – белая лебедь, которая села на реку жизни лирического героя. Метафора сложная и неожиданная для удмуртской поэзии. Такая же смелая развернутая метафора использована в стихотворении «Пеймыт уйин □ ыгырт □ з»/ «Темной ночью обнял». Хорошо, что здесь поэт так укрупнено-остро говорит о любви, о серьезном отношении к любви, которая может стать равной большому пожару.

За метафорической усложненностью лучших стихов Анатолия Перевозчикова улавливается и стремление к отточенности, к афористичности.

Разумеется, молодым еще не всегда хватает широты взглядов, пристальности. И вообще удмуртская поэзия еще не отрешилась от слишком прямолинейных, лобовых решений проблем. Подытоживаю те проблемы, которые пока остаются не решенными нашей поэзией: отсутствие острого чувства современности, например, проблем деревни; инертность формы (однообразие образов, рифм, строф); разрушение стиха (дробление без надобности, пренебрежение к музыкальности, к четкости строфического оформления).

Думается, более глубокое проникновение в толщу народной жизни, в ее проблемы, неустанность поисков образности, новых художественных средств – вот путь к возмужанию поэзии.

(Из семейного архива. Для журнала «Молот», январь 1981 г.).

О СОСТОЯНИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ

Тезисы доклада на X съезде писателей Удмуртии

После опубликования Постановления ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» (декабрь 1971) литературная критика в Удмуртии заметно оживилась. Журнал «Молот» почти в каждом номере публикует статьи и рецензии критиков, вышло несколько статей и рецензий в журналах «Дружба народов», «Октябрь», «Литературное обозрение», «Урал», «Волга» (авторы А. Шкляев, З. Богомолова). На темы современной удмуртской литературы сделали сообщения на конференции финноугроведов в г. Петрозаводске Ф. Ермаков, А. Шкляев, в Казани – З. Богомолова. Вышла книга З. Богомоловой «Песня о родном крае» с литературными портретами Д. Яшина, Н. Байтерякова, В. Семкина, О. Поскребышева, Ф. Васильева.

Наряду с изучением современного положительного героя в удмуртской литературе (Н. Кралина, журнал «Молот»), критики стали пристальнее изучать вопросы взаимообогащения братских литератур и развития национальной специфики (статьи и выступления на конференциях Ф. Ермакова, В. Ванюшева, П. Поздеева), проблемы развития удмуртской детской литературы (В. Ивашкин). Состоялась плодотворная дискуссия в журнале «Молот» о жанре современного рассказа.

Исподволь, хотя еще и медленными темпами, изучается становление и развитие социалистического реализма в удмуртской литературе, многообразие видов и жанров современной литературы; не остаются без внимания художественные открытия наших поэтов и прозаиков. Наряду с рецензиями, все больше становится удельный вес обзорных и проблемных аналитических статей. В настоящее время мы не можем повторять, как много лет подряд, тезис о большом отставании литературной критики от развития прозы, поэзии и драматургии. Критики глубже стали вникать в художественную ткань произведений, не омертвляя ее. В этом смысле весьма интересны последние статьи Н. П. Кралиной, опубликованные в журнале «Молот». Критик в них силен глубиной конкретного анализа произведений.

В период между IX и X съездами писателей наши критики принимали участие в семинарах и курсах повышения квалификации, организованных Союзом писателей СССР и РСФСР в Москве, в Переделкине, в Дубултах, в Комарове. Несомненно, такая форма учебы дает

ощутимые результаты в повышении профессионального уровня критиков.

При Союзе писателей создана секция критиков, которая объединяет около двух десятков представителей этого вида литературы – членов Союза писателей и молодых авторов. Проведено несколько заседаний секции, на них обсуждались вопросы профессионального мастерства и активного вмешательства критиков в литературный процесс, а также эстетического воспитания широких читательских масс. К сожалению, подобных совещаний нам удалось организовать мало – из-за большой занятости руководителя этой секции (им был А. Ермолаев – Н. Е.) на основной работе. Секции критиков в будущем нужно больше внимания уделять коллективным формам работы: конференциям, дискуссиям. Нужно нацеливать критиков на ныне не решенные проблемы литературного процесса.

Секция критики совместно с издательством «Удмуртия» готовит к выпуску в 1975 году сборник литературно-критических статей, посвященных путям развития удмуртской литературы. Это будет за последние годы первое издание подобного рода. До этого сборник критических статей разных авторов выходил в 1932 году на удмуртском языке. Как видите, между этими двумя сборниками разрыв в 43 года. Выделена нам небольшая книжная площадь – четыре авторских листа, а статей в настоящее время представлено уже листов на семь. (Сборник «Счет предъявляет время», составленный А. Ермолаевым, вышел в 1977 году объемом 9,7 авт. листа. – Н. Е.).

В постановлении пленума правления Союза писателей СССР от 28 января 1972 года «О мерах по дальнейшему развитию литературно-художественной критики в свете решений XXIV съезда партии и постановления ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» ставится задача «усилить работу писательских организаций, литературной печати по эстетическому воспитанию трудящихся. Оказывать действительную помощь органам народного образования в постановке преподавания литературы в школе». В свете этой задачи предстоит большая работа и нам. В настоящее время Министерство просвещения республики, идя навстречу интересам литературы, завершает переход к новым программам в V-VIII классах. Созданы новые учебники-хрестоматии. Идет подготовка к введению преподавания удмуртской литературы в IX-X классах. Готовится к изданию рукопись учебника по удмуртской литературе для старших классов. Думается, от критиков, как и от всех литераторов, школам республики потребуются большая помощь в налаживании достойного преподавания удмуртской литературы.

Издательство «Удмуртия» выпустило ряд монографических книг о творчестве ведущих удмуртских писателей. Особого внимания заслуживает завершение издания наглядных пособий для школ. Серия состо-

ит из 14 выпусков, каждый из них посвящен творчеству одного писателя, который изучается в школе. В ходе подготовки наглядных пособий авторами накоплен огромный фактический и иллюстративный материал о писателях. Инициатор и организатор этой серии – редактор издательства В. Т. Кузнецова.

Теперь почти на всех встречах с читателями ставится совершенно справедливый вопрос о выпуске подобных пособий на русском языке большими тиражами. Потребность в литературоведческих материалах об удмуртской литературе на русском языке огромная. Давно пора уже переиздать в обновленном виде био-библиографический справочник о писателях Удмуртии. Переиздание справочника в обновленном виде уже не терпит отлагательств.

Достойна всяческой поддержки библиографическая работа отдела краеведения республиканской библиотеки имени В. И. Ленина. Там не только составлен подробный каталог удмуртской литературы, но и готовится к изданию фундаментальный библиографический справочник по удмуртской литературе. Хотелось бы только, чтобы тираж этого справочника был достаточным и поступил в продажу в книоторговую сеть.

Хотя и робко, критики стали браться за воспитание художественных вкусов читателей. Эта работа требует больших трудов: нужно полнее осмыслить всю совокупность духовного богатства, созданного удмуртскими писателями, и мастерски поднести этот материал читателям.

Воспитание художественного вкуса надо начинать с детского возраста. И тут особую роль играет пионерская газета «Дась лу!». Эта газета со дня восстановления ее из выпуска в выпуск, систематически печатает статьи, посвященные удмуртскому искусству, удмуртской литературе. Хотелось бы лишь пожелать редакции больше требовательности при публикации самих художественных произведений для детей.

Не все, однако, благополучно и в самой литературной критике. Оставляет желать лучшего ее профессиональный уровень. Наши критики недостаточно воплощают в свое творчество огромные достижения современной советской критики. Нет-нет встречаются отголоски преодоленной в союзной критике вульгарной социологии, примитивно-прямолинейно трактующей сложные явления современного литературного процесса. Уже Н. П. Кралина в одном своем выступлении отметила вульгарно-социологические мотивы в ходе дискуссии об удмуртском рассказе. К сожалению, в статье в двух номерах журнала «Молот» (№№ 1 и 2 за 1973 год) Н. П. Кралина сводит развитие творчества Г. Красильникова, например, только к поиску идеального героя: «Что касается оценки Соснова, то критикой он принят безоговорочно как идеальный положительный герой. Если бы это было, действительно, так, то можно бы было говорить о завершенности писательского поиска на данном

этапе, в данной плоскости», – утверждает критик. Если бы было, действительно, так, скажем мы, незачем было М. Горькому после образа Павла Власова в «Матери» писать Егора Булычева, Вассу Железнову, и, наконец, Клима Самгина, которые весьма далеки от идеального героя.

Нет, пути писательских поисков регламентировать прямой линией к идеальному герою и неправильно, и вредно. Писатель призван всесторонне и глубоко исследовать все проявления жизни. Нельзя согласиться с таким мнением, что в развитии писателя только поиск положительного героя – восходящая линия. История литературы часто показывает обратное.

Критиков Удмуртии в последние годы стали больше заботить идейно-художественные качества литературного произведения, но и в этом направлении еще не все благополучно. Бывает порой, критик восторгается книгой, явно видя, что она создана языком канцелярского протокола, да и сюжет не достоин похвалы, причем неумеренной похвалы. Еще больше сотни лет назад великий русский критик В. Г. Белинский писал: «...По моему мнению, первый и главный вопрос, предстоящий для разрешения критика, есть – точно ли это произведение изящно, точно ли этот автор поэт? Из решения этого вопроса само собой вытекают ответы о характере и важности сочинения». У нас же часто – в угоду тематике – рассматриваются на одном уровне и талантливое произведение, и ремесленническая халтура, художественно беспомощное сочинение. Критик переходит к необоснованной комплиментарности, к непомерным причислениям явлений рядовых или вовсе ненужных к явлениям гениальным.

Весьма актуален вопрос о литературном мастерстве самого критика. Мы должны писать так, чтобы, читая наши статьи и книги, люди получали не меньшее эстетическое удовлетворение, чем читая стихотворение или повесть. Можно ли сказать, что мы добились вразумительности и доступности идеологических установок, прицельности критического огня, что определяется художественным уровнем? Отнюдь нет. Часто читателю приходится преодолевать логические и нелогические лабиринты из громоздких и тем не менее бесцветных фраз. Такие построения бывают бесполезны. Чтение таких опусов не вызывает у читателя признательности к труду критика, и что бы он ни писал, не добивается ни уважения, ни сочувствия, ни любви читателя.

С другой стороны, иной критик слишком озабочен украшением каждой своей фразы, так что без ужимки, без красоты ничего и не скажет, затемняя самодовлеющим значением фразы смысл. Порой и сам забывает, о чем хотел сказать, занимаясь красованием перед читателем.

У критиков накопилось немало проблем, решение которых не от них зависит. На первом месте тут – проблема публикаций, особенно на русском языке. Есть для этого лишь небольшая площадь газеты «Ком-

сомалец Удмуртии», да и эта газета проявляет тенденцию к сокращению площади под литературно-критические материалы. Не сказывается ли тут засилие «Опиумного кольца»?

Явно мало печатает критических статей «Удмуртская правда», допуская к своим страницам одного-двух критиков. Редакция «Удмуртской правды», как правило, произвольно обращается с рукописями критиков, правит статьи, не согласуя правку с автором, не считаясь с авторской концепцией. Предпочитает редакция печатать рецензии лишь на кинофильмы, концертные и цирковые программы (для рекламы их?).

Довольно остро встает вопрос о кадрах профессиональных критиков. Все они у нас занимаются критической деятельностью в свободное от основной работы время, или, иначе говоря, любительски. После указанного выше Постановления ЦК КПСС в ряде журналов и газет Москвы, Ленинграда и других городов учреждены должности литературных обозревателей. Целесообразно было бы учредить одну-две такие должности и в редакциях Удмуртии. А используя возможности филологического факультета Удмуртского государственного университета, можно готовить литературных критиков. Для этого вводить спецкурсы и спецсеминары, утверждать курсовые и дипломные работы по темам удмуртской литературной критики.

Союзу писателей Удмуртии следует серьезнее интересоваться литературной сменой, готовить ее, используя все возможные пути, и создавать условия для плодотворной работы молодых.

(Из семейного архива, 1974 г.).

ОТЗЫВЫ, МНЕНИЯ, МЫСЛИ

Отзыв о дипломной работе Г. М. Загуменновой «Традиции и новаторство в романе Г. Красильникова «Начало года» и в повести Р. Валишина «Гора ветров»

Тема дипломной работы, безусловно, актуальна и нуждается в глубокой научной разработке. Выбранные произведения каждый по своему этапны в развитии удмуртской прозы по своей поэтике.

Автору работы удалось правильно обозначить проблематику изучения вопроса (и в тематике, и в системе образов, и в сюжете, и в поэтике). И эта удача – самое главное достижение работы. Достижение немалое, если учесть, что вопрос почти не изучен профессиональным литературоведением. Думается, Г. М. Загуменновой удалось не только обобщить почти все из ранее разрозненных наблюдений исследовате-

лей, но и наметить новые подходы в плане более цельной концепции в сравнительном анализе намеченных произведений по отношению их к предыдущему развитию удмуртской прозы, также и в сравнении их между собой.

К наиболее сильной стороне исследования я бы отнёс и конкретный анализ текстов выбранных произведений. Тут автору удастся найти весьма убедительные аргументы в защиту своей концепции.

Более слабая сторона – общие рассуждения о традиции и новаторстве (гл.1), попытки наведения мостов с русской и советской литературой (Л. Толстой, Ф. Достоевский, В. Распутин). С подобными трактовками «источников» творчества удмуртских писателей я знаком давно, но они меня не убеждают, представляются слишком прямолинейными, примитивными. Более правдоподобным выглядит поиск родословной романа «Начало года» в недрах творчества Чехова (особенно тип сюжета).

В исследовании 1991г. неплохо бы взглянуть «новым оком» и на «мелкобуржуазную» психологию крестьянина. Тогда бы появилась возможность более правильной трактовки и характеров в диалогии о Кабышевых, образа Оникея. Но, очевидно, это требование не для автора дипломной работы, а для более опытных исследователей.

Дипломная работа Г. М. Загуменновой написана на хорошем исследовательском уровне и заслуживает вполне хорошей оценки.

Алексей Ермолаев, член Союза писателей СССР 4.06.1991

(Из семейного архива).

Отзыв о дипломной работе Т. С. Зыкиной «Колхозно-производственный роман в отражении удмуртской критики»

Производственный роман в современной русской критике получил уже вполне отрицательную оценку. В удмуртской же литературе он своей позиции сохраняет только потому, что проза вообще мала и она в основном представлена колхозным романом: если покусаться критике на производственный роман, то мало что остаётся в удмуртской прозе. Думаю, что именно поэтому удмуртская критика стоит на распутье: рискнуть или не рискнуть?

Правда, уже есть попытки риска. Взять хотя бы книгу Т. Зайцевой «Идеал и реальность».

Именно исходя из такого положения удмуртской литературы, к дипломной работе Т. С. Зыкиной приходится подходить с обострённым вниманием.

Основная концепция работы мне представляется правильной: на путях производственного романа удмуртская литература не смогла добиться значительных достижений. Она прошла схематичный и довольно драматичный путь, если не сказать трагический. Всё-таки лучшее произведение этого жанра – первая трилогия, трилогия Григория Медведева. Все последующие произведения – лишь бледные вариации первого и в основном уже забытых русских образцов. Сколько ни сравнивай повесть «Перед рассветом» с уже забытой «Жатвой» Галины Николаевой, или «У реки Лудзинки» с ней же, от этого удмуртскому производственному роману славы не прибавится. Так же славы ему не прибавили повторы характеров романа Григория Медведева в повести Михаила Петрова и в дилогии Трофима Архипова. Увы, больших достижений прозы я не вижу и в романах Генриха Перевошикова.

Хотя Т. С. Зыкина эту мысль проводит довольно завуалированно, несмело, думаю, что она права. Об этом пора прямо говорить во имя будущего удмуртской литературы. Этого уже не поймут многие наши пожилые писатели и критики. Слава богу, что молодые это начинают понимать.

Конечно, в дипломной работе собственно анализа критики производственного романа маловато. Но это обстоятельство едва ли можно поставить в вину непосредственно дипломантки. Во-первых, такой анализ – очень трудное дело, требует опыта критического, во-вторых, в той прошлой критике концепций-то почти и не было. Критики в основном повторяли одни и те же партийные постулаты «теории» соцреализма. А некоторые видные напрямую переносили на книги удмуртских писателей суждения русских критиков и литературоведов о книгах русских писателей. Вот такая была критика. Но исследование таких явлений – не для дипломных работ, им стоило бы заниматься в своё время сатирикам. Но они уже упустили время. Лучше теперь изучать достойный опыт.

Работа Т.С.Зыкиной заслуживает вполне хорошей оценки.

*Алексей Ермолаев, член Союза писателей РФ 11.06.1997
(Из семейного архива).*

Отзыв о дипломной работе Н. В. Корепановой «Женская тема в поэзии Флора Васильева»

Обращение новых и новых студентов университета к лирике Флора Васильева меня радует. Работа Н. В. Корепановой, на мой взгляд, – это весьма удачное проникновение в «тайны» поэтического творчества классика удмуртской литературы. Совершенно новый взгляд

на образ женщины в лирике Ф. Васильева. Думается, весьма плодотворный и логичный. Удачно распределён и материал по 4-м главам: образ матери, образ жены, образ вообще женщины и выражение вечной женственности. Градация вполне правомерная. Всё это исследовано добротой и любовно. Впервые в нашем литературоведении так полно и хорошо раскрыта одна из важнейших особенностей лирики поэта.

Вполне возможно, Н. В. Корепанова и впредь будет исследовать лирику. Поэтому хотелось бы обратить внимание на несколько жесткое связывание образа жены поэта только с Фаиной. Да, несомненно, стихи, рассмотренные во 2-й главе работы, связаны с женой Флора Васильева. Но лирика никогда не может быть связана только с одной конкретной личностью. Тут всегда присутствует художественное обобщение. Поэтому «Я помню чудное мгновенье» А. Пушкина – не только об А. П. Керн. «Шаганэ, ты моя Шаганэ» С. Есенина – не только о конкретной Шаганэ. Тут, несомненно, присутствует и взгляд на вообще женщину, и на вечную женственность, и ещё что-то, что делает стихи высокой поэзией. Но это замечание – только для дальнейших раздумий автора, для будущих исследований.

И ещё хотелось быть, чтобы об удмуртской поэзии писали работы больше на удмуртском языке.

Дипломная работа Н. В. Корепановой заслуживает самой высокой оценки. Мне показалось, у автора явно ощущается обострённое чувство к настоящей поэзии. Это радует.

(09.06.1996, из семейного архива).

Рецензия на рукопись монографии В. Г. Пантелеевой «Поэтический мир Флора Васильева»

Монографий о творчестве удмуртских писателей, особенно поэтов, написано ещё крайне мало. Да и они не всегда блещут глубиной анализа. А творчество Флора Васильева, несомненно, заслуживает всестороннего исследования, во-первых, уже потому, что творческое наследие довольно большое и богатое; во-вторых, он во многом помог удмуртской поэзии совершить переход (после 30–50-х годов) к более человечному отношению в поэзии к самому человеку, к развитию настоящей глубокой лирики; в-третьих, после очень противоречивых суждений и неприятия поэта, наконец-то, приходит настоящее признание его таланта (увы – посмертно).

В. Г. Пантелеева весьма углублённо изучила творчество Флора Васильева. Если до неё отдельные исследователи раскрыли отдельные стороны творчества поэта, где-то, грубо говоря, расставляли вехи на

этом пути, то в монографии чувствуется капитальное исследование поэзии.

Монография четко делится на две части (две большие главы с подглавами): мир поэзии Флора Васильева в оригинале, то есть на удмуртском языке (что уже, на мой взгляд, могло быть отдельным исследованием) и проблемы перевода лирики поэта на русский язык (эта часть вообще нова для исследователей удмуртской литературы, да и во всей российской науке я встречал крайне мало подобных работ). Автор монографии, таким образом, взвалила на свои плечи два огромной тяжести груза.

Мне думается, обе части В. Г. Пантелеева разработала весьма и весьма успешно, совершенно по-новому для удмуртского литературоведения. Анализ поэзии поражает подробностью. Хотя сама оговаривается, что охватила столько-то стихотворений. Но стихи для анализа отобраны удачно. Поневоле приходит на мысль изречение одного восточного мудреца: чтобы определить вкус мёда необязательно съесть всю бочку, достаточно одной ложки. Микрокосм поэзии Флора Васильева разобран очень подробно. В работе точно определены сквозные доминантные образы его лирики. Спорить с автором монографии тут едва ли возможно.

Так же хорошо, чтобы не сказать грубовато – дотошно, разобраны и переводы стихов. Мне, знатоку поэзии Флора Васильева, было очень интересно и полезно знакомиться с обеими частями монографии.

А отрицательные замечания мои даже относятся не к одной данной монографии, а к канону диссертационных работ вообще. Меня при чтении сильно раздражает обилие ссылок. Я понимаю, что это вроде бы доказательства верности постулатов, а с другой стороны – преклонение перед предшественниками-мэтрами. Но разобраться с ходом мыслей автора мне это всегда сильно мешает. Мне мешает, конечно, и слишком большое увлечение микрообразами. Мне кажется, иногда за деревьями трудно увидеть лес, разобраться с главными мыслями и переживаниями поэта. Всё-таки «поверку алгеброй гармонии» мне хочется оставить пушкинскому Сальери. Да, нынешние молодые литературоведы почти все этим увлекаются. Но, кто бы что ни делал, пушкинский шедевр «Я вас любил» не поддаётся алгебраизации. Мне не очень нравится и обилие слишком узких и специфических терминов иностранного происхождения. Но и это, кажется, относится к каноническим требованиям современных диссертаций. Я бы предпочёл более понятный язык, каким пишет академик Д. С. Лихачев, каким умел писать историк Л. Н. Гумилёв.

А монографию нужно издавать. Она ценна по содержанию.

Член Союза писателей России, председатель комиссии по литературному наследию Флора Васильева Алексей Ермолаев,

Отзыв о дипломной работе С. Ф. Васильева «Методика изучения художественного произведения. Формы повествования в прозе. Опыт комплексного анализа».

Дипломная работа представляет собой сложнейшее экспериментальное исследование – опыт анализа одного произведения приёмами и методами четырёх литературоведческих школ: функциональной, «проблемы автора», «теории полифонического романа», структурализма – с целью выявления особенностей каждой из них. И для анализа взято одно из сложнейших в идейно-художественном отношении произведений – «фантастический рассказ» Ф. М. Достоевского «Сон смешного человека». Мне было чрезвычайно интересно знакомиться с попыткой овладеть столь различными методиками анализа художественного произведения, тем более, что в «большом» литературоведении как-то не приходилось встречаться с такого рода экспериментами. Там обычно одна школа у другой подмечает в основном недостатки и каждая себя представляет универсальной, хотя при ином подходе одна школа могла бы другую дополнить и вместе служить цели более глубокого проникновения в суть художественного произведения.

Работа С. Ф. Васильева показывает, что при серьёзном подходе к исследованию студент может неплохо овладеть методами литературоведческого анализа. Думается, анализ по всем четырём «школам» удался, хотя, может быть, в одних случаях лучше, в других – несколько хуже. Мне, например, больше понравилось, когда автор изучает рассказ, используя методы М. М. Бахтина (гл. III), Б. О. Кормана (гл. II), меньше – функциональный и структурный. Очевидно, и автору ближе первые две школы, хотя я бы не стал столь категорично противопоставлять в данном случае советские и зарубежные школы, как это делается в начале главы «Вместо заключения». По-моему, здесь нет веского основания проводить между ними «китайскую стену» и называть одни марксистскими, другие – антимарксистскими. По крайней мере, материал дипломной работы не даёт материала для такого заключения. Прав С. Ф. Васильев, когда утверждает, что каждая школа предполагает «определённый охват художественного произведения», «разноуровневые «срезы». Вот здесь нет ничего априорного, всё вытекает из предыдущего анализа.

Есть в работе некоторая жёсткость формул, но они чаще всего вызваны особенностями исследуемых литературоведческих школ, лишь изредка – неопытностью исследователя.

В общем же дипломантом проделана огромная экспериментальная, по-настоящему исследовательская работа, могущая быть весьма полезной не только для автора, но и для всех его последователей – студентов, желающих знакомиться с возможностями и особенностями разных школ в литературоведении. Поэтому хотелось бы рекомендовать университету опубликовать работу С. Ф. Васильева в качестве учебного пособия для студентов.

Дипломная работа заслуживает самой высокой оценки.

18.05.1981 (Из семейного архива).

Рецензия на рукопись Л. Д. Айтугановой «Удмуртское стихосложение. Вопросы развития»

Актуальность и крайняя необходимость исследования по теории удмуртского стихосложения не вызывает ни малейшего сомнения. Это первое действительно научное изучение проблемы. Были, правда, попытки как-то решать эти вопросы по частям (поэты, критики писали о поэтическом образе, о ритме, о рифме, о тропах), но эти работы и не носили системного характера, а порой бывали и просто эмпирическими и дилетантскими. На научность они и не могли претендовать.

Работа Л. Д. Антугановой отличается научностью. В ней переработан и эмпирический, и теоретический материал (последний, естественно, относится не только к удмуртскому стихосложению). Работа мне нравится обстоятельностью анализа, отсутствием в ней скоропалительных и широковысказанных выводов. Автор как бы приглашает читателя к совместным спокойным размышлениям над особенностями удмуртской версификации.

Л. Д. Антуганова в своём исследовании основывается на особенностях удмуртского языка – лексикологии, морфологии, синтаксиса, фонетики, акцентологии, – которые, кстати, тоже ещё слабо разработаны языковедами. Стиховеду многое приходится осваивать самостоятельно.

Думается, Л. Д. Антуганова верно оценивает значение и возможности удмуртского ударения, то есть не преувеличивает его роль, как в обычной фонетике, так и в стихосложении.

Особо хочется отметить значение реабилитации удмуртской силлабики. До сих пор на неё почти не обращалось внимания или её просто считали неполноценной, архаичной, что ли. А силлабика – она равноправна с силлаботоникой, с тоникой и другими системами. А в удмурт-

ском языке, языке с фиксированной акцентной системой, она, очевидно, практически может и должна быть доминирующей.

Хочу обратить внимание на одну небольшую деталь в рукописи. В анализе ритмики поэмы Г. Верещагина «Батыр д□сь» (с. 87) в строках «Мар лэсьтомы, соин / кенешсалмы татын» автор исследования усматривает, что «Г. Верещагин, подчиняя строку схеме анапеста, ударением выделяет второй слог» – в слове «лэсьтомы». «В слове «кенешсалмы» знак ударения не поставлен, но под влиянием предыдущей строки также ударение ставим на третий слог». Здесь, по-видимому, проявилась общая неизученность удмуртской народной акцентологии. Действительно, в нормах современного литературного языка в обоих случаях ударение падает на последний слог. Думается, на это явление надо взглянуть исторически. Дело в том, что, в частности, в Кукморском диалекте в подобных глаголах множественного числа ударение падает именно на предпоследний слог. Такое явление встречается в народных песнях, в частности, записанном Б. Мункачи «Туж бад□ым гуртэ (ми) вуэммы вал». Не исключено, для Г. Верещагина именно такая акцентная форма этих глаголов была естественной. Ведь тогда ещё не существовали современные литературные нормы. До этих тонкостей, к сожалению, не добралась ещё удмуртская лингвистика. Поэтому моё замечание ни в коей мере нельзя поставить в упрек автору монографии. Это, так сказать, информация к дальнейшему размышлению.

В общем же монография получилась добротной, убедительной. Написана на вполне хорошем литературном языке. Надо её издавать.

Алексей Ермолаев, литературный критик,
член Союза писателей СССР

27.11.1990 (из семейного архива).

Рецензия на рукопись С. Васильева и В. Шибанова о творческих особенностях удмуртского народа (рукопись пока без названия)

Рукопись представляет огромный интерес для широкого круга творческой интеллигенции не только удмуртского народа, но и для всех интересующихся проблемой механизма развития культуры, как в интернациональном, так и узко национальном плане. В ней использован колоссальный, как интернациональный философский и культурологический, так и удмуртский национальный фольклорный, литературный и общекультурный, а также исторический материал с учётом и типологии, и диахронии от мифологии до постмодернистских течений, хотя сведения о постмодернизме мне кажутся достаточно спорными по от-

ношению к удмуртской культуре. То, что подобное достаточно глубокое исследование удмуртской культуры, предпринятое впервые, вполне состоялось, – у меня нет ни малейшего сомнения. Авторами вполне правомерно поднят и хорошо освоен огромный пласт удмуртского фольклора, литературы, изобразительного искусства, а также явлений, непосредственно не относящихся к собственно культуре, а больше – к особенностям народа (в таких разделах, где рассматриваются трагическое, суицид, комическое). Таким образом, в данной работе сделан огромный шаг в изучении не только культуры, но и истории и современного характера удмуртского народа. Авторы, несомненно, справились с такой обширной задачей. Рукопись также даёт материал и направление и для дальнейшего изучения поставленных проблем.

Таким образом, рукопись заслуживает самой высокой оценки.

Вместе с тем хочется высказать несколько конкретных замечаний, касающихся отдельных, может быть, не таких уж значительных недостатков.

В первую очередь – общее для нескольких глав. Мне показалось, что авторы несколько увлекаются переложением некоторых теоретических постулатов И. Н. Смирнова и других, особенно в началах глав IV, V, VI и несколько меньше – в других. В развитии дальнейшего изложения конкретного материала постулаты не очень-то и подтверждаются. К тому же мне кажется, что не все постулаты теоретиков подтверждаются материалом удмуртской культуры и действительности. Некоторые постулаты мне кажутся «спекулятивными», то есть выведенными чисто из умозрительных философских рассуждений, а не из живой действительности. Поэтому постулаты из начал указанных глав очень трудно понимать не специалисту по очень узким проблемам. Именно использование таких постулатов оставляет иногда впечатление, что авторы сбиваются на такие авторитарные методы изложения материала, какие были характерны, когда историки брали основные положения «Краткого курса истории ВКП(б)» и подбирали под них местные примеры. Таким способом составлены, например, два тома Истории Удмуртии. Да, тут постулаты совсем другие, но они иногда дают на авторов исследования. Лучше бы избавляться от такого впечатления.

Далее приведу некоторые постраничные замечания.

IV-2.3. Тут необходимо, по-моему, более критическое отношение к некоторым положениям М.Г. Худякова, хотя примерно так же рассуждают и другие наши учёные.

Очевидно, М. Г. Худяков закончил работу над сводом эпоса в 1922 году. Это уже довольно позднее время для составления древнего эпоса. Надо учесть: давно прошла христианизация удмуртов, наступило время атеизма, да и сам составитель – христианин. Поэтому трудно предположить, что позднее христианство не повлияло на свод. Мне,

например, всегда казалось христианской натяжкой усматривать троицу Инмар – Кылдысин – Куазь – в совершенно языческой иерархии. В моём понятии, думаю, и в понятии язычников-удмуртов, эти понятия никогда не были сопоставимы. Инмар – это самое верховное божество, он один. Кылдысин (иначе – Кылчин) – это некто подчиненный Инмару, вроде или ангела, или апостола, но никак не равный Инмару. А Куазь – это вообще персонифицированное понятие. Да, есть такие обращения, как Инмаре-Кылчинэ, Инмаре-Куазе. Но убеждён, что эти сдваивания подчёркивают только их близость к Инмару. Если признать по-христиански Троицу, к какой иерархии относится Мукулчин? Я уверен, что у язычников-удмуртов бытовал один Бог Инмар, и никого равного ему не было, как бы ни толковали учёные, в т. ч. и Г. Верещагин: ведь он был христианином. Никакого многобожия, никакой Троицы не было. А всякие Вукузэ, Корка кузэ, Мунчо кузэ – это не боги. Да, М. Г. Худяков говорит о троице. Но это – его выдумка.

Во всяком случае, надо быть очень осторожным с «типологией» удмуртского эпоса с христианской Библией. Вся эта типология могла быть привнесена позднейшими обработчиками-христианами – вольно или невольно.

IV-8. Как бы ни относились нынешние исследователи к трём русским революциям, я никак не могу согласиться с утверждением, что революции стали национальной катастрофой для удмуртской культуры. Для удмуртской культуры они явились катализаторами развития. После 1905 года появились удмуртские издания в Казани, Вятке, позднее – в Елабуге, Осе, по данным Н. П. Павлова – в Уфе, возможно в Перми. Стоит только взглянуть на подшивки газеты «Гудыри» – поражаешься обилию в ней литературных материалов. Где это видано даже нынче – в общеполитической газете из номера в номер по 2–3 стихотворения! Это не катастрофа культуры!

Хочется подчеркнуть, что после революции развивались отнюдь не только агитационные жанры. В это время зарождались основы удмуртской классики (Кузубай Герд, Ашальчи Оки, Кедр Митрей).

IV-14. «Примечательно, что удмуртские прозаики были вынуждены переписывать (отсюда двойные даты) свои первоначальные тексты, потому что в ранних редакциях они походили на сборники (циклы) отдельных очерков (М. Лямин, Т. Архипов)». Думаю, что во вторую половину данного текста вкралась расхожая мысль об обязательной «новеллистичности» первых удмуртских повестей и романов, особенно повторявшаяся в своё время у З. Богомоловой. Я уверен, что переделка М. Ляминим и Т. Архиповым первоначальных текстов повестей не была вызвана необходимостью преодоления «очерковой» ли, «новеллистической» ли особенности, а попыткой устранить элементарную бессюжетность, беспомощность построения произведения.

«Новеллистичность» повестей и романов в удмуртской литературе – это механический перенос чужих постулатов на явления удмуртской литературы, отчасти вызванный утверждением, что, мол, молодые литературы, а также молодые писатели должны начинать с малых жанров и постепенно переходить к крупным. Беда в том, что в удмуртской литературе оказалось, что жанр рассказа наименее разработан, в ней очень мало хороших новелл, но роман и повесть разработаны лучше. А создать настоящую повесть в новеллах – это архитрудная задача. Помоему, на этом потерпел фиаско Евгений Самсонов в последних романах. Более или менее к этому жанру близок у нас один Г. Красильников – и то далеко не в чистом виде.

IV-19. «Художественный дискурс... переподчиняет всю инфраструктуру гуманитарного знания». Этот тезис верен по отношению ко многим удмуртским писателям, когда они в художественных произведениях пытаются объяснить исторические и другие явления (даже к «Старому Мултану» можно отнести). Но он не верен, когда писатель берётся писать явно не художественное произведение (Ашальчи Оки – о трахоме, М. Петров – о всеобуче). Это уже другая творческая установка писателя.

V-5. V-10. Судьбу А. Колесниковой едва ли можно связывать так жёстко с мужем-работником КГБ. Там может быть совсем иная причина трагедии. Теперь никто уж истину не установит.

V-7. Я не понял, почему Иван Дмитриев («Ворд□ськем пальёсын») относится к «творческим персонажам, вступающим в контакт с народными представителями» и оттого оказывается – трагическим. Надо бы понятнее показать.

V-11. Уход в церковь М. Атаманова едва ли можно однозначно объяснить «отчуждением от государства», политической апатией. Причина может оказаться гораздо более глубокой. Или более поверхностной. Едва ли нам её стоит разгадывать. Может человек и обидеться.

V-13. Не уверен, что эмиграцию Л. И. (Так! А не А. В.) Савельевой-Котляровой можно напрямую связывать с проблемой выживания творцов. Я знаю её и её мужа В. С. Котлярова. Тут причины отъезда, думаю, другие. С её стороны более вынужденно, поскольку муж уехал. Во всяком случае, оценивать поступки нужно осторожнее.

I-9. По-моему, слишком мудрёно объясняются причины сокращения эпоса М. Худякова Д. Яшиным. По его объяснениям, он сокращал отнюдь не из-за повторения блоков, а просто не захотел показать не очень идеальных отношений межнациональных (с дзючами) и не хотел показывать особенностей языческих верований удмуртов, т. е. испугался чуть ли не самого главного в эпосе, чего не боялся русский М. Худяков.

Постраничные замечания, думаю, не затрагивают сути этого большого и ценного исследования. Дело авторов, сочтут ли они возможным что-либо исправить по замечаниям. В них много от моих субъективных размышлений.

Думаю, что конкретные замечания несколько не умаляют значения капитального труда С. Васильева и В. Шибанова, уверен, что исследование необходимо издавать.

*Алексей Ермолаев, член Союза писателей России,
критик, литературовед
13.02.1996 (Из семейного архива).*

**О повести «Песня огненной реки»
и легенде «Такова моя воля»
Николая Бехматова**

Николай Бехматов всерьёз занимается художественным освоением довольно-таки древней истории предков удмуртов на территории от Волги до Урала. Он уже выпустил роман на удмуртском языке «Юсьёс но ку□ъёс» («Лебеди да соколы», 1995). Теперь представил на русском языке повесть «Песня огненной реки» и легенду «Такова моя воля».

В аннотации к повести говорится, что автор описывает жизнь, быт, обычаи, нравы, верования, связи древних племён и народов, живших примерно во втором тысячелетии до нашей эры вдоль побережий рек Камы, Волги, Вятки, Белой, Урала и Уральских гор. Это то дальнейшее время, от которого не осталось никаких исторических документов. Разве что некоторые заметки путешественников из Греции, Рима, Юго-Восточной Азии. Если историкам известны записки западных путешественников, то исторические источники Индии, Китая, да и многих арабских стран им ещё не известны. Поэтому художнический взгляд на эту историю особенно интересен. Настоящий художник интуитивно может приблизиться (разумеется, на основе каких-то глубоких исторических познаний) ко многим пластам истории. Свидетельство тому – многие произведения мировой литературы (взять хотя бы Томаса Манна с его романом «Иосиф и его братья», да и немало других).

К сожалению, исторических источников древних времён нам до сих пор известно очень мало.

Вот в такую темень ринулся Николай Бехматов со своим творчеством. Кедр Митрей, Анатолий Леонтьев и другие удмуртские писатели брались за отображение истории нашей эры, а тут – до нашей эры.

Думается, во многом это Николаю Бехматову удаётся. Во всяком случае, моим историческим познаниям особых противоречий я не могу обнаружить. Такая версия исторических событий имеет право на суще-

ствование. А уж такой чуши, которая присутствует в фильме Черниенко «Тень Алангасара», который консультировали два доктора (!) исторических наук – К. Куликов и В. Владыкин, в повести явно нет. Ведь в фильме в наших северных лесах люди бегают не то в трусах одних, не то в набедренных повязках, как будто у нас нет комаров и мошкар, как будто у нас так же жарко, как у папуасов. Уж конечно, никакой мудрый старик из героев Бехматова не допустит принародно укладывать голую девушку в первую борозду (это ранней весной) на сырую, холодную землю! И принародно её там насиловать. Да и никакой мудрый старик у Бехматова не убьёт священную птицу лебедя. Слава богу, Бехматов в своей повести на предшественников нынешних удмуртов смотрит с уважением, с любовью, с чувством правды и такта.

Художественные образы персонажей в повести довольно-таки обозначены, особенно это касается Алики Дунву. У братьев – сыновей Баляна, к сожалению, характеры обозначены в меньшей степени.

Нередко проявляются и взгляды автора на разнообразные пути развития народов, на естественный и искусственный отбор людей. Например, в одном месте персонажи говорят об измельчении каких-то племён, о праве жить тем людям, которые по каким-то признакам здоровья не подходят к общим стандартам. Хотя автор и пытается противопоставить явно профашистским взглядам иной взгляд, но мне лично всё это не импонирует. В этих взглядах нет ни гуманизма, ни благородства, ни милосердия – того, что отличает человека. Да и какая наука доказала, какие жизненные стандарты должны быть у людей? Настоящий ариец? Нордический тип? Это мы – человечество – уже проходили. Был и Нюрнбергский процесс. Не стоило бы это пытаться возрождать.

Потом, когда пишешь об истории локального одного народа, всё-таки автору надо думать, что могли знать тогда (три-четыре тысячи лет назад) эти племена, а что не могли. Я, например, ни в коей мере не могу поверить, что герои повести могли молиться и греческим, и римским, и русским, и своим богам: Силургу, Агни, Перуну, Марсу, а также Инмару, Дурге, Вотану. Ну, им неоткуда было знать чужих языческих богов. Так же и греки не знали удмуртских. То же самое с географическими названиями. Ну, какие-то путешественники назвали Урал Рифейскими горами, а Волгу – Ра. Но ведь наши предки не читали их записки и называли свои горы и реки не по-гречески, а по-своему. Мне, например, в названии Волга слышится явно финно-угорское звучание, но никак не славянское. Да, существует убедительная версия, что и Москва – это несколько преобразованное финно-угорское слово. Сопоставьте хоть: Иньва, Сылва и пр.

Потом автор в одном месте говорит, что наши предки давали своим детям имена по названиям птиц и зверей, всяких животных. Это и в самом деле так. Но откуда взялась Алика? К тому же Алика владела

уже и письмом. Откуда? Каким письмом? А вот имя Алкынча явно тюркское. Юхала – очевидно, западно-финское, эстонское. И в речи персонажей вклиниваются или современные, или явно заимствованные слова: бицепсы, мускулы, дискуссии, мозг. Да и явно славянские «витязи» и «бабы» здесь совсем неуместны. Так же и «соколики».

Я не знаю, как выразались мои предки четыре тысячи лет назад, но знаю, что явно иностранные и славянские слова им не были известны. В этих краях тогда не было никаких славян. Не знали наши предки и такого явно татарского слова «урман» – лес.

Можно сказать, что эти слова – мелочи. Но такие мелочи, из-за которых перестаёшь доверять автору и тогда, когда он явно прав.

Легенда «Такова моя воля» тоже, наверное, имеет право на жизнь. Но её нужно бы значительно сократить, стараться сделать так, чтобы словам было тесно, а мыслям просторно. Фольклор особенно не любит длиннот, он стремится к краткости, лапидарности.

Поэтому, если делаешь имитацию фольклора (а легенда – это фольклорный жанр), особенно тщательно надо работать над языком.

И в этой легенде я чувствую какую-то неестественную тягу автора к греческой и римской истории и фольклору. Опять – ольвийка, миксэллины, римские гладиаторы, эллинские и римские кровавые зрелища, меланклены, тигрица, Периандр и пр. Ну, причём всё это в удмуртской легенде!

Если бы автор переработал текст на удмуртский лад и сократил по крайней мере наполовину, – могла бы получиться и легенда. Второй вариант легенды про Италмас. Но тягаться с Михаилом Петровым тут весьма и весьма трудно. Там – чеканный язык, особая строфа, названная мной «строфой Италмаса». В общем – настоящая поэзия.

Но, когда предлагаешь новый вариант легенды, тягаться с предшественником становится обязанностью. И надо показать большее мастерство.

Думаю, автору следовало бы капитально поработать над рукописью. Над каждой мелочью. Тогда может получиться неплохое произведение.

4 сентября 1998 года (Из семейного архива).

**Отзыв о дипломной работе С. В. Тихоновой
«Образ лирического героя в поэзии Людмилы Кутяновой»**

Действительно, как утверждает автор работы, в современной удмуртской поэзии видное место занимает творчество Людмилы Кутяновой. И это творчество заслуживает большего внимания критиков и литературоведов. С. В. Тихонова права, делая попытку в меру своих сил и возможностей восполнить пробел литературоведения. Она права, и утверждая, что Кутянова развивает традиции и удмуртского фольклора, и Ашальчи Оки. Но развивает, а не только следует традициям. Это явление более сложное, чем рассматривается в дипломной работе. Людмила Кутянова уже далеко ушла от фольклора в приёмах создания художественного образа. Она многое восприняла, как отмечает сама же автор диплома, и от Анны Ахматовой, и, я бы сказал, и более современных поэтов, таких, например, как Андрей Вознесенский. Но едва ли права С. В. Тихонова, утверждая, что стихи Кутяновой удивительно музыкальны, особенно если учесть, что в удмуртском литературоведении музыкальность рассматривают только как песенность. Лирика Кутяновой базируется, как в другом месте отмечает дипломница, на интонациях разговорной речи. А стихия песни и разговорной речи – это весьма разные и самостоятельные стихии. Песенная и разговорная (ещё к ним надо добавить ораторскую) – это разные способы создания лирического образа. Самые гениальные стихи, созданные в разговорной стихии, не укладываются в песню.

Да, есть у Кутяновой и стихи, положенные на музыку. Тут, очевидно, чувствуется встречное движение удмуртской музыки и стиха. Совершенно непредставимо, чтобы стихи Кутяновой на музыку положили Герман Корепанов или Геннадий Корепанов-Камский. Они для песен больше выбирали совершенно другие стихи (главным образом, «рыбу»). Но вот молодые («самодельные») композиторы, барды создали на стихи Кутяновой прекрасные песни. С другой стороны, и сама поэтесса написала несколько «песенных» стихотворений.

Конечно, в работе о Кутяновой стоило бы более тщательно изучить этот феномен, но этот труд, видимо, требует более опытного критика или литературоведа, тем более и именитые литературоведы Удмуртии ещё путают песенную и разговорную стихии поэзии, без конца утверждая, что песенность – это высшее достижение лирики.

Труд же С. В. Тихоновой заслуживает вполне положительной оценки. Большого требовать от дипломницы, особенно в такой сложной и тонкой отрасли литературоведения, как поэтика лирики, не нужно.

(Из семейного архива).

**Отзыв о дипломной работе Н. М. Светских
«Лирика Флора Васильева»**

Дипломная работа тов. Светских Н. М. посвящена весьма актуальной теме – системному анализу лирики одного из ведущих современных удмуртских поэтов, чьё творчество уже перестало быть только национальным явлением. У автора – широкий взгляд. Творчество Флора Васильева рассмотрено на хорошем фоне современной многонациональной поэзии. Вполне обоснованно и убедительно сопоставлены восьмистишия и двенадцатиштишия удмуртского поэта со стихотворениями подобного рода Кайсына Кулиева. Для меня несколько неожиданно было сопоставление их со стихами Марка Юдалевича, но чтение работы сомнения вполне развеяло. Автор диплома сумел меня убедить в своей правоте.

Очень интересно было читать о «слоях» восьмистиший и двенадцатиштиший, об их «колебаниях» от строфы к строфе. На материале удмуртской поэзии, насколько мне известно, подобное исследование проводится впервые и весьма успешно.

Тов. Светских Н. М. неплохо преодолевает «языковой барьер», изучая удмуртскую поэзию: сопоставляет переводы и подстрочники.

Дипломная работа тов. Светских Н. М. не только заслуживает высокой оценки, она может быть рекомендована в сокращённом виде к опубликованию в печати.

*Алексей Ермолаев, зам. гл. редактора журнала «Молот»
5 июня 1978г. (из семейного архива).*

**Рецензия на дипломную работу Л. А. Корепановой
«Некоторые особенности поэтического мира
Флора Васильева»**

Работа написана на актуальную тему. Хотя после трагической гибели поэта статей о творчестве Флора Васильева появляется немало, серьёзного анализа его поэтического мира ещё нет. Есть отдельные верные (а иногда и неверные) замечания по поводу тех или иных частности, но поэзия Флора Васильева в её цельности не изучена. А она достойна больших исследований.

Л. А. Корепанова в своей работе сочетает системный литературоведческий анализ со стилем и приёмами современной литературной критики. В работе удачно выделены раздумья поэта о добре и зле, о жизни и смерти, о сложностях жизни, а также размышления поэта о

песне (в широком смысле слова). Автор дипломной работы нащупал интересные аспекты исследования, исходя из самих особенностей поэтического мира Флора Васильева. Разумеется, эти аспекты не раскрывают творчества поэта в самом полном объёме. Этого невозможно добиться в студенческой дипломной работе. Но направление взято верное.

В работе немало интересных, тонких и оригинальных наблюдений. Л. А. Корепанова душой чувствует лирику. И это немаловажно для исследователя искусства – не подходить к произведению с холодным скальпелем хирурга, а всё время помнить о живой душе поэзии.

Автор дипломной работы анализирует множество высказываний критиков и поэтов о творчестве Флора Васильева и обнаруживает широту своего кругозора. Лишь в некоторых местах чужие мнения начинают «давить» на исследователя. Но этот недостаток вполне преодолимый в дальнейшей работе.

Хочется, чтобы Л. А. Корепанова и в дальнейшем более спокойно, без спешки занималась исследованием творчества поэта с целью подготовить публикацию если не отдельной книгой, то в виде статьи для журнала или сборника критических статей. У автора все данные для этого налицо.

Дипломная работа заслуживает высокой оценки.

06.06.1980 (из семейного архива).

**Отзыв дипломной работе Ю. М. Хомяковой
«Системно-субъективный анализ цикла
Флора Васильева «Именем твоим»
(смерть и воскрешение героини)»**

Работа написана на высоком уровне, не так уж часто достигаемом в студенческих работах. В ней учтены чуть ли не все статьи и рецензии, написанные ранее удмуртскими и не только удмуртскими авторами обо всём творчестве Флора Васильева. В ней приводится краткая, но верная характеристика всего творчества удмуртского поэта. Работа Ю. М. Хомяковой – это проникновение вглубь творчества Флора Васильева, хотя её основная часть посвящена одному циклу из пяти стихотворений. Но в этом цикле, как в капле воды, отразилось разнообразие океана поэзии автора «Именем твоим». Поэтому и подбор конкретной темы для дипломной работы весьма удачен. Дипломница очень хорошо связала конкретную тему с изучением всего творчества Флора Васильева.

Кроме обширной библиографии (работы, указанные в ней, действительно, изучены дипломницей – это ощущается во всем исследова-

нии) о творчестве удмуртского поэта, обращает внимание на исследовательницу и удачное применение теорий П. Флоренского, А. Лосева, Т. Сильман, Л. Гинзбург, М. Бахтина.

На этом пути дипломница сделала весьма интересные наблюдения (а, может быть, открытия). Ну, хотя бы в раскрытии сочетания имён Флор и Фаина. Разумеется, никто из них ни в жизни, ни в творчестве не осознавал смысла такого сочетания. Но на такие размышления натолкнули дипломницу размышления о тесной причастности к поэзии судьбы людей. Размышления умны, убедительны, интересны.

Мне понравилось и то, что дипломница умеет прекрасно и деликатно сопоставлять русские переводы стихов с удмуртскими оригиналами, хотя это дело весьма сложное: далеко не всегда найдёшь построчные совпадения. Такова уж специфика художественного поэтического перевода.

Вне всякого сомнения, дипломная работа Ю. М. Хомяковой достойна самой высшей оценки.

Неплохо было бы эту работу опубликовать.

Хотелось бы пожелать Ю.М. Хомяковой и в дальнейшем продолжать работу над анализом литературных произведений, особенно удмуртских.

14.06.1995(из семейного архива).

**Отзыв о дипломной работе О.И. Наговицыной
«Опыт сравнения поэтических переводов одного оригинала
(на материале переводов стихотворений Ашальчи Оки)»**

Тема дипломной работы крайне важна. На моей памяти – только отдельные попытки сравнительного анализа переводов стихотворений удмуртских поэтов. И те зачастую без научной теоретической базы, «на вкус».

И. О. Наговицына попутно анализирует и саму лирику Ашальчи Оки. И – вполне квалифицированно и довольно тонко, с проникновением в суть произведения. Именно так, мне представляется, следует анализировать лирику – без прокрустовых лож жёстких систем, без «проверки алгеброю гармонии».

Анализ переводов трёх стихотворений Ашальчи Оки мне показался очень хорошим, выполненным на таком уровне, которого далеко не всегда достигают профессиональные литературоведы. Очень бы не-

плохо дипломную работу опубликовать (хотя бы главу вторую) в журнале или сборнике.

Хочу сделать только два замечания, которые не должны повлиять на оценку работы.

На стр.4 дипломантка утверждает: «Вся лирика Ашальчи Оки переведена на русский язык». Это не так. В книге «Узнала девушка любовь» представлены почти все имеющиеся переводы. После выхода книги я обнаружил ещё 2–3 перевода. Но до сих пор остаются непереведенными 6–7 стихотворений. Правда, побольше, чем в книге, перевести Т. Таранова, но неопубликованные её переводы недоступны мне, а сама она исчезла из поля зрения.

Меня коробит, когда вот так сокращают псевдонимы: А. Оки, К. Митрей. Это делают многие наши бездумные авторы. Эти сокращения – фактический отказ от их псевдонимов: «Ашальчи» и «Кедра». Эти слова, оставляемые многими лишь в инициалах – А., К. – главные. Можно говорить Ашальчи и Кедра, но не Оки и Митрей. Но самое лучшее – «Кедра Митрей» и «Ашальчи Оки». Немного бумаги израсходуем на написание этих псевдонимов. Тем более, писателей по всей Европе и Америке принято обозначать двумя словами – именем и фамилией.

Повторяю, эти замечания относятся не лишь к О. И. Наговицыной, они касаются всей пишущей братии.

Дипломная работа О. И. Наговицыной заслуживает самой высокой оценки.

30.05.1997 (из семейного архива).

Отзыв о дипломной работе А. А. Семёновой «Лирика Ф. Васильева в русских переводах»

Очень хорошо, что ныне студенты университета берутся за такие темы, как анализ поэтического перевода. Перевода удмуртских поэтов на русский язык. Тем более – если объекты переводов и личности переводчиков значительны.

Работа А. А. Семёновой написана, действительно, на очень важную тему. Я вполне согласен с автором, что значение поэзии Флора Васильева ещё не оценено удмуртскими критиками и литературоведами (с.39 работы). Мне уже приходилось писать, что Флор Васильев развил в поэзии стихию разговорной речи, тогда как чуть ли не вся удмуртская поэзия до сих пор тянется в русле песни. Именно с точки зрения песен-

ности до сих пор критикуют лирику Флора Васильева, хотя такая критика совсем не продуктивна.

Можно спорить с автором, насколько Анатолий Жигулин более органично, чем другие, переводит Флора Васильева, но аргументы А. А. Семёновой вполне серьёзны.

В дипломной работе заключена значительная исследовательская работа. В основном доводы исследователя вполне убедительны.

Хочется лишь обратить внимание автора на одно обстоятельство. Переводчики Флора Васильева не билингвисты. Они не знают удмуртского языка. Поэтому выбор объектов перевода у них весьма ограничен. Поэтому нельзя абсолютизировать тот факт, что тот или иной переводчик выбрал именно эти, а не другие стихи для перевода. Они во многом были ограничены представленными автором подстрочниками. Но это замечание – не для снижения оценки работы дипломанта.

Дипломная работа А. А. Семёновой написана на высоком уровне.
3. 06. 1997 (из семейного архива).

Отзыв о дипломной работе А. С. Зуевой «Авторская позиция и жизненный материал»

Дипломная работа А. С. Зуевой, несомненно, представляет значительный научный интерес не только сбором и классификацией большого фактического материала (эта сторона, кстати, в рукописи на должном научном уровне), но и проблемным рассмотрением литературного произведения. Нужно сказать, что подобному рассмотрению произведения удмуртской литературы ещё не подвергались.

Тов. А. С. Зуева научно осмыслила большой теоретический материал, касающийся общелитературных вопросов и конкретного анализа литературного процесса в Удмуртии. В работе содержатся интересные и тонкие наблюдения, способствующие углублённому пониманию творческого процесса создания Михаилом Петровым романа «Старый Мултан».

Дипломная работа выполнена на должном уровне, добросовестно и со значительной степенью самостоятельности. Она заслуживает высокой оценки.

Вместе с тем хочется предостеречь молодого исследователя в дальнейшей работе от односторонней приверженности к какой бы то ни было научной концепции. Концепция же, которой следует тов. А. С. Зуева, по крайней мере, в данной интерпретации, не способствует выявлению художественных особенностей произведения. Эта научная концепция выводит идею произведения непосредственно из внешней

формы: стиля, слога, языка. Едва ли это правильно, т. к. из цепи выпадает важное звено: внутренняя форма – художественный образ в широком понимании (не только образ героя). Поэтому, думается, эта концепция более подходит для анализа публицистического или научного произведения, но при анализе художественного произведения она оставляет вне поля зрения такие основополагающие для искусства моменты, как индивидуальность автора, психология персонажей, особенности сюжета и композиции.

Но и в студенчестве в основном, видимо, неизбежно влияние больших научных авторитетов. Поэтому я не ставлю эти, кажущиеся мне, недостатки концепции в вину дипломантки. Уверен, что в дальнейшей работе односторонность концепции будет преодолена.

Повторяю: дипломная работа А.С. Зуевой заслуживает самой высокой оценки. Хорошо бы её подготовить к публикации в печати.

(Из семейного архива).

Рецензия на рукопись Владимира Патрина «Радуга семиструнная»

При первоначальном знакомстве с рукописью я пришёл в некоторую растерянность от изобилия обращений автора к самым разнообразным мотивам, традициям, приёмам. Тут и древнерусские, и древнегреческие, римско-итальянские, испанские, германские, библейские, корановские и вообще восточные мотивы. И французский, английский, русский романтизм, и современные бардовские традиции, и явно классический реализм. И жанры от разных видов сонета до рубайята. Не слишком ли много для такого небольшого сборника? Я уж грешным делом подумал было: не переводы ли это из разных зарубежных и отечественных авторов.

Но по мере чтения как-то начал складываться некий единый образ автора с единым взглядом на жизнь, но с непримиримыми между собой противоречиями. В этом образе я вижу и Христа, и Иуду, и ещё многих. Да, это, видимо, современный и мыслящий, и чувствующий человек со своим противоречивым видением мира.

Осознав это, стал более пристально вчитываться в рукопись. И обнаружил автора явно талантливую.

Из всего предложенного всё-таки мне показались наиболее глубокими стихотворения, связанные с русской историей, русской судьбой, где поэт наиболее прозрачен в мыслях, где он поднимается до больших высот Трагического. Примеры этому – стихотворения «Былина» и «Глас». Думаю, что они – на уровне очень высокой поэзии. Под

стать им стихов немало во второй половине рукописи. К ним бы я отнёс и немаленький цикл, посвящённый Александрине. Высоко ценю я и стихи, связанные с именем и творчеством Владимира Высоцкого. Сказано как-то высоко: «В Москве когда-то жил Учитель» (вспоминается: и Мастер жил). А стихотворение «Кабаны» хотя и навеяны «Охотой на волков», но очень даже заслуживают самостоятельной жизни.

Весьма и весьма мне понравились и рубайи. В этой лаконичной форме автору удаётся куда больше мыслей и чувств, чем в иных больших стихах с реминисценцией чужой поэзии. И эти рубайи читаются вполне русскими и оригинальными.

Таким образом, я издание сборника поддерживаю. Рубко лишь пожелал бы открыть книгу наиболее сильными и более русскими стихами, более или менее растворяя западные и восточные реминисценции в глубине книги. Вполне понимаю, что писать по мотивам других поэтов, фольклора, священных книг – дело закономерное, но какие-то пропорции с исконно своими, оригинальными должны быть иными.

17 апреля 1998 г. (из семейного архива).

Отзыв о дипломной работе Т. Г. Силиной «Художественные особенности ранней удмуртской прозы» (автобиографическая повесть Кедра Митрея «Дитя больного века»)

Дипломная работа написана на практически неисследованную тему. Хотя о Кедра Митрее есть и монография, и немало статей, отнюдь не сказать, что его творчество хорошо изучено. Тем более – ранняя проза.

Т. Г. Силина, нужно прямо сказать, с поставленной задачей в рамках дипломной работы, явно справилась. В работе есть немало довольно тонких наблюдений и над стилем, и над художественными особенностями повести, и над перипетиями ее издания. В работе присутствует и некоторая доля текстологического исследования, то есть, того, что совершенно неизвестно основной массе удмуртских литературоведов.

Думается, автор дипломной работы уловил самое главное в творчестве Кедра Митрея – его явно выраженную антирелигиозную, антихристианскую направленность (начиная с детства, с Зуринского училища и закреплённую в стенах Казанской семинарии). Этот феномен пронизывает всё творчество писателя и в дальнейшем. Без понима-

ния атеизма писателя во многом проигрывают и солидные исследования творчества писателя. Теперь можно оценивать антихристианскую направленность Кедр Митрея и отрицательно, но без её оценки нельзя понимать сущность и «Тяжкого ига», и «Дитя больного века», и всего творчества.

Хотелось бы предостеречь молодого исследователя от некоторого увлечения некими штампами (идеологическими) мышления. В частности – в излишней акцентации на цензурных условиях. В подготовке А. Ермолаевым публикации «Дитя больного века» едва ли на первое место можно ставить цензурные условия. Сокращения в публикации и в первом, и во втором варианте велись не по идеологическим причинам, а скорее по причинам понимания цены печатного слова. Думалось (да и теперь так же думается), в полном объеме повесть просто не читалась бы «широким» читателем. В ней было слишком много малозначительных, слишком личных, зачастую мелочных мест.

Поместить текст журнальной публикации в дипломной работе, может быть, и есть смысл (чтобы последующие студенты могли его легче найти), но едва ли нужно «приложение» с записью беседы с А. Ермолаевым. Беседа получилась малозначимой. Но не по вине Т. Г. Силиной, – ответы на ее вопросы оказались малоинтересными.

В общем, дипломная работа заслуживает хорошей оценки.

16.06.1996 (из семейного архива).

РЕКОМЕНДАЦИЯ ПЕТРУ ЧЕРНОВУ

Я, Ермолаев Алексей Афанасьевич, член Союза писателей СССР с 1970 года, членский билет № 8463, лично знаю тов. Чернова Петра Константиновича с 1954 года и внимательно слежу за его литературным творчеством.

П. К. Чернов творческую деятельность начал с очерков о передовиках производства, об острых проблемах современности. Его очерки всегда остро социальные, публицистичны. Мне запомнились его газетные и журнальные выступления о культурных и исторических традициях своего народа, о проблемах их развития, о социальных изменениях удмуртской семьи в новых условиях жизни. Уверен, что и как писатель-публицист, тов. Чернов П. К. достоин быть в рядах Союза писателей СССР.

П. К. Чернов равнодушно относится и к творчеству собратьев по перу. Его литературно-критические выступления меня всегда радуют страстностью и глубокой аргументированностью, тем, что в них всегда

обнаруживается как знание жизни, так и владение литературным мастерством.

В последние годы П. К. Чернов активно пишет повести и рассказы для детей старшего возраста и юношества. Повести «Лызьяг»/ «Синья роща», «Кион кар»/ «Волчье логово», «Кузьыт шеп»/ «Соленый колос», «Арняын сизьым нунал»/ «В неделе семь дней», по моему глубокому убеждению, в удмуртскую юношескую литературу внесли новую струю именно социальной активностью авторской позиции, зрелостью писательских оценок событий деревенской жизни, хотя на все в них автор смотрит как бы глазами мальчика или подростка, являющегося героем произведения. Писателю удалось вполне профессионально исследовать становление характеров своих юных героев и их старших друзей и недругов.

П. К. Чернов в настоящее время плодотворно создает новые произведения, одновременно дорабатывая ранее написанные. Он уже вполне сложившийся профессиональный писатель, имеющий ярко выраженное творческое лицо.

Рекомендую принять тов. Чернова Петра Константиновича в члены Союза писателей СССР; не сомневаюсь, что он и впредь будет умножать богатства нашей многонациональной советской литературы.

9 января 1978 г. (из семейного архива).

РЕКОМЕНДАЦИЯ ВАСИЛИЮ ВАНЮШЕВУ

Я, Ермолаев Алексей Афанасьевич, лично знаю Ванюшева Василия Михайловича с 1951 года.

Первые шаги тов. Ванюшева В. М. в поэзию наметились, еще когда он учился в Можгинском педагогическом училище. И с тех пор, не спеша, но уверенно вошел в удмуртскую литературу. Публиковал стихи в периодической печати, в коллективных сборниках, выпустил два своих сборника. В настоящее время Василий Ванюшев стал зрелым поэтом со своим творческим лицом. Его стихи отличает оригинальность тем и изобразительных приемов, делая их художественно значимыми. Его охотно печатают не только в республиканской печати на удмуртском языке, но и все больше – в центральных изданиях в переводе на русский язык.

Мне нравится та обстоятельность, с которой Василий Ванюшев трудится над каждым своим произведением. Поэтому его стихи всегда значительны по содержанию. Они всегда отмечены гражданственностью авторской позиции, публицистичностью, идейной выдержанностью.

Серьезному отношению к поэтическому творчеству сопутствует и занятие В. М. Ванюшева литературоведением и критикой. В настоящее время он одним из первых разрабатывает проблемы типологического, сравнительно-исторического изучения литератур народов Поволжья и Приуралья. Такой широкий интернационалистический взгляд на литературу положительно отражается и на поэтическом творчестве автора.

В. М. Ванюшев – активный общественник, возглавляет партийную организацию Научно-исследовательского института при Совете Министров УАССР, участвует во всех мероприятиях писательской организации Удмуртии.

Учитывая его достижения в области поэзии, критики, а также активную жизненную позицию и хорошие личные качества, рекомендую принять Ванюшева Василия Михайловича в члены Союза писателей СССР.

12 декабря 1980 г. (из семейного архива).

РЕКОМЕНДАЦИЯ ВЛАДИМИРУ РОМАНОВУ

Я, Ермолаев Алексей Афанасьевич, лично знаю Романова Владимира Васильевича не менее полутора десятка лет и внимательно слежу за его творчеством.

Первый сборник стихов В. Романова вышел в Удмуртии в 1967 году. Здесь уже молодой поэт заявил о себе в полный голос. Голос его значительно отличался от голосов многих его пишущих сверстников, да и старших собратьев по перу. Говорил ли он о сердечной боли в связи с посещением Равенсбрюка, или о молодом человеке с солдатским вешешком, или о девушке, ждущей солдата, – везде чувствовался свежий, с долей озорства художественный образ, везде ему сопутствовал заинтересованный, равнодушный к происходящему в мире лирический герой.

С тех пор Владимир Романов систематически публиковал в республиканских газетах и журналах новые стихи, и каждое стихотворение приносило в его творчество какой-либо новый поворот темы, новое видение пусть небольшого, но значимого в жизни народа явления. Лирический герой В. Романова всегда чуток к современности и по своему откликается на события дня. Тем не менее я никогда не встречал стихотворений Владимира Романова, которые жили бы только одной злободневностью, ибо в них всегда присутствует поэтическая идея, созвучная душевному настрою нашего молодого современника.

Владимир Романов издал и детские стихи. Они тоже отмечены тем же индивидуальным почерком. Но мне больше по душе его «взрослые» стихи.

Не так давно мы с удовольствием и волнением прочитали венки сонетов «Лес». Можно бы просто похвалить автора за смелость освоения труднейшего жанра лирической поэмы. Но этого в данном случае недостаточно. Дело совсем не в новизне жанра для удмуртского поэта и его чрезвычайной трудности. Поэт сумел создать совершенно одному ему свойственный лирический образ леса и на всем протяжении поэмы держать лирическое напряжение, связанное с отражением отношения человека и природы. Лирический герой В. Романова выступает как страстный публицист в лучшем смысле этого слова.

Мне весьма нравится раскованность и полная подчиненность формы стиха, ритма главной идее. Владимир Романов в необходимых случаях как-то незаметно, естественно ломает классические размеры и заимствует ритмы, свойственные удмуртскому народному стиху. Смело, по-современному трансформирует он и удмуртские фольклорные образы.

Владимир Романов уже вполне вырос до профессионального уровня поэзии и должен состоять в рядах Союза писателей СССР. Он готов к соблюдению Устава Союза писателей и как поэт, и как гражданин Советского Союза.

2 апреля 1974 г. (из семейного архива).

РЕКОМЕНДАЦИЯ ТАТЬЯНЕ ЧЕРНОВОЙ

Я, Ермолаев Алексей Афанасьевич, удмуртского поэта Татьяну Чернову (Петрову по мужу) лично знаю около десятка лет. Слежу за ее творчеством. Замечаю творческий рост и возмужание.

Хотя Татьяна Чернова пишет не так много: изданы два сборника лирики на удмуртском языке, – голос ее стал заметен на фоне удмуртской современной поэзии, смею заверить, у нее появился свой читатель, который ждет ее стихи в периодике, отдельными книгами.

Поэт-лирик все глубже размышляет о сегодняшнем дне и часто находит действительные глубины и сложности бытия. Поэтому стихи ее наполняются драматизмом, своеобразно отражающим драматизм нашей жизни. Татьяна Чернова занимает активную позицию в нашем тревожном и сложном мире, горизонты ее не сомкнуты в узком пространстве. И – все расширяется диапазон волнующих поэта проблем. Правда, я, как критик, далеко не всегда ратую за расширение тематики лирики.

Но как ее расширяет Татьяна Чернова, – не спеша, исподволь. Естественно, мне нравится. Мне нравится, как она, порой виртуозно владея техникой современного удмуртского стиха, все реже сбивается на гладкопись. Но – теперь, правда, редко, – в некоторых стихах поэтессе захватывают волны восторга в духе тридцатых годов (например, в стихотворении «Моя счастливая мелодия», которым автор открывает второй сборник, «В этом солнечном мире»/ «Та шундыё дуннеямы»). К счастью, в последнее время такие проявления – это исключение.

В свое время мне приходилось Татьяне Черновой давать и устные, и письменные напутствия и к удмуртскому, и к русскому читателю (предисловие к первому сборнику, в газетах «Комсомолец Удмуртии», «Литературная Россия»). Я искренне рад. Что стихи Черновой стали замечать русские переводчики, стали переводить и публиковать и в местной, и в центральной печати.

Татьяна Чернова морально и политически устойчива, надежна. Квалифицированно работает журналистом. У нее хорошая семья. Я считаю ее уже вполне сложившимся, профессиональным поэтом, чье творчество имеет самостоятельное художественное значение.

Исходя из сказанного, я без каких-либо колебаний рекомендую принять Чернову (Петрову) Татьяну Николаевну в члены Союза писателей СССР.

28.01. 1987 (из семейного архива).

РЕКОМЕНДАЦИЯ МИХАИЛУ ФЕДОТОВУ

Я, Ермолаев Алексей Афанасьевич, лично знаю Федотова Михаила Ивановича на протяжении уже многих лет. Я с интересом слежу за его неторопливым и поступательно развивающимся творчеством. Мне симпатичен его негромкий, никогда не переходящий в крик поэтический голос. Вижу у него несомненное лирическое дарование.

Стихи Михаила Федотова большей частью прорастают из какой-либо житейской «мелочи», которая под острым взглядом поэта перестает быть мелочью, а подчасную вырастает в социальную проблему. Мне импонирует и то, что молодой поэт внимателен к изобразительным и выразительным средствам родного удмуртского языка. Во многих его стихах точно найденное слово из народной разговорной речи становится явлением подлинной поэзии для дальнейшего развития удмуртской поэзии, порой еще излишне социологированной, нередко увлекающейся прямыми призывами. Такое внимание, как у Михаила Федотова, к бо-

гатствам разговорного языка представляется чрезвычайно плодотворным.

В последнее время Михаил Федотов весьма успешно овладевает жанрами лиро-эпическими: пишет баллады, поэмы. Думается, и тут он уже сумел найти свою тропу.

В поэзии Михаила Федотова отчетливо отражаются драмы и трагедии жизни. В этих случаях автор, наряду с реалистическими средствами изображения, умело применяет и средства из арсенала романтической поэзии. Все это делает творчество поэта весьма своеобразным.

Считаю, что Федотов Михаил Иванович должен быть принят в члены Союза писателей СССР.

12. 02. 1988 г. (из семейного архива).

РЕКОМЕНДАЦИЯ ЛЮДМИЛЕ КУТЯНОВОЙ

Я знаю лично Кутянову (Айтуганову) Людмилу Дмитриевну еще с ее студенческих времен. Знаю чуть ли не с первых шагов и ее творчество. Приходилось писать напутствия в печати, рецензии на ее рукописи для издательства. Вполне допускаю, что мое мнение об этой удмуртской поэтессе может быть пристрастным и субъективным. Но я люблю стихи Людмилы Кутяновой, удивляюсь их почти всегда неожиданной, пронзительной, искрами вспыхивающей точности словоупотребления, а еще больше – нравственному максимализму ее лирического героя.

Поэтесса всегда пишет о непростых ситуациях, ее строки до краев полны драматизма. В них не бывает бравурности. Но не и пессимизма. В стихах Кутяновой я вижу неженскую (а может быть, как раз и женскую) силу уверенности в нравственной мощи человечности, способной преодолеть невероятные трудности.

Порой Л. Кутянову упрекают в узости тематики. И действительно, поэтесса больше пишет о трудной и требовательной любви, о непростых отношениях человека с человеком. Но почему же это – узость тематики? Почему перед одним поэтом нужно выставлять такие требования, что под силу лишь всей поэзии в совокупности всех пристрастий и направлений? Почему поэт значителен лишь тогда, когда трубит о глобальных проблемах? Для поэзии не менее важны глубины души и одного человека, тем более, что он ни в коей мере, никогда не оторван от общества.

Хочется подчеркнуть свободное владение Людмилой Кутяновой и традиционно удмуртской народной поэтикой стиха, и свободными формами. Она успешно исследует поэтику разных удмуртских поэтов –

уже опубликовала несколько статей. Содержащих интересные и глубокие наблюдения.

У меня не вызывает сомнений, что Людмила Кутянова – поэт вполне профессиональный. Поэтому со всей ответственностью рекомендую принять ее в члены Союза писателей. Для удмуртской литературы ее творчество очень нужно.

(Из семейного архива).

О СТИХАХ ЛЮДМИЛЫ КУТЯНОВОЙ

«Не мы говорим, язык говорит, на гусях струны говорят. Коли б язык, – ничего бы, сердце не может не высказаться», – поется в одной из народных удмуртских песен. Моя б воля, – высек бы эти слова на самом видном всем месте, чтобы они каждый день напоминали каждому стихотворцу, как народ дорожит поэтическим словом, которым высказано только то, что «сердце не может не высказать». Вот таким словом владеет удмуртская поэтесса Людмила Кутянова. Меня не покидает ощущение, что каждая ее строка продиктована сердечной болью. Поэтому она в оригинале так весома, осязаема.

Не могу сказать, что лирика Кутяновой рождается только стихийно, что в ней только народно-песенная стихия, нередко бывает в творчестве поэтесс. Нет, в строках Людмилы Кутяновой чувствуется и большая стиховая культура. Но в них я не вижу нарочитости, холодной конструированности, все в них подчинено мысли и чувству.

Первые стихи автора были пронизаны чувством такой любви, которая требовательна, бескомпромиссна. Лирический герой Кутяновой непримирим к недостаткам и своим, и спутника. Поэтому и любовь такому герою дается отнюдь не легкая. Нередко возникают остродраматические, даже трагические мотивы. Но сила искусства слова у этого поэта такова, что в любых ситуациях чрезвычайно редки нотки уныния. Этому автору нужна такая любовь, которая возвышает человека.

Диапазон лирики Людмилы Кутяновой еще неширок. Но налицо признаки раздвигания его границ. Ведь широта взгляда и выражения его приходит с опытом жизни – в той мере, в какой художник живет заботами общества, болью и просветлением века. Уверен, что все это придет к любимому мной поэту.

Все высказанное относится к удмуртским текстам стихов. В переводах, к сожалению, нередко строки Кутяновой облегчаются, приглаживаются. Хочется пожелать автору и переводчикам чуточку внимательнее относиться к передаче своеобразия оригинала, хотя это дело архитрудное.

(Из семейного архива).

СРЕДНЕ – УРАЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Составителю антологии уральской поэзии Ермолаеву А. А.

15 ноября этого, 1972 года в Москве состоялось заседание редакционной коллегии «Уральской библиотеки», на котором были рассмотрены вопросы, связанные с изданием в 1973 году антологии уральской поэзии.

Редакционная коллегия «Уральской библиотеки» рекомендует включить в антологию из присланных Вами стихи следующих удмуртских поэтов:

Ашальчи Оки
Николай Байтеряков
Александр Белоногов
Флор Васильев
Игнатий Гаврилов
Кузубай Герд
Филипп Кедров
Афанасий Лужанин
Михаил Можгин
Михаил Петров
Михаил Покчи-Петров
Олег Поскребышев
Гай Сабитов
Владимир Семакин
Тимофей Шмаков
Степан Ширококов
Даниил Яшин

Если возникнут изменения в дальнейшем, мы Вам сообщим.

*Зам. главного редактора «Уральской библиотеки», гл. редактор
Средне-Уральского издательства Борис Крупаткин.*

Уважаемый Борис Львович!
Пишет Вам один из составителей удмуртской части «Антологии уральской поэзии» **Ермолаев А. А.**

Я Вам сообщал, что произведения удмуртской поэзии для антологии мы подбирали вдвоем с Поздеевым Петром Кирилловичем, - в письме, сопровождающем материалы, и позже в отдельном письме, указывая, что вдвоем писали и библиографические справки.

Как-то я получил от Средне-Уральского издательства деньги: рублей семьдесят с небольшим. Очевидно, это часть гонорара за антологию, – больше у вас мне получать не за что. Но мой соавтор П. К. Поздеев, оказывается, ничего не получал. Помимо моей воли, по какому-то недоразумению я попал в неловкое положение.

Напоминаю, что Поздеев собрал стихи следующих удмуртских поэтов: Ашальчи Оки, Кузубай Герд, Афанасий Лужанин, Михаил Можгин, Степан Ширококов, Тимофей Шмаков.

А. Ермолаев собрал стихи поэтов: Николай Байтеряков, Александр Белоногов, Флор Васильев, Игнатий Гаврилов, Филипп Кедров, Михаил Петров, Михаил Покчи-Петров, Олег Поскребышев, Гай Сабитов, Владимир Семакин, Даниил Яшин.

Каждый из нас, соавторов, написал библиографические справки об этих поэтах. А. Ермолаев сделал фотопортреты всех поэтов.

Очень прошу при издании антологии учесть работу моего соавтора Поздеева Петра Константиновича – упомянуть его имя в книге наравне с моим и начислить ему положенный составительский гонорар. Домашний адрес Петра Кирилловича Поздеева: ...

С уважением А. А. Ермолаев – 11 июля 1974 г. (из семейного архива).

**РАБОЧИЙ ПЛАН КУРСА СПЕЦИАЛИЗАЦИИ
«Теория критики» для 351 группы
филологического факультета УдГУ
на 1977/78 учебный год**

<i>Тема занятий</i>	<i>Лекция</i>	<i>Практ.занятие</i>
1. Предмет и задача курса. Основные традиции русской критики	2	
2. Значение литературно-критических статей В. И. Ленина и его соратников для развития критики и литературоведения	2	
3. Удмуртская критика 20-х годов	2	
4. Основные тенденции критики удмуртской литературы в 30–40 годы	4	
5. М. Петров об удмуртской критике	-	2
6. М. Петров как критик	-	2
7. Новые черты литературно-критической мысли в 50–60 годы	2	
8. Критика в журнале «Молот» в 1959 году	-	2
9. Современная литературная критика. Основные направления критики	4	
10. Жанровая характеристика статей в сборнике «Счет предъявляет время»	-	2
11. Критика в журнале «Молот» в 1977 году	-	2
12. Творчество Г. Красильникова в современной критике	-	2
13. Современная критика в творчестве молодых писателей Удмуртии	-	2
14. Зачеты	-	2
Всего лекций и практических занятий	16	16

Преподаватель А. Ермолаев

УЧЕБНЫЙ ПЛАН КУРСА
«Литературное редактирование» для 351 группы журналистов
УдГУ

<i>Тема</i>	<i>Лекции</i>	<i>Практика</i>
1. Предмет теории и практики редактирования. Научное и литературное редактирование. Задачи редактирования	2	
2. В. И. Ленин – редактор. Авторское	2	
3. Оценка рукописи. Три стороны редакторской оценки. Внутренняя рецензия и ее особенности	2	2
4. Редакторская правка. Ее виды. Взаимоотношения с автором	2	2
5. Работа над языком рукописи. Наиболее часто встречающиеся стилистические ошибки (по 2 занятия на русском и удмуртском языках)	4	4
6. Логика и композиция рукописи	2	2
7. Проверка и анализ фактического материала. Устранение смысловых ошибок	2	2
8. Редактирование табличного материала. Работа над иллюстрациями	2	
9. Редакторская обработка аппарата книги (библиография, аннотации, примечания, указатели)	2	
Всего	20	12

Преподаватель А. Ермолаев

УЧЕБНЫЙ ПЛАН КУРСА
«Теория перевода» для 351 группы УдГУ

<i>Тема</i>	<i>Лекции</i>	<i>Практика</i>
1. Цели и задачи курса	2	
2. Из истории перевода и переводческой мысли. К. Маркс, Ф. Энгельс, В. Ленин о переводе	2	
3. Лексикологические и фразеологические проблемы перевода	2	4
4. Грамматические проблемы перевода	2	4
5. Особенности перевода общественно-тематического		

и газетного текста	2	2
6. Художественный перевод:		
а) Проблемы передачи национального колорита и национальной образности	2	6
б) Проблема подстрочника	2	
Всего	14	16
Консультации	2	
Зачеты	4	

Преподаватель А. Ермолаев

УЧЕБНЫЙ ПЛАН КУРСА
«Удмуртская поэзия последних лет»
для группы литераторов удмуртского отделения
филологического факультета УдГУ

<i>Тема</i>	<i>Лекции</i>	<i>Семинары</i>
1. Общая характеристика современного уровня развития удмуртской поэзии. Основные этапы ее развития		
2. Зарождение поэзии. Фольклор и литература. Основные памятники дореволюционной поэзии. Поэзия первых лет советской власти	2	
3. Удмуртская поэзия 30–40-х годов. Пути развития лирических и эпических жанров	2	
4. Границы современной поэзии. Современная удмуртская поэзия в свете достижений многонациональной поэзии народов СССР	4	
5. Художественные особенности творчества отдельных удмуртских поэтов:		
1) Аркадий Клабуков. Образ и язык		1
2) Андрей Бутолин. Эпическое и публицистическое начало		1
3) Степан Ширококов. Лирический пафос		1
4) Михаил Покчи-Петров. На грани поэзии 50–60-х		1
5) Гай Сабитов. Песня и лирика раздумий. Венок сонетов		1
6) Николай Байтеряков. Лиризм, песенность, поэмы		1
7) Александр Белоногов. Лирический герой и природа		1

8) Даниил Яшин. Эпическое фольклорное начало и юмор	1	1
9) Петр Поздеев. Георгий Архипов	1	1
10) Флор Васильев. Соотношение традиций и новаторства	1	1
11) Владимир Романов. Поиски единства формы и содержания	1	1
12) Молодая удмуртская поэзия	1	1
6. Обзор современной гражданской лирики	1	1
7. Обзор современной любовной и пейзажной лирики	1	1
8. Обзор творчества русских поэтов Удмуртии:		
В. Семакин, О. Поскребышев, А. Демьянов	2	2
Всего	10	16

Преподаватель А. Ермолаев

В Музей боевой славы

Уважаемые товарищи – члены совета Музея боевой славы 21-ой гвардейской Невельской стрелковой дивизии!

Ваше письмо, направленное в Союз писателей Удмуртии, передали мне, как председателю комиссии по литературному наследству удмуртского писателя Игнатия Гаврилова.

Мы очень рады, что вас заинтересовали материалы об Игнатии Гаврилове, нашем любимом и популярном писателе. Он, действительно, служил в 21-й гвардейской дивизии – с 11 августа 1942 года до конца войны: в редакции дивизионной газеты «Победа за нами». Всю войну он вел дневники, где записывал повседневные дела. Последняя запись датирована 6 октября 1945 года.

Игнатий Гаврилов много писал в газете о подвигах воинов дивизии. Богатый боевой опыт послужил основой для многих его пьес, рассказов, стихотворений. После войны, в последние годы жизни писатель завершил и издал трагедию «В родных краях», в третьей книге которой отразил боевые действия родной дивизии. Но это произведение не документальное, а художественное. Поэтому неправильно было бы искать в нем тех людей, которые воевали в составе части. Написал И. Гаврилов и повесть «Гвардейцы», которая посмертно опубликована в нашем журнале «Молот» на удмуртском языке. В ней тоже отразились подвиги воинов, знакомых ему. Но это тоже произведение художественное.

Много богатого документального материала содержат его фронтовые дневники. Но я их еще только расшифровываю для следующей публикации. Работа еще предстоит над ними большая. Ведь записи сделаны наспех, иногда карандашом, многое стерлось, восстановить трудновато. Тем не менее я рассчитываю в начале следующего года их опубликовать в нашем журнале – на удмуртском языке пока. К сожалению, я не могу сейчас их выслать вам.

Высылаю альбом о творчестве Игнатия Гаврилова, составленный мной, книгу «Корни твои» (русский перевод трилогии «В родных краях») и несколько фотопортретов Игнатия Гаврилова. Можете использовать их для оформления выставок музея по вашему усмотрению. По мере появления новых возможностей я буду высылать вам новые материалы.

Со своей стороны, я бы хотел получить от вас ответы и на свои вопросы. В частности, меня, как литературоведа, занимающегося жизнью и творчеством И. Гаврилова, интересуют те люди, с которыми он вместе служил. Быть может, от некоторых можно бы получить воспо-

минания или другие материалы, не известные мне. С кем из бывших работников редакции газеты «Победа за нами» вы имеете связи? В записях И. Гаврилова очень добро упоминается Бикчентаев. Не Анвар ли это Бикчентаев? В дневнике, к сожалению, не приводится его имя.

Желаю успехов в работе вашего музея.

С уважением *Алексей Ермолаев*. Ижевск.
7.08. 1980(из семейного архива).

ЧТОБ К ШТЫКУ ПРИРАВНЯЛИ ПЕРО

Сегодня книги писателей Удмуртии покупают в Минске, читают и обсуждают в Вильнюсе, об удмуртских книгах пишут взволнованные отзывы тракторист с Кавказа и бригада лесорубов с Дальнего Востока.

Произведения удмуртских писателей, как утверждает статистика, изданы на полутора десятках языков народов СССР. Они, кроме того, уже заговорили на чешском, венгерском и других иностранных языках.

Значит, литература нашего народа стала серьезным общественным явлением, явлением общесоюзного значения. Не потому ли правительство вручает ордена нашим писателям? Не о всенародном ли признании литературы говорит и присуждение авторам книг почетных званий народного писателя и народного поэта?

Народ оценивает перо писателя наравне со штыком солдата и станком рабочего.

Так стало в наше время. Но, прежде чем добиться такого признания, удмуртской литературе нужно было пройти сложный жизненный путь, вместе со страной делать Историю.

А история ее недлинна.

Не так уж давно Афанасий Фет писал об «инородцах»:

В Сыртах не встретишь Геликона,

На льдинах лавр не расцветет,

У чукчей нет Анакреона,

К зырянам Тютчев не придет.

Это изречение Фета в какой-то мере можно было в то время отнести и к удмуртам. Многим казалось тогда, что удмурты только и знают свои «топи да болота» и из страха молятся «хозяину леса» – медведю.

А между тем этот «инородец» – угнетенный удмурт просыпался. Его разбудили раскаты грома 1905–1907 годов, разбудили и те, кого после поражения первой русской революции сослали в Вятский край. «Сын угрюмого Прикамья, вояка, заброшенный в лесах», начал сознавать свои силы.

Не всем тогда видны были художественные возможности удмуртского народа. А народное творчество жило полнокровной жизнью. В деревнях ткали узорные многоцветные ковры, вязали и вышивали пылающие, как костер, одежды и украшения, создавая яркое, сочное искусство, вырезали замечательные орнаменты на бересте и дереве, украшая утварь и избу. И все делалось под аккомпанемент грустной или задорной народной песни, удивительной по богатству поэтических и музыкальных средств.

Самодержавие искусственно душило творческие силы народа. Поэтому и стали возможны толки о нереальности самостоятельного развития национальной культуры удмуртов. Однако и в таких условиях письменность и отдельные зародыши литературы появились сравнительно рано. Первая известная нам публикация на удмуртском языке появилась в XVIII столетии, большинство же дореволюционных изданий относится к началу нашего века.

Наряду с миссионерскими книгами, проповедующими христианство, после революции 1905 года на удмуртский язык переводятся сказки А. С. Пушкина и произведения других классиков. Причем из русской классики выбираются те произведения, которые по своему духу близки крестьянству и пронизаны идеями протеста против угнетателей.

Особенно заметно этот протест выразился в литературе, разоблачающей церковников. Вообще тема религии оставила заметный след в дальнейшем развитии удмуртской литературы. Дело в том, что насильственная христианизация удмуртов в основном проходила в XIX веке, окончательно она не завершилась вплоть до 1917 года и встречала большое сопротивление населения. Поп-миссионер в сознании удмуртского крестьянина ассоциировался вообще с представителем царской власти. Поэтому борьба литературы против поповщины была борьбой против царизма. Большим успехом пользовался вольный перевод «Сказки о попе и работнике его Балде», сделанный поэтом-революционером Максимом Прокопьевым.

Из оригинальных художественных произведений, созданных до Октября, в печати появились немногие. Стихи Григория Верещагина были напечатаны под видом записи народной песни, небольшая поэма Михаила Можгина «Беглец» вышла в «Удмуртском календаре» в 1909 году. В поэме рассказывается о молодом человеке, неожиданно попавшем в беду. Его, невиновного, обвиняют в убийстве, сажают в тюрьму, а когда он скрывается от властей, его преследуют и убивают. В этом произведении на первый взгляд нет социальных мотивов, не отражается классовая борьба. Тем не менее весь образный строй, интонация поэмы выражают активный протест автора против существующего беззакония, попрания прав человека. Михаил Можгин объективно выступил как гуманист, просветитель-народник.

Молодая национальная интеллигенция тянулась к прогрессу. Часть ее собирала и изучала фольклор своего народа.

Весьма заметных успехов в изучении устного народно-поэтического творчества добились Кузедбай Герд и Дмитрий Корепанов (известный впоследствии писатель Кедр Митрей), изгнанный в то время из Казанской инородческой учительской семинарии за антирелигиозные взгляды.

Русская и мировая классика, с одной стороны, и народный фольклор – с другой, стали тем фундаментом, на котором в годы Советской власти выросла национальная литература.

В годы революции и гражданской войны словно прорвались ранее запруженные силы. Стали выходить газеты, книги. И в них часто появлялись стихи – еще безыскусные, порой они представляли собой осовременивание народной поэзии, порой сильно переделанный, приспособленный к неграмотному и малограмотному читателю перевод русских поэтов первых лет революции. Но в них бил пульс жизни проснувшегося в грохоте революции маленького народа. И эти стихи, перекликающиеся с агитационными стихами Демьяна Бедного и Владимира Маяковского, были поэзией революционного утверждения самосознания освобожденного народа. Революцию с восторгом восприняли и поэты, и прозаики, писавшие ранее: Кузедбай Герд, Кедр Митрей, Григорий Верещагин, Михаил Можгин. На волне революционных событий певцами свободы стали молодые – Даниил Майоров, Максим Прокопьев, Иван Дядюков, Ашальчи Оки. Для пионеров удмуртской литературы характерно несколько абстрактное изображение революции в образе бушующей стихии. Взять хотя бы стихотворение Кузедбая Герда «Революция»:

Ты – пожар.
Зло и тьму,
Жизнь-тюрьму
Сжигающий пожар!

Дальше поэт вводит сравнения революции с мечом, «врагов труда навсегда бьющим в сердце», с зовущим в бой набатом, с солнцем-созидателем, с жизнью кующим и цепи рвущим гигантом. А в другом стихотворении, тоже названном «Революция», она предстает в образе красивой девушки со светлыми волосами, в красном платье, пришедшей согреть своими лучами душу трудового народа.

Подобное отвлеченно-романтическое толкование истории, отождествление социальных явлений со стихийными силами вызваны у некоторых удмуртских поэтов недостаточным пониманием движущих сил общества, сущности классовой борьбы.

Одной из форм их проявления стал в литературе образ пчелиного роя. В первое десятилетие Советской власти этот образ широко использовался в поэзии. Одни поэты подчеркивали трудолюбие и сплоченность пчелиной семьи и призывали удмуртов брать с них пример (читай: все удмурты равны). Другие же, не отрицая сплоченности трудовых слоев, писали о трутнях тогдашней деревни, т. е. показывали наличие противостоящих классов, эксплуатации.

В эти годы Даниил Майоров, Кузедбай Герд, Ашальчи Оки создают лиричные и публицистичные, глубоко гуманные стихи, используя самые потаенные богатства живого разговорного удмуртского языка. Кедр Митрей пишет повести, рассказы, очерки, а затем и первый удмуртский исторический роман.

Борясь против проявлений национализма, удмуртские писатели стремились показать угнетение бедноты кулачеством своей же национальности. Это явление реалистично вскрыли в прозе Иван Дядюков (рассказ «Пашка Педор») и Кедр Митрей (повесть-хроника «Вужгурт»). Пафос рассказа заключается в показе обездоленного бесправного положения бедняка-крестьянина, а повесть показывает ход революционных событий в большом селе.

Значительным достижением удмуртской литературы явилось появление первого романа. В 1929 году вышел исторический роман Кедр Митрея «Тяжкое иго». Нарисовав реалистическую картину «каторжной мерзости» в жизни удмуртских крестьян в XIX столетии, писатель создал романтические образы бунтарей Дангыра и его жены Дыдык. Через эти образы, их связи с окружающими людьми Кедр Митрей показал мечту удмуртского народа о свободе. Роман «Тяжкое иго» заложил основы удмуртского исторического романа, которые потом развили Михаил Коновалов и Михаил Петров.

В творчестве первых удмуртских советских писателей накапливались богатства до того разрозненных многочисленных диалектов удмуртского языка, и таким образом складывался современный удмуртский литературный язык.

В двадцатые годы удмуртские литераторы подошли вплотную к овладению методом социалистического реализма – к правдивому отображению жизни в ее революционном развитии.

В этом немаловажную роль сыграло обращение писателей к очерку. В очерке, прежде всего, отразилось революционное преобразование уклада жизни. В этом жанре в двадцатые годы особенно много писали Александр Миронов, Кедр Митрей, Иван Дядюков.

В конце двадцатых годов стали подавать свой голос молодые поэты и прозаики. Григорий Медведев писал очерки и рассказы о перестройке жизни в деревне. Разоблачая мерзость старого уклада, он своей

фантазией рисовал картины жизни Удмуртии через двести лет (рассказ «К новой жизни»). Молодой литератор уже тогда мастерски создавал типичные характеры своих героев, реалистически отображал действительность.

В эти же годы стали появляться первые стихи и рассказы Михаила Петрова, тогда еще красноармейца. В стихах он продолжает традиции лирики Кузубая Герда и Ашальчи Оки, а в рассказах разоблачает классовое лицо деревенского мироеда, его враждебность к Советской власти.

С созданием профессионального удмуртского театра заметно ускоряется развитие драматургии. С театром надолго связывает свое творчество поэт и драматург Игнатий Гаврилов.

Драматургия тридцатых годов вобрала в себя многие черты народных игр и развлечений. Но, используя форму народных празднеств, драматурги создали и глубокие типичные характеры героев-борцов за свободу, за новую жизнь.

В начале тридцатых годов, в ходе социалистического строительства, завершилось формирование идейного единства удмуртских советских писателей. Лучшей реализации этого исторически закономерного процесса способствовали постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» (1932) и Первый Всесоюзный съезд советских писателей (1934).

Тридцатые годы стали для советской литературы, и в том числе для удмуртской, порой возмужания. Наряду с малыми жанрами все больше появлялись произведения крупные, масштабные. В эти годы вышли романы Михаила Коновалова «Лицо со шрамом» и «Гаян», была написана трилогия Григория Медведева (включающая романы «Лозинская полоса», «На склоне Кыйкара», «Большой день») о преобразовании удмуртской деревни. В этих произведениях ярко и самобытно показано изменение психологии крестьян, вступающих в новую жизнь.

Гондыр (это имя на удмуртском языке означает медведь), герой «Лица со шрамом», попадает в комичные ситуации, сталкиваясь с городской обстановкой. Через комизм М. Коновалов подчеркивает, насколько психология крестьянина отличается от психологии рабочего. Это сопоставление усиливается при встрече Гондыра с опытным рабочим, выходцем из той же деревни, что и Гондыр. Шаг за шагом писатель показывает формирование Гондыра-рабочего.

Перелом в укладе жизни крестьянина происходил в то время не только при переезде его в город, но и в самой деревне. Деревня шла к коллективизации. При этом революционном преобразовании села наблюдалось отчетливое противостояние классовых сил. Писатели не могли не увидеть тут конфликтов и сильных характеров. И они создава-

ли интересные произведения о людях периода коллективизации. Широко известны рассказы и очерки Кедре Митрея, Григория Медведева, Михаила Коновалова, Михаила Петрова, Трофима Архипова, пьесы Игнатия Гаврилова. Но самым значительным произведением, наиболее глубоко и всесторонне отразившим перемены в психологии тружеников села, явилась трилогия Григория Медведева. Ее герой Запык Бутаров новыми глазами смотрит на родное село после возвращения из Донбасса. Коммунист, он активно борется за коллективизацию крестьянского хозяйства.

Этот и другие неповторимые по характеру герои трилогии стали популярными среди удмуртских читателей тридцатых годов. Вскоре по мотивам первой книги Удмуртский театр поставил спектакль.

В удмуртской литературе тридцатые годы были периодом овладения методом социалистического реализма. Глубже по сравнению с предыдущим десятилетием стало осмысление действительности. Более контрастным и более многосторонним стало сопоставление сегодняшнего со вчерашним. В поэзии это сопоставление наиболее ярко чувствовалось в поэмах и стихах Михаила Петрова, Игнатия Гаврилова, Филиппа Кедрова. Воспевать достижения народа за годы Советской власти можно было, лишь пристальнее вглядываясь в прошлое, в историю.

Основной темой исторической прозы стала борьба удмуртского народа против эксплуататоров, возмужавшая в этой борьбе дружба с русским народом. В романе «Гаян» Михаил Коновалов вывел образ бунтаря, впоследствии одного из пугачевских атаманов, и нарисовал реалистические картины быта удмуртов в XVIII веке. Роман был результатом кропотливого изучения исторических документов. В то же время писатель использовал фольклорные источники.

Широкое использование фольклора для создания типичных народных характеров в сочетании со все углубляющимся реализмом, современный взгляд на историю без ее модернизации – вот принципы исторической драматургии и исторической прозы тридцатых годов. По ним И. Гаврилов создавал трагедии «Холодный ключ», «Камит Усманов», поэму «Айни» (по-удмуртски «Сани»).

Между тем начиналась вторая мировая война. Чувство надвигающейся войны не могло не отразиться на творчестве писателей. Не потому ли они и в истории обращаются к периодам, когда наиболее отчетливо проявился героизм масс, сплочение всех народов вокруг передовой части русского народа. Такие мотивы весьма заметны и в «Осотовцах» А. Лужанина, и в пьесах И. Гаврилова о гражданской войне, и в повести Ф. Кедрова «Катя». В поэзии популярными стали стихи и песни о Красной Армии. Не случайно и стремление героя любимейшего про-

изведения удмуртских читателей – романа Петра Блинова «Жить хочется» – стать воином. Роман писался в 1939–1940 годах.

Настали дни жестоких испытаний. Один за другим уходили на фронт Филипп Кедров, Михаил Петров, Петр Блинов, Тимофей Шмаков, Игнатий Гаврилов, Степан Ширококов, Аркадий Клабуков, Филипп Александров, Николай Байтеряков – для небольшой писательской организации это совсем немало.

С первых же дней войны литература дала не только солдат, но и острые, как штык, стихи. Уже в 1941 году вышел коллективный сборник «Мы победим» и в 1943 году другой сборник – «Патриоты».

Все стихи тогда писались как бы на едином дыхании, в них выражалась ненависть к врагу и непреодолимая воля к победе. В эти годы в газетах республики печатались не только стихотворения, но и рассказы, очерки о героизме советских людей. В эти напряженные дни главным образом писались произведения малых жанров.

На войне погибли Филипп Кедров, Петр Блинов. В это суровое время окрепло творческое мастерство Тимофея Шмакова, Степана Широкова, Николая Байтерякова.

С победой над фашизмом вернулись к мирному труду и удмуртские писатели. Вскоре возможно стало и появление поэтической легенды о чистой и верной любви.

«На днях я прочел «Незабудку» Лермонтова. Вспомнил удмуртскую легенду наших краев об италмас... и решил написать... Печатать не надо, да и смысла нет, и мысли там нет, тренируюсь, как говорят, набиваю руку». Это строки из письма офицера Михаила Петрова. Но хоть и «печатать не надо», легенда волновала поэта. «А насчет «Италмас» буду ждать от тебя большое, обстоятельное письмо», – писал он А. Лужанину. Впоследствии поэма «Италмас» вдохновила композитора Г. Корепанова-Камского на создание балета. Герои легенды вышли на сцену музыкального театра и полюбились зрителю.

Но основное свое внимание писатели обратили на темы современности. И хотя продолжалась работа над романом «Старый Мултан», приводились в порядок для издания отдельными книгами военные стихи и рассказы, хотя была начата книга о гражданской войне «Во имя счастья», писатели больше внимания уделяли процессам, происходящим в деревне. Михаил Петров писал повесть «Перед рассветом», Михаил Лямин выпустил книгу очерков о современниках, Трофим Архипов издал роман «У реки Лудзинки», посвященный колхозникам военных и послевоенных лет.

Литературу этого периода отличает пафос утверждения мирного труда, главный герой ее – человек-созидатель. Пафосом созидания проникнуты и более поздние произведения Михаила Лямина (рассказы,

очерки), и роман Трофима Архипова «Стремнина» («Красота человека»), посвященный строителям Воткинской ГЭС.

Победа на войне еще раз обратила внимание писателей на дружбу народов, на роль русского народа в развитии экономики и культуры удмуртов. Михаил Петров с новых позиций пересматривает работу над темой Мултанского дела, начатую еще в тридцатых годах. В результате появился многоплановый исторический роман о трудном периоде жизни удмуртов, когда царское самодержавие обвинило их в человеческих жертвоприношениях и готовилось к широким репрессиям по отношению к малым народам Поволжья. Писателю удалось интересно показать людей из своего народа и тех представителей передовой русской интеллигенции, которые во главе с В. Г. Короленко защитили обездоленных. Роману суждена была завидная судьба – стать любимой книгой сотен тысяч читателей нашей Родины.

Тему крестьянина в революции и гражданской войне развил в двух книгах трилогии «Во имя счастья» Михаил Лямин,

И, наконец, литература взглянула на собственную историю глазами писателя Игнатия Гаврилова в трилогии «В родных краях». В этом произведении показан духовный рост крестьянского мальчика, превращение его в известного литератора.

Последние 10–15 лет дали удмуртской литературе новых способных авторов. В прозе широко известными стали повести Геннадия Красильникова. В них писатель исследует становление молодого человека. Герой его обычно действует в не совсем обычной, но довольно типичной деревенской среде. Олексан Кабышев («Старый дом», «Пустоцвет», или «Олексан Кабышев») растет в семье стяжателя, отпрыска деревенского кулака и женится на дочери такого же собственника. Чтобы стать настоящим человеком, ему приходится идти против собственной матери и жены.

Фаина Петрова, молодой врач из повести «Начало года», прежде чем выработать собственный взгляд на жизнь, попадает под влияние внешне обаятельного, хитрого карьериста и переживает гибель честного и самоотверженного старого врача. А Алеша Курбатов после школы трудным путем приходит к открытию интересных и разных по характеру людей своей же деревни.

Через характеры таких героев Геннадий Красильников сумел многосторонне показать развитие национальных особенностей удмуртского народа в наши дни. И эти особенности меньше всего выражаются в предметах одежды и быта, а главным образом – в складе мышления, в конкретных поступках героев. Образы, созданные писателем, национальны по существу (так яблоко имеет вкус яблока, с какой бы стороны его ни надкусили).

По образному складу прозе Красильникова близка поэзия Николая Байтерякова. Та же любовь к своей «малой родине», к реке по имени Варзи, то же отражение характеров в наиболее напряженные, поворотные моменты.

Байтеряков после Михаила Петрова продолжил в поэзии традицию лирического размышления, обогатив его элементами философского раздумья. Вскоре появились и последователи этого направления. Это Александр Белоногов и Даниил Яшин. Отличным от них путем идет Флор Васильев. Он в раскованном стихе интимно беседует с читателем о вопросах бытия.

Через газету пришел в литературу прозаик Семен Самсонов. Его творчество тесно связано с искусством очерка, изучением жизненного факта. Этой стороной привлекают читателя его повести «Люблю тебя» и «Запутанный клубок».

Прилив новых сил в литературу продолжается. Вместе с тем литература расширяет границы своего действия. В последние годы большими тиражами выпущены книги Трофима Архипова, Михаила Лямина, Геннадия Красильникова.

Преодолевая узость круга образов, учась говорить с маленьким читателем о серьезных вещах, на всё более широкую дорогу выходит и детская литература. Книги Аркадия Клабукова, Германа Ходырева уже печатались многотысячными тиражами на русском и других языках народов Советского Союза.

Удмуртская литература с первых дней становления была и осталась отражением, главным образом, социальных характеров. Писатели сделали немало для создания «художественной истории» народа.

Литература, оглядываясь на пройденный путь, движется вперед. Современная удмуртская литература все пристальнее ищет нового героя. Она стала внимательнее к каждой человеческой личности. Писатели понимают, что перед ними еще много нерешенных проблем. И они совершенствуют свое мастерство.

Чтоб к штыку приравняли перо // Моя республика = Мынам республикае / Глав. ред. Е. П. Никитин. - Ижевск : Удмуртия, 1967. - С. 140-149.

БИБЛИОГРАФИЯ

критических и научных работ А. А. Ермолаева

КНИГИ

1. Удмуртская историческая проза / А. А. Ермолаев. – Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1960. – 142 с.
2. Тынад эшед – поэзия : кылбурет сярись мадён / А. А. Ермолаев. – 3-т^т изд. – Ижевск: Удмуртия, 1989. – 64 с.
3. Поэзиен тодматскон : ма сярись верало кылбурьёс / А. А. Ермолаев. – Ижевск: Удмуртия, 1969. – 56 б.
4. Игнатий Гаврилов. Улэмез но творчествоез: Альбом для школ / А. А. Ермолаев. – Ижевск: Удмуртия, 1974. – 54 с.
5. Удмурт литература 9–10 классъёслы / А. А. Ермолаев, П. К. Поздеев. – Ижевск: Удмуртия, 1975, 1977; 1980; 1985.
6. Туннэ но чуказе: удмурт лит. сярись статьяос / А. А. Ермолаев. – Ижевск: Удмуртия, 1984. – 198 с.
7. Удмурт литература 10 класслы / А. А. Ермолаев, П. К. Поздеев. – 5-е изд., испр. и доп. – Ижевск: Удмуртия, 1990. – 189 б.
8. Ашальчи Оки. Улэмез но творчествоез = Акилина Григорьевна Векшина. Жизнь и творчество: пособие для учителей и учащихся / авт.-сост. А. А. Ермолаев. – Ижевск: Удмуртия, 1998. – 47 б.
9. Удмурт кыллы но литературалы дышетон программаос: V–XI кл. / дасязы: А. А. Ермолаев, Л. П. Федорова, С. Т. Ареева [и др.]. – Ижевск: Удмуртия, 2002. – 78 б.
10. Указатель к изданиям стихотворений Флора Васильева (по алфавиту удмуртских оригиналов) / сост. А. А. Ермолаев. – Ижевск: Инвожо, 2004. – 46 с.
11. Заметки непостороннего: статьи, рецензии об удмурт. лит.: публицистика / А. А. Ермолаев. – Ижевск: Инвожо, 2005. – 157 с.
12. Удмурт литературалэн азинскемез сярись статьяос / А. А. Ермолаев, П. К. Поздеев; сост.: Н. Г. Ермолаева, Е. И. Афонова. – Ижевск: Удмуртия, 2008. – 263 с.
13. Удмурт литературалы дышетон программа : V–XI классъёслы / Л. П. Фёдорова, В. Л. Шибанов, С. Т. Ареева [и др.]; огъя редакциез Л. П. Фёдоровалэн. – 2-т^т изд. – Ижевск : Удмуртия, 2009. – 42 б.

14. Удмурт литератураысь дас дано ним = Десять выдающихся имен удмуртской литературы : хрестоматия / А. А. Ермолаев, М-во образования и науки РФ, ФГБОУ ВПО "Удмуртский государственный университет", Фак. удмурт. филологии, Каф. удмурт. лит. и лит. народов России; сост.: Н. Г. Ермолаева, И. Н. Семенова; авт. рец. А. Г. Шкляев. – Ижевск: Удмурт. ун-т, 2012. – 207 б.

КНИЖНЫЕ СТАТЬИ И ПРЕДИСЛОВИЯ

1. Автор сярысь // Иванова С. С. Жингырт□сь возь выльёсын. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1961. – С. 2.

2. Предикативные наречия // Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. – С. 313–315.

3. Геннадий Красильниковлэн творчествоез сярысь к□ня ке кыл. // Т□лсыяк : роман / Г. Д. Красильников. – Ижевск : Удмурт. кн. изд-во, 1962. – С. 247–252.

4. О романе «В родных краях» и его авторе // Гаврилов И. Г. Ворд□ськем пальёсын : роман. 3-т□ кн. / И. Г. Гаврилов. – Ижевск : Удмурт. кн. изд-во, 1963. – С. 5–8.

5. Вступление в книгу // Встреча. Рассказы. – Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1963. – С. 3–4.

6. О Кедре Митрее и его произведениях // Избранное / М. Кедр. – Ижевск : Удмуртия, 1965. – С. 3–5.

7. И. Гавриловлэн поэзиез но прозаез // Удмурт литература / УАССР-ысь министрёлэн советсылэн история, экономика, лит. но кылъя науч.-исслед. ин-тэз. – Ижевск : Удмуртия, 1966. – С. 265–282.

8. Чтоб к штыку приравняли перо // Моя республика = Мынам республикае / Глав. ред. Е. П. Никитин. – Ижевск : Удмуртия, 1967. – С. 140–149.

9. В Казани – об удмуртской литературе. // День республики. 14 мая 1968г. : сб. очерков, писем, репортажей, фотографий, интервью / Сост.: А. Серов, Д. Черашняя. – Ижевск : Удмуртия, 1969. – С. 163–166.

10. Вордскем гуртэ сюрес // Красильников Г. Д. Тонэн кылысько : повесть но верос / Г. Д. Красильников. – Ижевск : Удмуртия, 1970. – С. 179–182.

11. Тема дружбы народов в удмуртской исторической прозе // Тезисы докладов научно-теоретической конференции. – Казань, 1973. – С. 43–45.

12. «От чуткого, как боль, прикосновенья...» (диалог о поэте Ф. Васильеве) // Многоцветная радуга : Лауреаты премии Комсомола Удмуртии. – Ижевск: Удмуртия, 1974. – С. 12–22. – Соавт. А. Демьянов.

13. Напутственное // Ф. Кедров. Катя. – Ижевск: Удмуртия, 1976. – С. 5–7.

14. Виль синмын учкыса // Красильников Г. Д. Арлэн кутсконэз / Г. Д. Красильников. – Ижевск: Удмуртия, 1977. – С. 253–255.

15. Слово перед книгой. Внимание к личности // Счет предъявляет время : сб. лит.-крит. ст. / сост. А. Ермолаев. – Ижевск: Удмуртия, 1977. – С. 3–6, 129–146.

16. История удмуртской советской литературы: в 2 т. / Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького АН СССР, НИИ; отв. ред.: В. М. Ванюшев, Н. Н. Воробьева, С. М. Хитарова ; редкол.: А. С. Бутолин, Ф. И. Васильев, Н. П. Кралина [и др.]; литерат. ред. А. А. Ермолаев. – Устинов: Удмуртия, 1987.1988.

17. □еч ужъёсыз асьмелы кылызы // Ашальчи Оки. Тон юад мынэсьтым: кылбуръёс, веросьёс, гожтэтъёс / О. Ашальчи; дасязы: А. Ермолаев, П. Поздеев. – Ижевск: Удмуртия, 1978. – С. 3–8. пласт

18. Судьба двух романов. // Кедр Митрей. Тяжкое иго: Роман. Пер. с удмурт. автора. / Блинов П. А. Жить хочется: Роман. Пер. с удмурт. Н. Ермолаевой. – Устинов: Удмуртия, 1978. С. 5–10.

19. Вся жизнь подвиг // Кедров, Ф. Г. Та улонлы = Этой жизни: кылбуръёс = стихи / Ф. Г. Кедров; пер. с удмурт. Г. Иванцова. – Ижевск: Удмуртия, 1979. – 127 с. С. 5–12.

20. Чебересь малпанъёс мед змалозы // Кутянова Л. Д. Чагыресь пилемъёс: кылбуръёс / Л. Д. Кутянова. – Ижевск: Удмуртия, 1980. – С. 5–6.

21. Писатель главной книги // Гаврилов И. Г. Ворд□ськем пальёсын: роман-трилогия / И. Г. Гаврилов. – Ижевск: Удмуртия, 1982. – С. 5–8.

22. Поэтлэн берпум кыр□анэз. // Васильев Ф. И. Улытозям мон улонэз кыр□ай : кылбуръёс. Составитель и автор предисловия Алексей Ермолаев. / Ф. Васильев. – Ижевск : Удмуртия, 1984. – С. 5–12.

23. Оскиз калык, оскиз страна! / Тыл пырт□ : удмурт писательёс Быд□ым Отечественной война сярысь / дасяз Л. В. Перевозчикова ; предисл. А. Ермолаевлэн. – Устинов : Удмуртия, 1985. – С. 6–8.

24. Макем юн тон, адыяи! // Кутянова Л. Д. Ваче син / Л. Д. Кутянова. – Устинов : Удмуртия, 1986. – С. 3–7.

25. А. А. Ермолаев но П. К. Поздеев. Виль улон понна // П. А. Блинов. Улэм потэ : роман / П. А. Блинов. – Устинов: Удмуртия, 1986. – С. 160–166.

26. Игнатий Гавриловлэн зарни крезез // Гаврилов И. Г. Люкам сочинениос : Куинь томен. Т. 1. Составитель и автор предисловия А. Ермолаев. / И. Г. Гаврилов. – Устинов : Удмуртия, 1986. – С. 5–18.

27. Валэктонъёс / Гаврилов И. Г. Люкам сочинениос: Куинь томен. Т. 2. // Люкам сочинениос : куинь томен. Т. 2. Пьесаос. Составитель и

автор послесловия А. Ермолаев. / И. Г. Гаврилов. – Ижевск : Удмуртия, 1987. – С. 575–578.

28. Игнатий Гаврилович Гаврилов // История удмуртской советской литературы : в 2 т. Т. 1 / Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького АН СССР, НИИ ; отв. ред.: В. М. Ванюшев, Н. Н. Воробьева, С. М. Хитарова ; редкол.: А. С. Бутолин, Ф. И. Васильев, Н. П. Кралина [и др.]. – Устинов : Удмуртия, 1987. – С. 224–240.

29. Валэктонъёс // Гаврилов И. Г. Люкам сочинениос: куинь томен. Т. 3. Вордиськем пальёсын / И. Г. Гаврилов. Дасяз но валэктонъёс гожтйз А. А. Ермолаев. – Ижевск : Удмуртия, 1988. – С. 741–743.

30. Васильев Ф. Тихие строки: Стихи / Сост. А. Ермолаев. – М.: Советский писатель, 1988. – 320 с.

31. Маин со дуно // Кедров Ф. Г. Катя : кылбуръёс но повесть / Ф. Г. Кедров. – Ижевск: Удмуртия, 1989. – С. 5–16.

32. Удмурт верос сярысь // Выль дунне = Новый мир: удмурт верос: антология. Т. 1 / дасяз Г. В. Романова; азыкылэз А. Ермолаевлэн. – Ижевск: Удмуртия, 1989. – С. 5–9.

33. Григорий Даниловлэн асьмелы ыстэм мадёнэз // Данилов Г. Д. Кырзамтэ кырзан : повести / Г. Д. Данилов. – Ижевск : Удмуртия, 1991. – С. 3–6.

34. Вақытлэн гурьёсыз : кылбуръёс, поэмаос, басняос, веросьёс, пьесаос, гожтэтъёс, статьяос / дасяз Г. П. Макаров ; ред. М. И. Федотов. Вступит. статья в соавторстве с Ф. Ермаковым, П. Поздеевым и др. – Ижевск : Удмуртия, 1992. – 316 б.

35. Ашальчи Оки (Л. Г. Векшина) // Вақытлэн гурьёсыз : кылбуръёс, поэмаос, басняос, веросьёс, пьесаос, гожтэтъёс, статьяос / дасяз Г. П. Макаров ; ред. М. И. Федотов. – Ижевск : Удмуртия, 1992. – С. 61–65.

36. Книгаез дасясьлэн лыдписьлы валэктонэз // Гаврилов И. Г. Гвардеецъёс : повесть, война вылт гождям дневник но гожтэтъёс / И. Г. Гаврилов; дасяз А. А. Ермолаев. – Ижевск: Удмуртия, 1993. – С. 231.

37. Ашальчи Оки. Пинал нылмурт туж яратэ = Узнала девушка любовь: стихи на удмурт. и в пер. на рус. яз. / О. Ашальчи ; сост. А. Ермолаев. – Ижевск : Тодон, 1994. – 74 б.

38. Васильев Ф. И. Кылбуръёс / Люказ, поттыны дасяз, азыкыл, валэктонъёс гожтэз А. Ермолаев. – Ижевск: Удмуртия, 1995. – 846 с.

39. Пётр Черновлэн повестьёсыз сярысь // Чернов П. К. Казак воргон: повестьёс / П. К. Чернов. – Ижевск : Удмуртия, 1996. – С. 473–477.

40. И душа с душою говорит // Ворончихин А. С. Седьмым я родилсь: стихи / А. С. Ворончихин. – Ижевск: Тодон, 1997. – С. 3–10.

41. Судьба поэта // Ашальчи Оки. Чыртывьесъ = Ожерелье: стихи /

Ашальчи Оки; сост. и вступ. ст. А. Ермолаева. – Ижевск: Удмуртия, 1998. – С. 7–31.

42. Кедров Ф. Г. Ваньзэ-а верай... = Все ли сказал...: кылбуръёс = стихи / Ф. Кедров; сост. А. А. Ермолаев; предисл. П. Домокоша; пер. с удмурт. Г. Иванцова; вступ. ст. Ю. Ф. Кедрова. – Ижевск: Удмуртия, 1999. – 140 б.

43. Предчувствие весны – предчувствие перемен // Покчи-Петров М. Улонэ вамышт = Дорогою в жизнь. Стихи. / Сост. А. Петрова. Предисл. А. Ермолаева. Пер. Г. Пагирев, О. Поскребышев, В. Семакин. – Ижевск: Удмуртия, 2000. – С. 7–15.

44. О творческой истории стихотворения Кузубая Герда «Мы сеем»: текстологические заметки // К изучению жизни и творчества Кузубая Герда: Сб. статей. – Ижевск, 2002. Вып. 3: Кузубай Герд и финно-угорский мир. – С. 114–120.

45. Васильев Ф. И. Стихотворения / сост., авт. предисл. и указ. А. Ермолаев. – Ижевск: Инвожо, 2003. – 664 с.

46. Поговорим не спеша вечером // Васильев Ф. И. Кытын ке но бдрэ тылбурдо = А где-то плачет птица / сост. и вступ. ст. А. Ермолаева. – Ижевск : Удмуртия, 2004. – С. 7–25.

47. Ермолаев А. А. [Михаил Коновалов] // Удмурт дунне. – 2005. – 15 июня.

48. Эшелэн гожтэмез сярысь // Данилов Г. Д. Пинал мылкыд – юмал йлпыд : повесть / Г. Д. Данилов. – Ижевск : Удмуртия, 2005. – С. 145–147.

49. Два «первых» романа (П. Блинов. «Жить хочется» и Кедр Митрей. «Тяжкое иго») // На переломе эпох: ст., стихотворения, прозаич. произведения, док.: Союзу писателей Удмуртии 70 лет (1934-2004) / сост., подгот. текста З. А. Богомоловой, В. С. Уразаевой, Г. В. Романовой. – Ижевск: Удмуртия, 2006. – С. 102–103.

50. К поэту – с открытой душой. // Перевошников С. А. Эти сточки простые мои...: стихотворения, поэма, воспоминания о писателе, посвящения... – Ижевск: Удмуртия, 2006. – С. 269–276.

51. Кылбурчилэн адонез. // Эти шёлковые строчки : стихи, рассказы, воспоминания / Ашальчи Оки, Алнашский мемориальный Дом-музей Ашальчи Оки ; сост.: М. Петрова, Л. Нянькина ; пер. с удмурт. : Л. Нянькиной, К. Герда, А. Смольникова [и др.]. – Ижевск : Удмуртия, 2011. – С. 172–189.

СТАТЬИ В ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ

1. Прощай, старый дом // Дружба народов. – 1956. – № 12. – С. 171–172.
2. Первая удмуртская повесть // Дружба народов. – 1957. – № 2 – С. 206–207.
3. Рассказы о советских воинах // Дружба народов. – 1957. – № 6. – С. 219.
4. Кылъёс ас интыязы □в□л ке... // Советской Удмуртия. – 1958. – 18 мартэ.
5. Трудное счастье // Дружба народов. – 1958. – № 8. – С. 249–250.
6. История и удмуртская проза // Молот. – 1958. – № 12. – С. 154–158.
7. Удмурт интеллигенция сярысь роман // Советской Удмуртия. – 1958. – 31 дек.
8. В родных краях // Дружба народов. – 1959. – № 4. – С. 250–251.
9. Пособие для учителя // Удмуртская правда. – 1959. – 17 окт.
10. Литературной кыл сярысь к□ня ке малпанъёс // Советской Удмуртия. – 1959. – 31 окт.
11. На сцене – герои повести «Старый дом» // Комсомолец Удмуртии. – 1959. – 18 дек.
12. Удмурт литературалэн йыгмыт вамышъёсыз // Советской Удмуртия. – 1960. – 3 нояб.
13. Литературае курыське выль даур // Молот. – 1962. – № 1. Молоты – 60, антология. Устинов: Удмуртия, 1986. – С. 103–111.
14. Поэт, драматург, прозаик // Советской Удмуртия. – 1962. – 30 мартэ.
15. Бугырес арьёс пыр – Сквозь бурные годы (о Кедре Митрее) // Комсомолец Удмуртии. – 1962. – 29 сент.
16. Вордскем шаермес, адямиез яратыса: Г. Красильниковлэн творчествоз сярысь // Советской Удмуртия. – 1962. – 6 окт.
17. Кылъёс, гуръёс, образъёс // Удмуртиысь комсомолец. – 1963. – 6 апр.
18. Тодмотэме мынон // Удмуртиысь комсомолец. – 1963. – 12 мартэ.
19. Езда в незаномое // Комсомолец Удмуртии. – 1963. – 12 март.
20. Трилогилэн кыкет□ книгаез // Советской Удмуртия. – 1963. – 22 ноября.
21. Сое калык уз вунэты // Советской Удмуртия. – 1963, 31 декабрь.

22. Мир светлых образов // Дружба народов. – 1963. – № 11. – С. 282–283.
23. Октябрёй □ош вордскиз // Удмуртиысь комсомолец. – 1963. – 26 дек.
24. Ровесник Октябры: К 50-летию со дня рождения П. А. Блинова // Комсомолец Удмуртии. – 1963. – 28 дек.
25. Котьку улос асьме п□лын // Советской Удмуртия. – 1963. – 31 дек.
26. Тынад эшед – поэзия // Молот. – 1964. – № 1. – С. 48–54.
27. Быдэ вуонлы экзамен // Удмуртиысь комсомолец. – 1964. – 27 февр.
28. Егит дыръяз кадъ ик // Удмуртиысь комсомолец. – 1964. – 17 мартэ.
29. Молодость в шестьдесят лет: К 60-летию А.Н. Клабукова // Комсомолец Удмуртии. – 1964. – 17 марта.
30. Сюресэд мед удалтоз! // Советской Удмуртия. – 1964. – 29 мартэ.
31. «Тронка» // Молот. – 1964. – № 5. – С. 29.
32. Книгае пырымтэ гуръёс // Молот. – 1964. – № 6. – С. 38–39.
33. О «зеленых юнцах» и молодых героях // Комсомолец Удмуртии. – 1964. – 1 окт.
34. Вож пиналъёс но егитъёс сярысь // Удмуртиысь комсомолец. – 1964. – 1 окт.
35. А. Суворовалэн «С□збыл зор» кылбурез сярысь // Молот. – 1965. – № 2. – С. 30–31.
36. Кы□е тон, адями? // Молот. – 1965. – № 7. – С. 43–46.
37. Поэзиын вамышъёс // Молот. – 1966. – № 3. – С. 43–46.
38. Хранит стихотворный настой... // Комсомолец Удмуртии. – 1966. – 18 окт.
39. Критерий успеха // Комсомолец Удмуртии. – 1966. – 29 дек.
40. Говорят активисты // Журналист. – 1967. – 30 сент.
41. Молодая поэзия Удмуртии // Дружба народов. – 1967. – № 5. – С. 249–251.
42. Огня в избытке молодого (о Степане Ширококове) // Комсомолец Удмуртии. – 1968. – 23 янв.
43. Эскероме та кылбурез // Советской Удмуртия. – 1968. – 26 янв.
44. Литератураез ярат□сьёслы кызыы валано поэзиез? // Дась лу! – 1968: 27 янв., 3 февр., 18 февр., 13 марта.
45. Герой, сюжет, характер // Дружба народов. – 1968. – № 10. – С. 251–254.
46. О том, что наболело: Обзор поэтической почты // Комсомолец Удмуртии. – 1968. – 12 дек.
47. Главная книга удмуртов // Литературная Россия. – 1970. – 30 окт.

48. Читателям всей страны: IX съезд писателей Удмуртии // Литературная газета. – 1971. – 26 мая.
49. Игнатий Гавриловлэн жингрес крезез. Вордскем дырысен 60 ар // Молот. – 1972. – № 3. – С. 50–52.
50. Сюрес лёгисъёс п□лысь од□гез: Кедр Митрейлэн ворскемез дырысен 80 ар // Советской Удмуртия. – 1972. – 28 сент.
51. Удмуртъяслон мусратура. // Войвыв кодзуб. – Сыктывкар. – 1972. – 11 ноября.
52. Притяжение земли. (Литературный портрет Геннадия Красильникова) // Урал. – 1972. – № 12. – С. 154–158.
53. □еч сюлэмлэн шунытэз: Ашальчи Окилы 75 арес // Дась лу! – 1973. – 5 апр.
54. Сюлэмысен кутске кыр□ан. Николай Байтеряковлы 50 арес // Молот. – 1973. – № 8. – С. 47–49.
55. Пукроков эшлы // Молот. – 1973. – № 12. – С. 49–51.
56. Рыжая и горбатая (о переводе повести С. Самсонова «Люблю тебя» С. Никитиным, опубликованной в издательстве «Советская Россия» в 1972 г.) // Дружба народов. – 1973. – № 6. – С. 275–277.
57. Большие хлопоты небольшого хозяйства (об очерке О. Поскребышева «Хозяева») // Литературное обозрение. – 1973. – № 11. – С. 15–17.
58. «Крезьме сюлэмам поныса...» // Дась лу! – 1974. – 21 февр.
59. Осконо пиед со, калыке но шаере: Дышетскисъёслы – Ф. Кедров сярсы // Дась лу! – 1974. – 6 апр.
60. Алексей Ермолаев, Анатолий Демьянов. От чуткого, как боль, прикосновенья. // Комсомолец Удмуртии. – 1974. – 21 мая; Восхождение. Ижевск: Удмуртия, 1964. – С. 22–29.
61. Ализэ вуженыз ваче син пуктыса // Дась лу! – 1974. – 6, 8 июне.
62. Рамиль Хакимов «Мост» // Литературное обозрение. – 1974. – № 6. – С. 40.
63. Ожын кыдам лирика // Дась лу! – 1974. – 3 авг.
64. «Кужымме но, сюлэмме но сёт□ тыныд...»: Игнатий Гавриловлэн творчествоез сярсы // Молот. – 1974. – № 8. – С. 25–39.
65. Выль □ардонъёс пала // Дась лу! – 1974. – 14 сент.
66. Кыр□ан-верамысь кылдэм поэма // Дась лу! – 1974. – 3 окт.
67. Туала выкыт но туалала литература // Молот. – 1974. – № 12. – С. 3–8.
68. Выль улон но выль адями: Пётр Блиновлэн сярсы // Дась лу! – 1975. – 4 янв.
69. Удмурт пужыос но кылбуръёс (Владимир Романовлэн литературной портретэз) // Дась лу! – 1975. – 4 янв.
70. Азьлане сюрес мед возматоз // Молот. – 1975. – № 1. – С. 20–21.

71. Вормись кужыме данъясь писатель. Михаил Коноваловлэн вордскемез дырысен 70 ар тырмон азын // Молот. – 1975. – № 4. – С. 45–50.
72. Кыр□ан улос // Дась лу! – 1975. – 24 апр.
73. Мастер слова: К 70-летию со дня рождения М. Коновалова // Удмуртская правда. – 1975. – 3 июня.
74. Михаил Ляминлэн творческой сюресэз // Дась лу! – 1975. – 21 июне.
75. Литератураысь образлэн секыт «ныпъетьёсыз» (Роман Валишинлэн сярсы) // Молот. – 1975. – № 8. – С. 46–50.
76. Игнатий Гаврилов. Пичи дыръя. «Печатланы дасяз Алексей Ермолаев». // Дась лу! – 1975. – 9 авг. – 25 сент.
77. «Эн вералэ, к□ня ул□ ...» // Дась лу! – 1975. – 13 сент.
78. Творческий поиск (о Гае Сабитове) // Удмуртская правда. – 1975. – 14 сент.
79. Людмила Кутяновалэн кылбуръёсыз сярсы // Молот. – 1976. – № 9. – С. 26–27.
80. Огшоры гинэ-а бен? // Молот. – 1977. – № 2. – С. 44–49.
81. «Чагыр пишт□сь шундыё дуннеосы...»: К 80-летию со дня рождения удмуртского писателя К. Герда // Молот. – 1978. – № 1. – С. 42–45.
82. Вечно будет жить среди нас (об Ашальчи Оки) // Алнашский колхозник. – 1978. – 4 апр.
83. □еч ужъёсыз асьмелы кылызы // Молот. – 1978. – № 4. – С. 41–45.
84. Лев Толстойлэн улэп традициосыз: К 150-летию со дня рождения Л. Толстого // Молот. – 1978. – № 9. – С. 42–43.
85. Дыдыксин сяьска // Молот. – 1979. – № 1. – С. 52.
86. Кылбурчилэн сюлэм шунытэз (Ф. И. Васильевлэн сярсы) // Дась лу! – 1979. – 17 февр.
87. Вся жизнь – подвиг // Алнашский колхозник. – 1979. – 13 июня.
88. Удмурт нылпиослы с□зем трилогия // Молот. – 1979. – № 6. – С. 49–51.
89. Вань улонэз – подвиг: К 70-летию со дня рождения Ф. Г. Кедрова // Советской Удмуртия. – 1979. – 21 июле.
90. А. Ермолаев, Г. Яхина. «Сётысал мон нимдэ тынэсьтыд» кылбур цикл сярсы // Молот. – 1979. – № 8. – С. 46–47.
91. А. А. Ермолаев, Д. И. Черашняя. Литератураведьёслэн выль сборниксы // Молот. – 1980. – № 6. – С. 47–48.
92. Улэпесь Галя Шишкина но Василий Захаров // Молот. – 1980. – № 9. – С. 56.
93. Литература но искусство – калыклы // Советской Удмуртия. – 1980. – 10 сент.
94. Од□г инбам улын: о В. Ившине // Молот. – 1980. – № 11. –

- С. 55–56.
95. Гажаськод-а анай кылдэ? // Советской Удмуртия. – 1981. – 26 апр.
96. Кызыы кылд□з трилогия: И. Гавриловлэн «Ворд□ськем пальёсын» трилогиез сярысь // Дась лу! – 1981. – 1 авг.
97. Туала адями улонын но литератураын // Молот. – 1981. – № 8. – С. 28–37.
98. Пероен но пы□алэн. Игнатий Гаврилов // Молот. – 1982. – № 2. – С. 17.
99. Из прозрачного родника поэзии (о творчестве Татьяны Черновой) // Комсомолец Удмуртии. – 1982. – 10 апр.
100. Т□л гурезе сюрес (Р. Валишинлэн сярысь) // Молот. – 1982. – № 1. – С. 39–42.
101. Кылбурчи, драматург, прозаик // Дась лу! – 1982. – 1 апр.
102. Мар дуно сюлмыдлы: Егит удмурт литераторьёслэн поэзизы но прозазы сярысь // Молот. – 1982. – № 6. – С. 42–44.
103. Удмурт пужыос но кылбурьёс // Дась лу! – 1982. – 25 сент.
104. Вазиськоно ке – мед кылёз куара (о Д. Яшине) // Советской Удмуртия. – 1982. – 17 нояб.
105. Дор сярысь сюлмаськыса (о Петре Чернове) // Дась лу! – 1982. – 20 нояб.
106. Инвисьёс б□рсьы инвисьёс: Александр Белоногов // Молот. – 1982. – № 11. – С. 40–42.
107. Асьме вакытлэн тодметъёсыз: Туала удмурт литература сярысь малпанъёс. // Молот. – 1982. – № 12. – С. 44–46.
108. «Ойдо, эше, мыном Бердыше!» // Советской Удмуртия. – 1983. – 1 мартэ.
109. Улон шоры сайкыт синмын // Дась лу! – 1983. – 19 марта.
110. Туж дуно лубыса кылиз // Дась лу! – 1983. – 22 дек.
111. Ошмес синмын учке шаер... // Молот. – 1984. – № 2. – С. 22–25.
112. Удмуртилэн гажано пиез. (Снимок А. А. Ермолаева: Флор Васильев с матерью Александрой Ивановной в Бердышах) // Дась лу! – 1984. – 18 февр.
113. В. Сергеевлэн веросьёсыз сярысь // Молот. – 1984. – № 4. – С. 26–27.
114. Ой, нимъёс, нимъёс... // Молот. – 1984. – № 11. – С. 33.
115. Зэмос поэт // Молот. – 1985. – № 2. – С. 112–118.
116. Куспет□ луэм кыр□ан // Молот. – 1985. – № 2. – С. 41–42.
117. Пумозяз-а быдэсмемын малпан: «Котырес □□к» съ□рын // Молот. – 1985. – № 2. – С. 39–40.
118. Виль □ардонъёс пала (о Гае Сабитове) // Дась лу! – 1985. – 14 сент.
119. Улонэн ваче син // Дась лу! – 1985. – 5, 7, 12 дек.
120. □рез выльдон: 1984–1985-т□ аръёсы потэм куать повесть пумысен малпанъёс // Молот. – 1986. – № 2. – С. 46–49.
121. Буйгасьтэм сюлэм (Пётр Чернов сярысь) // Дась лу! – 1986. – 12 июле.
122. Литература удысысь иворъёс // Молот. – 1986. – № 8. – С. 62.
123. Шаермы вадьсын – апрель т□льёс // Советской Удмуртия. – 1987. – 6 мартэ.
124. Юбилеен валче малпанъёс. Игнатий Гавриловлэн вордскем дырысен – 75 ар // Молот. – 1987. – № 3. – С. 53–56.
125. Паськыт □рлэн визылаз но вуберганъёсыз (Евгений Самсоновлэн сярысь). // Молот. – 1987. – № 12. – С. 55–56.
126. □ардон кизилимы Ашальчи Окилэн вордскем дырысен – 90 ар // Молот. – 1988. – № 4. – С. 43–44.
127. Сюлэмзэ но улонзэ сёт□з. Филипп Кедровлэн вордскемзэ дырысен – 80 ар // Молот. – 1989. – № 7. – С. 58–61.
128. «Мон улонлы □й ышты осконме...» (к 50-летию со дня рождения Ф. И. Васильева) // Советской Удмуртия. – 1989. – 18 февр.
129. Зачем же противопоставлять? // Удмуртская правда. – 1989. – 19 дек.
130. А у нас – тишь (Что такое сегодня автономия? Проблемы национальной культуры Удмуртии) // Дружба народов. – 1989. – № 5. – С. 160–162.
131. Сюрес дурьсь – сюрес вылэ // Кенеш. – 1990. – № 1. – С. 45.
132. Литературазьтымы од□г югдур сярысь // Кенеш. – 1990. – № 4. – С. 60–61.
133. А. Ермолаев (в соавторстве). Пора назвать вещи своими именами // Удмуртская правда. – 1990. – 30 авг.
134. Петр Чернов: штрихи к портрету писателя, лауреата Государственной премии УАССР-1990 г. // Удмуртская правда. – 1990. – 31 марта.
135. Мар но уг луы тулысысен с□збыльозь: П. Черновлэн «Тулысысен с□збыльозь» книгаез // Молот. – 1990. – № 9. – С. 40–42.
136. Удмурт верос сярысь // Дась лу! – 1990. – 30 нояб. – 5 дек.
137. Кыр□ан утись: Кылбурчи лыдысь фольклористы Пётр Поздеевлэ – 60 арес // Кенеш. – 1991. – № 3. – С. 23–24.
138. □в□лтэмзэ вань карытэк: Литературалы дышетоннын виль программа сярысь // Вордскем кыл. – 1992. – № 3. – С. 26–28.
139. Ермолаев А. Он первый... Литературная Удмуртия // Удмурт дунне. – 1992. – 26 сент.
140. Переделкино – Болдино □в□л... // Кенеш. – 1993. – № 6. – С. 58.
141. Литературазьтымы □ардон вакытысьтыз // Кенеш. – 1993. – № 7. – С. 53.

142. Ермолаев А.А. – Чернов П. К. Изъёс з□рьян вакыт // Ватка. – 1994. – январь.
150. Принцъёс сярисъ т□ малпаське, нылъёс: Флор Васильев сярисъ // Кенеш. – 1994. – № 2. – С. 55.
151. Критик луыны кулэ д□сьт□сь но кышкасьтэм // Удмурт дунне. – 1994. – 24 мартэ.
152. Бердышысен Ижозь, собере кыдёкысь шаеръёсы // Инвожо. – 1995. – № 2. – С. 43–46.
153. «Котырес □□к» съ□рын: (разговор за круглым столом о полнометражном художественном фильме «Тень Алангасара» и телевизионном художественном фильме «Италмас») // Инвожо. – 1995. – № 4. – С. 3–6. (Соавт.)
154. Так ли мы избавимся от преступности? // Ватка. – 1995. – май.
155. Кемагес улыны кылдысал ке... 5 июне Михаил Коноваловлэн вордскемез дырысен тырме 90 ар // Удмурт дунне. – 1995. – 5 июне.
156. Аке но паймысько // □ечбур! – 1995. – 2 тулыспал.
157. Вератэк сюлэм уг чида... Писательлы П. Черновлы – 60 // Удмурт дунне. – 1996. – 18 июле.
158. И душа с душою говорит // А. С. Ворончихин. Седьмым я родился. Ижевск: «Тодон», 1997. – С. 3–10.
159. Хоть мотылёк моя душа // Луч. – 1997. – № 1–2. – С. 67–73.
159. Туж мур но сеп кельтытэк: Никифор Павлович Павлов // Кенеш. – 1997. – № 4. – С. 18–21.
160. Кылбурчилэн ад□онэз // Инвожо. – 1997. – № 5. – С. 33–36; № 6. – С. 10–14.
161. □еч мылкыдын пумита кылбурчиез. (к 70-летию С. А. Перевощикова) // Инвожо. – 1999. – № 7–8. – С. 19–21.
162. Литературамес утыса возёно. (О К. Герде) // Вордскем кыл. – 2000. – № 4. – С. 21–28.
163. Предчувствие весны – предчувствие перемен (о лирике поэта М. Покчи-Петрова) // Луч. – 2000. – № 7–8. – С. 61–62.
164. Писательлэн сюлэм югытэз // Удмурт дунне. – 2000. – 11 май.
165. «Удморт калыклы кулэ кенешъёс», яке удмурт кылын журнал поттонлэн кутсконэз // Кенеш. – 2000. – № 7. – С. 21–23.
166. Зэм ик-а тангыра к□т□ожа // Инвожо. – 2001. – № 4. – С. 23–27.
167. Алексей Ермолаев и др. Паймыто но малпаськыто: «котырес □□к» съ□рын вераськон (Записала Л. Кутянова) // Кенеш. – 2001. – № 11–12. С. 52–56.
168. Ёыромон вакыт // Кенеш. – 2002. – № 1. – С. 70–73.
169. «Ми ум вераське, кыл вера...» // Инвожо. – 2002. – № 8–9. – С. 19–23.

170. Тынад эшед – поэзия // Инвожо. – 2002: № 10–12, С. 37–40; 2003: № 3, . 13–17.
171. Терний и звёзды поэта (о поэте Ф. И. Васильеве) // Луч. – 2003. – № 1–2. – С. 77–79.
172. Критикатэк □ечгес шат? // Удмурт дунне. – 2003. – 9 июль.
173. Шудон-маскаръяськон-а, выльзэ утчан-а... // Кенеш. – 2003. – № 7. – С. 87–97. (Соавт.)
174. Даурисъ дауре: Критика сярисъ малпанъёс // Кенеш. – 2003. – № 10. – С. 87–97. (Соавт.)
175. Малпанъёсы мынам, малпанъёсы: Флор Васильевлэн вордскемез дырысен – 70 // Кенеш. – 2004. – № 2. – С. 87–94.
176. «Я, ойдо, эше, □ус вылэ пуксьыса, дыртытэк гинэ □еч вераськом...» // Вордскем кыл. – 2004. – № 1. – С. 50–58.
177. «Уг яратскы □ышкем писпуосты...» // Удмурт дунне. – 2004. – 20 февр.
178. Тырмоз ини Геростратъёсты будэтыны // Удмурт дунне. – 2004. – 8 июне.
179. Батыр кылбурчи (к 95-летию со дня рождения Ф. Г. Кедрова) // Удмурт дунне. – 2004. – 27 июле.
180. Герман Кириллов // Луч. – 2005. – № 1–2. – С. 78.
181. Шимес но секыт вакытэ буд□з-кыдаз. (100-летию Михаила Коновалова) // Удмурт дунне. – 2005. – 15 июне.
182. Удмурт лыд□исъ сярисъ сюлмаськыса (об учителе и поэте Г. Ф. Кириллове) // □ечбур! – 2006. – 13 июле.
183. Лушкем но кушамтэ кыльёс // Удмурт дунне. – 2011. – 19 июле.
184. Вань дуннеын улон понна // Инвожо. – 2011. – № 5–6. – С. 166–168.
185. Аркадий Клабуков сярисъ // Инвожо. – 2013. – № 7. – С. 2–5.

ЛИТЕРАТУРА ОБ А. А. ЕРМОЛАЕВЕ

1. Ванюшев, В. М. Дыраз □утэмын та ужпум / В. М. Ванюшев // Советской Удмуртия. – 1959. – 20 нояб.
2. Исследование по удмуртской литературе // Комсомолец Удмуртии. – 1960. – 1 сент.
3. Клабуков, А. Н. Исторической прозамылэн сюресэз / А. Н. Клабуков // Советской Удмуртия. – 1960. – 27 сент.
4. Поздеев, П. К. Вуоноез ворд□ське туннэ / П. К. Поздеев // Молот. – 1962. – № 2. – С. 50–52.
5. Клабуков, А. Н. Сюлэм косэмъя гождяно / А. Н. Клабуков // Молот. – 1962. – № 3. – С. 34–36.
6. Баженов, Г. Лыд□исез но малпаськытоно / Г. Баженов // Молот. –

1962. – № 4. – С. 37–41.

7. Ермаков, Ф. К. □ечсэ гажаны дышетсконо; А. Ермолаевлэн статьяезлы вазиськон / Ф. К. Ермаков // Молот. – 1962. – № 7; Молотлы – 60, антология. Устинов: Удмуртия, 1986. – С. 112–121.

8. Чернов, П. К. Лучше горькая правда / П. К. Чернов // Комсомолец Удмуртии. – 1963. – 28 февр.

9. Никитина, Е. Тынад эшед – поэзия. / Е. Никитана, Н. Васильев // Советской Удмуртия. – 1964. – 29 апреля.

10. Симаков, Г. С. Поэзиез ярат□сьёслы / Г. С. Симаков // Комсомолец Удмуртии. – 1964. – 9 мая.

11. Писательёс вераськызы «Молот» журнал сярысь // Молот. – 1965. – № 9. – С. 64.

12. Яшина, Р. И. «Уз ыштэ тонэ» кылбур пумысь / Р. И. Яшина и др. // Советской Удмуртия. – 1966. – 16 февр.

13. О себе и о КПД факультета // Журналист, учебная газета факультета журналистики МГУ. – 1967. – 4 мая.

14. Поздеев, П. К. Поэзиен тодматскон / П. К. Поздеев // Советской Удмуртия. – 1970. – 29 мартэ.

15. Ванюшев, В. М. Критик сярысь малпанъёс / В. М. Ванюшев // Молот. – 1972. – № 4. – С. 36–39.

16. Ушаков, Г. А. ...весь шуккиськоз куараез / Г. А. Ушаков // Советской Удмуртия. – 1974. – 6 окт.

17. Поскребышевлэн О. А. докладсьытыз Партиен, калыкен □ош: Удмуртиысь писательёслэн X съезды // Молот. – 1975. – № 1. – С. 6–11.

18. Ушаков, Г. А. Дышет□сьёс кема витызы / Г. А. Ушаков // Советской Удмуртия. – 1976. – 11 нояб.

19. Кралина, Н. П. Куар усён толзе / Н. П. Кралина // Советской Удмуртия. – 1977. – 26 февр.

20. Зуева, А. С. О прошлом и настоящем / А. С. Зуева // Дружба народов. – 1977. – № 4. – С. 284.

21. Литература удысьсь иворъёс // Молот. – 1978. – № 11. – С. 52.

22. Литература удысьсь иворъёс // Молот. – 1979. – № 7. – С. 56.

23. Ушаков, Г. А. Туала вакытэз тодыса / Г. А. Ушаков // Молот. – 1979. – № 11. – С. 50–52.

24. Алексей Ермолаев как общественный деятель // Молот. – 1979. – № 4. – С. 56.

25. Ванюшев, В. М. Удмурт литературалэн историезья дышетскон книга / В. М. Ванюшев // Молот. – 1980. – № 9. – С. 41–42.

26. Ермолаев Алексей Афанасьевич // Писатели, художники, композиторы Удмуртии / сост. М. П. Емельянов. – Ижевск : Удмуртия, 1981. – С. 42–43.

27. Фролова, Г. Д. Удмуртская книга. История книгопечатания. Современная книга / Г. Д. Фролова. – Ижевск, Удмуртия, 1982. С. 178–

179, 187, 211.

28. Ермолаев, А. А. (цв. фото) // Молот. – 1983. – № 12. – вклад.

29. Чернов, П. К. Улонын сюрес од□г / П. К. Чернов // Молот. – 1983. – № 12. – С. 40–41.

30. 50 лет литературному критику А. А. Ермолаеву // Указатель литературы к знаменательным и памятным датам Удмуртии на 1984 год : В помощь б-кам в работе с лит.о родном крае / УРНБ им. В. И. Ленина; Отд. краевед. и нац. лит.; Сост. Л. Г. Кондратьева. – Ижевск, 1983. – С. 10.

31. Ломагин, К. А. Ермолаевлы (друж. шарж) / К. А. Ломагин // Молот. – 1984. – № 10. С. 42.

32. Ходырев, Г. А. □еч ужъёсыз – син азын / Г. А. Ходырев // Дась лу! – 1984. – 5 янв.

33. Ванюшев, В. М. Эпоха в поэзии / В. М. Ванюшев // Восхождение. Ижевск: Удмуртия, 1984. – С. 143, 149, 150.

34. Ванюшев, В. М. Литературной уж – капчи кыткет □в□л / В. М. Ванюшев // Молот. – 1986. – № 2. – С. 51–53.

35. Перевошиков, С. А. Оло зэм, оло даур (друж. шаржи). Прозоров Л. Портрет Ермолаева А. А. / С. А. Перевошиков // Молот. – 1986. – № 6. – С. 27.

36. А. А. Ермолаевлы «Удмурт АССР-ысь заслуженной ужась» дано ним сётон сярысь ... указысь // Молот. – 1986. – № 7. – С. 3.

37. Айтуганова, Л. Д. □ужась кылбур жингрес медло. Удмурт рифма сярысь / Л. Д. Айтуганова // Молот. – 1986. – № 7. – С. 44–46.

38. Волков, Э. Ку выльмод тон, критика? / Э. Волков // Молот. – 1986. – № 9. – С. 38–44.

39. Алексей Ермолаевлы. Эшлыко шаржъёс. // Молот. – 1987. – № 1. – С. 49.

40. Айтуганова, Л. Д. Яратон, яратон! Мар меда сы□е тон?.. / Л. Д. Айтуганова // Молот. – 1987. – № 4. – С. 43–44.

41. Яшина, Р. И. Счёт предъявляет время / Р. И. Яшина // Удмуртская правда. – 1987. – 28 мая.

42. Кралина, Н. П. Вамышьяно дырен □ош. Удмурт критика но литературоведение асьме нунальёсы / Н. П. Кралина // Молот. – 1988. – № 2. – С. 47–49.

43. История удмуртской советской литературы : в 2 т. Т. 2 / Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького АН СССР, Науч.-исслед. ин-т при Совете министров УАССР ; рук. авт. кол. В. М. Ванюшев ; редкол.: В. М. Ванюшев, Н. Н. Воробьева, А. Г. Шкляев [и др.]. – Ижевск : Удмуртия, 1988. – С. 237, С. 240–247.

44. Яшин, Д. А. Улонэн □ош вамышьяса / Д. А. Яшин // Молот. – 1988. – № 8. – С. 39.

45. Литературае берыктоно историезья зэмлыкес: «котырес □□к»

сь□рын вераськоньсь // Молот. – 1989. – № 3. – С. 52–59.

46. Ванюшев, В. М. Мае □з ад□ы журналист? Удмурт советской литературалэн историез пумысен / В. М. Ванюшев // Советской Удмуртия. – 1989. – 27 апр.

47. Удмуртское литературоведение // Литературная Удмуртия. 1989. С. 15.

48. Романов, В. В. «Ми озьы но тонэ ярат□м...» / В. В. Романов // Молот. – 1989. – № 8. – С. 35.

49. Романова, Г. В. Юбилейлы с□зем газет / Г. В. Романова // Молот. – 1989. – № 10. – С. 61.

50. Куликов, П. В. Туала удмурт литературалэн инвисьёсыз / П. В. Куликов, С. А. Перовошиков // Кенеш. – 1990. – № 2. – С. 4–9.

51. Ванюшев, В. М. Ошмесэз уд пытса, Кузубай Герд / В. М. Ванюшев // Инвожо. – 1990. – № 3. – С. 14.

52. Ермолаев А. А. но Романов В. В. / Фотоез Г. Юсаевлэн // Кенеш. – 1990. – № 4. – С. 2 обложки.

53. Перовошиков Семён, художник Романов Василий. Выль ар □ыт (друж. шарж) // Кенеш. – 1991. – № 1. – С. 10.

54. Митрошина, М. В. Уроке вamyштэ Флор Васильев / М. В. Митрошина // Вордскем кыл. – 1991. – № 3. – С. 66, 71, 72.

55. Ившин, В. Н. Быгыльскоз емышез... / В. Н. Ившин // Кенеш. – 1991. – № 6. – С. 3–4.

56. Богомолова, З. А. О годы юности, о сердца вдохновенье! (Алексей Ермолаев о повести Кедра Митрея «Дитя большого века», которую он включил, как первую публикацию, в сборник «Избранное»). / З. А. Богомолова // Литературная Удмуртия – спец. выпуск «Удмурт дунне». – 1992. – 26 сент.

57. Шкляев, А. П. Кинэ утё правоез утисьёс? / А. П. Шкляев // Удмурт дунне. – 1996. – 1 февр.

58. Ермолаев А. А. – критик, литературовед. Страницы биографии. Национальная библиотека Удмуртской Республики // Записала М. В. Решитько. – Ижевск, 1998. – 1 кассета «Память Удмуртии».

59. Васильев, С. Ф. Эхо в лесу : повесть об отце / С. Ф. Васильев. – Ижевск : Удмуртия, 1992. – 336 с.

60. Шкляев, А. Г. Времена литературы – времена жизни : ст. об удмурт. лит. / А. Г. Шкляев. – Ижевск : Удмуртия, 1992. – С. 191, 196.

61. Ермолаев Алексей (о себе). Кы□е ул□ськод-выл□ськод, писатель? // Кенеш. – 1993. – № 1. – С. 10, 14, 20, 36, 44, 50.

62. Домокош, П. История удмуртской литературы / П. Домокош ; пер. с венгер. В. Васовчика ; науч. ред. А. Г. Шкляев. – Ижевск : Удмуртия, 1993. – С. 165, 373.

63. Измайлова, А. С. Сайкыт визьмын, лэчыт кылын / А. С. Измайлова // Вордскем кыл. – 1993. – № 6. – С. 44–47.

64. Ермолаев Алексей Афанасьевич (о присуждении национальной премии) // Кенеш. – 1993. – № 9. – С. 4.

65. Захаров, П. М. Кедра Митрей: Дитя большого века / П. М. Захаров // Инвожо. – 1993. – №° 10. – С. 8.

66. Ермолаев, А. А. «□еч в□зысь уродзэ висъялом...» / А. А. Ермолаев; Записал К. Ломагин // Удмурт дунне. – 1994. – 5 янв.

67. Лаптев, А. М. Кинлы ке кулэ-а критика? / А. М. Лаптев // □ечбур! – 1994. – 8 янв.

68. Ермолаев, А. А., Литературамылэн улон кужымезлы оськисько / А. А. Ермолаев, П. К. Поздеев // Кенеш. – 1994. – № 1. – С. 56–60.

69. Ванюшев, В. М. Ужамедъя ачид но буд□ськод / В. М. Ванюшев, А. Г. Шкляев // Кенеш. – 1994. – № 3. – С. 16–24.

70. Шкляев, А. Г. Критик луыны кулэ д□сьт□сь но кышкасьтэм / А. Г. Шкляев // Удмурт дунне. – 1994. – 24 мартэ.

71. Чернов, П. К. Егит дыр кыр□анъёс / П. К. Чернов // Кенеш. – 1994. – № 7. – С. 43; № 8. – С. 37.

72. Айтуганова, Л. Д. Мар ке но луиз, яке туалала удмурт поэзия сярысь малпанъёс / Л. Д. Чернова // Кенеш. – 1995. – № 4. – С. 54–59.

73. Чернов, П. К. Егит дыр кыр□анъёс / П. К. Чернов // Кенеш. – 1995. – № 8. – С. 46–47, 54–58; № 10. – С. 43–46; 1996. – № 8. – С. 38–42; № 9. – С. 36–41; № 11–12, С. 53–56.

74. Пантелеева, В. Г. Быдэсмен оскон / В. Г. Пантелеева // Кенеш. – 1997. – № 7. – С. 61.

75. Христолюбова, Л. С. Ученые-удмурты : биобиблиогр. справ. / Л. С. Христолюбова. – Ижевск : Удмуртия, 1997. – С. 298–299.

76. Пантелеева, В. Г. «Нылкышно ке тон азын...»: Ф. Васильевлэн «нылкышно дуннель» с□зем кылбуръёсыз сярсы / В. Г. Пантелеева // Кенеш. – 1997. – № 3. – С. 61.

77. Перовошиков, С. А. Трос поездъёс ортчыл□зы в□зт□з. Степанида Иванова / С. А. Перовошиков // Вордскем кыл. – 1997. – № 4. – С. 41.

78. Васильев, С. Ф. Под тенью зэрпала: (дискурсивность, самосознание и логика истории удмуртов). Т. 1 / С. Ф. Васильев, В. Л. Шибанов ; науч. ред. Н. Г. Медведева. – Ижевск : Изд-во Удмурт. ун-та, 1997 – С. 201, 219.

79. Пантелеева В. Г. «Зарни» кылбурлы – «зарни» берыкт□сь / В. Г. Пантелеева // Кенеш. – 1998. – № 4. – С. 53.

80. Литература иворъёс // Кенеш. – 1998. – № 6. – С. 40.

81. «Удмурт кенеш» огазеяськонлэн исполкомеzlэн решениез (о присуждении нац. премии им. К. Герда А.М. Егорову и А.А. Ермолаеву) // Удмурт дунне. – 1998. – 19 нояб.

82. Банникова, Т. Ермолаевмы асьмелэн од□г / Т. Банникова // Удмурт дунне. – 1998. – 31 дек.

83. Алексей Ермолаев // Как молния в ночи... : К. Герд. Жизнь. Твор-

чество. Эпоха / Союз писателей УР, Комитет по делам национальностей при правительстве УР ; сост. З. А. Богомолова ; лит. обработка З. А. Богомоловой. – Ижевск : Изд-во Удмурт. ун-та, 1998. – С. 49, 385, 388, 426, 487, 677, 738.

84. Кузнецова, А. А. Ермолаевлы (эшлыко шарж); суредаз В. Романов / А. А. Кузнецова // Кенеш. – 1999. – № 1. – С. 14, 49, 54.

85. Прозоров, Л. А. А. Ермолаев – критик, литературовед, Удмурт Республикасы культура удьсысь дано ужась / Л. А. Прозоров // Удмурт дунне. – 1999. – 2 апр.

86. Кириллов, В. Г. «Годонлэн» книгаосыз, Николаева Татьяна. Кужмыз вань бере, пайдаез но мед луоз / В. Г. Кириллов // Кенеш. – 1999. – № 11–12. – С. 90–91.

87. Шкляев, А. Г. «Критик д□сьт□сь луыны кулэ...» // Вапумысь вапуме : критика: статьяос, обзорёс, диалогёс, очеркёс, портретёс, рецензиос, тодэ ваёнъёс / А. Г. Шкляев. – Ижевск : Удмуртия, 2000. – С. 80–84.

88. Шкляев, А. Г. Удмуртская Республика : энциклопедия / гл. ред. В. В. Туганаев ; ред.: К. И. Куликов, К. Н. Дзюина ; редкол.: А. М. Лисина, В. Е. Шудегов, О. И. Боткин [и др.] ; науч. ред.: А. М. Липанов, В. А. Журавлев, М. В. Гришкина [и др.]. – Ижевск : Удмуртия, 2000., 2008. – С. 315–316.

89. Ермолаева, Н. Г. Перед бедой все равны / Н. Г. Ермолаева // Герд. – 2000. – № 5. – 22 мая.

90. Лимонова, Н. Книга сузьетьёс / Н. Лимонова, Н. Пчеловодова // Кенеш. – 2000. – № 7. – С. 98.

91. Шибанов, В. Л. Неомифологиысен – этнофутуризмозь / В. Л. Шибанов // Инвожо. – 2000. – № 7–8. – С. 57.

92. Ермолаев Алексей Афанасьевич // Институт: история и современность: К 70-летию Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук: Сб. статей. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. – 2001. – С. 313.

93. Поздеев, П. К. Стихотворение не для печати // Заповеданная песня : рассказ, очерки, эссе, стихотворения / П. Поздеев. – Ижевск : Удмуртия, 2001. – С. 110.

94. Зайцева, Т. И., Ужаны туж тунсыко луиз! / Т. И. Зайцева, Л. Ф. Федорова // Кенеш. – 2001. – № 1. – С. 58–60.

95. Шибанов, В. Л. Тангыралэн к□т□ожез, яке мар понна тышкасько этнофутуризмез / В. Л. Шибанов // Инвожо. – 2001. – № 3. – С. 18–20.

96. Ванюшев, В. М. Писатель улэ асьмемьен □ош / В. М. Ванюшев // Удмурт дунне. – 2001. – 18 сент.

97. Козлов, М. М. Граховский звездопад / М. М. Козлов ; ред. О. П. Майкова. – Ижевск : Удмуртия, 2002. – 126 с.

98. Никифоров, Н. Кисьман вакыт / Вениамин Ившин гожъямьёсыз

сярысь / Н. Никифоров // Кенеш. – 2003. – № 2. – С. 98.

99. Богомолова, З. А. На службе интересам родной литературы // Богомолова З. А. Голоса эпохи : статьи, воспоминания, эссе, очерки, письма / З. А. Богомолова. – Ижевск : Удмуртия, 2003. – С. 571–575.

100. «Дитя большого века» Кедр Митрея и Алексей Ермолаев // Опаленный подвиг батыра. Жизнь и творчество Кедр Митрея : воспоминания, статьи, письма, посвящения и произведения Кедр Митрея / сост. и подгот. текста З. А. Богомоловой. – Ижевск : Удмуртия, 2003. – С. 34, 102, 114, 119, 139, 170, 210, 212.

101. Шибанов, В. Л. Ми но ум быре ай. Некоторые трактовки этнофутуризма в Удмуртии / В. Л. Шибанов // Инвожо. – 2003. – № 6–7. С. 81–83, 86–88.

103. Черашняя, Д. И. Всё будет хорошо / Д. И. Черашняя // Луч. – 2003. – № 7. – С. 5–8.

102. Шудон-маскаръяськон-а, выльзэ утчан-а... // Кенеш. – 2003. – № 7. – С. 91–96.

103. Романова, Г. В. Адымылы чеберлык кузьмам потэ / Г. В. Романова // Удмурт дунне. – 2003. – 14 нояб.

104. Ермолаев А. А. – Гаврилова-Решитько М. В. Ион музъем вылт□ вамышьясько // Удмурт дунне. – 2004. – 9 янв.

105. Ермолаев А. А. – Кутянова Л. Д. Ортчемзэ син шоры пуктыса // Кенеш. – 2004. – № 1. – С. 17–83.

106. Домокош, П. Ашальчи Оки / П. Домокош // Miert hallgat az ud-murt no? = Малы шып улэ удмурт нылкышно? – Szombathely, 2004. – I old.

107. Домокош, П. Ашальчи Оки. Малы шып улэ удмурт нылкышно? / П. Домокош // Удмурт дунне. – 2004. – 13 апр.

108. Перевозчиков, А. А. Тазы малпасько / А. А. Перевозчиков // Кенеш. – 2005. – № 2. – С. 97–99.

109. Флор Васильев – поэт со свечой в душе // Творческие биографии выпускников ГГПИ, вып. 4. – Глазов, 2005. С. 3, 5, 12, 17, 18, 59, 60–61.

110. Шибанов, В. Л. «Вурьсо бам» роман пумысен куд-ог «вурьсо» малпанъёс / В. Л. Шибанов // Кенеш. – 2005. – №° 5–6. – С. 96–97.

111. Фёдоров, Л. П. «Нет ночей без звёзд» / Л. П. Федорова // Герд. – 2005. – № 8 (77). – август.

112. Национальное книгоиздание Удмуртии : страницы истории и современность / авт.-сост. К. Н. Дзюина. – Ижевск : Удмуртия, 2005. – 200 с.

113. Пузанова, Н. Н. Непосторонним взглядом / Н. Н. Пузанова // Удмуртская правда. – 2006. – 4 апр.

114. Теракопьян, Л. А. Над картой литературы / Л. А. Теракопьян // Литературная Россия. – 2006. – 7 апр.

115. Козлов, М. М. Глаза Акилины Векшиной / М. М. Козлов // Уд-

муртская правда. – 2006. – 12 апр.

116. Ванюшев, В. М. Эпоха в поэзии // Восхождение : ст., воспоминания о Флоре Васильеве / сост. З. А. Богомоллова. – Ижевск : Удмуртия, 1984, 2006. – С. 143, 140, 150.

117. Зубов, В. Алексей Ермолаев, Нина Ермолаева: "Главное – свобода мышления, свобода поступков" / В. Зубов ; интервьюируемые: А. Ермолаев, Н. Ермолаева // Пресса и власть на уроках у свободы слова : материалы науч.-практ. конф. "300 лет российской газете. Региональная пресса. 1703 – 2003" (26 дек. 2002 г.), "10 лет спец. "Журналистика" и 5 лет журналистики УдГУ" (17 дек. 2004 г.) ; воспоминания и размышления ветеранов журналистики / УдГУ, Фак. журналистики, Каф. журналистики ; сост.: А. Г. Шкляев, А. А. Вахрушев ; отв. ред. А. Г. Шкляев. – Ижевск, 2006. – С. 164–168.

118. Богомоллова, З. А. Казань – тысячелетие великого города // На переломе эпох : ст., стихотворения, прозаич. произведения, док. : Союзу писателей Удмуртии 70 лет (1934–2004) / сост., подгот. текста З. А. Богомолловой, В. С. Уразаевой, Г. В. Романовой. – Ижевск : Удмуртия, 2006. – С. 345–356.

119. Шкляев, А. Г. Литература шоры палэнысен уг учкы / А. Г. Шкляев // Удмурт дунне. – 2006. – 3 окт.

120. Ермолаев А. А // Удмурты : история, этнография, археология : библиогр. указ. (1751 – 2000) / Нац. б-ка УР ; сост.: Е. А. Иванова, Л. Г. Кондратьева ; ред. М. В. Богомоллова ; науч. консультант В. Е. Владыкин. – Ижевск : Удмуртия, 2006. – 715 с. пп. 966, 3542, 4387, 4710, 4720, 4721, 4728, 4729, 4732–4734, 4764, 4773, 4788, 4794.

121. Положения // На переломе эпох : ст., стихотворения, прозаич. произведения, док. : Союзу писателей Удмуртии 70 лет (1934–2004) / сост., подгот. текста З. А. Богомолловой, В. С. Уразаевой, Г. В. Романовой. – Ижевск : Удмуртия, 2006. – С. 336–338.

122. 126. Ванюшев, В. М. Алексей Ермолаев / В. М. Ванюшев // Писатели и литературоведы Удмуртии: Библиографический справочник. Ижевск: Научная книга, 2006. – С. 48–49.

123. 127. Ермолаев, А. А. Страницы биографии. // Нац. библиотека Удм. Респ. – На диске. Записала М. В. Решитько. Ижевск, 2006.

124. 128. Эшмес буре вайыса (некролог) // Кенеш. – 2006, – № 10. – С. 112; фото.

125. 131. Эшьёсыз. Гожтэмез уз □ушиськы... // Удмурт дунне. – 2006. – 31 окт.

126. 132. Коллеги и друзья. Алексей Афанасьевич Ермолаев // Известия Удмуртской республики. – 2006. – 31 окт.

127. 133. Ермолаев, А. А. (некролог) // Удмуртская правда. – 2006. – 31 окт.

128. 134. Кириллов, Г. Ермолайэн Огеез... / Г. Кириллов // □ечбур! – 2006. – 23 ноябрь.

129. 135. Виноградов, С. □еч мылкыдо, небыт сюлэм, умойлэсь умой адями / С. Виноградов // Удмурт дунне. – 2006. – 1 дек.

130. 136. Ермолаева, Н. Г. Флор Васильев и Алексей Ермолаев / Н. Г. Ермолаев // Инвожо. – 2007. – № 5–6. – С. 208–213; фот.

131. 137. Кралина, Н. П. Он жил... он вернется / Н. П. Кралина // Инвожо. – 2007. – № 5–6. – С. 214–219.

132. 138. Ермолаева, Н. Г. Его света хватит на века (о Флоре Васильеве и Алексее Ермолаеве) / Н. Г. Ермолаева // Удмуртская правда. – 2007. – 10 июля.

133. 139. Ванюшев, В. М. Оло нош / В. М. Ванюшев // Инвожо. – 2007. – № 7–8. – С. 54–56.

134. 140. Теракопьян, Л. А. Прикамская пихта / Л. А. Теракопьян // Луч. – 2007. – № 9–10. – С. 83–85.

135. 141. Черашняя, Д. И. Долгий разговор с Алексеем Афанасьевичем / Д. И. Черашняя // Луч. – 2007. – № 9–10. – С. 86–87.

143. Васильев, С. Ф. Аромат полыни / С. Ф. Васильев // Луч. – 2007. – № 9–10. – С. 87–88.

144. «Асьмелы □ошен ужано луоз...» Геннадий Красильниковлэн Алексей Ермолаевлы гожтэтъёс // Кенеш. – 2008. – № 7. – С. 88–94.

145. «Дитя большого века» Кедр Митрея // Н. В. Витрук. Этнокультура: русско-удмуртские связи : избр. труды / Н. В. Витрук. – Ижевск : Удмуртия, 2007. – С. 76, 171, 303, 313, 315, 341, 343.

146. Пукроков, Ф. П. Выл□ куронъёс пуктыл□з (Алексей Ермолаевлы – 75 лет) / Ф. П. Пукроков // Удмурт литературалэн азинкемез сярись статьяос / А. А. Ермолаев, П. К. Поздеев ; сост.: Н. Г. Ермолаева, Е. И. Афонова. – Ижевск : Удмуртия, 2008. – С. 7–8.

136. 146. Шкляев, А. Г. Дышет□сьёс-писательёс но соослэн ужъёсы / А. Г. Шкляев // Удмурт литературалэн азинкемез сярись статьяос / А. А. Ермолаев, П. К. Поздеев ; сост.: Н. Г. Ермолаева, Е. И. Афонова. – Ижевск : Удмуртия, 2008. – С. 3–5.

147. Арекеева, С. Т. Удмурт литература : 10–11-т□ кл. учеб. : поттыны лэзиз Удмурт Элькуньсь Дышетонъя но наукая м-во / С. Т. Арекеева, В. Г. Пантелеева, Л. П. Фёдорова [и др.]. – Ижевск : Удмуртия, 2008. – 408 с.

148. Ванюшев, В. М. □ечбур, Алексей Афанасьевич. А. А. Ермолаеву 75 лет / В. М. Ванюшев // Кенеш. – 2009. – № 1. – С. 90–100.

149. Иванова, А. Пальпотонэз кылиз... / А. Иванова // Удмурт дунне. – 2009. – 20 янв.

150. Ермолаева, Н. Г. Удмурт Ломоносов / Н. Г. Ермолаева // Удмурт дунне. – 2009. – 3 февр.

151. Чернова, Т. Н. «Кирос атай» / Т. Н. Чернова // Удмурт дунне. – 2009. – 3 февр.
152. Ермолаева, Н. Г. Буре вайыны луэ б□рдытэк / Н. Г. Ермолаева // Удмурт дунне. – 2009. – 28 февр.
153. Ермолаев, А. А. Известный и неизвестный : воспоминания, статьи, публикации, эссе, письма : на рус. и удмурт. яз. / А. А. Ермолаев ; сост. Н. Г. Ермолаева. – Ижевск : Инвожо, 2009. – 457 с.
154. Семенова, Г. «Кышкась адямины критикаын инты □в□л» / Г. Семенова // Удмурт дунне. – 2009. – 11 март.
155. Ермолаева, Н. Г. Сезам, откройся!.. / Н. Г. Ермолаева // Удмуртская правда. – 2009. – 18 ноября.
156. Ермолаева, Н. Г. Вунонтэм дыръёз / Н. Г. Ермолаева // Кенеш. – 2009. – № 11–12. – С. 61–67.
157. Зайцева, Т. И. Удмуртская проза второй половины XX – начала XXI века: национальный мир и человек / Т. И. Зайцева, ГОУВПО "УдГУ". – Ижевск : Удмурт. ун-т, 2009. – С. 63 и др.
158. "Быть откровенным, прямым и правдивым..." / сост. М. В. Гришкина. – Ижевск : Удмуртия, 2010. – С. 20, 27–28, 67, 73, 76.
159. Теракопян, Л. А. Прикамская пихта / Л. А. Теракопян // Леонид Теракопян. Между исповедью и проповедью. Очерки о писателях стран СНГ и Балтии. Москва, Культурная революция, 2010, С. 300–306.
160. Смирнова, Е. Котькуд чурьсь куаразэс кылысько... / Е. Смирнова // Удмурт дунне. – 2010. – 10 февр.
161. Виноградов, С. Н. Чыртыгыш // Ашальчи Оки. Та буртчин чуръёсыд : кылбуръёс, веросьёс, тодэ ваёнъёс. =Эти шёлковые строчки : стихи, рассказы, воспоминания / Ашальчи Оки, Алнашский мемориальный Дом-музей Ашальчи Оки ; сост.: М. Петрова, Л. Нянькина ; пер. с удмурт. : Л. Нянькиной, К. Герда, А. Смольникова [и др.]. – Ижевск : Удмуртия, 2011. – С. 218.
162. Демьянов, А. И. Омниа меа / А. И. Демьянов // Луч. – 2011. – № 11–12. – С. 19.
163. Ермолаева, Н. Г. Чорыг лым но погмаськем пиджак. Юшков А. Гожъяськиз тушмонэз жугон вискын / Н. Г. Ермолаева // Удмурт дунне. – 2012. – 27 март.
164. Ермолаева, Н. Г. Сётэм кыл маза уг сёты / Н. Г. Ермолаева // Удмурт дунне. – 2012. – 26 июня.
165. Ермолаева, Н. Г. Плачет душа [Электронный ресурс] : [книга-воспоминание] / Н. Ермолаева. – Электрон. дан. – Ижевск: «Удмуртия». 2012. – 1 эл. опт. диск (CD-ROM)/
166. Васильев, А. Плачет душа / А. Васильев // Удмуртская правда. – 2012. – 31 июля.
167. Фёдоров, Л. П. Котькытын □ырдыт мылкыдо вал / Л. П. Федоров // Фёдоров, Л. П. Вақытлэн шокамез = Дыхание времени / Л. П. Фёдоров ; предисл. В. Г. Пантелеевой. – Ижевск : [Буква], 2012. – С. 35–36.
168. Семенова, Г. «Сы□е вал мынам Ермолаеве» / Г. Семенова // Удмурт дунне. – 2012. – 17 окт.
169. Семенова, Г. Усьтон / Г. Семенова // Удмурт дунне. – 2013. – 22 янв.
170. Ермолаева, Н. Г. Где вы, китайские друзья? / Н. Г. Ермолаева // Инвожо. – 2013. – № 7. – С. 54–55.

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЮ.....	3
РАЗДУМЬЯ ПЕРЕД КНИГОЙ.....	5
О ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СТИХОТВОРЕНИЯ КУЗЕБАЯ ГЕРДА «МЫ СЕЕМ».....	11
СУДЬБА ПОЭТА.....	18
ОБ АЛЬБОМЕ «АШАЛЬЧИ ОКИ», МНОЮ СОСТАВЛЕННОМ.....	36
РЕЦЕНЗИЯ НА АЛЬБОМ «АШАЛЬЧИ ОКИ», СОСТАВЛЕННЫЙ МИХАИЛОМ КОЗЛОВЫМ.....	37
ДВА «ПЕРВЫХ» РОМАНА.....	38
РОВЕСНИК ОКТЯБРЯ.....	44
О КЕДРА МИТРЕЕ И ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЯХ.....	45
ПОДБИТ НА ВЗЛЕТЕ.....	50
ГОРЯЧЕЕ СЕРДЦЕ ПИСАТЕЛЯ.....	53
И ПЕСНИ, И ВЕНОК СОНЕТОВ.....	59
РЕЦЕНЗИЯ НА РУКОПИСЬ СТИХОВ ГАЯ САБИТОВА В ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК.....	63
ПРЕДЧУВСТВИЕ ВЕСНЫ - ПРЕДЧУВСТВИЕ ПЕРЕМЕН.....	66
ПРОЩАЙ, «СТАРЫЙ ДОМ».....	72
О «ЗЕЛЕННЫХ ЮНЦАХ» И МОЛОДЫХ ГЕРОЯХ.....	73
ТРУДНОЕ СЧАСТЬЕ.....	77
ГЕРОЙ, СЮЖЕТ, ХАРАКТЕР.....	78
РЫЖАЯ И ГОРБАТАЯ.....	84
ПЕРВАЯ УДМУРТСКАЯ ПОВЕСТЬ.....	88
В РОДНЫХ КРАЯХ.....	89
О ПЕРЕВОДЕ РОМАНА ИГНАТИЯ ГАВРИЛОВА «В РОДНЫХ КРАЯХ», ВЫПУЩЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВОМ «УДМУРТИЯ» В 1975 ГОД ПОД НАЗВАНИЕМ «КОРНИ ТВОИ».....	92
ИЗ ДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО.....	94

РАССКАЗЫ О СОВЕТСКИХ ВОИНАХ.....	96
ЕЗДА В НЕЗНАЕМОЕ.....	98
ЭКЗАМЕН НА ЗРЕЛОСТЬ.....	101
МОЛОДАЯ ПОЭЗИЯ УДМУРТИИ.....	103
А У НАС - ТИШЬ.....	107
МИР СВЕТЛЫХ ОБРАЗОВ.....	111
«ОТ ЧУТКОГО, КАК БОЛЬ, ПРИКОСНОВЕНЬЯ...».....	114
ТЕРНИИ И ЗВЕЗДЫ ПОЭТА.....	121
ПЕТР ЧЕРНОВ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ПИСАТЕЛЯ.....	135
НЕОБХОДИМЫЕ СЕГОДНЯШНЕМУ ДНЮ ПОВЕСТИ.....	140
О ПЕРЕВОДЕ ПОВЕСТИ ПЕТРА ЧЕРНОВА «ВОЛЬНЫЙ КАЗАК» НА РУССКИЙ ЯЗЫК (ПЕРЕВОДЧИК АНАТОЛИЙ ДЕМЬЯНОВ).....	144
НАЦИОНАЛЬНОЕ – ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ В ЛИТЕРАТУРЕ И В ЖИЗНИ.....	145
ЗАЧЕМ ЖЕ ПРОТИВОПОСТАВЛЯТЬ?.....	151
ВСЯ ЖИЗНЬ - ПОДВИГ.....	153
И ДУША С ДУШОЮ ГОВОРИТ.....	155
ОГНЯ В ИЗБЫТКЕ МОЛОДОГО.....	160
«ХРАНИТ СТИХОТВОРНЫЙ НАСТОЙ...».....	161
ВЕЧНО БУДЕТ ЖИТЬ СРЕДИ НАС.....	164
ПОСОБИЕ ДЛЯ УЧИТЕЛЯ.....	166
О ТОМ, ЧТО НАБОЛЕЛО.....	168
ИЗ ПРОЗРАЧНОГО РОДНИКА ПОЭЗИИ.....	170
«ПОГОВОРИМ НЕ СПЕША ВЕЧЕРКОМ...».....	172
О ФЛОРЕ ВАСИЛЬЕВЕ.....	182
ВНИМАНИЕ К ЛИЧНОСТИ.....	191
К ПОЭТУ – С ОТКРЫТОЙ ДУШОЙ.....	202
РЕЦЕНЗИЯ НА РУКОПИСЬ А. Г. ШКЛЯЕВА «В БЕГЕ ЗА ВРЕМЕНЕМ».....	205

ОБ УДМУРТСКОЙ ПОЭЗИИ 1980 ГОДА.....	211
О СОСТОЯНИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ.....	217
ОТЗЫВЫ, МНЕНИЯ, МЫСЛИ.....	221
Отзыв о дипломной работе Г.М.Загуменновой «Традиции и новаторство в романе Г.Красильникова «Начало года» и в повести Р.Валишина «Гора ветров».....	221
Отзыв о дипломной работе Т.С.Зыкиной «Колхозно-производственный роман в отражении удмуртской критики».....	222
Отзыв о дипломной работе Н.В.Корепановой «Женская тема в поэзии Флора Васильева».....	223
Рецензия на рукопись монографии В.Г. Пантелеевой «Поэтический мир Флора Васильева».....	224
Отзыв о дипломной работе С.Ф. Васильева «Методика изучения художественного произведения. Формы повествования в прозе. Опыт комплексного анализа».....	226
Рецензия на рукопись Л.Д. Айтугановой «Удмуртское стихосложение. Вопросы развития».....	227
Рецензия на рукопись С.Васильева и В.Шибанова о творческих особенностях удмуртского народа (рукопись пока без названия).....	2285
Отзыв о повести «Песня огненной реки» и легенде «Такова моя воля» Николая Бехматова.....	232
Отзыв о дипломной работе С.В. Тихоновой «Образ лирического героя в поэзии Людмилы Кутяновой».....	235
Отзыв о дипломной работе Н. М. Светских «Лирика Флора Васильева».....	236
Рецензия на дипломную работу Л.А. Корепановой «Некоторые особенности поэтического мира Флора Васильева».....	236
Отзыв о дипломной работе Ю.М. Хомяковой «Системно-субъективный анализ цикла Флора Васильева «Именем твоим» (смерть и воскрешение героини)».....	237
Отзыв о дипломной работе О.И. Наговицыной «Опыт сравнения поэтических переводов одного оригинала (на материале переводов стихотворений Ашальчи Оки)».....	238

Отзыв о дипломной работе А. А. Семёновой «Лирика Ф.Васильева в русских переводах».....	239
Отзыв о дипломной работе А.С. Зуевой «Авторская позиция и жизненный материал».....	240
Рецензия на рукопись Владимира Патрина «Радуга семиструнная».....	241
Отзыв о дипломной работе Т. Г. Силиной «Художественные особенности ранней удмуртской прозы» (автобиографическая повесть Кедр Митрея «Дитя большого века»).....	242
РЕКОМЕНДАЦИЯ ПЕТРУ ЧЕРНОВУ.....	243
РЕКОМЕНДАЦИЯ ВАСИЛИЮ ВАНЮШЕВУ.....	244
РЕКОМЕНДАЦИЯ ВЛАДИМИРУ РОМАНОВУ.....	245
РЕКОМЕНДАЦИЯ ТАТЬЯНЕ ЧЕРНОВОЙ.....	246
РЕКОМЕНДАЦИЯ МИХАИЛУ ФЕДОТОВУ.....	247
РЕКОМЕНДАЦИЯ ЛЮДМИЛЕ КУТЯНОВОЙ.....	248
О СТИХАХ ЛЮДМИЛЫ КУТЯНОВОЙ.....	249
СРЕДНЕ – УРАЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.....	250
РАБОЧИЙ ПЛАН КУРСА СПЕЦИАЛИЗАЦИИ «Теория критики» для 351 группы филологического факультета УдГУ на 1977/78 учебный год.....	252
УЧЕБНЫЙ ПЛАН КУРСА «Литературное редактирование» для 351 группы журналистов УдГУ.....	253
УЧЕБНЫЙ ПЛАН КУРСА «Теория перевода» для 351 группы УдГУ.....	253
ПЛАН УЧЕБНОГО КУРСА «Удмуртская поэзия последних лет» для группы литераторов удмуртского отделения филологического факультета УдГУ.....	254
В Музей боевой славы.....	256
ЧТОБ К ШТЫКУ ПРИРАВНЯЛИ ПЕРО.....	257
БИБЛИОГРАФИЯ.....	266

Учебное издание

Алексей Афанасьевич Ермолаев

ОБ УДМУРТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Хрестоматия

Технический редактор М. В. Ившина
Компьютерный набор Н. Г. Ермолаевой
Верстка и оригинал-макет М. В. Ившиной

Напечатано в авторской редакции с оригинал-макета заказчика

Подписано в печать .11.13. Формат 60x84 1/16.
Печать оцветная. Гарнитура «Таймс».
Усл. печ. л. Уч.-изд.л.
Тираж 30 экз. Заказ №

Издательство «Удмуртский университет»
426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2.